

РАПП и ИНСТИТУТ ЛЯ КОМАКАДЕМИИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

2

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

1 · 9 · М О С К В А · 3 · 2

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О БАЛЬЗАКЕ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА ЭНГЕЛЬСА С МАРГАРЭТ ГАРКНЕС

Предисловие Института Маркса—Энгельса—Ленина
Комментарии Ф. Шиллера

Печатаемое ниже письмо (черновик) Энгельса к английской социалистической писательнице 80-х годов Маргарет Гаркнес нигде еще не было опубликовано; оно без даты, но, как можно заключить из ответного письма Гаркнес к Энгельсу от 5 августа 1888 г., написано оно вероятно в первых числах апреля 1888 г.

Известно, что Маркс высоко ценил художественное творчество Бальзака. По окончании «Капитала» он даже намеревался писать работу о Бальзаке. Публикуемое здесь письмо Энгельса показывает, что и он также высоко ценил Бальзака, считая его крупнейшим художником-реалистом, писателем, от которого он узнавал иногда об эпохе больше, чем «из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков, этого периода, взятых вместе».

Институт Маркса—Энгельса—Ленина

[Начало апреля 1888 г.]

Дорогая мисс Гаркнес, благодарю Вас за то, что вы послали мне Вашу «Городскую девушку» через г-на Визетелли.

Я прочел рассказ с величайшим удовольствием и жадностью. Это на самом деле, как говорит мой друг Эйхгоф, ваш переводчик, маленькое произведение искусства; к этому он добавляет (что должно Вас удовлетворить), что его перевод должен быть буквальным, потому что всякий пропуск или попытка изменения может только испортить ценность оригинала.

Что мне особенно бросается в глаза в Вашем рассказе наряду с реалистической правдивостью, это — проявление смелости настоящего художника. Не только в Вашем толковании Армии Спасения, резко расходящемся с понятиями самодовольных мещан, которые, может быть, впервые узнают из Вашего рассказа, почему Армия Спасения имеет такую опору в народных массах, но главным образом в неприкрашенной форме, в которую Вы облачаете основу всей книги — старую, старую историю пролетарской девушки, соблазненной человеком из среднего класса. Посредственность попыталась бы скрыть шаблонный характер фабулы нагромождением искусственных деталей и украшений и, тем не менее, была бы разгадана. Вы же почувствовали, что можете рассказать старую историю, потому что в состоянии обновить ее правдивостью изложения.

Ваш мистер Артур Грант — шедевр.

Если я что-нибудь могу подвергнуть критике, то это может быть только тот факт, что рассказ недостаточно реалистичен. На мой взгляд реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах. Ваши характеры достаточно типичны в тех пределах, в каких они Вами даны, но нельзя того же сказать об обстоятельствах, которые их окружают и заставляют их действовать.

В «Городской девушке» рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, даже не делающая попыток помочь себе. Все попытки вырваться из приглушающей нищеты исходят извне, сверху. (Действительно, это класс самый бедный, самый страдающий, самый многочисленный, как говорит Сен-Симон, самый бедный, униженный класс, как говорит Роберт Оуэн.)¹ Но если это было верное описание 1800 и 1810 гг., времени Сен-Симона и Роберта Оуэна, то это не так в 1887 г. для человека, который около 50 лет имел честь участвовать в борьбе воинствующего пролетариата и все время руководствовался принципом, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Революционный отпор рабочего класса угнетающему его окружению, его судорожные попытки — полусознательные или сознательные — добиваться своих человеческих прав являются частью истории и могут претендовать на место в области реализма.

Я далек от того, чтобы поставить Вам в вину, что Вы не написали чисто социалистический рассказ, «тенденциозный роман», как мы, немцы, говорим, в котором прославлялись бы социальные и политические идеи автора. Это совсем не то, что я думаю... Реализм, который я имел в виду, проявляется, даже не взирая на взгляды автора. Разрешите мне привести один пример. Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского «общества», описывая в виде хроники нравы, год за годом, с 1816 до 1848, все усиливающийся нажим поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое оправилось после 1815 г. и опять, насколько это было возможно (*tant bien que mal*), восстановило знамя старой французской политики. Он описывает, как последние остатки этого образцового для него общества постепенно погибли под натиском вульгарного денежного выскочки или были развращены им; как *grande dame*, супружеские измены которой были лишь способом отстоять себя, вполне отвечавшим тому положению, которое ей было отведено в браке, уступила место буржуазной женщине, которая приобретает мужа для денег или нарядов; вокруг этой центральной картины он группирует всю историю французского общества, из которой я узнал даже в смысле экономических деталей больше (например перераспределение реальной (*real*) и личной собственности после революции), чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе. Правда, Бальзак политически был легитимистом. Его великое произведение — непрестанная элегия по поводу непоправимого развала высшего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко симпатизирует. Единственные люди, о которых он говорит с нескрываемым восхищением, это его наиболее яркие противники, республиканские герои *Cloître Saint Merri*, люди, которые в то время (1830—1836) были действительно представителями народных масс. То, что Бальзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он в и д е л неизбежность

¹ Эти слова Энгельсом зачеркнуты.

² К этому месту Энгельс сделал на полях крайне неразборчивую приписку (см. факсимиле), не поддающуюся точной расшифровке. Она может быть прочитана, как «The more the opinions of the author remain hidden, the better for the work of art» т. е. «чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства». Однако предлагаемая редакция является предположительной. Окончательный текст может быть установлен, когда будет обнаружен оригинал письма.

[illegible]

падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти, это я считал одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака.

Я должен признать в Вашу защиту, что нигде в цивилизованном мире рабочий класс не проявляет меньшего активного сопротивления, большей пассивности судьбе, большей подавленности, чем в Ист-Энде Лондона. И почему я знаю, не было ли у Вас достаточных оснований для того, чтобы довольствоваться изображением пассивной стороны жизни рабочего класса, оставляя активную сторону этой жизни для другого произведения?

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О БАЛЬЗАКЕ И РЕАЛИЗМЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Публикуемый впервые набросок письма Энгельса к Маргарэт Гаркнес, английской социалистической писательнице 80—90-х годов, заполняет существенный пробел в еще мало разработанной теме об отношении Маркса и Энгельса к вопросам литературы и искусства, в частности к реализму и творчеству Бальзака. Из рассказов младшей дочери Маркса Элеоноры, много занимавшейся театром и литературой, а также из воспоминаний Лафарга и других, близко знавших Маркса, известно, что он очень любил и высоко ценил произведения Бальзака. Главным образом на основании этих высказываний, а также на основании работ и писем самого Маркса Меринг в своей известной биографии, где он подводит краткий итог также и литературным интересам основоположника научного социализма, пишет: «Маркс очень восторгался «Человеческой комедией» Бальзака, которая отражает, как в зеркале, целую эпоху. Он хотел по окончании своего большого труда (т. е. «Капитала») писать о Бальзаке, но этот план, как и многие другие, остался невыполненным». Что же касается Энгельса, то об его отношении к Бальзаку было очень мало известно, он упоминает его имя только один раз в письме к Марксу от 4 октября 1852 г. Появляющееся теперь в печати письмо, написанное в первых числах апреля 1888 г., т. е. через пять лет после смерти Маркса, доказывает, что взгляды Энгельса на творчество Бальзака совпадали со взглядами Маркса, и это письмо можно до некоторой степени рассматривать как заменяющее ту работу о Бальзаке, которая, к сожалению, так и не была написана Марксом, как осталась ненаписанной статья о другом любимом им поэте — Гейне. Чтобы лучше понять это чрезвычайно интересное письмо Энгельса, остановимся сперва на выяснении того круга вопросов, по поводу которых оно было написано, и тех обстоятельствах, которые Энгельс только мимоходом затрагивает, а затем на некоторых существенных пунктах, встречающихся при изучении реализма и произведений Бальзака.

I

Адресат письма Энгельса мисс Маргарэт Гаркнес принадлежала к той группе мелкобуржуазной английской интеллигенции, которая в 80-х годах примкнула к социалистическому движению; в Англии существовали тогда три группировки социалистов: «Социал-демократическая федерация» под руководством Гайндмана, «Фабианское Общество» и «Социалистическая Лига». Мисс Гаркнес входила в состав первой. Скольким бы видной активно-политической роли в социалистическом движении она не играла. Зато ее социалистические рассказы, опубликованные под псевдонимом Джон Лоу, пользовались в те годы большой известностью¹. Основные темы ее произведений: натуралистические описания бедственного положения бесцеловечно эксплуатируемых рабочих и городских молодых работниц («городских девушек») в различных отраслях производства, особенно в пролетарском квартале Лондона Ист-Энде, затем «работа» организации «Армия спасения» среди этого населения и положение рабочих во время безработицы. Больше всего Маргарэт Гаркнес интересовалась судьбой «городских девушек», — тема, весьма популярная в 80-х годах и занимавшая не только ее, но и целый ряд других социалистических писателей того времени, особенно женщин Так, Элеонора Маркс-Эвелинг, с которой мисс Гаркнес была знакома и с которой она,

¹ Гаркнес опубликовала под псевдонимом John Low следующие романы и рассказы:
I) *City girl: a realistic story.* London, Vizetelly, 1887—1889.
II) *Out of work.* London, Sonnenschein, 1888—1889.
III) *Captain Lobe: story of the Salvation Army.* London, Hodder, 1889.
IV) *Manchester Shirtmaker: a realistic story of To-day.* Anth. Co-op. Feb. 1890.
V) *In Darkest London: new and popular edition of Captain Lobe:* London, W. Kelves, Feb. 1891.

по всей вероятности, совместно работала по обследованию положения этих девушек, веда среди них пропаганду социалистических идей, организовывала забастовки и т. д. Небезызвестная, недавно умершая Анни Безант, тогдашняя социалистическая деятельница, впадшая затем в мистицизм и с 1907 г. бывшая организаторшей и руководительницей Международного теософского общества, в 80-х годах вместе с мужем также много работала среди этих девушек, и труды их разделяла и мисс Гаркнес. Так вот первым результатом этой работы и явился рассказ «Городская девушка», по поводу которого написано письмо Энгельса. Одновременно с этим рассказом мисс Гаркнес опубликовала статью на ту же тему в газете Гайндмана «Justice»¹. Подчеркивая, что «обследованием», кроме социалистов, занимаются также фабричные инспектора, духовенство и всякие благотворительные общества, ставящие себе чисто филантропические цели, Гаркнес говорит, что «взгляды работодателей и рабочих на один и тот же предмет весьма отличаются друг от друга», и приходит к выводу, типичному для этой мелкобуржуазной интеллигенции, старавшейся ко всем явлениям подходить «надпартийно»; она находит, что нужно выслушать обе стороны, а затем вывести среднее. Выясняется, что девушки заняты в 200 отраслях производства, что в некоторых предприятиях (главным образом полиграфическом, папиросном, электротехническом, парфюмерном и др.) они вынуждены работать от 8 ч. утра до 7 ч. вечера и по зарплате разбиваются на две категории: получающие от 8 до 14 и от 4 до 8 шиллингов в неделю. Но описывая ужасные условия жизни и работы девушек и их эксплуатацию, Гаркнес как в своих статьях, так и в рассказе, разбираемом Энгельсом, только делает отчет об этом положении, не указывая выхода из него. «В «Городской девушке», — пишет Энгельс в своем письме, — рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, даже не делающая попыток помочь себе. Все попытки вырваться из притупляющей нищеты исходят извне, сверху». Мисс Гаркнес трактует проблему рабочего класса с точки зрения обычной для мелкобуржуазных натуралистов 80—90-х годов, не только английских, но и немецких, французских, скандинавских и т. д. В этом рассказе мы напрасно искали бы постановки вопроса в разрезе революционным, марксистским, как это делала Элеонора Маркс, исследовавшая ту же среду, о которой Энгельс говорит: «нигде в цивилизованном мире рабочий класс не проявляет меньшего активного сопротивления, большей пассивности судьбе, чем в Ист-Энде Лондона». Но из этого еще не следует, что революционный писатель, как превосходно отмечает Энгельс, должен только фотографировать, только описывать это бедственное положение, не давая революционной направленности всему произведению. Элеонора Маркс не довольствовалась, как Маргарет Гаркнес, только констатированием, а старалась воспитывать этих рабочих и работниц Ист-Энда в классовом духе.

Этот же мелкобуржуазно-филантропический подход виден и в отношении мисс Гаркнес к «Армии спасения». Энгельс в своем письме подчеркивает важность того, что писательница раскрывает причины популярности этой буржуазно-филантропической, церковной организации у народных масс. Но опять-таки и здесь Гаркнес не до конца разглядела враждебный рабочему классу характер этой организации, что видно хотя бы из ее статьи «Армия спасения и социалисты» в «Justice»². Ей симпатичен тот факт, что «Армия» во время хозяйственного кризиса открыла множество столовых в Ист-Энде и в один день, например, пропустила через одну только столовую 4 тыс. чел. И, принимая участие в дискуссии между руководителями «Армии» и социалистами, в которой первые называли себя «служителями Христа», а социалистов «служителями людей», она вместо ясного ответа ставит путанный вопрос: «Мне не известно, что думают социалисты о членах «Армии спасения», но я знаю, что эти последние очень хорошо относятся к «служителям людей». Недавно генерал Бутс публично заявил об уважении, которое он питает к социалистам. Обеим организациям следовало бы больше работать совместно, чем это они делали до сих пор, потому что у них много общих интересов. Что касается нас, то «Армия» может дать нам хороший пример. Она никогда не раскалывалась. Это — обширный рабочий союз».

Несмотря на мелкобуржуазность идеологии и творчества Гаркнес, Энгельс считал «реалистический» подход этой писательницы весьма полезным для тогдашней социалистической пропаганды, ибо Гаркнес была, если разрешено будет употребить современный термин, «попутчиком» английского рабочего движения 80-х годов. И отношение Энгельса — как, само собой разумеется, и Маркса — к попутческим мелкобуржуазным писателям того времени весьма характерно. Признавая их заслуги перед рабочим классом, подчеркивая правильные положения, имеющиеся в их творческом методе, Энгельс, как в данном, так и в других известных нам случаях, с большой подробностью останавливается на их ошибках и так строит свою критику этих ошибок, что она может служить настоящей лекцией по воспитанию попутнического писателя, воспитанию в смысле овладения методом диалектического материализма. И не случайно, что он вместе с письмом послал Гаркнес свою вышедшую на английском языке книгу

¹ Margaret E. Harkness, *Girl Labour in the City* («Justice». The organ of the Social-Democracy, 3/III 1888).

² Margaret E. Harkness, *Salvationists and Socialists* («Justice», 24/III 1888).

«Развитие социализма от утопии к науке», — он хотел дать писательнице наилучшее изложение основ марксизма.

«Городская девушка» Гаркнес вышла, насколько нам это удалось установить, в конце 1887 г. в издании Визетелли. Как пишет Энгельс, этот издатель прислал ему — по просьбе автора — книгу для отзыва. Так как Энгельс поддерживал связь с этим издателем и впоследствии и так как Эленора Маркс была в дружеских отношениях с ним и, может быть, и устроила у него книгу Гаркнес, то необходимо сказать несколько слов и о нем.

Генри Визетелли (1820—1894) был известным в свое время английским радикальным журналистом, издателем и пионером в деле создания английской буржуазной иллюстрированной печати («Illustrated London News», «Pictorial Times» и др.). Он жил в течение семи лет (1865—1872) в Париже и написал книгу об осаде Парижа в франко-прусскую войну и во время Коммуны 1871 года¹. Он также является автором ряда беллетристических книг. С 1887 г. он был специальным корреспондентом в Лондоне и занимался главным образом переводами и изданием иностранной литературы (Флобера, Додэ, Шербулье, Гоголя, Достоевского, Толстого и особенно Золя). Кроме того он издал ряд произведений своих английских друзей-писателей, как то: Мюррея, Джорджа Мура и Гаркнес. И вот Энгельс, прочитав присланную ему Визетелли «Городскую девушку», не только пишет автору письмо с дружеской критикой, но всячески старается найти для нее переводчика на немецкий язык, чтобы сделать книгу доступной и немецким рабочим²; он с этой целью рекомендует старому другу (Маркса и его) Вильгельму Эйхгофу, автору известной книжки о I Интернационале и переводчику «Античного общества» Моргана, жившему в это время в Мюнхене, взяться за перевод.

Так как Эйхгоф должен был тогда отсидеть определенный срок в тюрьме, то там он и сделал эту работу, и Энгельс помогал ему в переводе трудных слов и терминов. В письме от 18 марта 1888 г. Эйхгоф пишет Энгельсу: «Что касается «City Girl», то само собой разумеется, что моя работа должна быть почти буквальным переводом, так как всякий пропуск или переработка лишили бы некоторой ценности этот рассказ, являющийся в своем роде маленьким шедевром. За последнее время я переписывался с И. Г. Дитцом³ в Штуттгарте, издающим «Illustriertes Unterhaltungsblatt für das Volk», и при этом случае обратил его внимание на «City Girl». Он просил меня прислать ему рукопись немедленно по окончании, и я не сомневаюсь, что он поместит рассказ в своем журнале, как только закончится печатанием роман г-жи Каутской «Виктория». Между тем остается много времени для урегулирования вопроса с гонораром, и потому я не вступаю пока в переписку с мисс Гаркнес, которой прошу передать мой почтительный поклон».

Летом 1888 г. мисс Гаркнес закончила второй роман — «Безработный», вышедший, по всей вероятности по рекомендации Энгельса, в известном лондонском социалистическом издательстве Зонненшейна, у которого издавался и сам Энгельс. И еще до выхода романа Энгельс опять рекомендует Эйхгофу перевести его на немецкий язык. В своем письме от 2 июня 1888 г. Эйхгоф пишет Энгельсу: «Дитц принял рукопись «City Girl», обусловив гонорар в 150 марок за однократное напечатание. Вещь появится в июле или августе во вновь организуемом журнале, заглавие которого будет по всей вероятности «Der Gesellschafter, Zeitschrift für die elegante Welt»⁴. Я тогда попрошу у Дитца должную экзemplаров и надеюсь, что мне удастся через посредство литературного бюро «Союза немецких писателей», членом которого я также состою, устроить этот рассказ еще в других немецких и немецко-австрийских журналах и газетах. Всегда хватит времени выпустить его потом отдельной книгой⁵. Я с благодарностью возьмусь за находящийся в печати новый рассказ, и так как по договору имею 7 месяцев на перевод «Ancient Society», то, может быть, найду возможность приняться для разнообразия и за эту работу».

Перевел ли Эйхгоф и эту книгу, нам установить не удалось, так как затем он вступил уже в непосредственную переписку с Гаркнес.

Нам, к сожалению, пока неизвестна и дальнейшая судьба самой писательницы. После 1891 г. она уже никаких самостоятельных работ не опубликовывала. Мы не могли также достать ее книг и поэтому не имели возможности установить, осуществила ли она в своем конкретном художественном творчестве те указания, которые ей дает Энгельс в своем письме. Некоторое предположение на этот счет можно сделать по ее ответному письму Энгельсу. Оно датировано «Лондон, 49, Russell street, 5 апреля 1888» и гласит:

¹ Henry Vizetelly, Paris in Peril. London, 1882, 2 тома.

² Мы останавливаемся на этих подробностях потому, что отношение Энгельса к работам мисс Гаркнес является интересной главой в истории литературной практики Энгельса.

³ Официальный издатель германской с.-д. партии.

⁴ Нам не удалось установить, в каком именно журнале был опубликован немецкий перевод «Городской девушки».

⁵ Самостоятельной книгой «Городская девушка» не вышла.

Дорогой м-р Энгельс!

Большое спасибо за Ваше письмо и за Вашу книгу. Книгу Вашу я уже прочла и снова перечту ее, даже с большим интересом, чем в первый раз.

Я всегда относилась к Вам с большим восхищением и уважением и никогда не думала, что удостоюсь получить письмо от человека, подобного Вам, помогающего создавать мировую историю.

Может быть, когда Элеонора вернется, Вы разрешите мне навестить Вас. Много из того, что Вы говорите о моей книжечке, очень справедливо, в особенности о недостатке в ней реализма.

Объяснить в письме мои затруднения в этом отношении заняло бы слишком много времени. Они возникают главным образом вследствие недостатка веры в собственные силы, мне кажется, и также вследствие моего пола. Прошу, примите мою самую горячую благодарность за Вашу доброту.

*Преданная Вам
Маргарет Э. Гаркнес.*

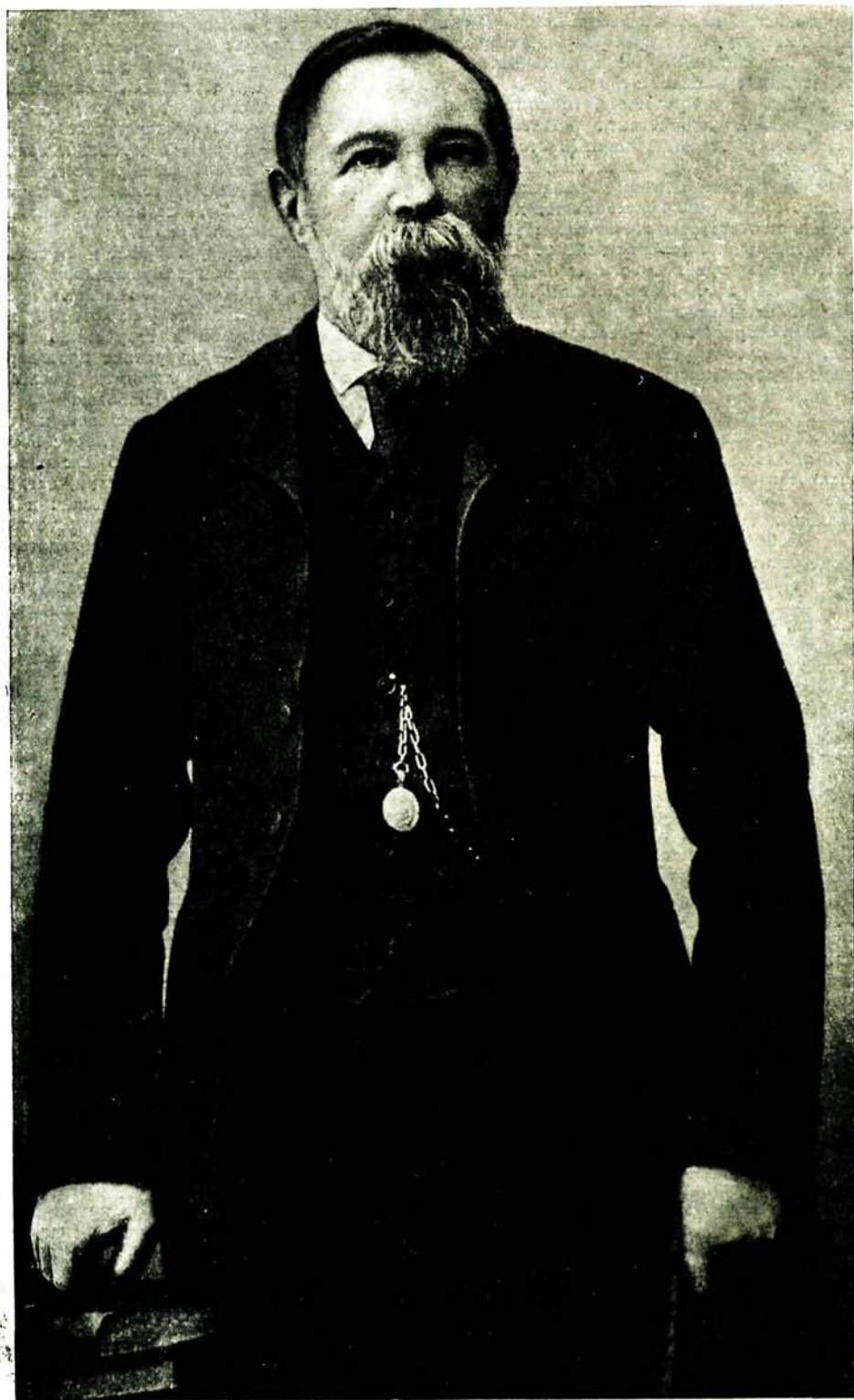
То обстоятельство, что «Безработные», написанные уже после этого письма, вышли не в радикальном, а в социалистическом издательстве, дает некоторый повод предполагать, что указания Энгельса не пропали даром¹.

II

Письмо Энгельса к Гаркнес в еще более ярких формулировках снова подтверждает положения Маркса и Энгельса о «тенденциозной», «субъективистически-идеалистической» и «объективно-реалистической» литературе, которые были затронуты ими уже в целом ряде произведений и высказаны в более систематической форме в их письмах к Лассалю по поводу его драмы «Франц фон Зикинген». «Я далек от того, — пишет Энгельс к Гаркнес, — чтобы поставить Вам в вину, что Вы не написали чисто социалистический рассказ, «тенденциозный роман», как мы, немцы, говорим, в котором прославлялись бы социальные и политические взгляды автора. Это совсем не то, что я думаю»². Здесь те же мысли о творческом методе, которые были развиты Марксом и Энгельсом в споре с Лассалем, когда они выдвигали «шекспиризирование» в противовес «шиллеризированию». Меринг, и в этом вопросе опиравшийся на Лассалю, был склонен объяснить эту «нелюбовь» Маркса и Энгельса «личными их антипатиями» и «незнанием» произведений Шиллера. На самом деле этот вопрос о Шекспире и Шиллере имел глубоко принципиальное значение. Для позднего Шиллера «герой» произведения — рупор субъективной, абстрактной «идеи», для него «борьба» выражалась в лжепафосных поединках «всемирно-исторических личностей», якобы отражающих исторические столкновения и будто бы являющихся движущими, определяющими факторами общественного развития. Шиллер, который в это время («Дон Карлос») ориентировался на просвещенного монарха, как на решение социального вопроса сверху, не видит в широких массах движущего фактора общественного развития, не замечает классовой борьбы и поэтому ищет выхода в «этическом», субъективно-моральном. Этому «шиллеризированию» Маркс и Энгельс противопоставляют реалистическое изображение исторической борьбы широких народных масс как борьбы классов так, как

¹ Из биографии Гаркнес мы пока знаем, что она была дочерью лондонского пастора и работала некоторое время в госпитале. О том, что она в течение ряда лет вращалась в кругу интимных друзей Энгельса и бывала в его доме, мы знаем из воспоминаний Эд. Бернштейна. О причинах, почему она впоследствии вместе с немецкой социалисткой Гертрудой Гильом-Шахк перестала посещать вечера в доме Энгельса, Бернштейн пишет: «Однажды Энгельс получил от г-жи Гертруды Гильом-Шахк письмо, в котором она говорит, что до тех пор, пока у него бывает д-р Эвелинг, она не может посещать его дом. Подобное же письмо получил он, когда я уже поселился на жительство в Лондоне, от высокообразованной английской социалистки, которая под псевдонимом Джона Лоу дала в форме рассказов наглядное изображение условий жизни белошвеек в Манчестере, деятельности «Армии спасения» в Инст-Энде, в Лондоне, и подобных им социальных явлений. Обе, однако, и мисс [Гаркнес], и г-жа Шахк, упорно отказывались дать Энгельсу более подробные объяснения, почему они избегают Эвелинга. Возможно, что дело идет о нанесенном Эвелингом оскорблении такого рода, о котором воспитанные дамы говорят неохотно» (Ed. Bernstein, Aus den Jahren des Exils. Erinnerungen eines Sozialisten. 5—8 Aufl., Berlin, 1918, стр. 219).

² Из этого однако ничуть не следует, что Маркс и Энгельс были против тенденциозности в литературе; нет, они были только против поверхностной тенденциозности, против «пристрастия», искажающего факты и насилующего их логику. Об этом как нельзя лучше свидетельствует их отношение к насковью революционно-«тенденциозной» поэзии Гейне, Гервега и Фрейлиграта. Маркс и Энгельс говорили, что все великие писатели, начиная от Аристофана и кончая Гейне, были насковью тенденциозны, но что тенденция должна подсказываться самим произведением.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

С фотографии (конца 80-х гг.), хранящейся в Музее Маркса и Энгельса

она действительно происходила; они требуют такого изображения этой борьбы в литературе, которое вскрыло бы действительные движущие силы и историко-классовые конфликты, а не ограничивалось субъективно-риторическим пафосом. И если Маркс видит элементы такого подхода в методе Шекспира и требует от Лассалю большего «шекспирирования», то Энгельс в своем письме к Лассалю от 18 мая 1859 г. подчеркивает, «что человек характеризуется не только тем, что он делает, но и тем, как он это делает. И с этой стороны, — продолжает он, — идейное содержание драмы не потерпело бы, думается мне, никакого ущерба, если бы отдельные характеры были несколько резче противопоставлены друг другу. Характеристики в стиле древних в наше время уже недостаточно, и здесь вы могли бы, я думаю, без вреда немножко больше посчитать с значением Шекспира в истории развития драмы»¹.

Повторяем, противопоставление Шекспира позднему Шиллеру у Маркса и Энгельса не случайно; тут вопрос идет о двух творческих методах в буржуазной литературе: о субъективистическом идеализировании, искажающем в наибольшей степени объективный ход классовой борьбы, и о таком реализме, который вскрывает — насколько это вообще возможно буржуазным творческим методом, ибо и этот реализм в конечном итоге идеалистичен, — внутренние противоречия капиталистического развития. И опять-таки не случайно, что любимые писатели Маркса: Гомер, Данте, Сервантес, Шекспир, Дидро, Фильдинг, Гете и Бальзак.

В этот список мировых имен они до некоторой степени включали и Диккенса, и других менее значительных реалистических писателей. Так, например, Маркс в одной статье в «Нью-Йоркской Трибуне» от 1 августа 1854 г. пишет об английских реалистах этого времени: «Современная блестящая школа романистов в Англии, наглядные и красноречивые описания которой разоблачили миру больше политических и социальных истин, чем это сделали все политики, публицисты и моралисты, вместе взятые, изображала все слои буржуазии, начиная «достопочтенным» рантье и обладателем государственных процентных бумаг, который сверху вниз смотрит на все виды «дела» как на нечто вульгарное, и кончая мелким лавочником и подручным адвоката. И как обрисовали их Диккенс, Теккерей, Шарлотта Бронте и г-жа Гаскель! Полными самознания, чопорности, мелочного тиранства и невежества, и цивилизованный мир подтвердил их вердикт клеймящей эпиграммой, припиленной к этому классу, что он угодлив по отношению к стоящим выше и деспотичен по отношению к стоящим ниже». Именно это смелое, откровенное раскрытие внутренних противоречий, присущих капиталистическому обществу, это «срывание масок» Маркс и Энгельс и ценили так высоко в буржуазном и мелкобуржуазном реализме. Это правдивое изображение общественных противоречий капитализма, эту большую познавательную способность буржуазной реалистической литературы — вот что они считали огромным преимуществом этой литературы перед литературой «субъективно-идеалистической», и вот почему они призывают социалистических писателей своего времени учиться кое-чему у Бальзака. Не нужно, однако думать, будто Маркс и Энгельс оценивают творческий метод Дидро, Бальзака или Диккенса как метод диалектического материализма, метод пролетарской литературы. Нет, оценка творчества Бальзака Энгельсом ясно показывает, что вопрос идет именно об исторической параллели, что пролетарский художник должен, исходя уже из метода диалектического материализма, дать изображение борьбы рабочего класса с капитализмом с такою же реалистической силой, как это сделал Бальзак своим методом буржуазного реализма для изображения борьбы буржуазии с дворянством. «Бальзак, — пишет он, — которого я считаю гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества», описывая в виде хроники нравы, год за годом, с 1816 до 1848, все усиливающийся нажим поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое оправилось после 1815 г. и опять, насколько это было возможно (*tant bien que mal*), восстановило знамя старой французской политики. Он описывает, как последние остатки этого образцового для него общества постепенно погибли под натиском вульгарного денежного выскочки или были развращены им; как *grande dame*, супружеские измены которой были лишь способом отстоять себя, вполне отвечающим тому положению, которое ей было отведено в браке, уступила место буржуазной женщине, которая приобретает мужа ради денег или нарядов; вокруг этой центральной картины он группирует всю историю французского общества, из которой я узнал даже в смысле экономических деталей больше (например, перераспределение реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых». Это определение удивительно напоминает вышеприведенную оценку Марком английской школы реалистов. Да и те места в «Капитале», где Маркс приводит высказывания Бальзака, подтверждают сходство его взглядов со взглядами Энгельса. Так, в первом томе «Капитала», где Маркс говорит о том, что изъятие денег из сферы обращения было бы прямою противоположностью их капиталистическому употреблению,

¹ «Der Briefwechsel zwischen Lassalle und Marx...» hrsg. von G. Mayer, Stuttgart — Berlin, 1922, стр. 179—184.

а накопление товаров в смысле собирания сокровищ — чистой бессмыслицей, он делает примечание: «Так у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скудости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже вставшим в детство в тот период, когда он начинает собирать в своих кладовых накопленные товары». А в первой главе третьего тома «Капитала», где говорится об издержках производства и о прибыли и подчеркивается, что при общественном состоянии, в котором господствует капиталистическое производство, даже некапиталистический производитель подчиняется капиталистическим представлениям, Маркс опять-таки в качестве иллюстрации ссылается на Бальзака и пишет: «В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще замечательный по глубокому пониманию реальных отношений, метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы для своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего и не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев зараз. Он избавляется от затрат на заработную плату и все больше и больше опутывает петлями ростовщической сети крестьянина, которого все быстрее разоряет отвлечение от работ на собственном поле...» Об этой удивительной осведомленности Бальзака в сфере экономических знаний Маркс упоминает еще раньше в письме к Энгельсу от 14 декабря 1868 г., где он пишет: «В «Приходском священнике» Бальзака написано следующее: «Если бы продукты промышленности не имели стоимости вдвое больше, чем стоимость их изготовления, то торговля не существовало бы». Что ты скажешь на это?» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 146).

III

При этой высокой оценке творчества Бальзака ни Маркс, ни Энгельс не закрывали глаза на тот факт, что Бальзак был по своему мировоззрению роялистом и легитимистом, т. е. сторонником королевской власти. «Правда, — пишет Энгельс, — Бальзак политически был легитимистом. Его великое произведение — непрестанная элегия по поводу непоправимого развала хорошего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко симпатизирует. Единственные люди, о которых он говорит с нескрываемым восхищением, это его наиболее яркие антагонисты, республиканские герои Cloître Saint Merri, люди, которые в это время (1830—1836) были, действительно, представителями народных масс. То, что Бальзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего, там, где в это время их только можно было найти, — это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака». В этом же духе пишет Маркс Энгельсу в письме от 25 февраля 1867 г.: «Кстати о Бальзаке: советую тебе прочесть его «Неведомый шедевр» и «Примирившийся Мельмотт». Это два маленьких шедевра, полных прелестной иронии» (Соч., т. XXIII, стр. 396).

Эта оценка мировоззрения и художественного творчества Бальзака со стороны Маркса и Энгельса имеет чрезвычайно важное методологическое значение: они не отрицают Бальзака-мыслителя от Бальзака-художника, не противопоставляют субъективному мировоззрению художника объективности его изображения, как это делали и делают многие критики II Интернационала и буржуазные литературоведы. Энгельс считает реализм Бальзака революционным, потому что Бальзак, несмотря на свои легитимистические симпатии, видел неизбежность гибели дворянства и видел настоящих людей будущего, «представителей народных масс» 1830—1836 гг. А мелкобуржуазные писатели, как Гюго и Золя, т. е. и «романтик», и «натуралист», объясняют это противоречие между Бальзаком-мыслителем и Бальзаком-художником либо чисто субъективным, либо бессознательным моментом. Так, Гюго говорит о Бальзаке: «У этого великого человека демократическое сердце и демократический мозг. Его монархизм был, в сущности говоря, лишь причудой. Спустя короткое время он сам перешел бы на сторону прогрессивных принципов демократии». А Золя, который считал себя «духовным сыном» Бальзака, правильно указывая на революционную функцию творчества своего учителя, все же не понимает причины этой функции, когда он пишет: «Несмотря на проявляющееся при всех обстоятельствах уважение к монархии, Бальзак и его восторженных друзей только в рядах тех, кто вместе с новым поколением защищает свободу». Неправильное истолкование этого решающего, интересующего нас здесь вопроса о Бальзаке — мыслителе и художнике — дают и критики II Интернационала на Западе как довоенного, так и послевоенного. Обычно эти критики делают Бальзака «революционером», даже «социалистом», волей-неволей, независимо от его мировоззрения, отрывают мыслителя от художника и почти все рассуждают таким образом: по мировоззрению Бальзак был реакционером, а по своему художественному творчеству — бессознатель-

но — он был революционером и даже социалистом. В основе такого неправильного, немарксистского подхода к искусству лежит очень распространенное и в довоенной критике II Интернационала понимание творческого процесса художника как подсознательного, интуитивного, «неконтролируемого» сознательным мировоззрением. Вот исходя из такого понимания искусства и творческого метода, Роберт Бернье мог считать Бальзака социалистом и, в частности, расценивать его произведения «Приходской священник» и «Сельский доктор» как «абсолютный и чистый социализм»¹. К этой же «революционной подсознательности» фактически сводится и оценка творчества Бальзака в статье Жана Мелья², который считает Бальзака «деклассированным человеком в мире аристократии и роялистической партии». Другие, особенно же радикально-мелкобуржуазные критики, стараются устранить противоречие в творчестве Бальзака, приводя всяческие цитаты в доказательство того, что Бальзак был революционером и по своему мировоззрению, что его монархические симпатии — «чуждые странности», и больше ничего!

Было бы, конечно, ошибкой полагать, что Бальзак только дворянский писатель или только правоверно-католический глашатай церкви и трона; а эта оценка тоже довольно часто встречается в реакционной критике. Но Энгельс, повторяем, совершенно правильно замечает, что Бальзак по своему мировоззрению был легитимистом и что его симпатии в значительной степени принадлежали дворянству. Молодой Бальзак, выходец из разночинной интеллигенции (сын адвоката), отправился, как молодой Сорель в знаменитом романе его современника Стендаля «Красное и черное», из провинции в Париж, движимый основною страстью поднимающейся буржуазии того времени, страстью к деньгам, к наживе и богатству, к славе. Лозунгом молодого Бальзака было: «Что не удалось Наполеону совершить мечом, то я выполню пером». Правда, в первое время его постигало немало неудач на коммерческом поприще, но вскоре он все же утвердился в французской литературе как «Наполеон пера». В своей так высоко ценимой Марксом и Энгельсом серии романов «Человеческая комедия», особенно в разделе «История нравов» (92 романа), он подходит к социальной действительности не романтически, не субъективно-идеалистически, не выдвигает личности автора на первый план, не делает своих «героев» рупорами «духа времени», а в чрезвычайно реалистическом, аналитическом, исследовательском плане дает широкое полотно этой социальной действительности. Задачей «Исследования нравов», по его словам, является «изображение всей социальной действительности, не обходя ни одного положения человеческой жизни, ни одного типа, ни одного мужского или женского характера, ни одной профессии, ни одной житейской формы, ни одной социальной группы, ни одной французской области, ни детства, ни старости, ни зрелого возраста, ни политики, ни права, ни военной жизни. Основа — история человеческого сердца, история социальных отношений. Не выдуманные факты, а то, что везде происходит». Но Бальзак не ограничивался собиранием фактов, и хотя в предисловии к «Человеческой комедии» он и говорит, что «французское общество само создает свою историю», а он только его «секретарь, записывающий ее», он далеко не ограничивается «объективной» ролью «наблюдателя», а вскрывает причины этой «истории» и дает «типизированные индивидуальности» и «индивидуализированные типы» буржуазии и старого дворянства. Если бы Бальзак только устанавливал факты и давал бы только «реалистические характеры» общества своего времени, его произведения мало бы отличались от «Городской девишки» мисс Гаркнес, и Энгельс вряд ли выдвигал бы его метод как образец реалистического творчества. Нет, у него помимо фактов есть еще то, чего нет у мисс Гаркнес, а именно, по выражению Энгельса, «кроме правдивости деталей верность передачи типичных характеров и типичных обстоятельств», т. е. и типичные «обстоятельства, которые их окружают и заставляют их действовать». Бальзак изобразил своих «героев» именно так, как Энгельс этого требовал в своем письме к Лассалю, говоря, «что человек характеризуется не только тем, что он делает, но и тем, как он это делает». Бальзак за фактами, за тем, «что везде происходит», вскрывает и кулисы, и механизм общественной жизни. И тут он как писатель утверждающейся буржуазии понимал и знал, что основным стержнем классовой борьбы его времени была победа буржуазии над землевладельческой и родовой аристократией и что ключ к этой побе-

¹ Robert Bernier, Balzac Socialiste («La Revue socialiste», XV 1892, стр. 598.) Из других статей критиков II Интернационала см.: Hermann Wendel, Balzac («Soz. Monatshefte» IX (1905), стр. 1037—1042); Franz Clement, Balzac (там же, XIII (1909), стр. 583—593); P. C. Korth, Balzac (там же, XXVIII (1922), стр. 736—738); Ch. Bonnier, Les Paysans de Balzac («L'ère Nouvelle» 1894, t. II, стр. 139—147); C. F. W. Behl, Balzac («Die Glocke» XI, I (1925), стр. 663—665); Jacques Bonhomme, Balzac (The Social-Democrat, vol. IX (1905), стр. 24—29). Из статей современных социал-фашистов можно указать на газетную статью вождя II Интернационала Эмиля Вандервельде, воспользовавшегося случаем и при этом оклеветать Советский союз (Emile Vandervelde. Karl Marx et Balzac, «La Wallonie», Liège, 25/III 1931).

² Jean Melia, Balzac, der Revolutionär («Soz. Monatshefte» 1899 Heft 8, стр. 399) и его же, Balzac révolutionnaire («La Revue Socialiste», t. XXIX, 1899, стр. 591—604).

оно также уничтожит тех, кто его вызвал». Это тяготение Бальзака к мирному сожигательству с дворянством объясняется настроениями той части французской буржуазии 1815—1848 гг., которая с победой финансово-биржевой буржуазии 1830 г. переживала кризис и противопоставляла режиму Луи-Филиппа дворянско-буржуазный блок доиюльской французской монархии, под сенью которой развивалась «старая, честная торговая буржуазия», а также и промышленная буржуазия в противовес финансистам-биржевикам. В. М. Фриче в своем «Очерке развития западных литератур» пишет, что Бальзак был «идеологом старой купеческой буржуазии и потому врагом воцарившейся после 1830 г. буржуазии финансовой и всего социально-политического режима Июльской монархии, построенной на финансовом капитале. Этим определением далеко не исчерпывается все содержание мировоззрения Бальзака и его отношения к различным группировкам французской буржуазии того времени. Он во всяком случае в целом — буржуазный идеолог и буржуазный художник, и недаром его «Человеческая комедия» попала в список запрещенных книг Ватикана как восхваление науки и «очернение религии».

IV

Энгельс в письме к мисс Гаркнес считает творческий метод Бальзака образцом реалистического творчества. Это, конечно, не значит, что пролетарский писатель должен копировать Бальзака. Вопрос здесь в исторической параллели, а именно: пролетарский писатель в своем творчестве (здесь Энгельс подразумевает изображение борьбы рабочего класса с буржуазией в 80-х годах) должен с такой же реалистической силой живописать борьбу пролетариата с буржуазией, как это сделал полвека назад Бальзак, рисуя классовые бои между буржуазией и дворянством. И Энгельс, если не буквально, то по существу, указывает, что пролетарский писатель должен быть вооружен методом диалектического материализма, а не бальзаковским методом буржуазного реализма. Одним из существеннейших недостатков «Городской девушки» Гаркнес Энгельс считает то, что автор рассказа изображает рабочий класс «как пассивную массу, неспособную помочь себе, даже не делающую попыток помочь себе», и что «все попытки вырваться из притупляющей нищеты исходят извне, сверху». И он прибавляет: «Но если это было верное описание 1800 и 1810 гг., времени Сен-Симона и Роберта Оуэна, то это не так в 1887 г. для человека, который около 50 лет имел честь участвовать в борьбе воинствующего пролетариата и все время руководствовался принципом, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса». Ясно, что эту борьбу пролетариата не может изобразить буржуазный писатель вроде Бальзака с его творческим методом, ибо классовая борьба рабочих с буржуазией отличается от борьбы буржуазии с дворянством, и если буржуазия исходила из одних идеологических установок, лучшим образцом которых является творческий метод Бальзака, то пролетариат вооружен другим несравненно высшим мировоззрением — диалектическим материализмом, создавшим свой творческий метод. Маркс и Энгельс, повторяем, видели в творческом методе Бальзака, вскрывающем внутренние противоречия капиталистического развития, наивысшее достижение революционного буржуазного реализма, и Энгельс считал Бальзака «гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего», именно потому, что реализм Золя являлся уже в большей степени реализмом примирительным, искажающим реальные движущие силы классовой борьбы, особенно во второй половине творчества Золя, в период обострения борьбы пролетариата с буржуазией.

Письмо Энгельса к мисс Гаркнес еще раз подтверждает правильность постановки Марксом, Энгельсом и Лениным вопроса о культурном наследстве прошлого; оно приобретает особый интерес и для вопроса о том, чему мы должны учиться у классиков, и для подтверждения правильности ряда творческих лозунгов РАПП. Из оценки творчества Бальзака, данной Энгельсом, вытекает, что среди литературных классиков буржуазии он должен занимать одно из первых мест, ибо, как пишет Энгельс, «то, что он видел настоящих людей будущего... это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака».

Ф. Шиллер

ЗАБЫТАЯ СТАТЬЯ ПОЛЯ ЛАФАРГА О РОМАНЕ ЗОЛЯ «ДЕНЬГИ»

Предисловие В. Гоффеншефера

ПОЛЬ ЛАФАРГ О РЕАЛИЗМЕ И НАТУРАЛИЗМЕ

I

«Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контрреволюции...»¹

Эти слова, произнесенные В. И. Лениным на похоронах Лафарга (1911 г.), вытекают из учета Лениным всей деятельности одного из передовых представителей пролетарского революционного движения.

Необходимо учесть то, что речь Ленина была произнесена тогда, когда большевистская партия имела уже многолетний опыт борьбы как с русскими меньшевиками, так и с международным оппортунизмом в лице виднейших представителей и теоретиков II Интернационала (Каутский, Плеханов и др.). Это обстоятельство делает высокую оценку, данную Лафаргу Лениным, особенно значительной при анализе творчества и деятельности Лафарга.

«В лице Лафарга, — говорит о нем Ленин, — соединялись — в умах русских с.-д. рабочих — две эпохи: та эпоха, когда революционная молодежь Франции с французскими рабочими шла, во имя республиканских идей, на приступ против Империи, — и та эпоха, когда французский пролетариат, под руководством марксистов, вел выдержанную классовую борьбу против всего буржуазного строя, готовясь к последней борьбе с буржуазией за социализм»².

Лафарг не сформировался сразу как марксист. Он пришел к марксизму после того, как последовательно преодолел либерализм, прудонизм и бланкизм. К тому моменту, когда молодой студент-медик Лафарг участвовал в революционных студенческих выступлениях, проходящих под флагом прудонизма и бланкизма, марксизм завоевал уже прочное место в международном революционном движении. Между тем Лафарг ничего или почти ничего не знал ни о Марксе, ни о его учении. Он не знал и о том, что основоположник пролетарской революционной теории еще задолго до того, как Лафарг с ним познакомился, разоблачил в своей «Нищете философии» бесплодность, мелкобуржуазность и реакционность тех теорий, которые исповедывал анархистствующий студент. И лишь в середине 60-х годов, когда Лафарг начал разочаровываться в возможности бороться методами Прудона и Бланки против Второй Империи и буржуазии, лишь тогда, когда он в Лондоне (куда эмигрировал после первой тюремной отсидки и исключения из университета) знакомится с Марксом и с его учением, он начинает пересматривать свои прудонистско-бланкистские позиции.

Процесс отхода от этих позиций был мучителен. Лишь после длительных бесед-дискуссий между «старым мавром» и «несносным медицинским креолом», дискуссий, в которых темпераментный Лафарг отчаянно цеплялся за ускользавшую из-под его ног анархистскую платформу, лишь после длительной переоценки ценностей «прудоновский

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XV, изд. 3-е, стр. 264.

² Там же.

правовой» (как называет Лафарга Маркс в одном из своих писем к Энгельсу) становится одним из самых ярких последователей Маркса и горячим популяризатором его идей.

В области философии марксизма Лафарг себя мало проявил. Его философская концепция страдает рядом недостатков, свидетельствующих о том, что в вопросах гносеологии и исторического материализма он часто соскальзывал с позиций марксизма на позиции механицизма и эволюционизма. Это не могло не отразиться и на практической — революционной и исследовательской — деятельности его, т. е. на том, чем в основном ценен для развития пролетарского революционного движения Лафарг.

«Лафарг всегда был любителем парадоксов», сожрушенно вздыхает о нем Карл Каутский. Схоласту Каутскому не были понятны те подлинно диалектические «парадоксы», которые часто высказывал горячий в повседневной революционной борьбе Лафарг. Но доля правды в этих словах есть: многие из лафарговских парадоксов действительно были далеки от диалектического материализма и марксистской революционной теории. Но Каутскому эти парадоксы казались особенно непонятными и неприятными не столько потому, что они свидетельствовали об отступлении в том или ином случае от ортодоксального марксизма, сколько потому, что эти отступления шли не по тому пути, по которому отступал от революционного марксизма сам Каутский.

В то время как Каутский и иже с ним неуклонно скатывались и скатились вправо, к оппортунизму и ренегатству, и стали союзниками буржуазии в борьбе последней с пролетариатом, Лафарг в отдельных случаях совершал по преимуществу «левые» ошибки, вызванные у него рецидивами анархизма. Возглавляя левое крыло французской рабочей партии, борясь с ренегатами и оппортунистами, он до конца жизни остался верен интересам пролетариата. В этом коренное отличие Лафарга от центристов II Интернационала, и это должно быть учтено при оценке деятельности Лафарга и при выяснении вопроса об использовании нами его литературного наследия, в частности его работ о художественной литературе.

«Левизна» ошибок Лафарга ни в какой мере не снимает необходимости жесткой критики и пересмотра его наследия с точки зрения марксизма-ленинизма. Но без учета указанного выше своеобразия отступлений Лафарга от ортодоксального марксизма и отличия его в этом от большинства деятелей II Интернационала мы при изучении Лафарга в историческом аспекте не сможем отделить подлинных и часто весьма существенных его ошибок от тех мнимых недостатков, в которых в свое время пытались обвинить его ренегаты и оппортунисты (напр. Вандервельде), и не сможем с достаточной четкостью определить те ценные элементы, которые имеются в его наследии.

Многие моменты его литературного наследия ценны для марксистско-ленинского литературоведения. К этим моментам относится неразрывная связь теории с практикой, конкретность лафарговской критики и пользование ею как оружием в классовой борьбе и, что самое главное, классовая непримиримость при подходе к литературным явлениям¹. Все это не дает оснований сваливать Лафарга в одну кучу с оппортунистической критикой II Интернационала.

Относясь к работам Лафарга критически, отдавая себе полный отчет в наличии у Лафарга ошибочных установок и отбросив имеющиеся у него элементы механицизма, антиисторизма и т. п., марксистско-ленинское литературоведение имеет полное основание включить положительные элементы литературного наследия «одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма» (Ленин) в свой железный фонд.

II

«Очерки происхождения современной буржуазии» — таков подзаголовок одной из историко-литературных статей Лафарга. И подзаголовок этот не случаен. Все лите-

¹ Мы лишены здесь возможности подвергнуть конкретной критике недостатки Лафарга и в развернутом виде показать то положительное, что наше литературоведение может у него взять. О том и другом мы говорим в публикуемой нами работе о Лафарге как литературном критике.

атурно-критические статьи Лафарга, написанные им на протяжении десятилетия (1885—1896), имеют лейтмотивом историю возникновения и эволюции буржуазии и буржуазной идеологии со времен Великой французской революции до последней четверти XIX ст. Тесно связанная с борьбой за политическое господство борьба между буржуазией и дворянством за бытовую и литературный язык в эпоху Великой революции и в первые годы XIX в. («Французский язык до и после революции»); возникновение романтизма, выкристаллизовавшегося из массовой литературной продукции эпохи революции как течение, совместившее в себе идеологические тенденции испуганного «якобинскими ужасами» дворянства и не менее реакционные тенденции появившейся плоды революции и «отдыхающей» от нее верхушки «третьего сословия» («Происхождение романтизма»); перерастание романтизма в чисто буржуазное направление и связь его с буржуазным либерализмом середины века («Легенда о В. Гюго»); рост финансового и промышленного капитализма, связанный с последним рост пролетариата, появление этого нового классового врага в поле зрения буржуазии и реализм и натурализм как литературные течения, вызванные этими процессами (статьи о Золя и Додэ). — все эти проблемы с большей или меньшей полнотой охвачены в немногочисленных статьях Лафарга.

Ведя в 80-ые и 90-ые годы борьбу с мелкобуржуазным либерализмом и против популярным (в особенности в тогдашней Франции) мелкобуржуазных социальных теорий, Лафарг проводит эту борьбу и на литературном фронте. Разоблачением буржуазного и мелкобуржуазного либерализма является, в сущности, его памфлет о Викторе Гюго, а статья о Золя тесно связана с борьбой Лафарга против прудонизма, позитивизма, сен-симонизма, против реформизма, а также против извращений и буржуазных трактовок теории Дарвина. Рассуждения Лафарга о «натурализме» и Золя не могут быть оторваны от таких его работ, как например: «Преступность во Франции за время с 1840 по 1886 г. (ее развитие и причины)», «Функции биржи», «Герберт Спенсер и социализм», «Коммунизм и экономическая эволюция» и др. Некоторые детали в этой статье (как например, страницы об отношении Золя к прессе) напоминают о том, что в своих публицистических выступлениях Лафарг останавливался на трактуемых им вопросах (см. его статью «Продажность буржуазной прессы»).

Статья о Золя в той своей части, которая посвящена вопросу о дарвинизме, тесно соприкасается и с некоторыми другими литературно-критическими его работами, в частности с небольшой статьей «Дарвинизм на французской сцене» (статья на русском языке не опубликована), в которой он, так же как и в этюде о Золя, останавливается на отношении буржуазии к эволюционной теории. Если в указанной статье он останавливается на невежестве буржуазии и ее писателей, воспринимающих дарвинизм как заведомую теорию, разлагающую руки преступным элементам, то в этюде о Золя он указывает на то, как буржуазные идеологи (типа Спенсера, Геккеля, Ломброзо и др.), извращая эту теорию, приспособливают ее для нужд буржуазии. Разоблачение подобных извращений, борьба с ними во всех областях знания, и в частности в области социологии и литературы — такова одна из общих задач, объединяющих литературно-критические статьи Лафарга о натурализме со всеми остальными его работами.

Разоблачая буржуазную, борясь с выдвигаемыми ею социальными теориями, Лафарг подвергает критике и «научную» литературную школу — «натурализм», базирующуюся на этих теориях.

Натурализм, это «охвостье романтизма» (по парадоксальному замечанию Лафарга), является литературным течением, знаменующим рост промышленного и финансового капитала. В «Происхождении романтизма», характеризуя переход буржуазной литературы к современной тематике, Лафарг говорит о том, что «покуда буржуазии приходилось бояться агрессивного возвращения аристократии, романисты, идя в ногу с либеральными историками, искали и находили в средневековые темные фоны для светлых красок современности; но как только ее врагом сделался сорганизовавшийся пролетариат, они оставили исторические романы и ужасы феодальной эпохи, чтобы заняться всеобщими событиями».

Реалисты и главным образом «натуралисты» типа Золя, исходя из изученных ими «совеиных теорий», пытаются осознать и отобразить те процессы, которые происходят

в вошедшем в новую стадию развития капиталистическом обществе, а также уяснить в художественной форме лицо могильщика буржуазного общества — сорганизовавшегося пролетариата.

Едко иронизируя по поводу беспомощности буржуазных реалистов, которые не были в состоянии осознать происходящие в обществе процессы и пытались эмпирическим верхоглядством подменить научное познание, Лафарг выделяет Золя, который пытался показать воздействие на людей двух факторов — био-физиологического и социального. Особую заслугу этого художника он видит в том, что он осмелился избрать предметом изображения актуальнейший и животрепещущий материал. «Указать роману новый путь, вводя в него описания и анализ современных экономических организаций-гигантов и их влияние на характер и участь людей,— это было смелым решением. Одна попытка осуществить это решение делает Золя новатором и ставит его на особое место в нашей современной литературе». С точки зрения методологической он видит оригинальность Золя в том, что «он показывает, как некая социальная сила прибивает человека к земле и уничтожает его».

Лафарг воздаст должное Золя именно и только за попытку осуществить эту задачу, но подвергает довольно резкой критике художественное разрешение ее писателем. Помимо ошибочности творческого метода (о чем речь ниже) Лафарг уличает автора «Жерминаля», «Западни» и «Денег» в ложном толковании эволюционной теории, в незнании той совокупности факторов, которые определяют общественный механизм, в неумении возвыситься над предрассудками своего класса и наконец просто в невежестве.

III

Статья Лафарга о Золя страдает целым рядом существенных недостатков. В ней нет той четкости и углубленности в разработке проблемы, которые характеризуют его историко-литературные работы типа «Происхождение романтизма» и «Французского языка»; несмотря на имеющуюся в ней непримиримость и партийность, в ней нет той памфлетической заостренности, которая характерна для «Легенды о В. Гюго». Оценка Золя грешит у Лафарга иногда противоречиями, а определение творчества писателя в классовом аспекте дано недостаточно четко. Из того, что говорится в статье, мы можем лишь заключить, что, изображая и критикуя буржуазное общество, Золя сам обеими ногами стоит в этом обществе, что подойти к изображению этого общества с точки зрения единственно научной теории, с точки зрения научного метода пролетариата — марксизма (на знание которого Золя претендовал и в незнании которого Лафарг его уличил), он не смог. Здесь сказался тот недостаток, который характерен для всей историко-литературной концепции Лафарга. Как в статьях о языке и о романтизме, так и в статье о Золя Лафарг недостаточно дифференцирует буржуазию и почти игнорирует при рассмотрении литературного процесса роль мелкой буржуазии и деклассирующейся буржуазной интеллигенции. Поэтому мы не получаем у него более четкого ответа о классовой природе творчества Золя.

Второй недостаток статьи о Золя также характерен для литературной концепции Лафарга. Как в «Происхождении романтизма», где натурализм определяется как «охватность романтизма», так и в статье о Золя Лафарг в изображении развития буржуазной литературы стоит на механистической эволюционистической точке зрения. Реализм и натурализм являются для него прямым продолжением романтизма, и вопрос о диалектике литературного процесса вообще и смены и борьбы литературных стилей в частности не ставится им или ставится слишком упрощенно.

Необходимо отметить в статье о Золя и еще одну ошибку, характерную для ошибок Лафарга. Отстаивая позиции ортодоксального марксизма в каком-либо вопросе и полемизируя с извратителями и врагами теории Маркса, он часто настолько перегибал палку, что незаметно для себя заостряя «противоположность», сказывался на критикуемых им же самым неправильных позициях. Так с ним часто случалось в полемике с анархистами. И точно таким же образом он, борясь против буржуазного толкования теории Дарвина и против механического перенесения этой теории в область учения о развитии челове-

ческого общества, сам грешил этим механическим перенесением. Это сказалось в статье о Золя в тех местах, где Лафарг рассуждает о «борьбе за существование» отдельных людей, подменяя «борьбой за существование» классовую борьбу.

Но вместе с тем в статье о «Деньгах» мы имеем одну черту, резко отличающую ее от других крупных литературных статей Лафарга и ставящую ее на особое место. В отличие от «Происхождения романтизма», «Французского языка до и после революции» и «Легенды о В. Гюго» в статье о Золя Лафаргом четко поставлен вопрос о творческом методе и, что делает статью крайне интересной для современной пролетарской литературы, вопрос о диалектико-материалистическом методе в литературном творчестве. Косвенно задет в ней и вопрос о пролетарской литературе.

Если буржуазный романтизм характеризуется Лафаргом как сознательное искажение или сознательная лакировка действительности, свидетельствующие об активном отношении художников-романтиков к изображаемому (Лафарг находит и политический эквивалент этого отношения), то буржуазный реализм представляется ему как метод, крайне ограниченный в своем пассивном эмпиризме, в конечном счете также не могущий дать объективное представление о действительности.

«Самое поверхностное наблюдение, — говорит Лафарг, — никогда не идущее от следствий к причинам и от действий к их конечным результатам, — вот чем является триумф «реалистов». Речь здесь идет не только о методе собирания материала, о наблюдении как таковом, хотя и по этому вопросу мы находим актуальные для нас высказывания. Так, Лафарг осуждает поверхностное знакомство писателей с изображаемым жизненным материалом, изучение жизни только по газетам, книгам и сплетням, подмену длительного изучения и участия в описываемых событиях схватыванием их налету, когда художник мчит мимо фактов «со скоростью курьерского поезда». Все это весьма созвучно критике метода «галопом по Европам» и проблематике изучения художником материала у нас. Но несмотря на эти замечания, особенно, кстати сказать, существенные для натурализма, претендующего на наукообразность, не в них основная мысль Лафарга. Самое главное не в критике метода собирания материала, а в критике методологии осознания его, т. е. того, что обуславливает и самый метод собирания.

Придавая познавательным функциям литературы огромное значение, Лафарг резко критикует поверхностность метода буржуазного реализма и натурализма. «Философствование — отличительное свойство человека и отрада его ума. Не философствующий писатель — только ремесленник. Натурализм... запрещает рассуждения и обобщения. По его теории писатель должен быть совершенно безучастным зрителем. Он должен воспринимать впечатления и отображать их и не выходить за пределы этого задания, он не должен анализировать причины явления и события, он не должен предсказывать влияния последних. Идеал художника — быть подобным фотографической пластинке. Этот чисто механический метод художественного воспроизведения жизни чрезвычайно легок. Он не требует никакой подготовки, а только небольшой затраты умственной энергии. Но если мозг, играющий роль фотографической пластинки, не очень восприимчив и не разносторонен, то художник подвергается опасности воспринять несовершенную и неполную картину, которая может оказаться дальше от действительности, чем картина, созданная необузданной фантазией».

Лафарг доказывает, что буржуазные реалисты и не могли дать «совершенную и полную» картину действительности, ибо они не владели тем методом, который позволил бы им с наибольшей и подлинной объективностью отобразить ее, — методом диалектического материализма. На примере Золя, который пытался дальше других продвинуться в объяснении описываемых им фактов, он вскрывает беспомощность натурализма там, где требуется более глубокое осознание совершающихся событий.

При этом он указывает на то, что в отношении осознания социальных процессов, способности к широким обобщениям, к объективному отображению действительности Золя, выделяясь среди современных ему писателей, все же стоит на более низкой ступени, чем Бальзак, которого Лафарг противопоставляет как реалистам типа Флобера и Гонкура, так и «натуралисту» Золя. Оценка, данная Бальзаку Лафаргом, совпадает с

той высокой оценкой, которую давали этому писателю Маркс и Энгельс. В частности, Энгельс говорит о том, что он считает Бальзака «гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего»¹. Если Бальзак умел — в пределах его метода — видеть причины и тенденции общественного развития своей эпохи, то Золя не уяснял их или уяснял поверхностно и неправильно. «Бальзак, — говорит Лафарг, — с бесконечной тщательностью описывал те условия, в которых жили и действовали его герои. Он не избегал анализа «тысячи сложных причин», в которых Золя и однако определяющих поступки человека и влияющих на человеческие страсти. Бальзак философствовал всюду и обо всем. Он глубокий мыслитель и передает своим героям свой ум и обилие своих мыслей... Он высказывает более глубокие мысли об обществе, нравах и политике, чем можно найти во всей нашей новейшей печати. Золя, — добавляет при этом Лафарг — обыкновенно мало философствует».

Более того: хваленая объективность «фотографической пластинки» приобретает характер крайнего субъективизма, имеющего определенный классово политический смысл. Так «Западня», в которой Золя хотел «объективно» изобразить рабочий класс, из-за ложности идеи, лежащей в основе этого произведения, и неправильности творческого метода писателя оказалась клеветой на рабочий класс². Ошибки наших теоретиков фактографии и тех художников, которые поняли пролетарский реализм как натуралистическую фиксацию действительности, блестяще подтвердили правильность той оценки, которую Лафарг когда-то дал поверхностному механистическому реализму буржуазных писателей.

Критикуя те научные теории, к которым обращались реалисты и натуралисты, Лафарг подверг критике и художественный метод, связанный с этими теориями. Что же он противопоставляет ненаучному и необъективному «объективизму» буржуазных писателей?

В статье о Золя читатель найдет ответ на этот вопрос в тех абзацах, где Лафарг говорит о том, что не сделано буржуазными романистами. Повидимому проблема творческого метода весьма интересовала в эти годы Лафарга, ибо те замечания об идеальном методе, которые разбросаны в статье о Золя, мы находим в суммированном виде в появившихся за год до нее личных воспоминаниях Лафарга о Карле Марксе. Мы приводим одно место из этих воспоминаний, где Лафарг сопоставляет метод подхода к действительности у Маркса и у реалистов. Вот что он пишет:

«Вико сказал: «Всякая вещь является телом только для бога, который все знает; для человека, который познает только внешние стороны явлений, вещь остается только поверхностью». Маркс постигал вещи по образу бога Вико. Он видел не только поверхность, но проникал во внутрь, он исследовал составные части в их взаимодействии и в их взаимном противодействии. Он изолировал каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. После этого он переходил к вещи, к ее обстановке и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался затем к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям и доходил до его самых отдаленных действий. Он видел перед собой не отдельную вещь для себя и в себе без связи с окружающим, а целый сложный вечно движущийся мир. И Маркс стремился представить жизнь этого мира в его разнообразных и неустанно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы из школы Флобера и Гонкура жалуются на трудности, встречаемые художником при попытке воспроизвести то, что он видит. А ведь то, что он (т. е. буржуазный художник-реалист. — В. Г.) стремится изобразить, есть только та поверхность, о которой говорит Вико, только полученное им впечатление. Его литературная работа — только игра в сравнении с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять явления действительности, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать»³.

¹ См. публикуемое в настоящем номере журнала письмо Энгельса к Маргарет Гаркинес.

² Придавая огромное значение литературе как оружию в политической борьбе, Лафарг не мог простить Золя его «Западню», объективно сыгравшую контрреволюционную роль. Через пять лет он снова напоминает в «Происхождении романтизма» об этом «скверном поступке» Золя.

³ П. Лафарг, Карл Маркс (Личные воспоминания), собр. соч., т. I, стр. 348—349.

Лафарг умел оценить значение для художественного творчества метода диалектического материализма как единственного, позволяющего художнику проникнуть в сущность явления и правильно отражать действительность¹.

Но современные Лафаргу художники, даже те из буржуазных художников, которые претендовали на знакомство с «новейшими теориями», не понимали сущности развития общества и не «философствовали», или «философствовали» односторонне. Критикуя буржуазных реалистов и «натуралистов», Лафарг не мог противопоставить им образцы художественной литературы, базирующейся на методе диалектического материализма. Он сожалеет о том, что ученые и теоретики — марксисты не уделяют внимание художественному творчеству, не используют свои знания и свой метод для создания художественных произведений. Тот, кто знаком с многосторонней деятельностью Лафарга, знает, что сам он пытался выступить и блестяще выступал в роли памфлетиста и художника (см. например его новеллу-памфлет «Проданный аппетит» и др.), но это были лишь случайные и эпизодические выступления, не могущие противостоять монументальным произведениям представителей реализма и «натурализма». Лафарг говорит о том, что лучше других мог бы воспроизвести механизм капиталистического общества и дать социальный роман художник-пролетарий, который на практике, на своем жизненном опыте познал весь механизм капиталистического общества «в его действиях и противодействиях». Но Лафарг относился к возможности появления такого художника весьма пессимистически, «Подобный автор, — пишет он, — еще не появился, и мы сомневаемся в возможности его появления».

Объясняя свой пессимизм в этом вопросе, Лафарг здесь же, в статье о Золя, указывает на то, что появление художника-пролетария невозможно из-за чудовищной эксплуатации, ведущей к вырождению рабочего класса, к его умственному оскудению и подавлению в нем творческих возможностей. Об этом Лафарг говорит не только в статье о Золя.

Касаясь вопроса о развитии в условиях капиталистического общества эпохи промышленного капитализма умственной культуры пролетариата вообще, Лафарг в своей статье «Коммунизм и экономическая эволюция» (относящейся примерно к тому же периоду, что и статья о Золя) говорит, что «умственное воспитание... является — это очень грустно признать — пустым звуком для рабочего класса, потому что человек, который провел десять часов в каторжном труде в мастерской, не в состоянии притти на публичное собрание и слушать ученого, — он засыпает от усталости. Чрезмерный труд капиталистической мастерской разрушает ум рабочих промышленных центров»².

В статье о Золя он лишь конкретизирует это положение применительно к литературе: «Люди, захваченные колесами производственного механизма, из-за чрезмерной работы и нищеты опускаются на такую низкую ступень, доходят до такого отупения, что у них хватает сил только на то, чтобы страдать, но рассказывать о своих страданиях они уже не в состоянии... Пролетарии, сделавшись придатком крупных индустриальных производственных механизмов, утратили прекрасный дар поэтического выражения».

Рассматривая эти взгляды даже в рамках той эпохи, о которой писал Лафарг, мы должны отметить, что он недооценил то положение и те творческие возможности, которые существовали у пролетариата в области культурного развития даже в ту эпоху (зачатки пролетарской литературы в Германии, России и т. д.), и стоял на неправильных позициях в вопросе о возможности существования пролетарской литературы при капитализме, т. е. до того, как пролетариат захватит власть в свои руки и установит свою диктатуру.

Зато мы не имеем оснований приписывать Лафаргу отрицание возможности классовой пролетарской литературы после пролетарской революции. Здесь мы должны исходить

¹ Интересно, что сопоставляя творческий метод Маркса и творческий метод «беллетристов из школы Флобера и Гонкура», Лафарг не отделяет научное мышление от мышления художественного. Как здесь, так и в остальных работах, где ему приходится говорить о художнике, Лафарг не отступает от диалектико-материалистического принципа единства сознания.

² П. Лафарг, собр. соч., т. II, стр. 317.

из того факта, что в отличие от социал-реформистов II Интернационала, смазывавших вопрос о пролетарском государстве и диктатуре пролетариата, Лафарг ставит вопрос о диктатуре пролетариата, о пролетарском государстве, которое должно будет существовать до тех пор, «пока буржуазия не исчезнет как класс» (Лафарг). И если Каутский, Вандервельде и др. в соответствии с отрицанием диктатуры пролетариата предполагают, что на смену буржуазной культуре придет искусство бесклассового социалистического общества и что о пролетарской культуре не может быть никакой речи, то приписать этот взгляд Лафаргу, противостоящему им в своей теории пролетарской диктатуры, у нас нет данных.

По ряду косвенных замечаний мы знаем, что Лафарг рассматривал буржуазный бытовой роман как «последнюю, но не высшую форму литературы», которая «процветает у всех без исключения капиталистических народов»¹, что на смену роману, динамика которого основана на страстях, тесно связанных с частной собственностью, придет эта «высшая форма литературы», в которой будет дано более объективное изображение действительности, не ограниченное частнособственнической идеологией («Происхождение романтизма»), что возможно это будет после того, как пролетариат захватит власть и средства производства в свои руки.

Пролетариат, захвативший в свои руки одну шестую мира и строящий на ней социализм, может свободно и безгранично развернуть свои творческие возможности, ибо труд не угнетает его, а стал для него «делом чести, доблести и геройства». Грань, резко отделявшая физический труд от умственного, начала стираться, и тот, кто во времена Лафарга мог «только страдать, а повествовать о своих страданиях был уже не в состоянии», ныне создал и создает свою пролетарскую литературу, которая стоит на несравненно более высокой ступени, чем литература буржуазии.

IV

Литературное наследие Поля Лафарга еще мало изучено. Мы не имеем даже более или менее полной библиографии его работ, что крайне затрудняет нахождение и изучение последних. Судьба рукописного наследия Лафарга весьма печальна. Рукописи его не собраны и разбросаны по архивам социалистических журналов чуть ли не всех европейских стран. Надо предполагать, что кроме основной части его рукописей, хранящейся в французских архивах, солидный рукописный фонд хранится в архивах «Neue Zeit» у его бывшего редактора Карла Каутского. Без всякого сомнения многие работы Лафарга остались и останутся известными только в печатных текстах, да и то часто в переводных.

Большая заслуга Института Маркса — Энгельса — Ленина в том, что, несмотря на такие неблагоприятные условия, им собрано и публикуется большинство работ Лафарга. Но, к сожалению, литературно-критическое наследие последнего представлено в этих публикациях недостаточно. Эту часть лафарговского наследия постигла самая незавидная участь. Несмотря на то, что со дня смерти Лафарга прошло двадцать лет, ни на Западе, ни у нас историко-литературные и критические статьи его не только не собраны, но до последнего времени даже не появлялись в эпизодических переводах и публикациях. Лишь в 1912/13 г. в «Neue Zeit» был дан немецкий перевод его этюда «Французский язык до и после революции», да и то, как об этом свидетельствует одно из писем Каутского к Плеханову, это было сделано из соображений, связанных с необходимостью отметить годовщину со дня смерти автора.

Первая у нас публикация литературно-критических статей Лафарга относится к 1925 г., когда во II томе хрестоматии Столпнера и Юшкевича «Искусство и литература в марксистском освещении» появились отрывки из «Происхождения романтизма» и «Легенды о В. Гюго». Затем в 1927 г. в журнале «На литературном посту» публикуется полностью перевод «Происхождения романтизма», а в 1930 г.

¹ См. его полемику с Жоресом: «Идеализм и материализм в объяснении истории», собр. соч., т. III, стр. 190. Цитируемое нами положение из этого ответа Жоресу (1895) частично отвечает и на поставленный Лафаргом в конце статьи о Золя вопрос о судьбе романа.

выходит отдельным изданием этюд Лафарга о языке и революции¹. Наконец, в середине 1931 г. выходит в свет III том издаваемого Институтом Маркса и Энгельса собрания сочинений Лафарга, в котором мы находим три литературных статьи: «Французский язык до и после революции», «Происхождение романтизма» и «Легенда о В. Гюго». Но эти статьи, являясь основными и наиболее известными статьями Лафарга, далеко не исчерпывают литературно-критическое наследие их автора, и публикация их не снимает вопроса о необходимости дальнейшего собирания, публикации и изучения этого наследия. К литературно-критическим статьям Лафарга примыкают и его работы по языку, фольклору и мифологии. Эта часть наследия Лафарга (лишь частично опубликованная на русском языке) также подлежит тщательному выявлению и изучению, ибо до сих пор наши языковеды и фольклористы этим не занялись.

В порядке дальнейших разысканий в области литературно-критического наследия Лафарга мы публикуем его статью о Золя.

Статья о Золя (1891) является второй после «Легенды о В. Гюго» (1885) крупной литературно-критической статьей Лафарга. Из работ, написанных в промежутке между ними, нам известны лишь небольшие статьи, в частности заметка о романе А. Додэ «Сафо» (1886), которая помимо оценки этого писателя представляет для нас большой интерес по постановке в ней вопроса о социологии сюжета.

Статья о «Деньгах» Золя была написана сейчас же по выходе в свет этого романа. Нам известен лишь немецкий текст этой статьи, напечатанный в том же 1891 г. в «Neue Zeit». Установить, была ли эта статья опубликована по-французски, нам не удалось. Вернее всего, что немецкий текст является переводом непосредственно с французской рукописи, а не с опубликованного французского текста. Если учесть, что статья появилась на немецком языке сейчас же после выхода романа Золя и что общий стиль статьи свидетельствует о том, что она писалась наспех, то можно предположить, что она была написана специально для «Neue Zeit». Это тем более вероятно, что в 80-ые и 90-ые годы многие статьи Лафарга были впервые напечатаны не в французских, а только в иностранных журналах (немецких, русских и др.) и что в той же «Neue Zeit» напечатано около двух десятков его статей, представляющих собою переводы с рукописи.

Таким образом русскому читателю, к величайшему сожалению, придется ознакомиться со статьей Лафарга в переводе с перевода. В рецензии Меринга на одну из книг Лафарга говорится о том, что «его очерки — тонкая филигранная работа». «Наши французские товарищи, — говорит Меринг, — должны быть весьма благодарны своему языку, освобождающему их от той философской тарабарщины, которую в Германии кажется невозможно искоренить». Несомненно, что при переводе на немецкий язык Лафаргу придали «более ученую и многословную форму» (Меринг).

Переводчик публикуемой нами статьи о Золя, т. Шишмарева, кропотливо работавшая до этого над переводом с оригинального текста статьи Лафарга о французском языке, пыталась, где это было возможно, пробиться сквозь толщу «философской тарабарщины» к легкому и ясному языку Лафарга. Но сделать это крайне трудно, а иногда и рискованно. Читатель должен учесть это, когда та или иная отдельная фраза не удовлетворит его в смысле четкости и ясности.

При редактировании статьи из нее устранены некоторые пояснения и примечания в тексте и в сносках, явно принадлежащие редакции «Neue Zeit» и ничего не дающие нашему читателю.

В. Гоффеншефер

¹ Поль Лафарг, Язык и революция. Французский язык до и после революции. Перевод Т. Фалькович и Е. Шишмаревой, под редакцией и с предисловием В. Гоффеншера «Лафарг и проблемы языка», изд. Academia, 1930.

«ДЕНЬГИ» ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

I. ЧЕМ ИСТОРИЯ РОМАНА ОБЯЗАНА ЗОЛЯ?

В клане парижских писателей чрезвычайно распространена очаровательная и невинная мания: каждый из них считает себя творцом нового литературного жанра, один — в области лирики, другой — в области романа; каждый называет себя главой какой-нибудь школы и в собственных глазах настолько абсолютно оригинален, что считает себя антиподом всех своих уважаемых коллег. Несмотря на это, все эти господа братски-тесно связаны между собой. Презрение, которое они питают к гениальным произведениям друг друга, страх, что кто-нибудь вздумает оспаривать их претензии на оригинальность, связывают всех их одной крепкой петлей. Когда им приходится обращаться друг к другу, они никогда не забывают с утонченной вежливостью и важностью величать друг друга «мэр». Братья Гонкуры, достигшие ярко выраженного мастерства в искусстве писать утомительно скучно, придерживались того мнения, что официальная академия слишком тесна, чтобы вместить всех гениев, тщетно старающихся доказать свое остроумие, подобранное ими на улице, и основали поэтому наряду со «Свободным театром» г-на Антуана и в подражание ему свободную фабрику «бессмертных», выделив для нее крупную сумму, которая, разумеется, должна была быть выплачена только после их смерти.

Чтобы заслужить лавры, которые они сами нацепили себе на голову — ведь лучшие комплименты те, какими награждаешь себя сам, — лирики и романисты не обременяли себя неудобным грузом оригинальных мыслей и рассуждений; нисколько не старались они также ввести новую литературную форму. Эти господа добивались успеха у широкой публики, успеха, оплаченного звонкой монетой. А такую публику не надо было поражать и пленять оригинальностью, и они довольствовались тем, что культивировали уже употреблявшиеся прежде, давно использованные формы. История должна будет отметить как самую выдающуюся особенность «вождей» различных «школ» полное отсутствие у них воображения. На театральном поприще им не удалось проложить себе дорогу, так как их драмы публика встречала свистом, и все их усилия были направлены на то, чтобы развешивать стихи и романы, полные юного пыла и несдержанной фантазии, составлявшие главную прелесть творений романтизма 1830 года, и выдвинуть на их место с трудом и муками добытые плоды своего терпения и усердия. Они оставили нам скучные и плоские сочинения школьного учителя.

Самое поверхностное наблюдение, никогда не идущее от следствий к причинам или от действий к их конечным результатам, — вот чем являлся триумф «реалистов». Их психология основана на крайне банальном анализе их глупого, неинтересного «я». Все то, чего им не хватает, они стараются возместить при помощи языка: все искусство этих мастеров заключается в манерном, вымученном и мучительном для читателя языке. Один из них, без сомнения выдающийся мастер, написал сборник рассказов под названием «Рассказы без слов который, которое» («Contes sans qui ni que»), откуда ни в чем не повинные местоимения *qui* и *que* были безжалостно изгнаны¹.

¹ Чистка языка зашла так далеко, что даже Гонкур был вынужден протестовать против нее. «Утверждают, — говорит он, — что фраза плохо написана, если в нее вставлены два «de», из которых одно подчинено другому, как, например, в знаменитой фразе, приводившей в ярость Флобера — «Une couronne de fleurs d'oranges».

Плохо написана фраза, в которой близко поставлены два слова, начинающиеся с одного слога. Некоторые пошли еще дальше и утверждали, что нельзя начинать фразу

Новые поэты и романисты обращают больше внимания на слова, чем на вещи, которые этим словами обозначены, и вечно охотятся за новыми стилистическими оборотами. Они мало заботятся о том, чтобы правильно увидеть и правильно изобразить виденное, и больше о том, чтобы выкрутить новый неслыханный оборот или положить «пикантный блик». Для них слова сами по себе обладают собственной внутренней ценностью, не имеющей ничего общего с идеями, которые эти слова должны выражать. Соответственно этому представлению их очень мало трогает, являются ли слова выразителями правильной или ложной идеи, или вообще лишены всякого смысла, лишь бы их расстановка во фразе и сочетания были новы, неожиданны и ошеломляющи. Эти мастера поэзии и романа терзали свой бедный мозг, придумывая себе титулы, которые достойным образом возместили бы бессилие их воображения. Так, несколько месяцев назад один новичок на литературном базаре издал сентиментальный рассказ в духе Жорж Занд и, конечно, прежде всего поспешил украсить себя титулом главы школы «романтического романа» («roman romanesque»). Много титулов и никаких достижений — вот конечный итог труда «мастеров» современной литературы.

* * *

Вначале Золя также впадал в указанные выше ошибки: он выдавал себя за творца экспериментального и натуралистического романа. И это после Сореля, аббата Прево и Бальзака¹ во Франции, Фильдинга и Смоллета в Англии, Кеведа, Сервантеса и Мендозы, автора Лазарильо де Тормеса, в Испании! Впрочем Золя и сам не придавал никакого значения возложенному им на себя титулу: это была просто кокарда, нацепленная им на свою шляпу, чтобы привлечь к себе внимание, — не больше. Теперь, когда он победоносно преодолел все встававшие на его пути трудности, когда его слова распространились по всему земному шару и определила то исключительное место, которое он занял среди современных писателей, он удовлетворяется тем, что пишет такие романы, которым обеспечен наибольший успех (также и в звонкой монете). Он вспоминает теперь о своей «школе» только тогда, когда дело идет о поддержке тех писателей, которые цепляются за его фалды.

с односложного слова, так как две жалкие буквы не могут быть достойным исходным пунктом для большой фразы или целого периода» («Journal des Goncourt», т. V, 189).

¹ Бальзак, ученик знаменитого естествоиспытателя Жоффруа де Сент-Илера, сам называвший себя «доктором социальных наук», говорит в предисловии к «Человеческой комедии» о своем плане написать «естественную историю человека». В конце прошлого века плодовитый писатель Ретиф де ла Бретонн хотел «продолжить работу Бюффона и написать естественную историю». Он не только говорил об «экспериментальном романе», но действительно ставил эксперименты. «Я иногда поддавался стремлению к удовольствиям, — писал он, — но могу утверждать, что все мои расходы на это должны считаться полезными. Чтобы суметь написать о некоторых предметах, я был вынужден кое-чему научиться, а этого можно достигнуть только собственным опытом». Ретиф в своем реализме зашел так далеко, что включал в свои романы целые любовные письма и ответы на нежные послания, написанные им самим, стараясь создать впечатление подлинных «человеческих документов» по выражению новой школы.

Кребийон еще в XVIII столетии сформулировал теорию экспериментального и натуралистического романа, а Золя воображал, что открыл ее он. Кребийон говорит в «Заблуждениях сердца и ума» («Les egarements du coeur et de l'esprit»): «Роман, столь презираемый и очень часто справедливо презираемый умными людьми, мог бы быть, вероятно, самым полезным из всех произведений литературного искусства... если бы вместо того, чтобы напихивать в романы жуткие сцены и высокопарных героев, отличающихся всегда неестественными характерами и фигурирующих в неправдоподобных приключениях, из романа сделали картину человеческой жизни... Тогда читатель увидел бы живого человека таким, каков он в действительности: это меньше увлекало бы его, но зато больше поучало».

Золя, так же как и другие «мэтры», не создал школы, — характерной чертой современных мэтров является отсутствие учеников, — однако он отличается от большинства наших вождей литературных школ, так как он ввел в роман новый момент.

Романисты хотели бы, чтобы реализм изображенных ими действующих лиц казался правдоподобным. Для этого они дают им имена, взятые из Ботэна¹, вкладывают в их уста слова, приписывают им действия, которые нахватили как попало из окружающей жизни, главным же образом из газет, и которые они затем старательно подбирали, сопоставляли и добросовестно каталогизировали. Но несмотря на все это, их человечки и барышники не вызывают иллюзии, что они действительно жили, что они живые люди из плоти и крови. Они не живут нашей жизнью, они не говорят о том, что нас волнует, они не верят нашим иллюзиям, не страдают от тех желаний, которые мучают нас. Они производят впечатление набитых опилками кукол, которых автор дергает за веревочки, чтобы заставить их двигаться согласно задуманному действию. Виктор и Юли, изображенные в этих романах, живут, любят и умирают, но все они действуют так, как им взбредет в голову, не подчиняясь властной силе потребностей их собственного организма и не оспытывая влияния окружающей их социальной среды. Это необыкновенные существа, которые возвышаются над обыкновенной человеческой природой и управляют социальными событиями.

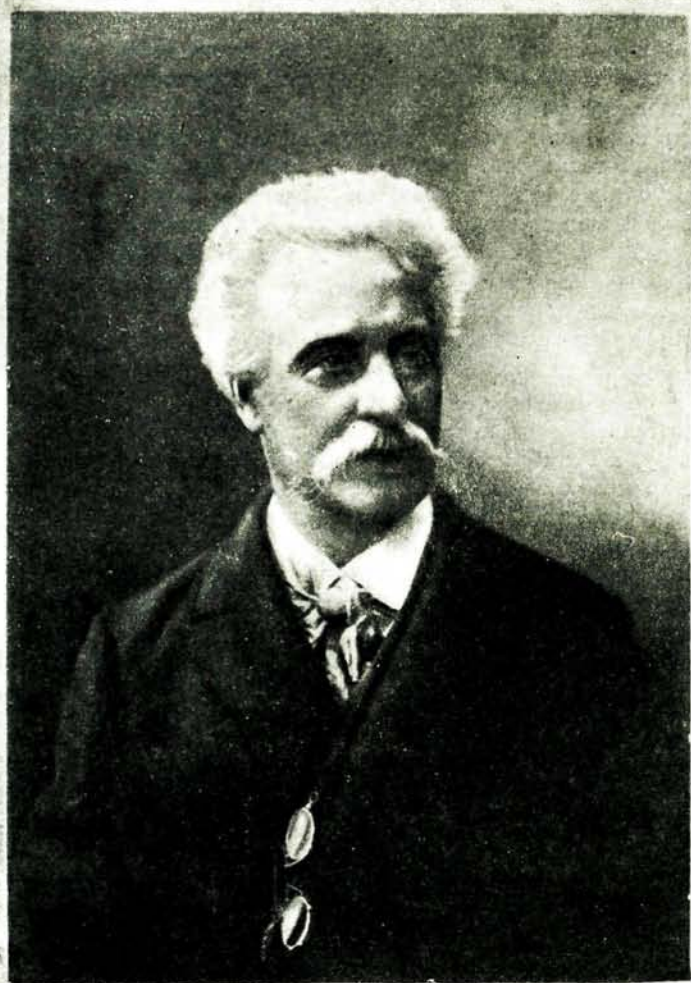
Авторы римских комедий для развязки запутанной ситуации применяли «Deus ex machina» — внезапно спускавшегося сверху бога. Современные романисты употребляют этот наивный и много раз осмеянный прием, но в усовершенствованном виде: в продолжение всего романа они заставляют своих героев и героинь исполнять роль такого бога. Золя похвальным образом старался выбросить из романа этот фантастический прием. По крайней мере он сделал попытку лишить всемогущества действующих в романе лиц и привести их поступки в связь с определенными причинами. Нередко он заходил даже так далеко, что отнимал у изображаемых им людей свободную волю и подчинял их властной силе двойной зависимости: внутренней физиологической и внешней социальной.

Действующие лица романов Золя изображены как люди, развивающиеся под гнетом определенной наследственности. Это сделано для того, чтобы дать объяснение для всего их поведения. Некоторые из героев Золя — алкоголики², иные одержимы наследственным сумасшествием, в других случаях они выбиты из колеи каким-нибудь несчастьем; многие из его героинь становятся на всю жизнь ненормальными из-за того, что

¹ Ботэн — парижская адресная книга.

² В «Западне» («L'assomoir») действие разворачивается вокруг наследственного алкоголизма. Герой романа по профессии кровельщик. Он отличный рабочий, порядочный человек, хороший муж и отец, но в нем сидит затаенное влечение к пьянству. Он знает это и с величайшей осторожностью избегает всякого повода, который мог бы развить эту роковую наклонность. Он никогда не посещает кабацков и ведет примерную жизнь. Но вот с ним произошел несчастный случай, один из тех, что так часто случаются в его ремесле: когда он хочет взглянуть вниз на свою маленькую дочку, он вдруг срывается с лесов, падает и вывихивает плечо. Во время вынужденной праздности — неизбежного последствия его падения, он, чтобы как-нибудь убить время, начинает захаживать в кабаки, и дремавшая в нем страсть развивается вдруг с неудержимой, бешеной силой. Он становится пьяницей самого низкого пошиба. Этот случай притянут за волосы, но он не невозможен.

Однако уж если быть наблюдателем, то надо было бы сделать другие наблюдения. Употребление алкоголя стало потребностью современного рабочего класса. В индустриальных центрах потребление алкоголя растет шаг за шагом вместе с развитием индустрии. Капиталистическое производство принуждает рабочего искать в алкоголе временного искусственного подкрепления и подъема своих сил. Сущность некоторых производств такова, что она несет с собой для работающих в этих производствах рабочих

Henri Manuel

27, R. du Faub. Montmartre
Paris

ПОЛЬ ЛАФАРГ

С фотографин (900-х годов), хранящейся в Музее Маркса и Энгельса

были грубо лишены девственности. В каждом его романе события составлены и сгруппированы так, чтобы дать возможность развиваться болезненному явлению¹.

Патологическая необходимость, которой подчиняются все герои Золя, не только определяет их характер и поступки, но влияет и на самого автора. Она ослепляет его, мешает видеть, как развиваются события в действительной жизни и как даже глубоко вкоренившиеся наследственные черты изменяются благодаря воздействию среды, в которой живет индивидуум. В примерах подобного изменения, разумеется, нет недостатка. Размеренный образ жизни и бережливость, отличавшие многие поколения филистеров, пока они жили в узких мелкобуржуазных рамках, быстро, за жизнь одного поколения, были отброшены и перешли в разнузданность и безумную расточительность, как только этим филистерам удалось завоевать себе место в кругах крупных коммерсантов и финансистов.

Так как в наше время вошли в моду естественные науки, то Золя старался нововведениям в своих романах придать естественно-историческую окраску. Он объявил себя учеником Клода Бернара и ответственность за свои литературно-патологические фантазии сваливал на великого физиолога. Некоторым извинением для Золя может быть только его полное незнание теории Клода Бернара, придававшего решающее значение влиянию органической среды на жизнь физиологических элементов.

Теория, которой бессознательно придерживается Золя, принадлежит не Клоду Бернару, а Ломброзо. Он, в свою очередь, также не сам создал эту теорию, но использовал ее, чтобы благодаря невежеству так называемых просвещенных людей составить себе европейское имя.

Теория преступности Ломброзо вульгарно-фаталистична. Как герой «Западня» из-за своей наследственности должен был неизбежно впасть в алкоголизм, так и другие преступники благодаря своему организму обречены совершать преступления. Находились они хоть десять раз в самых разнообразных условиях и положениях, они роковым образом — хотят они

особенно сильную потребность прибегать к алкоголю. Есть и другие обстоятельства, толкающие и другие категории рабочих в объятия пьянства. Например, кровельщики, печатники, маляры у нас становятся на работу только на неделю, а то и на день, на полдня и даже на несколько часов. По большей части только счастливый случай дает им эту работу, и этого случая они принуждены дожидаться в кабаках, где им «ставят», то-есть дают в кредит еду и выпивку, а иногда денег взаимн. Эти визиты, к кабатчику, которые поневоле приходится делать рабочим названных категорий, дают такое убедительное объяснение возможности развития у каждого из них привычки к пьянству, что поистине нет надобности, чтобы какой-то несчастный случай играл тут решающую роль. Если бы Золя как основную внешнюю причину пьянства своих героев выставил те условия, при каких кровельщики и другие рабочие принуждены искать работу, он сделал бы этим свою «Западню» произведением большой значимости, чего сейчас никак нельзя сказать о ней.

Но более того: роман «Западня» должен быть прямо отмечен как вредное явление. Изданный через несколько лет после Парижской коммуны, во время сильнейшей реакции, когда прочность даже республиканского правительства стояла под вопросом, роман был очень благожелательно принят реакционерами. Им было удобно укрепить его успех, ибо они были счастливы видеть, что рабочие, перед которыми они дрожали, изображены в виде каких-то омерзительных пьяниц. Когда Золя в своем романе «Накипь» («Pot bouille») раскрыл всю грязь буржуазного общества, те же люди, с восторгом встретившие «Западню», пришли в «нравственно-эстетическое» негодование и кричали на все лады, что этот роман есть осквернение искусства. Они испытывали большое удовольствие, когда рабочий класс забрасывали грязью, но, конечно, не хотели признать правдивого изображения нравов буржуазии.

¹ В «Западнe» можно с отчетливостью наблюдать способ и манеру Золя в построении его романов. Из газет и различных литературных произведений автор набирал выражения и обороты речи, употребляемые в низших слоях населения, и, чтобы использовать их, он сочиняет целые сцены. «Западня» не есть плод непосредственных наблюдений, в значительно большей степени этот роман составлен для того, чтобы в изобилии предложить читателю образцы разговорного языка парижских рабочих.

этого или не хотят — должны совершить преступление. А обществу, следовательно, остается лишь стараться оградить себя от этих опасных людей, как от ядовитых змей или диких зверей. Эта фаталистическая теория явно приводит нас к тому же заключению, что и теория деистов о свободе воли. Как одна, так и другая делают человека единственно ответственным за его поступки; вопрос о влиянии среды, общества обе решают в отрицательном смысле, — решают без малейших утрызений, нисколько не стараясь выяснить, не несут ли они хотя бы частично ответственности за каждое совершенное преступление.

Как известно, великий статистик Кетле ставил в вину обществу все преступления, совершавшиеся из года в год с почти математически правильной последовательностью. Теория преступности Ломброзо вышла из неправильно изложенного Геккелем, Спенсером, Гальтоном и их последователями учения Дарвина, ссылаясь на которое они ухитрились объяснить высокое социальное положение капиталистов унаследованными ими исключительными индивидуальными свойствами.

Золя сумел прекрасно использовать теорию преступности. Она упростила его задачу как писателя нравов, помогла ему найти новые эффекты и сняла с него необходимость исследовать воздействия социальной среды, в которой живут его герои: ведь они подчиняются некоей органической фатальности, приводящей к новому виду развязок типа «Deus ex machina». Это дает Золя возможность отказаться от психологического анализа, к которому он питает нескрываемое отвращение. «Заниматься психологией, — говорит он где-то, — значит экспериментировать с головой человека», тогда как сам он претендует на «демонстрацию экспериментов с целым человеком».

Идеи Золя насчет того, что он понимает под экспериментом и под ролью головы в человеческом организме, очень сбивчивы и неясны¹.

В романах Бальзака мы также находим психологическую необходимость, но совершенно другого рода, чем у Золя. Бальзак ведет свое начало от Жоффруа де Сент-Илера — ученика и последователя Ламарка, гениального представителя теории среды, теории о связи между внешним миром и тем влиянием, которое он имеет на развивающиеся в нем организмы. Он при-

¹ Золя в своей книге об «экспериментальном романе» говорит: «Романисты-натуралисты наблюдают и экспериментируют. Вся их задача состоит в том, чтобы выйти из сомнения, в котором они будут находиться перед лицом мало известной жизненной правды до тех пор, пока экспериментальная идея не разбудит вдруг их талант и не заставит их взяться за опыт анализа фактов и овладения ими». Эта фраза содержит в себе тройную галиматью. Как можно находиться перед лицом правды, не имеющей ни головы, ни хвоста, ни изнанки, ни лица? Что такое экспериментальная идея? Вероятно идея об устройстве эксперимента? И когда и какой писатель предпринимал эксперименты с каким-либо человеческим существом? Разве что Ретиф де ля Бретон, который экспериментировал над собой, что Золя наверно остерегался делать, так как он вел самый спокойный и пошлый мелкобуржуазный образ жизни, какой только можно себе представить.

В своем романе «Деньги» Золя справедливо критикует «психологические забавы, которые угрожают заменить игру на роли и вышивание» в моду цветистым Бурже, любимым психологом буржуазных дам. «Мадам Каролина, — говорится в этом романе, — была женщина ясного ума и здравого смысла. Она принимала жизненные явления, не утруждая себя стараниями, объяснить тысячи сложнейших причин, вызвавшие их. По ее мнению это бесконечное пережевывание чувств и мыслей и изысканный анализ сердца и мозга, доходящий до изучения каждого волоска, не что иное, как пустое времяпровождение для праздных салонных дам, не имеющих забот ни о хозяйстве, ни о ребенке. Это занятие для дам, которые дают своему уму развиваться и прыгать и ищут оправдания своему безделью в изучении души, которым маскируют свои похотливые желания, охватывающие герцогинь так же, как в кальшерш».

Здесь Золя вкладывает в уста Каролины свою собственную философию. Как и он, она также смешивает исследование сложных причин явлений с выдаваемой за психологию сентиментальной болтовней салонных дам об их милых слабостях.

надлежит к последователям теории, которую принимал и Гете, о корреляции, существующей между различными органами. Каждое изменение, происходящее во внешнем мире, находит, если можно так выразиться, отражение в соответственном изменении среди живущих в нем животных и растений. Каждое изменение определенного органа у какого-нибудь животного также неизбежно влияет на строение других его органов. Если бы, например, было возможно изменить форму зубов у льва, то следствием этого явилось бы изменение формы его челюстей, в то же время изменились бы и другие его органы, а также свойства его характера, как смелость, жестокость и т. д.

То же самое получается при перемещении животных из естественных условий в искусственные, как это имело место, например, с домашними животными. Перемена условий жизни с необходимостью приводит к изменению органов, нравов и характера указанных животных.

Бальзак, убежденный в правдивости этой теории, с бесконечной тщательностью описывал те условия, в которых жили и действовали его герои. Он не избегал анализа «тысячи сложных причин», пугавших Золя, и, однако, определяющих поступки человека и влияющих на человеческие страсти. Бальзак анализирует их гораздо больше, чем Золя, и с таким удовольствием, что для того читателя, который ищет в чтении романов не поучения, а только развлечения, бывает даже скучен. Флоберу, Золя, Гонкурам, — вообще большинству романистов, претендующих на литературную известность, — нравятся блестящие описания, напоминающие искусство виртуоза на рояли. Сами по себе их описания в большинстве являются жанровыми картинами, они часто заготавливаются заранее и заботливо хранятся в письменном столе для будущего употребления. Затем они вставляются в роман там и сям как иллюстрации или заключительные вишетки. Такие описания могут служить доказательством большого искусства писателя, но сами по себе они являются пустым и бессмысленным прибавлением, которое уменьшает интерес к разворачивающемуся сюжету. Если выбросить эти описания, то это не только не испортило бы произведения, но, наоборот, произведение несомненно выиграло бы.

Мастерские и глубокие описания Бальзака, наоборот, ведут к более ясному пониманию характеров и действий, которые он изображает. Благодаря тому, что его герои и героини живут в тех или иных условиях, у них должны развиваться определенные страсти и они вынуждены действовать соответственным образом.

Все без исключения герои Бальзака одержимы какой-нибудь одной страстью, которая становится для них своего рода физиологическим роком. Но если они приносят с собой на землю зародыш этой страсти, то этот зародыш развивается постепенно лишь под влиянием окружающих условий. Когда же страсть достигнет высшей точки своего развития (как, например, любовь у Горио, скупость у Гранде, стремление к научным изысканиям у Балтазара Клезе, тщеславие у Керевеля, чувственность у барона Голо), тогда она становится неограниченной владычицей, она заглушает и подавляет одно за другим все остальные чувства и превращает одержимого человека в мономана.

Романы Бальзака — эпопеи торжествующей страсти: в них человек становится игрушкой какой-нибудь страсти, властвующей над ним и терзающей его, как в греческой трагедии он становится игрушкой какого-нибудь божества, которое ведет его своими велениями то к преступлению, то к героическим подвигам. После Эсхила и Шекспира, который последним из писателей делал своих героев жертвами какой-нибудь страсти и отдавал их ей на растерзание, ни один писатель не обрисовывал дошедшую до

пароксизма, до безумия страсть с такой неумолимой проникновенностью, с такой силой, как Бальзак.

Золя утверждает, что он преемник Бальзака. Но на самом деле он во всем отличается от него: и своей философией, и языком, и манерой наблюдения и приемами, при помощи которых он развивает свой роман, вводит в него героев, заставляет их действовать и описывает их страсти. Кроме того он отличается от Бальзака характерной для его произведений новой чертой, введенной им впервые в роман, чертой, послужившей основой его неоспоримого превосходства над другими современными романистами, хотя некоторым из них он и уступает: Додэ — в искусстве описания, Галлеви — в остроте и тонкости наблюдения. Оригинальность Золя основана на том, что он показывает, как некая социальная сила прибавляет человека к земле и уничтожает его. Бальзаку принадлежит, как говорит Золя, «огромная заслуга раскрытия всего ужасающего трагизма, сросшегося с деньгами». Но Золя — единственный современный писатель, который решился сделать попытку изобразить в полном объеме, как социальная необходимость покоряет человека и уничтожает его.

В то время, когда писал Бальзак (он умер в 1850 году), грандиозная концентрация капиталов, характеризующая нашу эпоху, еще только начиналась; так было и во Франции. Тогда еще не знали огромных магазинов, в которых длина коридоров измеряется километрами, количество продавцов и продавщиц исчисляются тысячами, тех магазинов-гигантов, в которых собраны все товары, какие можно придумать, и расставлены по разным отделениям так, что в них можно найти как писчебумажные и парфюмерные принадлежности, так и домашнюю утварь, шляпы, костюмы, перчатки, обувь, белье и даже упряжь для лошадей. В то время не было также и таких прядильных и ткацких фабрик, металлургических заводов и доменных печей, на которых занята целая армия рабочих и работниц; тогда не знали еще и финансовых обществ, распоряжавшихся десятками и сотнями миллионов. Конечно и тогда шла борьба за существование. Она велась всегда, но тогда теория этой борьбы еще не была сформулирована, а употребляемые сейчас выражения для характеризующих ее фактов еще не были найдены. Борьба эта имела тогда другую форму и другие характерные особенности, чем в наши дни, когда с появлением новых громадных экономических организмов, подобных тем, о которых мы только что говорили, она претерпела значительные изменения. В то время борьба за существование не была такой деморализующей, как теперь; она не развращала людей, но даже развивала в них некоторые достоинства, как храбрость, настойчивость, сообразительность, осторожность, предусмотрительность, аккуратность и т. п.

Бальзак наблюдал, а следовательно и описывал людей, употреблявших в борьбе друг с другом собственную физическую или умственную силу. Борьба за существование, шедшая в то время между людьми, имела много общего с борьбой животных, которые стараются победить друг друга в непосредственной схватке, пуская в ход когти и зубы, ловкость и хитрость.

В наши дни борьба за существование приняла другой характер; по мере того как развивается капиталистическая цивилизация, эта борьба становится все более жестокой и острой. Борьба отдельных людей между собой сменяется борьбой целых экономических организмов (банков, фабрик, рудников, магазинов-гигантов), и сила и сообразительность отдельных людей исчезают перед их неудержимой мощью, действующей слепо, подобно стихии. Человека, захваченного колесами этой силы, подбрасывает вверх, уносит вперед, кидает из стороны в сторону, точно мячик. Сегодня он вознесен на вершину всего земного счастья, завтра его низвергают с

этой высоты и топчут ногами, как жалкую соломинку, и даже, собрав весь свой ум, напрягая всю свою энергию, он не может оказать этой силе ни малейшего сопротивления. В наши дни экономическая необходимость выступает несокрушимо против человека. Те силы, которые во времена Бальзака люди употребляли на то, чтобы возвыситься в обществе, влезть на плечи своим конкурентам и двигаться вперед, шагая через их тела, сегодня они вынуждены употреблять на то, чтобы бороться за жалкое нищенское существование. Шаг за шагом, подобно тому как изменился прежний характер борьбы человека за существование, неизбежно изменилась также и сама природа человека — она стала низменней и мельче.

Искалеченный, превращенный в карлика человек нашел свое отражение также и в современном романе. Роман теперь не заполняется больше нелепыми приключениями, в погоню за которыми устремляется герой, как дикий зверь на арену, чтобы победоносно испытать свои силы в удивительнейших необыкновенных столкновениях, к великому удовлетворению увлеченного читателя, чувствующего в себе дерзкое бесстрашие и страстный пыл выведенных перед ним фантастических героев, не отступающих ни перед одним из будто бы непреодолимых препятствий, которыми намеренно усеян их путь. Когда современные писатели хотят удовлетворить интересы определенного круга читателей, требующих изображения борьбы отдельного индивидуума, они берут своих героев из среды жуликов и бандитов, где еще можно найти такие положения, когда люди цивилизованные в борьбе за существование вынуждены прибегать к хитрости, смелости и жестокости дикарей.

В других кругах общества борьба так бесцветна и однообразна, что она лишена всякого захватывающего интереса. Романисты, пишущие для так называемых высших и образованных классов, оказываются вынужденными изгонять из своих произведений всякое драматическое положение. Высшим искусством у новой школы считается полный отказ от развития действия, а так как молодые последователи этой школы не обладают никакими критическими и философскими способностями, то их произведения — пустые упражнения в разговорной гимнастике. Они вполне законченные ритористы¹.

* *
*

Когда талант Золя достиг полного развития, у него хватило смелости ввязаться за большие социальные явления и за события современной жизни.

¹ Бельгийский писатель Камилл Лемонье, который с исключительной виртуозностью жоверкает и выворачивает французский язык, сделал недавно из своего романа «Самец», имевшего большой литературный успех, четырехактную драму. В этом романе описана история любви браконьера; автору должно было быть очень трудно сделать героем человека, стоящего вне закона, движимого бурной страстью и ведущего ожесточенную борьбу с властями против права собственности. Чтобы оживить свою драму и придать ей более радостный тон (современные писатели мрачны, как восточные плакальщицы), автор ввел в нее сцену из Анри Монье, в которой изображается, как один мужик продает другому корову, как они торгуются из-за денег и как каждый старается надуть другого. Сцена вызывает веселье и смех. Вследствие этого Лемонье жалел, что вставил ее в свою драму. Его протест против того, как эта сцена была принята публикой, характерен для новой литературной школы.

«Это дань современной моде, — говорит он. — Дань вкусу публики ко всему материальному, к действию, полному движения и шума... Это действие по моему мнению является больным местом произведения, так как оно нарушает гармонию между землей и ее творением. Но, однако, приходится примириться с этим действием и утешиться надеждой на лучшие времена, когда возможно будет написать произведение без действия, состоящее только из картины, оттенков и быстрой смены чувств и мыслей, произведение, изображающее единую простую жизнь, без всяких сложностей, которые мы считаем необходимым вносить в нее».

Mon cher Léon

J'ai vu Paris depuis deux jours
j'ai vu le h. m. d. la Commune qui est
pleine d'enthousiasme. On ne peut pas
l'attraper, j'ai toujours l'esprit de Paris
Versailles et de tous les autres pour cela. Les
hommes ne manquent pas, ce sont les chefs
qui font défaut; c'est ce que me disait
Villaurd. Quel ne pourrait-il pas avec
son talent au service de la révolution?

à plus tard les bonjour de la

de la

de la

Re. je joins le note par une note
reprise de la.

Paris 8/2/71

ПИСЬМО ПОЛЯ ЛАФАРГА К КАРЛУ МАРКСУ ОТ 8 АПРЕЛЯ 1871 г.

С фотокопии, хранящейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина

Лафарг, приехавший после 18 марта из Бордо в Париж информирует Маркса о состоянии Коммуны и ставит вопрос о приезде в Париж Энгельса, находившегося в те дни в Лондоне. Сам Лафарг вскоре вернулся в Бордо, чтобы поднять в Бордосском округе восстание для поддержки Коммуны. Потерпев неудачу, он бежал в Испанию.

К этому письму относится, повидимому, одно место из письма Маркса к Кугельману (от 12 апреля 1871 г.), в котором он пишет: «Вчера мы получили далеко неутешительное известие о том, что Лафарг находится в настоящее время в Париже».

ни. Он сделал попытку описать влияние, которое оказывают экономические организмы на современное человечество.

В романе «Счастье дам» («*Au bonheur des dames*») автор вводит нас в жизнь экономического чудовища — парижского универсального магазина. Он показывает нам, как этот минотавр поглощает расположенные по соседству с ним маленькие магазины, как он пожирает их покупателей, вбирает в себя их посетителей и делает из их хозяев своих подчиненных и служащих. Как он будит и развивает в своих подчиненных — приказчиках, продавцах и продавщицах — интересы страсти и соперничества, не развившиеся бы при других обстоятельствах. В дни сезонных выставок он возбуждает в них лихорадочное желание все продать во что бы то ни стало, как сигнал к морской атаке воспламеняет воинственный дух на военном корабле.

В «Жерминале» перед нами предстают рудники, хозяйничающее под землей чудовище, которое поглощает людей, лошадей и машины и выбрасывает уголь. Это чудовище изменяет природу, отравляет воздух и уничтожает растительность вокруг своей жадной пасти; оно собирает в стада людей, живших прежде, как отдельные мелкие земельные собственники. Оно отбирает у них клочки земли, принуждает их никогда не видеть дневного света и жить при бледном мигающем свете маленькой лампочки среди тысячи опасностей, которым они подвергаются изо дня в день, не подозревая даже своей храбрости. В этом романе Золя показывает нам, как это хозяйничающее под землей чудовище, через страдания и нищету, через разнообразные муки ведущее людей против капитализма, чудовище, которое, как бог Паскаля, существует везде и нигде, доводит их до стачки, кровавых битв и преступлений.

Указать роману новый путь, вводя в него описание и анализ современных экономических организмов-гигантов и их влияние на характер и участь людей, — это было смелым решением. Одна попытка осуществить это решение делает Золя новатором и ставит его на особое, выдающееся место в нашей современной литературе.

Однако роман такого рода ставит перед автором гораздо более трудную задачу, чем любовно-адультерные истории современных литераторов, показавших себя законченными стилистами, но проявивших зато совершенно чудовищное незнание явлений и событий современной жизни, которую по их утверждению они описывают. Не считая грамматики и словаря, а также несколько сплетен, разошедшихся по модным бульварам или кочующих из салона в салон, а также новостей и уголовных происшествий, собранных в газетах под рубрикой «разное», они знают так мало, что можно подумать — они только что свалились с луны.

Чтобы написать такой роман, о каком мы говорили выше, так, как он должен быть написан, автор его должен был бы жить в непосредственной близости к такому экономическому чудовищу. Он должен был бы изучить его природу, проникнуть в глубину его существа, испытать на собственном теле его когти и зубы и дрожать от гнева на виновника пережитых ужасов. Подобный автор еще не появился, и мы сомневаемся в возможности его появления. Люди, захваченные колесами производственного механизма, из-за чрезмерной работы и нищеты опускаются на такую низкую ступень, доходят до такого отупения, что у них хватает сил только на то, чтобы страдать, но рассказывать о своих страданиях они уже не в состоянии. Люди прежних поколений, написавшие *Иллиаду* и другие героические истории, считающиеся лучшими творениями человеческого ума, были невежественны и необразованны. Они были более невежественны и необразованны, чем пролетарии наших дней, которые умеют читать, а

иногда даже и писать, но они обладали поэтическим талантом. Они пели о своих радостях и страданиях, о любви и ненависти, праздниках и битвах. Пролетарии, сделавшись придатком крупных индустриальных производственных механизмов, утратили прекрасный дар поэтического выражения, дар, которым обладают варвары-дикари, а также полудивилизованные крестьяне Бретани. Язык современных наемных рабочих, к великому сожалению, так ужасно обеднел, что содержит в наши дни какие-нибудь несколько сот слов, посредством которых могут быть выражены только самые необходимые потребности и простейшие чувства. С XVI столетия французский народный язык, как и литература, становится все беднее и беднее словами и выражениями. Этот факт — характерный симптом увеличивающегося вырождения людей.

Вследствие этого создать социальный роман, каким мы его описали выше, приходится тому, кто, желая изобразить жизнь наемных рабочих, стоит перед ней лишь как беспристрастный, посторонний наблюдатель. Ученый, в течение долгого времени занимавшийся изучением развития современных экономических организмов и наблюдавший, какие ужасные последствия они несут для рабочей массы, мог бы, действительно, взяться за эту задачу, если бы в наши дни ученые не замыкались в своих специальных научных изысканиях, точно замурованные в них, и если бы они не оказались неспособными оставить на время свои исследования, чтобы изобразить в художественной форме современные им факты социальной жизни. Следовательно, неизбежно, что эта задача достается беллетристам, совершенно к этому неподготовленным вследствие ничтожности их практических знаний, а также вследствие условий и образа их жизни и мыслей. Им не хватает опыта, и они могут только поверхностно наблюдать людей и события той жизни, которую они описывают. Хотя они гордятся тем, что рисуют действительную жизнь, их взор останавливается только на внешней стороне вещей. В развертывающейся перед нами картине повседневной жизни они схватывают только внешние поверхностные явления.

Брюнетьер — критик журнала «Revue des deux mondes» — справедливо говорит о них: «Их глаза и руки сделаны таким образом, что они видят, наблюдают и передают только то, что считают способным возбудить любопытство той публики, к которой они обращаются». К сожалению, мы должны констатировать, что в этом отношении Золя не является исключением среди своих коллег.

* *

Золя (родился в 1840 г.) начал свой жизненный путь служащим большого парижского книжного магазина, но вскоре бросил это дело для журнальной работы. Сначала он писал в ежедневной газете «Колокол» («La Cloche»), которая пыталась быть республиканским «Фигаро» при Империи. После падения Наполеона III Золя последовал за Гамбеттой в Тур и Бордо, а когда началась яростная погоня буржуазных республиканцев за чинами и должностями, когда среди них прозвучал клич о дележе добычи, — Золя потребовал своей доли — места супрефекта. Ему было отказано в этой просьбе, после чего он отошел от политики и занялся сочинением романов. К политике он сохранил неприязнь человека, оскорбленного в своем честолюбии. Со слов Валэ, Золя отзывался о политике с презрением, как о «нечистом ремесле». С этих пор жизнь его проходит в полном уединении, он живет, «как медведь в своей берлоге», по его собственным словам. Недавно в нем опять проснулись честолюбивые стремления. Он вышел из своего уединения, позволил избрать себя пре-

зидентом союза писателей и стал мечтать об Академии и о Сенате — об этих двух богадельнях для отставных, дряхлых, искалеченных литераторов и политиков.

Чтобы придать своим произведениям единство, Золя в подражание Бальзаку назвал их «Естественная и социальная история одной семьи эпохи Второй империи». Впоследствии он выполнил этот план таким образом, что один из членов этой семьи в каждом из его романов играет выдающуюся роль. Однако единство, которое должно было сохраниться по плану, оказалось скорее условным, чем действительным. Это единство выразилось не столько в описании истории одной семьи, сколько во всем плане изучения социального организма, составляющего скелет капиталистического общества.

Достойно сожаления, что Золя, человек с бесспорным и неоспоримым талантом, ведет жизнь отшельника и благодаря этому теряет способность правильно изображать то, что он описывает. Натуралист и химик тоже удаляются от мира, но они уединяются в своей лаборатории, чтоб изучать в непосредственной близости предметы и их свойства, которые их интересуют и которые они хотят исследовать. Когда же Золя живет и творит в отшельническом уединении, то он удаляется именно от тех предметов и свойств, которые служат объектом его изучения. Таким образом он принужден «*reindre de chic*»¹, да будет мне дозволено применить этот характерный термин художников.

Он думает устранить несовершенство своего метода беглым осмотром в действительности тех условий жизни, которые он хочет описать. Так например, он едет 50—100 миль на паровозе, чтобы ознакомиться с ощущениями машиниста; посещает большие универсальные магазины в дни сезонных выставок и распродаж и наблюдает бурный людской поток, изучая страсти, волнующие коммерсантов и людей, им подвластных. Он проводит неделю на угольных копях в Босе, чтобы изучить образ жизни углекопов и крестьян и писать о них на основании собственных наблюдений. Эти мимолетные наблюдения он пополняет сведениями, добытыми из книг, газет и частных бесед. Работа Золя и его наблюдения сводятся в конце концов к работе газетного репортера.

Как только случится какое-нибудь событие, совершенно несведущие репортеры мчатся к месту происшествия. Они не могут терять времени на основательное исследование обстоятельств, о которых им надо писать: они должны увидеть все в одно мгновение, а потому видят только поверхность таких явлений, которые каждому бросаются в глаза. Они не в состоянии разобраться в существенных моментах события, выяснить его причины, проследить и осознать разнообразие действия и противодействия этих причин. Не удивительно поэтому, что в заметках репортеров, как и в заметках Золя, оказывается очень мало оригинальных наблюдений — таких, которых не делали бы неоднократно и раньше.

Золя глазом художника схватывает на лету внешнюю сторону вещи, запечатлевает ее и, обладая большим изобразительным талантом, маскирует банальность своих наблюдений романтическими картинками, которые захватывают читателя и держат в плену, но не переносят на место действия и не дают ему ясного представления о предмете. Художник-живописец может без труда воспроизвести картину по рассказам путешественника, описывающего просто, без беллетристических претензий, то, что он видел; но это очень трудно, почти невозможно сделать со слов беллетриста, который стремится только к тому, чтоб ослепить нас богатством образов и красочностью языка.

¹ *Peindre de chic* — значит писать картины не с натуры, а по памяти и описаниям.

Золя ищет успеха ради успеха. Он оценивает талант писателя по количеству сбываемых издателем томов. Так как буржуазная публика меньше всего любит новшества, то он остерегается преподносить ей что-нибудь новое. Скриб, хорошо знавший эту слабость буржуазного ума, сказал в ответ на острое словцо своего друга: «Повторяйте это слово всегда, напечатайте его, заставьте пройти повсюду, и, когда оно обойдет целый круг и будет у каждого на языке, тогда я введу его в свое произведение. Все те, кто его слышал и повторял, будут ему рукоплескать». Читатели, для которых Бальзак скучен — а таково большинство читающей публики, — не будут знакомиться с глубоким произведением, с серьезным и настоящим документальным исследованием, употребляя излюбленное выражение Золя и его друзей. Сцены и образы, мелькающие перед их глазами, как картины в волшебном фонаре, отвечают их потребностям и не заставляют их напрягать внимание; всякое размышление становится для них излишней головоломкой.

Золя знает вкус публики: он пускается в пространные описания, но при этом рисует своих героев только бегло, широкими мазками. Так как он наблюдал и изучал их лишь мимоходом, то они редко подходят для тех ситуаций, в которые ставит их автор. Большинство своих персонажей Золя получил из вторых рук, и потому описаны они неестественно. Рассказывают, например, что он заставил одного художника нарисовать углекомпа в натуральную величину во всех положениях, принимаемых им во время работы, чтобы описать углекомпов в «Жерминале» («Углекомпы»).

Описание, помещенное в первой главе романа «Земля», не представляет сцены, виденной самим автором; это скорее поэтическое воспроизведение знаменитой картины Мийе «Сеятель» («Le Semeur»), украшенное вплетенным в него эпизодом случки коровы, который был протокольно описан Ролина в одном из его стихотворений еще задолго до Золя.

Биограф Золя, Поль Алексис, своим описанием того, как был сострянпан роман «Нана», осветил нам метод работы его творца¹. Золя собирает заметки, которые он черпает из газет, книг и разговоров, затем заботливо изучает и классифицирует их, обозначает соответственными надписями и вносит в каталог. Время от времени он извлекает эти заметки для работы, сшивает разрозненные заметки воедино, и роман готов. Брюнетьер думал смутить Золя, указав ему, что он плагиатирует английского писателя Otway'a², Золя ответил ему на это: «Если бы вы знали газеты и

¹ «Emile Zola, Notes d'un ami». Par Paul Alexis.

² Приводим открытый Брюнетьером плагиат, так как он очень характерен. Мы читаем в «Нана»: «Он (любовник Нана) изображал иногда собаку. Она бросала ему свой надушенный платочек, а он должен был бежать на четвереньках в противоположный угол комнаты и поднимать его зубами.

— Пиаль, Цезарь. Я побью тебя, если ты будешь лениться... Молодец, Цезарь! Послушная собака, хорошая собака.

И ему нравился этот позор. Он испытывал какое-то особенное наслаждение, превращаясь в животное. Ему хотелось бы опуститься еще ниже.

— Бей же сильнее! — кричал он. — Вау, вау, я взбесился! Бей же меня!»

В известном произведении Томаса Отуэя (Otway) «Спасенная Венеция» сенатор Антонио становится любовником одной куртизанки по имени Акилина. Она его прогоняет, называет идиотом, говорит, что единственное его достоинство — его деньги.

— Значит я собака?

— Конечно собака, монсиньор.

В ответ на это он лезет под стол и лает.

— Как?! Ты кусаешься? За это ты получишь пинок.

— Ну, что ж такое! Мне это нравится. Я хочу пинков. Больше пинков! Вау, вау, вау! Сильнее бей, сильнее!

Этот образчик стремления к собачьей покорности Золя нашел не при чтении сочинения Отуэя, он заимствовал его из истории английской литературы Тэна (т. III, стр. 656).

книги, из которых я черпал свои фактические сведения, вы могли бы найти в моих романах сотни подобных плагиатов. Как могу я избежать плагиатов, когда я описываю вещи, которых я не знаю, мимо которых я промчался с быстротой курьерского поезда?»

Сервантес, Д'Обинье, Смоллет, Русо и Бальзак писали только после того, как сами кое-что пережили и основательно изучили людей и их взаимоотношения, наблюдая их жизнь и деятельность в различных слоях общества. Романисты же нашего времени, именующие себя натуралистами и реалистами и утверждающие, будто они пишут с природы, запираются в своих рабочих кабинетах, воздвигают вокруг себя целые горы печатной и исписанной бумаги и хотят по ним изучить свежую, горячую, живую жизнь. Лишь изредка покидают они свои уютные квартиры, чтобы осмотреть, как любители, местность и набрать горсточку необходимейших поверхностных впечатлений. Гонкуры и Флобер, которые довели до высшей точки этот особенный реалистический метод наблюдения, утверждают, что писатель не только не должен принимать участия в политической борьбе своих современников, но и вообще не должен испытывать человеческих страстей, для того чтобы лучше описывать их: он должен быть каменным, чтобы вернее оценивать жизнь.

Невозможно представить себе, чтобы Данте мог написать свою «Божественную комедию», сидя в четырех стенах, как благополучный мещанин, равнодушный к широкой общественной жизни, не принимая страстного участия в современных ему политических битвах¹.

Реалистический метод скорее удобен для писателей, чем полезен для их творений. «Документальные» романы этих реалистов полны больших досадных неточностей.

Ориэль Шолль, шатавшийся по всем парижским трущобам, забавлялся тем, что раскрывал все погрешности, какие находил в романе Золя «Нана». Если описанная в этом романе жизнь публичной женщины высшего и низшего класса убедительна для молодого провинциала, который впервые ступил на парижскую мостовую, то настоящий парижанин, знающий эту жизнь досконально, только пожмет плечами.

И все-таки у Золя такой могучий талант, что, несмотря на несовершенство его метода наблюдения и на многочисленные документальные ошибки, его романы останутся значительнейшими произведениями нашей эпохи. Их необычайный успех вполне заслужен, и если они не всегда являются высокими образцами художественной литературы, как например, «Monsieur et Madame Cardinal» и некоторые романы небольшого объема, то это объясняется тем, что предмет, который они должны были охватить, был чрезвычайно обширен, и нужна была сила гиганта, чтобы поднять

¹ Гонкуры в своем «Дневнике» передают следующее признание Тургенева, метко характеризующее этого литературного представителя деятельной эпохи: «Когда мы с Флобером оспаривали значение любви для человека литературы, русской писатель опустил в волнении руки и воскликнул: «Что касается меня, то в моей жизни женщины играли большую роль. Ни книги, ни что другое в мире не могло мне заменить женщину... Как бы это выразить? Я нахожу, что только благодаря любви наступает тот особый расцвет человека, который не может быть вызван ничем другим... Слушайте: когда я был совсем молодым человеком, у меня была любовница, жена мельника в окрестностях Петербурга. Я встречался с ней во время охоты. Она была очень мила — светлая блондинка с темными глазами, что часто встречается у нас. Она ничего не хотела брать от меня. Но раз она мне все-таки сказала: «Ты должен мне сделать подарок. Привези мне из Петербурга кусок душистого мыла». В следующий раз я ей привез мыло. Она исчезла, затем вернулась и с розовым от волнения лицом шепнула мне на ухо, протягивая ко мне свои душистые руки: «Поцелуй мне руку, как ты цедаешь в гостиных своим знакомым дамам в Петербурге». — Я стал перед ней на колени и, говоря вам по совести, что ни одно мгновение моей жизни не сравнится с этим для меня».

его, раскрыть и справиться с ним. И действительно Золя в сравнении с окружающими его пигмеями — великан.

«Деньги» — самый последний и пожалуй самый значительный из романов Золя; в нем ярко выделяются все достоинства и недостатки автора.

II. «ДЕНЬГИ»

Роман «Деньги» можно рассматривать как дополнение и противопоставление к роману «Накипь» (*Pot bouille*), т. е. к роману, в котором Золя с неумолимой резкостью и презрением описывает взаимоотношения в мелкобуржуазных кругах общества. Если раньше характерными особенностями мелкой буржуазии были правильный, строго размеренный тихий образ жизни, доморощенная честность и отсталое филистерство, дававшие художникам прежнего времени материал для изображения комических типов, то теперь, в новейшую эпоху, в романе «Накипь» она показана разлагающейся. И причиной такого изменения лица мелкой буржуазии была не жажда наживы, а давящая, постоянная нужда в деньгах. Отнюдь не погоня за удовольствиями и развлечениями, а главным образом жалкое, горемычное существование, полное забот. Мелкий буржуа должен рассчитывать, скряжничать, прежде чем он будет в состоянии купить же-не какую-нибудь ленточку или игрушку ребенку; со смертельной обреченностью копит он франки и сантимы.

В своем романе «Деньги» Золя вводит нас в совершенно иной мир, находящийся в полном противоречии с мелкобуржуазными кругами, — в мир, где не считают сантимов, а орудуют тысячами франков. Здесь мы видим золотой поток в более быстром, стремительном и бурном движении, чем в золотоносных водах Перу; здесь золото стало и средством, и целью всей жизни, всех помыслов, всей деятельности. И охотятся за ним уже не для обеспечения собственной жизни, не для поддержки существования собственной семьи, не для разрешения вечного вопроса: «Что мы будем завтра есть-пить, во что одеваться?» В этих кругах трудятся и мучаются не из необходимости, а исключительно для того, чтобы напромождать миллионы на миллионы, из любви к деньгам, ради денег. Еврей-миллионер Гундерман, которого Золя нарисовал в романе «Деньги», лишен всяких потребностей. В одном из своих произведений Бальзак выводит студента, веселого малого, бедняка в материальном отношении, но богато одаренного умственно, и этот студент в своей безысходной нужде утешает себя философскими размышлениями о том, что ни Наполеон, ни первый в мире богатч не могут ни обедать по два раза в день, ни заводить любовных связей больше, чем он, бедный студент-медик. Гундерман уже не может принять в себя и одного обеда в день, а женщины для него не существуют. Его разрушенный желудок переносит только молоко, и когда ему хочется основательно кутнуть, он высасывает сок одной виноградины. Его сердце ускоренно бьется только при повышении и понижении биржевых бумаг.

Но любовь к золоту, характеризующая людей в изображаемом Золя мире, это любовь не к осязаемому металлическому золоту, к золоту блещущему, сверкающему, радующему глаз своим солнечным сиянием, а ухо гармоничным звоном. Скупой Грандэ, описанный Бальзаком, нежно любит золото ради его физических свойств, ради его цвета, звона, он держит сверкающие червонцы в надежном хранилище, он, играя, пропускает их сквозь пальцы, ему доставляет ни с чем не сравнимое наслаждение копать в этих сокровищах, ощупывать их, гладить; он говорит о своем золоте ласкательными словами, восторженными, опьяненными речами влюбленного поэта: «Ну, принесите же мне мою любимую, мою зазно-

бу», говорит он дочери. «Поцелуй меня нежно, и я расскажу тебе тайну жизни и силы золота... Поверь мне, золото живет и движется так же, как и люди; оно уходит, возвращается, оно творит». Часами он услаждает себя зрелищем сложных в стопочки лундоров, — их блеск буквально гипнотизирует его. Он восклицает вдохновенно: «Это меня согревает!»

Биржевики не знают денег — «похищенных слез солнца»; через их руки проходят только бумаги, которые они лихорадочными движениями перебирают и мнут. Богатство для них не есть нечто видимое, осязаемое: это ряд абстрактных цифр метафизической ценности. Когда речь идет о газовых, железнодорожных или каменноугольных акциях, им не представляется картина необычайного, подобного колоколу, газометра, который ловит и держит в плену летучий, добытый из угля, газ; их умственному взору не представляются дымящиеся паровозы, бесконечные железнодорожные рельсы, подземные шахты и вагонетки, полные угля; перед их глазами проносятся только абстрактная ценность клочков бумаги, называемых акциями. Эта ценность для биржевиков бестелесна, она имеет неземную сущность: лично для них абсолютно безразлично, существуют ли в действительности вещи, которые эти акции представляют.

Золя должен был бы назвать свой роман не «Деньги», а «Биржа», ибо он рисует нам картину того круга общества, которого биржевая игра держит в постоянном лихорадочном напряжении и волнении, которого она разрушает, потрясает до мозга костей. Деньги в своем круговращении отражают все процессы и явления капиталистического общества.

Из-за нескольких франков продает себя рабочий на день, на неделю, на месяц, отдает жену и ребенка капиталисту, обрекает их на рабский труд на фабрике; ради денег рельсовые фабриканты подделывают государственные печати на рельсах и чиненными рельсами подвергают опасности жизнь тысяч пассажиров; ради денег использует президент Гревье свое политическое влияние, свое положение высшего чиновника и сановника французского государства для грязных афер; ради денег офицер рискует жизнью, кассир остается честным; ради денег творят поэт и писатель. Рост капитализма низвел человечество на такой низкий нравственный уровень, что оно знает и может знать только один двигатель — деньги. Деньги стали единственным возбудителем, альфой и омегой всех человеческих действий. «Деньги, — сказал Бальзак, — это *ultima ratio mundi*». Но Золя в своем романе не пытался изобразить порожденные всемогуществом денег добродетели и пороки во всем их объеме.

Все действующие лица его новейшего произведения вертятся вокруг одной финансовой спекуляции, — биржа служит полем битвы, где они сражаются не на живот, а на смерть. Но биржа не мастерская чародеев, где создаются богатства, а скорее разбойничий притон, где финансисты с помощью хитрости, всяческой фальши, лжи и обмана делят добычу — миллионы и миллиарды, добытые на полях, в недрах земли, на фабриках, в мастерских всего мира. Биржевики, хранящие в своих денежных шкапах и портфелях ценность целых гор продукции, сами не создали за всю свою жизнь самой ничтожной вещи. Их умственная работа ограничивается исключительно старанием так ловко расставить сети и западни, чтобы в них попало как можно больше миллионов, где-то, кем-то созданных, а где и кем — об этом такие господа чертовски мало беспокоятся.

Саккар, герой романа Золя, олицетворяет собой этот особенный мир. В момент, когда он появляется в романе, у него нет ни сантимата за душой; знакомые встречают его холодно или вовсе не замечают. Он человек разоренный, и искать дружбы в этом кругу бесполезно. В то время как его еще окружает всеобщее презрение, он выходит из своей нищеты победите-

лем. Те, кто незадолго перед тем избегали его, отворачивались от него с презрением, теперь преклоняются перед ним, курят ему фи-
 миам. В чем же причина такого быстрого превращения? Саккар стоит во главе удачной, имевшей успех финансовой спекуляции: акции его предприятия с баснословной быстротой подымались все выше и выше, несмотря на основательнейшие опасения окружающих, несмотря на интриги и предательство его компаньонов, несмотря на хитро задуманные комбинации его конкурентов. Идея этой спекуляции принадлежит не Саккару. Нельзя назвать его и организатором административного механизма предприятия. Все было придумано и организовано скромным инженером с мистическим характером, попавшим в эту компанию жуликов. Саккар — не кто иной как «грюндер», как человек, который знает чудодейственное слово, открывающее кошель акционеров. Это человек, обладающий волшебным искусством одурачивать людей, подсовывая им клочки бумаги в обмен на звенящие, драгоценные золотые монеты, которые им дороже чести, жены, детей и любимой собаки.

В основе романа Золя лежит истинное происшествие: факты, поэтически им обработанные, — это история финансового общества «Union General», возглавляемого господами Бонту и Федер. «Union General», пытавшееся ограбить Францию, Австрию, Сербию и Румынию путем организации банков, горной промышленности, железных дорог и заводов и освященное благословением папы, долгое время было чудесной сберегательной кассой, приносившей добрым католикам баснословные проценты. Такие проценты вряд ли сумел бы выжать даже настоящий ростовщик. Общество «Union General» должно было стать банком папства и всех католиков, и его крах — один из величайших крахов нашего времени — потряс весь финансовый мир, задев самые отдаленные от него круги.

Саккар — умелый, знающий все ходы и выходы создатель мошеннических предприятий. Он отлично знает, что всякая финансовая спекуляция процветает не в руках честных и сведущих людей, а в руках продвух негодяев, играющих на бирже влиятельную роль, или тех, кто с помощью своего старого дворянского имени, депутатского звания или даже только какого-нибудь ордена импонируют дуракам, а также и тех, кто не имеет никакого отличия кроме золотого мешка. Руководствуясь этим, Саккар подбирает членов правления для основанного им мошеннического предприятия. Он знает кроме того, что, если хочешь получить прибыль

LA LÉGENDE

DE

VICTOR HUGO

PAR

PAUL LAFARCUE

PRIX: 0 30

PARIS

LIBRAIRIE G. JACQUES & Co

1, rue Casimir-Dezavigne.

Tous droits réservés

ОБЛОЖКА БРОШЮРЫ ПОЛЯ ЛАФАРГА О ГЮГО

от коммерческого дела, то надо широчайшим образом использовать рекламу.

Можно было ожидать, что Золя, желающий быть ультрареалистическим писателем, с удовольствием копающийся в отталкивающих, отвратительных патологических описаниях и, не задумываясь, с вызывающим видом употребляющий грязнейшие выражения, будет иметь мужество высказать полную, неприкрашенную, хорошо ему известную правду относительно рекламы — жульнической финансовой операции — и той роли, какую играет пресса в этом деле.

Но у него на это не хватило мужества ни в романе «Деньги», ни в «Углекопах». В первом он пощадил прессу, эту «торговку ядом», как выразился Бальзак. У него не хватило смелости показать, что вся буржуазная печать продана финансистам, что эта печать, как проститутка, просьбами и угрозами старается снискать их благоклонность. Мопассан, единственный из современных писателей, в романе «Милый друг» осмелился приподнять уголок завесы, скрывающей бесчестие и позор парижской буржуазной прессы¹.

Золя тоже дает образ журналиста, спустившегося на дно благодаря распутной жизни и долгам, — журналиста, пишущего по заказу статьи, где он сегодня называет белое черным, а завтра черное белым и получает за это моральные пощечины. Но этот журналист принадлежит к литературной богеме, он не пользуется ни влиянием, ни авторитетом. Его беспринципность в благоприличной среде буржуазной журналистики принимается как редкое исключение. Когда Золя обходит молчанием глубокую развращенность прессы, это происходит отнюдь не от незнания этого обстоятельства. Он очень хорошо знает прессу, так как сам был журналистом и по сей день сохранил с журналистикой постоянные связи. Он боится описать правдиво именно ту общественную среду, которую знает по личным наблюдениям и опыту и относительно которой у него должны быть верные и точные документы. Но ведь Золя, как и все его уважаемые товарищи по перу, тоже коммерсант, и потому он щадит журналистов: ведь они своей рекламой влияют на больший или меньший сбыт его книг. Сначала расчет, а потом, если можно, искусство. Вот почему Золя остерегался показывать, как почтенные, уважаемые, самые важные и скучные газеты предоставляют свои первые страницы в распоряжение крупных финансистов, чтобы те могли обманывать и обкрадывать тех буржуа, которых обслуживают эти газеты².

¹ Не так давно Порталис, главный редактор известной парижской газеты «Siècle» имеющей в числе своих сотрудников депутатов и служащих муниципалитета, Мариони, администратор «Petit Journal», и Шарль Лоран, городской светник Парижа и главный редактор газеты «Jour», перемывали публично грязное белье друг друга. В своих газетах и плакатах, которые расклеиваются как в Париже, так и в провинции, они называли друг друга мошенниками и продажными прислужниками финансистов. Вся эта грязь, выплывшая наружу во всем своем бесстыдстве, не вызвала ни малейшего негодования среди остальных журналистов: они дрожали от одной мысли оказаться замешанными в ссору этих трех неистовых спорщиков; они боялись, что газеты обрушатся на них с подобными же разоблачениями. Газета «Petit Journal», доказав на основании документальных данных, что Порталис вымогал и отнял у фабриканта медных колец Секретана много сотен тысяч франков, предлагала исключить его из союза журналистов. «Ручаюсь, что они этого не сделают», был простой ответ Порталиса. И несмотря на то, что он был уличен и заклемен, он продолжал быть членом вышеупомянутого «благородного» союза и пребывал в интимной дружеской связи с остальными парижскими журналистами. «Рыбак рыбака видит издалека», как говорит пословица.

² В прошлом мае правительство было вынуждено пойти на маленькую уступку общественному мнению и потому сделало вид, что возбуждает законное преследование против администраторов панамской авантюры, вытянувшей 1 500 млн. фр. из карманов

Но Золя с удовольствием дважды повторяет случай, который, произойди он в действительности, мог бы скорее сойти за озорство, чем за рекламу¹. Нет ничего почтеннее и нравственнее объявлений спекулянтов. Эти господа могли бы преподавать иезуитизм самим иезуитам.

На бирже борются между собой за господство католический банк Саккара и еврейский банк Гундермана (псевдоним Ротшильда). Удалившись в сврю берлогу, полный веры в чудодейственную силу своих миллионов (победа всегда на стороне больших батальонов, говорил еще Тюрэн), холодный, спокойный еврей предоставляет нервному, лихорадочно-возбужденному католику тратить свои силы в ряде спекуляций, на которых акции «Универсального» с первоначального курса в 500 франков головокружительно взлетают до 3000 франков. Когда Саккар изнурен этой пирровой победой, Гундерман внезапно бросает свои миллионы на биржевой рынок и, разорив этим своего конкурента, повергает его в прах. Одним ударом Саккар сброшен с вершины счастья в тюрьму, и все те, кого он обогатил, снова покидают и предают его. Он побежден, но не раздавлен: в своей тюремной камере в «Консьержери» он строит планы новых предприятий и спекуляций. Он мечтает обладать большими богатствами и в мечтах вновь видит себя господином и властителем биржи. Он видит, как через его руки снова проходят сотни миллионов.

Во второй половине нашего столетия много раз возникала ожесточенная борьба между домом Ротшильда и банками, объявлявшими ему войну из-за господства на денежном рынке. В первые годы правления Наполеона III разбогатевший на торговле государственными бумагами Ротшильд был представителем старой манеры спекуляции: он пускался только на самые верные финансовые аферы и спекулировал исключительно миллионами, лично ему принадлежащими, или за которые отвечал его банк. Однако Перейра и другие последователи теорий Сен-Симона направляли спекуляцию по другим путям. Не обладая никаким личным имуществом, они заставляли публику снабжать себя капиталами, необходимыми для их целей, а так как они спекулировали чужими деньгами и не подвергались никакой опасности личных потерь, — им нечего было терять, — то они пускались сломя голову в рискованнейшие финансовые приключения. С тех пор началась та спекулятивная лихорадка, которая держит французский народ в постоянном напряжении. Спекулянты новой школы пробовали разорить Ротшильда, но он сам разорил одного за другим Перейра, Миреса, Филиппара и Бонту. Старый еврей был так непоколебимо уверен в своей конечной победе, что, как рассказывают, он оставил незанятым письменный стол, за которым работал его яростнейший противник Перейра в свою бытность служащим его банка, и на вопрос об этом холодно ответил: «Он еще снова займет свое место».

Побежденные Ротшильдом были новаторы в области спекуляции. Вве-

мелких вкладчиков. Депутат Делаэ, атаковавший эту компанию в Palais Bourbon, утверждал, что она может представить отчет в издержке только 600 млн. фр. и что остальные 900 млн. украдены или растрочены. Этот депутат объяснил репортеру газеты «Eclair»: «Господин Фердинанд Лессепс так ловко сделал своими соучастниками парламент, печать и Академию, что обеспечил себя от всякого судебного преследования. Никто не рискнет схватить его за шиворот». Лессепс сумел купить всех и каждого, потому его и называли «великий француз». После того как была соблагодена видимость судебного следствия, судебные власти прекратили дело против него... Лессепс, его сыновья и соучастники наслаждались в дальнейшем заслуженным миром, пожившимся на миллионах, добытых так честно и с таким трудом.

¹ Описанный в романе «Деньги» журналист Жантру, состоявший в услужении у финансистов, татуировал слова «Achetez de l'Universelle» («Покупайте акции «Универсального» — так называлось основанное Саккаром предприятие) на самых интимных и нежных частях тела некоторых любезных дам, рекламируя таким образом предприятие даже на рынке любви.

денные ими идеи, комбинации и методы добычи денег произвели полную революцию в деловом мире и на бирже. Они собрали в своих руках сбережения буржуазных кругов и широких народных масс, чтобы направить их мощным потоком на индустрию и торговлю. Они выполняют, так сказать, роль всасывающего и нагнетающего насоса в движении народного достояния. Призыв к «объединению мелких капиталов» — это идея, исходящая из учения Сен-Симона, и осуществление ее было необходимостью для экономического развития. Железные дороги и новейшие механизмы — такие гигантские сооружения, что создать и оборудовать их средствами единолично накопленного капитала — вещь совершенно невозможная. Для этой цели необходимо собрать капиталы у масс и соединить в один гигантский капитал. Перейра и Мирес взяли на себя эту задачу; они могут похвастаться, что сотворили большее чудо, чем воскрешение Лазаря: они сумели убедить мелких буржуа и крестьян расстаться с милыми, дорогими их сердцу деньгами и доверить их им. Так получили они возможность доставать капиталы, в которых так нуждалась молодая, быстро развивающаяся крупная индустрия. Перейра и Мирес сильно подвинули промышленное и торговое развитие Франции, упавшее во время Империи. Но они работали прежде всего и, конечно, против своего желания на увеличение банка Ротшильда, который некоторое время наблюдал за их ростом и успехами, а затем сбросил их и захватил созданные ими финансовые и индустриальные организации.

Золя не знаком с историей парижского финансового и биржевого мира: как настоящий репортер он удовольствовался тем, что несколько часов провел на бирже, изучил место действия и записал болтовню нескольких биржевиков, так же мало осведомленных в истории биржи, в своей истории, как и он сам, ибо, когда эта история не имела влияния на повышение или падение акций, она мало их интересовала. По мнению Золя борьба между Саккаром и Гундерманом — только дуэль между католическим и еврейским спекулятивным капиталом. Однако Перейра и Мирес были такими же подлинными евреями, как Соломоны и Натаны из семьи Ротшильдов; они обвиняли Ротшильдов в принадлежности к северным евреям — «аскинази», в то время как себе оставляли честь быть представителями южных — «сефарди». Они по их мнению великодушнее и имеют менее грязные наклонности. Эта война против дома Ротшильдов, победоносно устоявшего против всех бурь революции 48 года и ставшего лишь более могущественным чем когда-либо, имела целью его свержение, но он смело сопротивлялся и победил своих врагов, находящихся под покровительством и защитой Империи и оппортунистов. Борьба между старой и новой формами спекуляции и ее представителями должна была бы служить внутренней основой романа, она придавала бы ему эпический размах.

* *

Трудно описать биржевиков и их вечные дразги так, чтобы это было интересно. Но Золя все-таки сумел оживить драматическим действием находящийся перед ним материал. Если мы рассмотрим преодоленные им трудности, изобилие деталей, искусный план, убедительное развитие характеров, из которых многие великолепно изучены, тогда мы должны будем сознаться, что роман «Деньги» — создание мастера.

Золя доказал с первой же главы, что его роман — не ученическая работа, не копия с картины, наподобие «Земли», но действительно захватывающая картина с натуры.

Читатель с первой страницы вводится в центр жизни и деятельности биржевого мира. Золя вводит его в кафе, где маклеры завтракают и ждут, когда пробьет благословенный час для молений золотому тельцу:

он ведет его на задворки жизни биржевиков, в самую гущу суеты, куда спекулянты приходят и уходят, где они едят, пьют, курят, кланяются друг другу, громко переговариваются или тихим голосом делятся мнениями, впечатлениями, мыслями об единственном интересующем их предмете, единственно страстно волнующем их вопросе: о курсе биржевых бумаг, или о политических событиях, могущих повлиять на него. И в этом шумном мире, где каждый уединяется со своими расчетами и комбинациями, замыкается в своем эгоизме, подымается сильно очерченная фигура Саккара. Беспокойный и презираемый он обдумывает и готовит новую большую спекуляцию и даже намечает людей, которые будут его обслуживать и могут быть ему полезны. И несмотря на то, что он разоренный человек без кредита и протекции, что брат его, министр, чтобы отвязаться от него, предлагает ему место супрефекта в провинции, он все-таки составляет план завоевания Парижа.

Золя воодушевлен желанием дать читателю представление об этих удивительных, своеобразных фигурах, жестикулирующих на бирже, как одержимые, кричащих до хрипоты и встречающихся по соседству с биржей на каждом шагу. В его романе мы в изобилии находим остро нарисованные силуэты из этого мира. Буш и Мешен со своей сумкой, наполненной бумагами, представляют собой типы спекулянтов, павших на дно. Они скупают акции лопнувших акционерных обществ, негодные долговые обязательства, неоплаченные векселя и т. п. Все эти обесцененные бумаги они классифицируют, записывают и затем терпеливо ждут, четыре, пять, даже 10 лет. Они ждут случая пустить их в ход с прибылью, но обычно такой маленькой, что она не оплачивает ни сил, ни забот, ни времени, потраченных этими воронами с коммерческого и финансового поля битвы.

Возле здания биржи, внутри ограды, заключающей в себе площадь, усаженную чахлыми каштанами, площадь, на которой возвышается здание золотого тельца, находится другая биржа, называемая биржей «мокрых ног» (*des pieds humides*). Это странное название досталось ей за то, что она происходит под открытым небом, вследствие чего с посетителями ее случается то же, что происходило с покупателями и продавцами на базаре до постройки крытого рынка. «Мокрые ноги» — это типы, о которых не всегда можно сказать, откуда они явились, их прошлое большею частью далеко не чисто и беспорочно. В потертых плохо сидящих пальто, порывевших и засаленных шляпах, в стоптанных башмаках, поглощающих в дождливые дни больше воды, чем их владельцы, эти типы барышничают обесцененными акциями, упавшими с 1000 и 500 франков до 50 и даже до 5 сантимов, подобно тому как финансовые тузы спекулируют государственной рентой, железнодорожными акциями, акциями предприятий, дающих жирные проценты. «Мокрые ноги» продают денежные документы, выпущенные лопнувшими акционерными обществами, наивным простакам, верящим против всякой очевидности, что они еще поднимутся, но чаще сбывают свои акции мошенникам, которые хотят стать владельцами фиктивного капитала, чтобы с его помощью ослепить родителей наследницы, с чьим приданым они хотят вступить в брак; или для того, чтобы избежать строгостей закона и скрыть злостное банкротство. В последнем случае они разыгрывают из себя невинную жертву неудавшейся спекуляции: когда в момент вынужденного расчета они не имеют ни гроша в кассе для удовлетворения своих кредиторов, имеющиеся налицо акции, не стоящие и 5 сантимов, но за которые якобы заплачено 500 франков, с очевидностью доказывают, что виной всему неудавшееся финансовое предприятие. В романе «Деньги» мы не находим описания этой в высшей степени интересной необыкновенно характерной спекуляции низкого пошиба, показывающей,

так сказать, оборотную сторону настоящей биржи. Об этом мы можем только искренне сожалеть, так как «биржа мокрых ног» — это едкая сатира на биржу королей золота, но у Золя нет именно сатирической жилки.

В романе много интересных эпизодических фигур. Дежуа — тип честного работника, долгие годы собиравшего грош за грошом, чтобы сколотить приданое своей дочери; после того как Саккар устроил его на мелкую должность, Дежуа преданно служил ему, жертвовал собой и остался ему верен, когда все отвернулись от свергнутого властелина. Крах банка поглотил и его собственные сбережения, плоды трудов и забот всей жизни. Маркиза Бовилье, чьи предки известны с крестовых походов, живет в жесточайших лишениях и так же бедна здоровьем, как и золотом; она доверила Саккару последние крохи своего состояния, приданое своей дочери, и вложила в спекуляцию свою последнюю надежду обновить герб своих предков. Можандр — мелкий буржуа, отошедший от дел, живущий на покое и владеющий скромным состоянием. Он обладает всеми мелочными добродетелями и большой дозой житейского пошлого благоразумия, ненавидит всех маклеров, чувствует отвращение к игре и тем не менее попадает в тенета и дает Саккару раздеть себя догола. Знатная и очень гордая баронесса фон Заудорф, супруга посланника, также захвачена в железные тиски спекуляции, из которых нет спасения. Чтобы покрыть свои потери в биржевой игре, она продает себя судебному чиновнику, стоящему на пути к министерскому портфелю. Затем она становится любовницей Саккара, чтобы получать от него полезные указания и играть наверняка в своих спекуляциях; под конец она предает его. В то время как он спит, она обшаривает его карманы и спешит к Гундерману, чтобы передать ему похищенную тайну. Она надеется на приличную награду, так как еврей обещал дать ей хороший совет, если она будет ему полезна. И хороший совет не заставляет себя ждать: «Послушайте меня, — сказал ей Гундерман, — не играйте, не играйте никогда. Это вас только безобразит: женщина, которая играет, очень безобразна». Эти слова были единственной наградой, выпавшей на ее долю за то, что она была причиной падения своего любовника. Стараясь добывать нужные сведения для биржевой игры, которой она предается со страстью, она падает все ниже и ниже и становится, наконец, любовницей Жантру, опустившегося и пропившегося биржевого журналиста, который ее, знатную и гордую баронессу фон Заудорф, хлещет по щекам и бьет, как самую простую продажную девку. Полковник Шаве играет на бирже с разумной осторожностью тактика, чтобы увеличить свою пенсию и иметь возможность следовать своим порочным наклонностям старого сладострастника, сластолюбца. Образ Максима, старшего сына Саккара, также в высшей степени удачен. Это тип человека «*Fin du siècle*». Он кокетлив и наряден, как расточительная проститутка; жизнь его уже истощила, хотя ему только 26 лет. Он эгоистичен и скуп для ближнего, зато не останавливается ни перед какой тратой, если дело касается его драгоценной особы; это скучный человек, следящий и наблюдающий свою скучную жизнь и находящий в этом наблюдении свое единственное занятие. Он судит очень правдиво и верно о своем отце. «Видите ли, — говорит он Каролине, — отца надо понимать. Ей-богу, он не хуже других. Только его дети, жена, все, что его окружает, стоит для него на втором месте после денег... О, поймите меня! Он любит деньги не как скряга, которому нужно обладать большой прудой золота, — только чтобы запрятать ее в свой подвал. О, нет, он хочет отовсюду выманывать деньги, черпать их из каждого источника, чтобы видеть, как они стекаются к нему потоком, ради наслаждений, роскоши и могущества, доставляемых ими... Что вы хотите? Это у него в крови. Он продал бы и вас, и меня, и любого человека, если предположить, что есть

Le Perreux 22/3/90
Cher monsieur,

Vous m'avez annoncé dans votre dernière lettre que mon article devait paraître dans le numéro du premier mars et que la Direction de la revue devait m'écrire, je n'ai rien reçu de Mme Evreinoff et je ne sais si l'article a été publié. — Probablement Mme E. est pressé pour écrire la préface, ainsi je vous prie d'avoir l'obligation de continuer à nous servir d'intermédiaire, car autrement je risquais de n'avoir aucune nouvelle de la revue.

Mes études sur la criminalité qui ont paru en Allemagne ont été publiées dans une revue italienne, et ont de valeur qui par le diagramme qui les rendent intelligibles, et si Mme E. objecte à la production de diagrammes, je crois qu'il est préférable que la revue ne les publie pas. — Je lui envoie à la place ma étude philosophique sur l'origine des idées de Justice.

Ces jours je vous envoie une de mes articles dans la Nouvelle Revue ou j'ai signé Forgas. Madame Adèle la Directrice de la revue, a craint que mon nom ne me nuisît auprès de lecteurs, c'est étrange, mais exact.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ПОЛЯ ЛАФАРГА К НИКОЛАЮ — ОНУ ОТ 22 МАРТА 1890 г.
О оригинала, хранящегося в Институте Маркса — Энгельса — Ленина

Письмо интересно как свидетельство о попытке Лафарга напечатать одну из своих статей в «Северном Вестнике». Статья, о которой Лафарг пишет своему посреднику в литературных делах в России — Николаю — ону, это «Преступность во Франции за время с 1840 по 1886 г. (ее развитие и причины)». Работа над этой статьей отобразилась и в статье о Золя.

рынок, где он мог бы нас продать. И при этом он великий человек, ибо он воистину поэт миллионов, деньги оказывают на него такое магическое действие, что сводят его с ума, делают негодяем, но негодяем высокой марки».

Я привожу целый ряд интересных образов, так как здесь невозможно описать и проанализировать весь роман целиком. Все эти образы без исключения полны жизни и движения, и Золя с большим мастерством умело связал их с главным действием — спекуляцией Саккара. «Деньги» крепко спаянный роман.

В нем рядом с его героем Саккаром мы встречаем полный сил и спокойствия образ Каролины. Среди окружающего ее мира плутов и мошенников она, как лилия, выросшая на навозной куче, живет, не теряя своей чистоты; прямодушная, с которым она встречает всех, с кем имеет дело, ограждает ее от судьбы быть загрязненной и запятнанной при столкновении с окружающим ее пороком. Она верная опекунша и понятливый товарищ для своего брата, мистического ученого, изобретавшего интересные предприятия, но нуждающегося в финансах для их осуществления; она умная советница и хорошая домоправительница Саккара, с которым живет в супружеской связи, она восхищается его пылом, энергией, его организаторским талантом, но пугается его нравственной слабости, его склонности целиком безраздельно отдаваться своим увлечениям. Каролина помогает всем и защищает всех, с кем ей приходится сталкиваться, при этом она не глупа и не скучна и очень выгодно выделяется среди множество хороших и добродетельных характеров, выведенных в романах, особенно в романах нашего автора, как правило обладающих этими двумя вышеуказанными недостатками. Золя, впрочем, и в «Деньгах» представил два таких типа в лице молодой четы Жордан. Но он догадался представить их такими ничтожными и глупыми, как только возможно. Муж, добродетельный писатель, сотрудничает, не испытывая ни малейшего отвращения, в газете Саккара; ему за это платят, и его добродетель спокойна. Когда они испытывают нужду в деньгах, его жена, чья наивность вызывает отвращение, говорит: «Будет отлично. Будет очень хорошо. Мы купим на завтра маринованную селедку. Я видела чудесные на углу улицы Клиши. А сегодня вечером будет жареная картошка с салом!» Эта великолепная маринованная селедка и картошка с салом — это ли не реализм, не документальные детали!

Представленный в «Деньгах» мир менее всего может быть назван прекрасным, но вместе с тем Золя нельзя поставить в упрек то, в чем упрекали Бальзак, что он «безобразное делает еще безобразней». Действительность с ее ужасающей пряжей и безобразием отталкивает нас гораздо сильнее, чем все описания Золя. Безобразие действительной жизни затмевает все безобразнейшие ее изображения. Было ли это из-за желания автора попасть в Академию или благодаря особым свойствам темы, влиявшей на автора, но в «Деньгах» отсутствует та излишняя грязь, которую Золя так охотно вплетает в другие свои романы. Сцена, в которой прокурор Делкамбр застает свою любовницу, баронессу фон Заудорф, на месте преступления, действительно рискованна, но она правдива, как эскиз с натуры, набросанный отдельными штрихами, и необходима для острой и ясной обрисовки характера трех действующих в ней лиц.

Бальзак и Золя не пытались избежать изображения безобразного, встречающегося в действительности, а последний прямо наслаждался, вводя большие ненужные описания отвратительных, отталкивающих вещей, и именно эти описания считаются причиной успеха его романов. Во всяком случае они стоят в этом отношении позади сочинений Анри Монье (Henri Monnier), который всю мерзость действительной жизни изображал не в форме романа, а в виде коротких диалогических сценок. Читатель не вы-

держал бы, если бы описания Монье слишком растянулись. Золя можно и должно поставить в упрек, что он описывает действительную жизнь без остроумия, без сатиры, без юмора. Он пишет скучно; он не из тех писателей, которые пишут с упоением. Это скорее добросовестный работник, исполняющий задание, не очень его интересующее.

Насмешка и смех никогда не освещают романов Золя; ведь смеется же когда-нибудь цивилизованный человек, даже если он живет среди страданий и разложения. Если человеческая глупость безгранична, то все-таки и с уст непроходимого глупца срывается иногда не лишенная остроумия острота. Биржевой мир состоит из пестрой смеси людей всех слоев общества со всех концов мира. Среди них есть очень умные люди, есть скептики, хитрые, как лисы, умеющие весело выходить из самого скверного положения, для которых придумано очень характерное название «debrouillards» (debrouiller — распутывать, выпутываться). Золя не знает подобных людей и, желая быть правдивым во что бы то ни стало, он ни разу не употребляет выразительного слова «debrouillard». Среди них встречаются высокообразованные умные люди, которых беспутная жизнь, соединенная с внешней распушенностью, ставит на очень низкий нравственный уровень; из их рядов выходят писатели, пишущие о бирже и для биржи. Стоит прочесть биржевые отчеты и финансовые обозрения, чтобы понять и оценить их размах и талант; они умеют оживлять свой предмет и даже придают ему поэтическую окраску. Как заметил уже Шарль Фурье, биржевой язык очень поэтичен и образен. Он изображает биржевые бумаги, как живые существа, переживающие чувства, вызванные колебаниями их курса в душах биржевиков. Биржевые бумаги чувствительней мимозы: при появлении малейшего облака они съеживаются, становятся вялыми, опускаются, трепещут, испуганно прячутся и опадают. При первом солнечном луче они крепнут, стоят спокойно, готовые к борьбе, вздымаются в высоту, чтобы получить приз победы.

Золя таких вещей не замечает, и его действующие лица скучны¹.

* * *

Философствование — отличительное свойство человека и отрада его ума. Не философствующий писатель — только ремесленник. Натурализм, представляющий в области литературы то же, что импрессионизм в живописи, запрещает рассуждения и обобщения. По его теории писатель должен быть совершенно безучастным зрителем. Он должен воспринимать впечатления и отображать их и не выходить за пределы этого задания; он не должен анализировать причины явления и события, он не должен предсказывать влияния последних. Идеал художника — быть подобным фотографической пластинке.

Этот чисто механический метод художественного воспроизведения жизни чрезвычайно легок. Он не требует никакой подготовки и только небольшой затраты умственной энергии. Но если мозг, играющий роль фотографической пластинки, не очень восприимчив и не разносторонен, то художник подвергается опасности воспринять несовершенную и неполную картину, которая может оказаться дальше от действительности, чем картина, созданная необузданной фантазией. Этот метод свидетельствует только о незначительных умственных способностях писателей-натуралистов.

¹ Поль Алексис — опасный друг. Когда Золя упрекали, что художники, выведенные в романе «Творчество» («L'oeuvre») не обладают ни малейшим остроумием, Поль Алексис, работавший в газете «Cri du Peuple» под псевдонимом Грюбло, решил вступить за честь своего кумира и ответил: «Разве художники и писатели обязательно остроумны и все обладают юмором? Возьмите, к примеру, меня. Я не всегда забавен и не каждый день остроумен». Этот ученик напоминает своего учителя.

Бальзак философствовал всюду и обо всем. Он иногда даже злоупотреблял этим, наполняя свои произведения многочисленными рассуждениями и делая их слишком тяжеловесными. Он глубокий мыслитель и передает своим героям свой ум и обилие своих мыслей. Его роман «Шагренова кожа» («Peau de chagrin»), который даже нельзя причислить к его лучшим произведениям, содержит бесчисленные разговоры между журналистами, политиками, художниками, куртизанками. В них он высказывает более глубокие мысли об обществе, нравах и политике, чем можно найти во всей нашей новейшей печати. Золя обыкновенно мало философствует. В «Деньгах» он, в виде исключения, вложил в уста двух персонажей — Саккара и Сигизмунда Буша — рассуждения на общие темы, к этому его принудил материал. Но ни тот ни другой не могут внушить нам уважение своей философией.

Саккар не был обыкновенным человеком. Его жизнь была чрезвычайно многообразна, и поэтому он мог хорошо изучить всевозможные ее перипетии; он встречал много людей и видел много дел, попадал в различные положения; он был попеременно то богат, то беден; знал самые противоположные чувства: упоение борьбой и победой, мгновенное уныние при поражении, уколы честолюбия, обреченного на бездействие. Перед ним преклонялись и его презирали. В его мозгу несомненно должно было быть множество впечатлений и наблюдений, и сердце его должно было переполниться сарказмом и презрением ко всему человечеству.

Сигизмунд Буш, мыслитель, болезненно раздраженный человек, социалист, воспитанный на научной, проницательной теории Карла Маркса, как уверяет Золя. Поэтому можно предположить, что он обладает основательными знаниями финансового положения и экономической системы капиталистического общества, что у него есть своя точка зрения на развитие общества и на социальные преобразования, ставшие в наше время необходимостью. Он и Саккар, судя по их положению в романе, могли прекрасно играть роль мыслителей. Саккар должен был наблюдать современное общество с капиталистической, а Буш с социалистической точки зрения. Между тем вместо глубоких мыслей мы слышим от них только пустую болтовню. И то, о чем болтает Саккар, Золя заставляет постоянно при различных обстоятельствах повторять Каролину, которая с его же слов была «широко образованной женщиной, тратившей свое время на упорное старание познать мир и разобраться в спорных вопросах философии»¹. Стараться познать мир — с точки зрения Золя, значит терять время! Писатель не видит, что таким утверждением он ставит невежество над знанием и дает предпочтение глупости перед умом.

Саккар говорит много и долго. Дело не только в его южнофранцузском темпераменте, но в особенной манере Золя, предпочитающего монолог диалогу. Так однажды, когда шел разговор об удаче одного предприятия, он сказал глубокомысленно: «Каждый слух хорош, пока это только слух». Он любит позабавить публику и советует Жантру вплетать в свои биржевые известия забавные анекдоты. Золя мог бы интереснее изобразить духовную прошлость биржевиков, если бы заставил их выражать ходячие правила и идеи, свойственные их кругу. Пошлость была бы их характерной особенностью, и читатель получил бы правильное представление об интеллигенции капиталистов. Но Золя об этом не думает. Саккар развивает только одну теорию, теорию биржевой игры и спекуляции: «Надежда на большую прибыль, на лотерею, удесятворяющую вклад или поглощающую его», действует на разгорающуюся алчность буржуазии так сильно, что она разлучается со своими драгоценными деньгами и доверяет

¹ «L'Argent», стр. 175.

их обманщикам и плутам. Как без сладострастия нельзя было бы производить детей, так же без спекуляции и разгорающихся от нее страстей, захватывающих и пьянящих человека, невозможно было бы спаять гигантские капиталы, необходимые для экономического и культурного развития. Деньги — это дерьмо — служат навозом, на котором растут цветы цивилизации; несмотря на то, что они все разлагают, они придают пороку приятный аромат. Женщины веселого нрава и их жалкие друзья кажутся самыми благоухающими созданиями в мире. Деньги также дают возможность добрым душам, подобным графине Орвието, муж которой обогатился позорнейшими спекуляциями, оказывать благодеяния, помещать бедных несчастных детей в роскошные приюты и дарить им одежду и сладости. Здесь вкратце собраны глубокие мысли, высказанные героем романа Золя, повторяемые Каролиной и много раз с удовольствием переживаемые самим Золя для доказательства очевидной бедности мысли его произведения.

Сигизмунд Буш еще болтливее Саккара, он может наговорить еще больше глупостей и не заставляет себя долго ждать. Золя хотел очевидно изобразить его как человека исключительного: «кроме своего родного языка — французского, он знал немецкий, английский и русский». Для француза, знающего только один родной язык, знание нескольких языков уже делает человека необыкновенным. «В 1849 году, — читаем мы дальше, — он познакомился с Кельне с Карлом Марксом и стал одним из наиболее ценимых сотрудников «Новой Рейнской Газеты». С этого момента его убеждения твердо установились, он стал горячим защитником социализма и отдал всего себя на служение грядущей социальной революции, которая должна принести и обеспечить счастье бедным, угнетенным низшим классам». «Сигизмунд Буш поддерживал регулярную переписку со своим учителем, чьи произведения, главным образом «Капитал», который он называл своей библией, он изучал со страстным усердием». Кстати напомним здесь о забавном промахе Золя. Чтобы непременно быть точным, он уверяет читателя, что «Капитал» напечатан готическим шрифтом, в то время как все четыре немецких издания напечатаны латинским шрифтом.

Сигизмунд Буш, ученик Маркса, очевидно так же мало читал «Капитал», как Золя его перелистывал. Если же против всей очевидности он все-таки его читал, то из этого чтения он извлек крайне мало пользы. Хотя он и высказывает некоторые идеи о централизации национального богатства и о роли биржевых спекулянтов, «подготавливающих путь для коллективистического государства, которое произведет экспроприацию в крупном масштабе, в то время как спекулянты экспроприруют малые суммы у мелких держателей», хотя он и говорит о том, что деньги перестанут служить средством обращения товаров, как это уже встречается сейчас в родовом обиходе, но теперь это уже общие места в учении социалистов, столько раз повторявшиеся в течение десяти лет, что они проникли даже в умы филистеров и анархистов.

Однако эти идеи до некоторой степени разумны, поэтому в глазах Золя их недостаточно для того, чтобы обрисовать Сигизмунда Буша как настоящего социалиста. Он решил этого, так называемого ученика Маркса заставить повторять заблуждения Прудона, с которым Маркс как раз боролся. Наш усердный читатель «Капитала», как и Прудон, видит признаки исчезновения денег в хозяйственной жизни страны, в понижении процентов — обстоятельстве, указывающем, напротив, на постоянный рост количества денег. Этот ученый социалист полон противоречий, о которых его папаша Золя и не подозревает. Он толкует о том — Маркс и Энгельс это неопровержимо доказали, — как современное общество несет в себе мате-

риальные и духовные элементы для создания будущего коммунистического общества. В то же время он сидит по ночам и тратит свои силы на изучение того, как будет организовано будущее общество и как оно должно функционировать. Он мучает себя, стараясь найти в человеческом сердце силу, способную заменить личный эгоизм, порождающий и развивающий конкуренцию — этот двигатель прогресса в капиталистическом обществе.

Буш — этот воплощенный идеалист — не имеет никакого понятия о том, что Маркс как ученик Гегеля был убежден в вечном диалектическом изменении так называемых неизменных принципов. Но Маркс перерос своего учителя и указал, как происхождение и изменение этих принципов в человеческом мозгу находится в теснейшей зависимости от экономических условий. Буш, напротив, утверждает, что новая социальная организация будет покоиться на неизменных принципах справедливости и на заслуженном каждым праве.

Соревнуясь с Карлом Марксом, с которым он состоял в постоянной переписке, он «тратит все свое время на изучение новой организации, беспрестанно изменяя и улучшая на бумаге будущее общество; он исписывает цифрами целые листы и на научной базе создает сложную постройку всеобщего счастья».

Словом, Буш — недалекий, путанный человек, цепляющийся за фаланстеры и икарыйские утопии 1848 года. Золя же, напротив, выдвигает его как образованного мыслителя, любимого ученика Маркса, следовательно, ученого, который твердо убежден в том, что социальный организм, подобно животному, невозможно создать по желанию, но что, напротив, определенные общественные отношения создают и развивают обусловленные ими социальные формы. Золя же, должно быть, воображает, что Маркс был изобретателем романов. «Социалист» Сигизмунд Буш портит роман Золя, он является продуктом путанного представления. Такой роман, как «Деньги», поднимающийся выше уровня обыкновенных романов и отважно берущий на себя изложение и анализ социальных явлений, требует от автора определенного понимания общества. Ничего подобного этот роман не дает.

«Деньги» не могут похвастаться таким успехом, как «Нана» и «Западня», так как они больше привлекают внимание тех читателей, которые хотят изучить биржевой мир. Тем хуже для широкой публики, если она не может оценить этого романа по его истинным заслугам.

* * *

В наше время так много говорят о возрождении литературы, что каждый, кто только вздумает писать стихи или романы, наивно воображает себя основателем нового направления или новой особой школы. Поэтому можно поставить следующие вопросы: является ли роман в духе Золя¹ последним опытом возрождения и обновления формы романа, сделанным буржуазными писателями, или они обречены снова вступить на покинутый ими путь их предшественников, опять принять старые формы, с некоторыми изменениями в частности, приспособляясь к требованиям времени и употребляя их по-новому до тех пор, пока форма романа не изживет себя и не исчезнет, как исчезли классическая трагедия и эпическая поэма?

В следующей статье я постараюсь ответить на поставленные здесь вопросы.

¹ Золя не умеет определить, к какому роду романов принадлежат его лучшие произведения («Углекопы», «Земля», «Счастье дам», «Накипь», «Деньги»). Определения, как «натуралистический», «реалистический», «экспериментальный», «документальный», которые он дает под ряд своим произведениям, не точны и могут быть даны без разбора другим романам, не имеющим ни малейшего сходства с романами Золя.

КОММЕНТАРИИ

Статья Лафарга о Золя, как и все его литературные работы, тесно связана с политической деятельностью, с политической борьбой. Это — пример воинствующей партийной публицистики. Лафарг делает критический очерк о новом романе Золя средством борьбы с буржуазией, средством разоблачения буржуазного радикализма, с которым он как политик вел ожесточенную борьбу. Критический очерк о Золя переходит в памфлет на деляческий, узколобый характер буржуазной литературы, гонящейся за сенсацией, становится разоблачением продажности буржуазной прессы и культурного декаданса буржуазии; литературный очерк насыщается актуальнейшими политическими проблемами. Все это чрезвычайно характерно для Лафарга. Здесь нужно говорить об основной ценности его критического этюда о Золя: Лафарг разоблачает теснейшую связанность Золя с интересами французского капитализма. Он утверждает это относительно литератора, излюбленной позой которого является «антибуржуазность». Золя, как и всякий мелкобуржуазный радикал, настойчиво твердит о своей «независимости» от буржуазии. Лафарг беспощадно разрушает эту ложь, Лафарг очень глубоко вскрывает связи Золя с буржуазией. В этом — основной интерес, основная ценность статьи Лафарга.

Говоря о литературном методе Золя как о выражении буржуазного эмпиризма, как о поверхностности, возведенной в принцип, утверждая, что научность Золя далеко отстоит от материалистического понимания действительности, подчеркивая и разоблачая в методе Золя боязнь идей, широких обобщений, очень метко говоря о том, что Золя отвечал запросам буржуазной публики, вскрывая в таких романах Золя, как «Западня», ярко выраженную антипролетарскую тенденцию, — Лафарг имеет перед собой одну цель, одну задачу, которую он успешно и разрешает: показать, как всеми корнями своими творчество Золя внедряется в почву французского капитализма. В этом смысле статья Лафарга представляет актуальнейший интерес. Если взять эту статью в сопоставлении с тем, что утверждали относительно Золя критики вроде Жоржа Вейля, автора «Истории социального движения во Франции», то все значение работы Лафарга становится ясным. Жорж Вейль, социал-опортунист, говорит о Золя в слейном тоне «социалистического» восхищения. Как и все оппортунисты II Интернационала, Ж. Вейль охотно и слащаво распространяется о социалистическом характере таких произведений, в которых нет ничего кроме самой махровой оппортунистической проповеди. Вот как Вейль пишет о Золя: «Но вскоре автор «Ругон-Маккаров» перестает довольствоваться одним объективным воспроизведением своих наблюдений и начинает интересоваться возможными планами общественных преобразований. Уже в романе «Деньги» (1891), рисуя картину бешеных спекуляций и столкновений биржевиков, мы встречаем ученика Карла Маркса, предсказывающего гибель капитализма. Несколько лет спустя (1898) появляется «Париж» — роман почти социалистический, где группа рабочих направляет все свои усилия к созданию общества будущего; изобретатель-демократ, преисполненный ненависти к буржуазному обществу, готов на минуту увлечься анархическими покушениями, но в конце концов решил эксплуатировать свое изобретение для целей мирного прогресса и уничтожения войны. Наконец роман «Груд» отмечает окончательное обращение Золя к социализму. Общество, зарождение и развитие которого он изображает, представляет собою великую ассоциацию в духе Фурье, свободно образующуюся и обеспечивающую законную долю капиталу, труду и таланту; это — обширная кооперация, захватывающая все новые и новые группы людей и мирно подготовляющая республику будущего среди современного развратного общества. Впрочем романист изображает революцию, достигающую своего торжества и иными путями, — то победоу авторитарного и бюрократического коллективизма, то усаженными анархическими покушениями или одновременным разоружением народов, утомленных взаимною борьбою; повсюду устанавливается один и тот же режим, нечто вроде анархического коммунизма, основанного на науке, освобожденной от религии. Против религии же как источника невежества и тирании направлен и последний роман Золя «Истина». Бесстрастный изобразитель гнусных сторон человеческой природы сделался таким образом апостолом социальной реформы и пророком коммунизма». Рассуждения Жоржа Вейля типичны для социал-демократической критики, из которой можно извлечь сколько угодно подобных оппортунистических шедевров. Лафарг противопоставляет этому. Этюд Лафарга является превосходным оружием, разоблачающим не только данное произведение Золя, но и его творчество в целом. В этом смысле работа Лафарга может быть противопоставлена и высказываниям некоторых наших критиков. Не говоря уже о М. Д. Эйхенгольце, предисловия которого к томам редактировавшегося им Собрания сочинений Золя ближе к Вейлю, чем к Лафаргу, и являясь примерами апологетики Золя, — в наших марксистских учебниках по истории западных литератур вопрос о Золя не поставлен с необходимой ясностью. Фриче говорит о том, что романы Золя «объеяны до известной степени социалистическим духом», в этом же направлении рассуждает и А. В. Луначарский. Ни у Фриче, ни у Луначарского мы не находим и попыток разоблачить реформизм Золя. Со-

дается нечто вроде поддерживаемой и нашими марксистскими критиками социалистической легенды о Золя.

Статья Лафарга ставит вопрос о разрушении этой легенды. Нисколько не сомневаемся, что ее резонанс будет именно таким. Она ни на йоту не устарела в том смысле, что ставит со всей остротой вопрос о партийной оценке произведений Золя, о борьбе с объективизмом, пассивистской нейтральностью в оценке произведений художника, последний период творчества которого связан с эпохой империализма. Можно было бы привести много свидетельств, показывающих, что «социалистический» период в творчестве Золя был в такой же степени связан с защитой интересов французского капитализма, как и период создания романа, которому Лафарг посвятил свой очерк. Ничем другим не являлись последние произведения Золя, как оппортунистической проповедью примирения труда и капитала, как художественной интерпретацией теории Жореса и других пророков социал-реформизма во Франции. В набросках к «Риму» читаем: «Теперь надо наемный труд заменить чем-нибудь иным — участием рабочего в прибылях капиталиста... Приходится создавать новое общество, происходит наступление демократии, открывается новая фаза в истории человечества». В набросках к «Труду» читаем: «Я открываю новый век. Все это зиждется на науке и должно быть проникнуто кротостью и любовью — дивный расцвет, захватывающий, звучный крик души... Образцовый город, где не будет ни борьбы между хозяином и рабочим, ни классовой борьбы, ни семейной вражды. Будет царить любовь»¹. Что это, как не эхо взглядов Жореса, изложенных в «L'art-mée nouvelle», «L'organisation Socialiste»? Когда Лафарг писал свой этюд о романе «Деньги», «Города» и «Евангелия» Золя не были еще написаны, но разве удары Лафарга не направлены в эту сторону? Разоблачая буржуазные корни творчества Золя, Лафарг не забывает отметить положительную, объективную ценность произведений Золя. Он не упускает этой стороны из виду, хотя основной удар его направлен против приспособляющегося к буржуазным вкусам, проникнутого буржуазными идеями или, вернее, буржуазной безыдейностью литератора. Лафарг, очень метко бывший по «чисто механическому» методу Золя, не становится сам на позицию механического, «зряшного» отрицания. Но надо сказать, что он недостаточно последователен в раскрытии этого объективного значения произведений Золя. Оно все же значительно больше и глубже, чем это представлялось Лафаргу. Далее, это объективное значение романов Золя, отразивших французский капитализм, не находится ни в каком противоречии с тем, что Золя, как показал Лафарг, является стопроцентным идеологом французской буржуазии. Напротив, здесь мы находим лишь особенно глубокие подтверждения этого. До известной степени упрощенно берет Лафарг развитие самого Золя, вернее, он не берет Золя в его развитии. Золя приходит к защите интересов капитализма через известные противоречия, он приходит к апологии капитализма через приспособление мелкого буржуа, вырванного из патриархальных отношений. В этом обстоятельстве коренится своеобразие Золя, этим объясняются многие черты его творчества, в частности его реформизм. Лафарг на чисто обходит этот вопрос, что делает его замечательный этюд до известной степени упрощенным, недостаточным. Если статья Лафарга в целом представляет выступление против оппортунизма, то в ней самой имеются и известные оппортунистические ноты. Мы имеем в виду заявление Лафарга о невозможности пролетарской литературы при капитализме, заявление, которое стоит в противоречии с боевой партийной направленностью всего этюда Лафарга. Но эти недостатки совершенно не меняют основного значения работы Лафарга. Она остается образцом воинствующей публицистики, она превосходно разоблачает в «независимом» буржуазном радикале идеолога, всеми корнями своими вросшего в почву капитализма.

¹ См. ниже публикацию М. Эйхенгольца «Литературное наследие Эмиля Золя» (стр. 226 и 228).

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ В. В. БЕРВИ-ФЛЕ- РОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ»

Предисловие Л. Каменева

Комментарии Л. Добровольского

МАРКС О ФЛЕРОВСКОМ

Публикуемая статья Флеровского, написанная в 1869 г. для журнала «Дело», но оставшаяся в рукописи вследствие запрещения, наложенного на нее цензурой, непосредственно связана с той оживленной полемикой, которая вызвана была в русской печати появлением его знаменитой книги «Положение рабочего класса в России» (1869 г.). Книга эта в свое время оказала сильное влияние на теорию и практику революционной молодежи и имела громадное пропагандистское значение. Всего лучше оценить это значение книги Флеровского можно на основании слов одного из его современников, видного участника революционного движения 70-х годов, О. В. Аптекмана.

«Как современник, — пишет Аптекман, — я без преувеличения могу засвидетельствовать, что появление этой книги было призывным набатом, раздавшимся неожиданно в тиши глубокой ночи: — спящие, проснитесь! Все мыслящее общество встрепенулось, а особенно молодежь. Она, молодежь, получила именно ту книгу, которой она ждала от Берви, — книгу, раскрывшую ей глаза на тогдашнюю русскую действительность, книгу о народе, об обожаемом народе, о его жизни, экономическом положении, взглядах и идеалах. Молодежь была потрясена до глубины души»¹.

В другом месте своих воспоминаний о революционном движении 70-х годов Аптекман проводит весьма любопытную параллель между ролью, которую сыграла в тот момент книга Лаврова «Исторические письма» и книга Флеровского:

«Обе книги читались одновременно, обе действовали на нас неотразимо. Параллель почти насильно навязывается. «Исторические письма» — наш «символ веры», указывавший нам путь к «прогрессу», будивший нашу «критическую мысль», формировавший в известной мере наше мировоззрение, утверждавший нашу «личность», «прогресс творящую личность». «Положение рабочего класса» же ярко выпуклым, конкретным содержанием его, богатством и разнообразием красок, выхваченных из самой гущи народной жизни, кровью сердца автора написанными страницами будило наше чувство, заставляло биться наше сердце, возбуждая в нас беззаветную преданность и любовь к народу. «Письма» стимулировали наш ум, давали синтез, философию жизни, «Положение рабочего класса» давало конкретные факты действительности, «кричащие», зовущие на помощь. Одно дополняло другое, оба одинаково действовали на нас, подготавливали нас к борьбе за лучшие идеалы жизни; оба в конечном счете подготавливали нас к предстоящей революционной деятельности, когда наступила пора»².

Характерно в этом показании свидетельство того, что книга Флеровского действовала не своими теоретическими построениями, а своими конкретными данными, «выхваченными из самой гущи народной жизни», тем, что давала «конкретные факты, кричащие, зовущие на помощь». О том, какого рода был конкретный материал, сконцентрированный в книге Флеровского, каков был ее основной тон, лучше всего напомнить

¹ О. В. Аптекман, В. В. Берви-Флеровский, «Колос», Л., 1925, стр. 165.

² О. В. Аптекман, Общество «Земля и Воля» 70-х гг., «Колос», П., 1924, стр. 75.

современному читателю словами самого Флеровского. Рассказывая в своих воспоминаниях о работе над изучением положения рабочего класса в России, он писал:

«Чем больше я вникал в это дело, тем более жизнь рабочего народа рисовалась передо мною в мрачных красках; все оптимистические уверения, что в России рабочему живется лучше, чем в Западной Европе, что у нас нет пролетариата и т. д., разлетелись в прах. У нас привыкли кричать об английском сельском пролетариате, об ужасающей бедности в больших городах.

Я убеждался, что Россия — страна повального пауперизма; что выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится.

Безучастие к страданиям рабочих людей превосходило все, что можно было встретить в Западной Европе. На Западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны и несчастны. Чем усерднее я занимался этим предметом, тем более овладевал мною энтузиазм; наконец я вполне отдался ему. Я жил страданиями этого народа, я желал на самом деле испытать всю трудность его положения, чтобы изображать его во всей его реальности. Я помнил, какое сильное впечатление на меня производили описания страданий ирландского народа, и вот мне пришлось убедиться, что бедствия русского рабочего несомненно значительнее. Для того чтобы найти ему подобие, надо было отправиться в Индию»¹.

Сейчас цитированные слова Флеровского подводят нас очень близко к пониманию той высокой оценки, которую дал его книге К. Маркс.

«Положение рабочего класса в России» было первой русской книгой, которую не только прочел, но и внимательно изучил автор «Коммунистического манифеста». Он оценил в ней прежде всего именно собранные и описанные Флеровским «конкретные факты действительности» и вместе с тем тот сокрушительный удар, который эти факты наносили оптимистическим уверениям, что в России рабочему живется лучше, чем в Западной Европе, что у нас нет пролетариата» и т. д. Эти оптимистические уверения лежали в основе тех герцено-бакунинских построений, которые приписывали крестьянско-общинной России особый путь развития, давали ей роль обновителя упершейся в безвыходный тупик, безнадежно загнившей европейской цивилизации. Эти же оптимистические уверения входили необходимой составной частью в идеологию, и — что еще важнее — в практику российской дворянской монархии.

Маркс и Энгельс вели, начиная уже с 1848 г., неустанную разоблачительную кампанию против всего комплекса этих идей, которые в лучшем случае оценивались ими как реакционный утопизм, в худшем — как простое идеологическое прикрытие «жандармской» роли русского царизма на международной арене. Но вплоть до книги Флеровского в их распоряжении не было того конкретного, на русской почве собранного материала, который мог бы служить им твердой опорой в этой борьбе. Книга Флеровского давала этот материал, и в отзывах Маркса о ней звучит явная готовность использовать ее как полезное оружие в борьбе против панславизма, в частности против Герцена, который являлся в тот момент наиболее авторитетным представителем русской мысли в среде европейской демократии. В связи с этим в окружении Маркса и на основании его отзывов являлась даже мысль о переводе книги Флеровского на один из европейских языков².

«Из книги Флеровского, — писал Маркс Энгельсу 10 февраля 1870 г., — я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Человек этот — решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Флеровский превосходит все ожидания... Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторон-

¹ Н. Флеровский, Три политические системы, изд. Фонда Вольной русской прессы, Лондон, 1897, стр. 260.

² Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 298.

ГЛАВА I.

Работники бродяги.

«Ох, плохое наше житье — слышится повсюду в средней России. — земля у нас малая, оброки большие и повернулись как не знаем; вот из Саратовской губернии или из Пермской, — там житье, земля много, наша сколько хочешь, там и умерать не надо». Хотелось посмотреть на Запорожье из восточной России, но найти только Запорожье из самого сердце Пермской губернии, услышала ту же песню «плохое наше житье, вот из Губицкой губернии там житье, так житье там и земля никогда не ~~унывает~~». Спешу из Губицкую губернию, но там оказывается тоже плохое житье и называется Гомельский округ: «там же и земля плохая и земля бедная». Но а в Гомельском округе крестьянине описывают свою горькую участь: «здесь земля легкая, не плохая, — говорят они, — земля суровая, ничего не растет; вот в Буинском и Бийском округе там богатство, и хлеб, и мед, и лось — все изобилие». Добрался я до Буинского округа — и что же? хотя бы и встретилась тебе повсюду своего судьбу. «Зачем и дети те у нас рождаются, — кричат матери в одну толпу — пусть бы они умирали скорее, нам бы легче было». Где же хорошо? спрашиваю я, наконец, из недовольства «В восточной Сибири, там хорошо», отвечают мне. Но терпение моего пристрастия, а не втрое больше рабочему человеку, а начинаю распространять образовать население... Оказывается совершенно наоборот, я слышу тут один страшный крик. «У нас — говорят — не то, что в Англии или в западной Европе, у нас нет пролетариата, здесь народ беденствует». В восточной России полагали еще больше. «у нас здесь все дешево, — говорят мне — и хлеб, и мясо, у нас здесь народ не умирает

ПОМЕТКИ КАРЛА МАРКСА НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ КНИГИ В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО
«ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»

С фотокопии, хранящейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина
Пометки Маркса наполовину срезаны при переплетении книги

ник общинной собственности), никакой нигилистической утрировки. Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи, которая вполне соответствует, однако, уровню развития тех людей, для которых предназначается книга. Во всяком случае это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии»... Теперь будет очень кстати, если ты пошлешь мне фантастические измышления гражданина Герцена»¹.

Высокая оценка книги Флеровского как источника правдивых сведений об экономике России, как противостояния против «русского оптимизма» (т. е. мессианистических мечтаний об особых путях развития России без капитализма и пролетариата) и «фантастических измышлений» Герцена сочетается в этом отзыве с весьма невысокой оценкой теоретических элементов книги. Правда, в данном случае Маркс лишь отмечает дозу «благодушной чепухи» в теоретических взглядах Флеровского. Но уже в следующем отзыве о книге Флеровского, в письме к членам русской секции Интернационала в Женеве, Маркс, характеризуя Флеровского как «серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика и мощного художника», тут же прибавляет, что его книга, «в некоторых местах не удовлетворяет критике с точки зрения теоретической». Эти слова — весьма смягченное по тактическим соображениям выражение подлинной оценки Марксом теоретических элементов работы Флеровского. Доказательство — отметки Маркса на полях читанного им экземпляра книги Флеровского.

Эти отметки сохранились и воспроизведены на стр. 373—378 книги IV «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». Тщательно выделяя, подчеркивая и отчеркивая в своих отметках все конкретные, самые детальные данные Флеровского о положении пролетаризирующегося крестьянства и мещанства (это — основное содержание его исследования), Маркс в то же время не скупится в них на самые отрицательные характеристики тех мест книги, где Флеровский пытается теоретизировать, излагать свои общие взгляды на социальный вопрос. Особенно резки отметки Маркса против тех строк книги, где Флеровский развивает свои идеи о «товариществе» капиталистов и рабочих как о том строе, который должен сменить систему найма. Натываясь на подобные места, Маркс неизменно отмечает: «Старая иллюзия!», «Повторение Прудона!», «Бессмыслица», «Фантастическая болтовня», наконец — в ряде случаев: «Осел!»

Не менее выразительны и отметки Маркса на последних, заключительных страницах книги, в которых Флеровский попытался дать как бы сводку своих теоретических взглядов. С особым неодобрением отметил Маркс на этих страницах как раз те строки Флеровского, которые последний воспроизводит и в печатающейся ниже статье, объявляя их основной мыслью всей своей работы. Вот эти строки:

«Не подлежит никакому сомнению, что не только наши славянские соседи, но весь мир обратил бы на нас внимательные и любопытные взоры, если бы он увидел у нас, что и высшие, и низшие слои общества направились к одной цели и ищут своего счастья на одном пути, если бы он получил через нашу жизнь осязательное доказательство, что разлад общественных классов не есть природная необходимость, а есть искусственное произведение его цивилизации».

Выведенный наконец из себя этой теоретической путаницей и убожеством Маркс в своей последней отметке на книге Флеровского пишет: «C'est serieusement naïf!», что без большого огрубления можно перевести словами: это фундаментально глупо!

Сводка отзывов Маркса о книге Флеровского дает таким образом ее исчерпывающую характеристику. С одной стороны, это — «труд серьезного наблюдателя», «человека, возмущенного против гнета во всех его видах и страстно делящего все страдания производительного класса». Отсюда прогрессивная, революционизирующая роль его книги, так рельефно описанная в вышеприведенных воспоминаниях О. В. Аптекмана. С другой стороны, в области теоретической — это произведение величайшего идейного путаника, наивнейшая помесь прудонизма и остатков фуриеизма со славянофильством. В том виде, в каком эта «нищенская идейная похлебка» преподносилась в конце 60-х годов Флеровским, она знаменовала глубокое падение теоретического уровня

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 286—287.

тогдашнего революционного движения: это был громадный шаг назад от учения Чернышевского.

Все эти черты должны были особенно рельефно сказаться в тот момент, когда Флеровский попытался выступить не как исследователь и собиратель конкретных данных о положении русских трудящихся масс, а в качестве теоретика социализма против буржуазного либерализма. Печатаемая ниже статья Флеровского против буржуазных либералов «Вестника Европы» тем и любопытна, что она хорошо характеризует один из моментов борьбы «социалистической» и либеральной мысли в русском обществе.

Статья эта проникнута подлинным недоверием и глубокой ненавистью к политическим тенденциям русской буржуазии. Разоблачение своекорыстных интересов последних сделано Флеровским весьма красноречиво. Его призыв, обращенный к трудящимся массам по поводу либералов: «Не верьте им, они вас обманут!» — превосходен. Здесь чувствуются уроки 1848 г., традиции герценовских «Писем из Италии и Франции» и статей Чернышевского. Эти строки писал действительно «человек, страстно делящий все страдания производительного класса», как сказал о Флеровском Маркс.

Но что противопоставляет автор классовым притязаниям, своекорыстию и фарисейству буржуазных либералов? Тут-то и выступает наружу вся идейная бедность «русского социализма» Флеровского, вся его программная и тактическая убогость.

Все его вооружение исчерпывается идущей от Прудона идеей о гармонии классовых интересов и идущей от старых утопистов, в частности от Фурье, мыслью о том, что борьба в современном обществе «зависит от того, что каждый отдельный человек, целые классы и, наконец, все общество имеют совершенно неверное понятие о своем личном счастье». Главная задача, — вполне логично заключает из этих своих основных посылок Флеровский, — состоит в том, чтобы, «действуя на общественное мнение, составить во всех слоях общества такое воззрение на свое счастье, которое сделало бы интересы всех солидарными». Так грозные разоблачения классового своекорыстия буржуазии завершаются самым плоским морализированием, художественными надеждами уговорить буржуазию — ради собственного счастья! — слить свои интересы с интересами широких народных масс. Такой «социализм» не представлял ни малейшей опасности для буржуазии. Но это конечно и не было ни в какой мере социализмом. На деле теоретические построения Флеровского, как и ряд других одновременных теоретических построений, были только формой вызревания демократической мысли, которая, отражая интересы различных групп крестьянства, находилась в реальном противоборстве с «прусскими» тенденциями либеральной русской буржуазии и обуржуазившегося дворянства.

К Флеровскому целиком относится ленинская характеристика народничества как «теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма прусского (Собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 124). Историческая роль его работ исчерпывается классической формулой Ленина: «Народническая утопия — выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии совсем покончить со старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда «заодно» устранить эксплуататоров новых, капиталистических» (там же, стр. 357).

Рассматриваемая с этой точки зрения полемика Флеровского с «Вестником Европы» является уже не только любопытным литературным эпизодом, не только наглядным образчиком слабости идейного вооружения русского народничества, но и одним из симптомов реальных классовых противоречий, характерных для России на другой день после «дворянской» реформы 1861 г. Эта реальная подоплека живых социальных противоречий особенно ясно ощущается в тех местах статьи Флеровского, где он, оставив рассуждения об условиях «всеобщего счастья», клеймит использование либеральным дворянством новых (земских и т. п.) учреждений для укрепления своей власти над крестьянством.

А. Каменев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ

(ПО ПОВОДУ РАЗБОРА «ВЕСТНИКОМ ЕВРОПЫ» КНИГИ Н. ФЛЕРОВСКОГО «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»)

Когда я прочел в «Вестнике Европы» разбор моей книги «Положение рабочего класса в России», я, с первого раза, не нашел в нем ничего интересного, ни одного факта, который бы представлял дело в другом виде, чем у меня, ни одного рассуждения, которое заставило бы меня подумать, не ошибся ли я, не получает ли то, что я говорю, другой вид, если посмотреть с другой стороны. С начала до конца — это умышленно выставляемое напоказ пристрастие, это голословные приговоры, произносимые с высоты самозванного величия. Что тут отвечать? Если один человек обратится к другому и скажет ему: «ты все врешь — ты осел!» — что может ответить этот другой? Доказывать, что он не осел, принадлежит к двуруким, а не к однокопытным? Но неужели же такая явная ложь требует опровержения? Есть вещи, которых опровергать невозможно, и ни один справедливый человек не потребует, чтобы они были опровергаемы. Вот заключение, к которому я пришел, когда посмотрел на критику «Вестника Европы», как на разбор моей книги. Но совсем другие мысли пришли мне в голову, когда я стал смотреть на нее, как на поступок, характеризующий взгляд на вещи «Вестника Европы», его читателей и всех тех, которые стоят за этими читателями. Это поступок, который показывает, как они смотрят на свою задачу, и не только на свою задачу вообще, но в особенности по ее отношению к русской жизни. Я почувствовал, что с этой точки зрения молчать для меня невозможно, дело касается не моего интереса, не интереса моей книги, а русского общества. Я почувствовал, что на мне лежит тяжелая обязанность, потому что, за то, что я буду говорить, на мне будет лежать тяжелая ответственность перед судом мыслящих людей общества. Я тщательно должен буду взвешивать каждое свое слово, и если сделаю ошибку, то не буду в состоянии никогда ее себе простить. Слова, сказанные обществу, это слова полновесные, в особенности если они касаются самых существенных, самых святых его интересов, ошибки тут не выкупаются никакими индульгенциями, от них не отмолишься никакими земными доклонами.

Вышла книга «О положении рабочего класса в России». Какая цель этой книги? Ее цель — доказать, что у разных слоев русского общества, точно так же как и всякого общества, нет неизбежно противоположных друг другу интересов, что каждый из этих слоев, стремясь, при правильном понимании своих интересов, к своему наибольшему счастью, в то же время будет способствовать наибольшему счастью всех других. Если мы теперь видим, что разные кружки общества видят свой интерес и увеличение своего счастья в том, что уменьшает счастье других, то это только потому, что в среде их общества существует неправильное понятие об истинном своем счастье, что такое же неправильное понятие распространено во всем обществе, что человек вырастает в глазах всего общества и своего кружка тогда, когда поступает дурно и во вред другим, и, напротив, он падает в глазах общества и своего кружка тогда, когда он поступает хорошо. Тут доказывается, что солидарность между людьми зависит исключительно от правильного взгляда на свое счастье, а разобщенность — от того, что каждый отдельный человек, целые классы и наконец все общество не только имеют совершенно неверное понятие о своем личном счастье, но до того безтактны, что человек тем более возвышается в их мнении, чем он вреднее для них же самих. Одним словом, узкий взгляд общества и отдельных кружков — вот главный или даже, правильное сказать, единственный источник, из которого выходят противоположные интересы. Это явление приводит к

самым плачевным последствиям, оно волею или неволею делает из отдельных людей вредных членов общества, оно порождает в нем искусственные потребности. Так как общество возвышает людей в своем мнении не за полезное, а за вредное, то отдельные кружки требуют от своих членов такую вредную, но возвышающую их в глазах кружка деятельность, и отдельный человек подвергается страданиям, если он захочет быть полезным, и, напротив, делается счастливым, как скоро он решится быть вредным. Но это же самое и указывает нам и на путь, которым мы должны лечить общество от ненормального состояния и от вредной деятельности его членов: мы должны всеми силами устанавливать в обществе правильный взгляд на счастье. Указать на условия этого счастья — вот цель книги. Автор глубоко убежден, что такую же цель отыскания счастья, приводящего к солидарности интересов, должен поставлять себе всякий публичный писатель; мало того: ни один писатель не имеет права на внимание общества, если он выступает на публичную арену во имя какого-нибудь отдельного или узкого, а не общего интереса. Интересы общества солидарны; если кто-нибудь, имея узкий, частный интерес, не додумался еще до того, как согласить этот интерес с интересом общим, с наибольшим развитием и счастьем всего общества, какое же он имеет право на то, чтобы общество его слушало? Какая польза может произойти от того, что общество будет его слушать? Общество может действовать только во имя общего интереса, всякий другой образ действий с его стороны — тирания; всякий раз, когда оно жертвует общим благом для частного и узкого интереса, оно тиранизует.

Желая убедить в этом своих сограждан, автор написал книгу, которая стоила ему немало труда. Он старался показать своим согражданам, как важно для них отыскать то счастье, которое может сделать их интересы солидарными. «Когда я обдумываю наше политическое и социальное положение, — говорит он на стр. 473, — когда я смотрю на то, как мы вольемся в хвосте европейской цивилизации, когда мне приходит на ум сравнение с Персией, которая подобно нам была велика и погибла оттого, что она подобно нам вползла в хвосте цивилизации, — я вижу для нас один исход — это осуществление великой идеи, за выполнение которой еще никто не брался. Не подлежит никакому сомнению, что не только наши славянские соседи, но весь мир обратил бы на нас внимательные и любопытные взоры, если бы он увидел у нас, что и высшие и низшие слои общества направились к одной цели и ищут своего счастья на одном пути, если бы он получил через нашу жизнь осязательное доказательство, что разлад общественных классов не есть природная необходимость, а есть искусственное произведение его цивилизации».

Как же поступает после этого с автором критика «Вестника Европы»? Она изливает на него свою желчь, говорит, что его труд не имеет права называться серьезным трудом, хотя вынуждена сознаться, что в книге собрана масса данных, взятых отчасти из наблюдения, а отчасти из редких и специальных сочинений; она старается сделать автора смешным в глазах своих читателей, и в то же время о главной цели сочинения она не говорит ни одного слова, не делает даже ни одного намека. Почему же это? Почему бы, кажется, органу, претендующему на какой-то либерализм, сердиться на то, что человек предлагает обществу сделать интересы свои солидарными? Но, может быть, самая идея плоха, тогда задача критики нетрудная: изложить ее правильно и верно, как она высказана автором, и доказать ее несостоятельность. Чтобы уничтожить значение книги, — самое лучшее разрушить основные ее мысли. Во всяком случае первое дело критики разъяснить основные мысли сочинения, оставляя в них справедливое и разрушая ложное. Почему критика «Вестника Европы» не только

не сосредоточивает на них своего внимания, но даже тщательно старается не упоминать об них? Как она избегает этого упоминания, видно, например, из следующего. В одном месте автор доказывает солидарность высших и низших классов тем, что развитие промышленности и цивилизация общества зависят от степени зажиточности рабочего класса. Собственно говоря, такая идея не требует даже доказательств. Дикари из новой Голландии, которые ходят голыми и питаются ящерицами, не могут послужить основанием ни для промышленности, ни для цивилизации: для этого нужен ловкий и развитый рабочий, а он может явиться только там, где заработная плата высока. Между тем даже и эту простую идею «Вестник Европы» боится сообщить своим читателям, а приводит только некоторые частности и то неверно и, ничем не опровергая, прямо говорит с грозным авторитетом, что все это неправда. Интересно при этом обращение «Вестника Европы» со

своими читателями. Книга, которая уважает своих читателей, доказывает свои положения фактами, или ничего не говорит, или говорит фактически, но «Вестник Европы» не таков: он смотрит на своих читателей, как на баранов. Стоит ли им доказывать? Крикнул на них, они и пошли, куда надо. Говорят вам, что вздор, какие вам тут еще доказательства? При таком мнении о своих читателях не мудрено, что он скрывает от них идеи, которые ему не нравятся. Ну, если в самом деле они сдуру-то пленятся этим запрещенным плодом? Поэтому он благоразумно ограничивается различными прицепками и отыскивает мелочные противоречия, но и тут-таки он опять действует самым униженным образом для своих читателей. Он в них предполагает столько же невежества, сколько и ограниченности. Когда я доказываю, что нечего стремиться населять у нас крайний север и Архангельскую губернию, я в доказательство невозможности густого там населения говорю, что и английские северные владения также пустынные, — ясно, что тут идет речь о владениях, прилегающих к Ледовитому океану; затем, в другом месте, я говорю о быстрой увеличении населения в Канаде — «Вестник Европы» торжественно указывает на это, как на противоречие, в полном убеждении, что его читатели не подозревают о существовании разницы между побережьем большого Медвежьего озера и Канадой.

Мало того, что «Вестник Европы» тщательно скрывает от своих читателей мои идеи, он пользуется случаем, чтобы пропагандировать свои, а в том-то именно и есть суть дела. Он говорит, что у меня приблизительно только и есть справедливого то, что я говорю по вопросу о податях, да и то справедливо только настолько, насколько уже давно говорилось об нем в печати, и прибавляет: «Если бы общество получило возможность разработать этот вопрос через своих представителей, то дело пошло бы успешнее, чем разработка его посредством комиссий чиновников». — Так вот

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР

что вам надо, — вам надо влияния, власти. Но как же вы хотите приобрести это влияние, когда вы отвергаете общее благо, солидарность интересов общества, когда вы не понимаете или прикидываетесь не понимающими этой солидарности, когда вас книга взбесила потому, что она говорит с начала до конца, что мы серьезно должны думать и усердно делать все зависящие от нас усилия, чтобы сделать наши взаимные интересы солидарными? Вы не хотите войти душою и телом в общество, вы не хотите делить его горе и радость, вы хотите жить узкой жизнью своего кружка, а хотите влияния и власти над обществом. Ведь вы очень хорошо знаете, что то, что вы называете представителями общества, — это вы и ваши, что масса народа тут не будет иметь никакого или почти никакого значения, точно так же, как она теперь не имеет значения в земстве, что интеллигенция труда точно так же не будет его иметь, как не имеет его в земстве, что все достанется вам и вам одним. Как же вам не стыдно было так нагло выставить знамя вашего презрения к нашим интересам, вашего отсутствия солидарности с нами и потом требовать себя влияния и власти!

Вышел человек из среды образованного общества и говорит: «Братья, раскройте самую благородную, самую возвышенную сторону вашего сердца и дайте к ней доступ страданиям народа, напитаите душу вашу великими чувствами любви, поймите, что жизнь образованного человека пополняется счастьем не через богатство и роскошь; увеличение материальных благ может действительно увеличивать счастье, только пока оно удовлетворяет самым необходимым потребностям, только счастье рабочего может увеличиваться таким образом. Чем далее эти блага переходят за этот предел, тем более нужно усилий, чтобы увеличить счастье даже в самых малых размерах, но и это увеличение уже чисто условное, это искусственная потребность — человек наслаждается роскошью не потому, что она удовлетворяет действительной потребности, а потому, что она его возвеличивает на глазах других, но это желание вырасти в глазах общества не достается ему даром, оно убивает в нем нравственную сторону, способность к мировой жизни, самый богатый, даже единственный неисчерпаемый источник счастья за пределами материальной нужды, — не поощряйте же искусственные потребности ложным общественным мнением вашего кружка, не уменьшайте же собственного вашего счастья и вместе с тем счастья всего народа! Поймите солидарность интересов в человеческом обществе, посмотрите на страны застоя, на индийских раджей и персидских шахов, разве они счастливее оттого, что они держат народ в гнетущей бедности, а сами наслаждаются в праздности, и любовницы их ходят в туфлях с драгоценными камнями? Грубые, бессмысленные невежды, они ведут жизнь, в сравнении с которой жизнь самого бедного образованного человека — неисчерпаемый источник благополучия. Раскройте же ваши сердца для нужды народной, установите солидарность интересов, и мы все будем счастливее. Наше отечество будет идти во главе человеческой цивилизации, и мы исполним великое наше предназначение. Вспомните, как счастлив был афинянин тем, что вел за собою весь античный мир, как счастлив и горд был англичанин, когда он встал во главе цивилизации, как счастлив и горд теперь американец. Неужели не стоит труда увеличивать свое собственное счастье, расширяя свой взгляд на жизнь, и вместе с тем достигнуть такого великого результата для своего отечества». Так говорит он образованным людям, а либеральное общество через уста «Вестника Европы» ему в ответ: «Кого вы хотите убедить такой болтовней, в которой что ни слово, то неправда, все это вздор, нам надо одного — влияния и власти».

На что это похоже? А вот на что. Несколько лет тому назад английское правительство обратилось к королю Дагомеи и говорит ему:

«Зачем вы разоряете себя и ваших соседей, зачем вы с вашим народом ведете праздную жизнь и занимаетесь своими набегами и торговлей пленными, которые при этом вами забираются? Прекратите торговлю невольниками, заставьте ваших воинов производить хлопчатую бумагу, и вы получите в десять раз больше дохода, чем теперь». А король Дагомеи отвечает ему: «Кого вы хотите убедить такой болтовней, в которой что ни слово, то неправда? Вы скажите лучше вашей королеве, чтобы она запретила торговлю невольниками всем моим соседям, а мне прислала бы как можно более пороку и ружей, тогда я буду могущественный государь и водворю здесь порядок. Вот что теперь нужно сделать».

Но вы, «Вестник Европы», еще далеки от положения короля Дагомеи, хотя и сходитесь с ним по своим убеждениям. Вы еще не имеете политического влияния, вы еще только хотите его приобрести и уже отвергаете свою солидарность с нами и со всем народом, злобно кричите на тех, которые говорят о народной нужде. Наперекор очевидной истине утверждаете, что русский рабочий не беднее английского. Вы не постыдились попрекнуть народ его заграничным вывозом, хотя вам очень хорошо известно, что весь этот вывоз производится для уплаты оброков и сборов и народ через это вовсе не богатее. Из кого же после этого может состоять ваша партия? Рабочий класс к ней не может принадлежать, трудящаяся интеллигенция также. Между интеллектуальной деятельностью и материальной работой существует самая тесная связь, — говорится в предисловии к книге, которую вы разбирали. Люди, которые считают для себя выгодным накладывать руки на материальный труд, будут врагами и интеллектуальной деятельности: рабовладельцам не нужен агроном и еще менее нужен юрист; чем более фабрикант имеет власти над рабочим и над публикой посредством низкой заработной платы и протекционной системы, тем менее для него необходимы техник и политико-эконом, он тогда не ищет честного и знающего чиновника и судью, а ему надо невежественного взяточника, которого легко подкупать и заставлять сечь и притеснять рабочих. Интеллектуальный работник тогда только будет нужен капиталисту и землевладельцу, когда из капитала и из земли нельзя будет извлекать дохода в ущерб работникам и в ущерб покупателям произведений, а когда для этого нужно будет возвышать производительную силу капитала и труда. Отвергая солидарность народных интересов, говоря, что в этой идее что ни слово, то неправда, вы отталкиваете и торговый класс, потому что где рабочий класс беден, где нет производительности, там нет и торговли. Кто же останется в вашей стороне? Тысячи из числа десятков миллионов, да и между этими тысячами только те, которые не в состоянии понять, что счастье богатого и образованного человека зависит несравненно более от проявлений его образования и нравственного развития, от его мировой жизни, чем от вещей, находящихся в его обладании. Или, может быть, вы не заботитесь об общественном мнении, вы ожидаете успеха от каких-нибудь закулисных интриг и кабинетских комбинаций? Если это путь, которым вы надеетесь действовать, то мы скажем вам, что мы ожидаем от вас одного — угнетения и угнетения. Что сулят нам ваши? Не то ли, что мы уже от них видели, когда они получили самую маленькую частичку произвола? Мы видели, как пожарные страховые деньги крестьян употреблялись на жалованье помещикам, а когда сгорала деревня в самое рабочее время, когда крестьяне, оставшись без крова и хлеба, являлись в город за своими кровными деньгами, тогда денег не оказывалось и начинались проволочки. На наших глазах эти бедные люди шатались из дома в дом, собирая милостыню и запускали свои поля. Мы видели, как они со дня на день деморализовались и делались негодными людьми. Мы видели, как назначались тысячи руб-

лей жалованья за труд, которому цена много пятьдесят. Что мы можем ожидать от ваших? Сгонят они частного пристава и на его место посадят помещика, назначив ему в шесть раз большее жалованье, и будет он недоступен, как китайский император. Заигравшись в карты до шести часов ночи, он проснется на другой день только в час, а в два ему надо ехать с визитами, три дня мы будем терять целые часы, занимаясь разговорами с его лакеем, а на четвертый мы не добьемся от него ничего, потому что это противоречит интересам его приятеля. Вашего царства было по пространству без аршина вершок, а по времени без часа полчаса, а мы уже от вас довольно натерпелись муки, и сели вы нам поперек горла.

Когда-то перед городом Римом, впоследствии великим и славным, стояли враги. И зывали патриции к плебеям: идите сражаться, посмотрите, как мы гуманны и либеральны, сравните ваш город с другими городами, где народ держат в таком суровом и жалком рабстве, идите защищайте вашу отчизну. Но плебеи не пошли; можно ли было, повидимому, поступить глупее? Враги у них на носу, они готовы сжечь их город, перебить их жен и детей, их самих увезти в рабство, и в такое время они вздумали заводить ссору со своими патрициями! Однако же плебеи не испугались, они все-таки не пошли, мало того, они объявили, что они желают назад царей, они потребовали от патрициев гарантий, что они будут действовать во имя общего блага, а не узких воззрений своего кружка. И вышла из этого римская свобода. После того прошли тысячи лет, и ни один образованный человек не может вспомнить об этих великих людях без глубокого чувства уважения. Не будь их, не будь афинских горцев, и не было бы современной цивилизации, не было бы ни Соединенных Штатов, ни конституционных монархий, не было бы того здания нашей культуры, которое возвышает нас над седыми государствами застоя. Эти государства застоя существовали и тогда и еще долго будут существовать, и никогда им не приходило в голову сказать своим притеснителям: «Мы не пойдем на врагов, гарантируйте нам, что вы будете действовать во имя общего блага». Если бы римляне и афиняне действовали подобно им, то Европа была бы до сих пор покрыта государствами застоя. Кто хочет быть великим, должен быть смелым и проникательным и не должен позволять себя запугивать. Наши либералы указывают нам на наших обскурантов и говорят: «Смотрите, враги у ворот Рима, они повергнут вас в азиатское варварство, бросайтесь к ним в объятия, и пусть развиваются земские учреждения и наше влияние». Но мы отвечаем: «Мы не так робки и ограничены, как вы воображаете; если вы хотите, чтобы мы примкнули к вам, то защищайте интересы всех, отстаивайте общее благо, докажите нам вашу солидарность с народом. Пока вы будете отстаивать узкий интерес одной клики, до тех пор мы не будем сочувствовать развитию вашего влияния». Конечно, плебеи могли поступить очень глупо в том положении, в которое они себя поставили, они могли потребовать невозможного, и тогда бы они погубили свой город, отдали бы на поругание своих жен и дочерей и заплатили бы рабством за свою ошибку. То же самое было бы с нами, если бы мы пожелали совершенного уничтожения умеренной либеральной партии; тогда мы или погубили бы себя, или отдали Россию на произвол обскурантам. Общество немыслимо без людей умеренных наклонностей. Люди энергические могут взвалить на плечи народа непосильную ношу, могут произвести в обществе слишком большое волнение, и тогда успокаивающее начало может вступить в свои права. Но эта умеренная партия должна точно так же защищать общее дело, солидарность всех интересов, желание умеренных людей во всех слоях общества и всех направлений, а не какую-нибудь клику, не какой-нибудь один класс; нужды всех должны быть одинаково доступны ее сердцу. Она долж-

на делать такие же искренние усилия для достижения в обществе солидарности, как и прогрессивная партия. Она должна быть честная, искренняя; выступить на арену, чтобы дать перевес частному интересу над общим, это не честно и есть признак отсутствия патриотизма. Могла ли бы подобная честная и патриотическая умеренная партия найти в моей книге что-нибудь, что могло бы возбудить в ней желчь и негодование? Главная мысль этой книги состоит в том, чтобы, действуя на общественное мнение, составить во всех слоях общества такое воззрение на свое счастье, которое сделало бы интересы всех солидарными. Что может быть легче такого образа действия? Это не есть действие через законодательную власть, суд, пени, наказания, полицию. Что может более соответствовать чувствам умеренной партии, если это действительно умеренная партия страны, а не сонм фарисеев и мытарей, для которых личные интересы выше всякого общественного блага? Но может быть эта книга сурово обходится с виновниками наших страданий, старается возбудить против них ненависть и тем произвести смуту? Вот что говорится на 451 странице книги об этих страданиях: «Этот факт имеет происхождение чисто историческое и не может быть поставлен нам в вину. Упрекать человека за то, что делали его отец и дед, без всякого сомнения несправедливо, ставить ему в вину расстройство его имения, произведенное его предками, это значит взводить на него весьма легкомысленное обвинение». Что может сказать честная умеренная партия против книги с такими взглядами? Подобная книга могла бы ожидать упрека только со стороны партии энергической, и притом упрека за излишнюю снисходительность. Но может быть книга старается возбудить легкомысленные надежды и тем ввести общество в ошибки? Как

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ

(По проекту распада «Экспресс-Бизнес» создан «Планетарный родственный бизнес» в России. И. Сивухина.)

Когда я прочел в «Искусстве» разбор моей книги «Положение рабочего класса в России» — я, с первого раза, не нашел в нем ничего интересного, ни одного факта, который бы представлял для меня что-либо новое; а, следовательно, из одного разговора, которое состоялось бы после прочтения, не вышло бы для меня, что я говорю, другой раз, если поговорить с другой стороны. Сначала же тогда, — это упомянутое выше, на первом этапе, — это голодные приветы, предисловие на тему извечного вопроса: Что тут публиковать? — Если однажды обратится к другому и скажет ему: ты все прочел — ты скажешь — ты говоришь отбери отсюда друзей, доказывать, что они не враги, представлять их друг другу, а не наоборот; и так, по дороге, на такую тему, тебе требуется переопределения. Если же, наоборот, переопределить переопределен и не один переопределенный человек бы переопределил, чтобы она была переопределена. Вот переопределение, на которую я пришел, когда касался на критику «Искусства» Есенина, — а на разбор моей книги. Но сейчас другой момент, другой шаг в голову, когда я стал говорить на все, как на все, как, например, переопределяющий взгляд на меня «Искусство» Есенина, — это переопределение и сейчас есть, которое стоит на этих переопределениях. Это переопределение, которое переопределяет, как оно говорит на своем языке, и не только на своем языке, но и на своем языке, но не переопределяет ли оно русский язык. И переопределяет, что он не

[illegible][illegible]

КОРРЕКТУРНАЯ ГРАНКА СТАТЬИ В. В. БЕРВИ - ФЛЕРОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ», ЗАПРЕЩЕННОЙ В 1869 Г. С.-ПЕТЕРБУРГСКИМ ЦЕЗУРНЫМ КОМИТЕТОМ

С оригинала, хранящегося в Ленинградском
Отделении Центрархива

избегал этого автор, ясно видно из того, что он говорит об артельном начале в нашем промышленном производстве. «Заговорите, — сказано на стр. 301, — с ним (работником) о товариществе между капиталистами и рабочими, он всего чаще отнесется к этому критически... он вспомнит об этих пьяницах и мелких плутишках, которыми всякий может вертеть, как он хочет. Он тотчас подумает о том, что бестолковое большинство может расстроить дело... Подобное дело требует, чтобы все шансы успеха были основательно обдуманы». Так не говорят люди, которые желают воспламенить воображение и представить трудное легким. Подобный умеренный либерализм, какой мы видим теперь, это плод тяжких исторических страданий народа, которые раздробили общество на мелкие кружки и заставили их замкнуться в своей узкой, мелкой жизни и привили им рабскую привычку презирать или ненавидеть всех других своих соотечественников, привили подозрительность дикаря, который постоянно предполагает в своем собрате желание покуситься на его жизнь или имущество. Мы должны излечить себя от этой язвы и вывести наших соотечественников на широкий путь патриотизма, взаимного доверия и взаимной любви. Граждане, вот ваша великая задача.

Пусть же выступают со своими заносчивыми требованиями те, которые отвергают народную солидарность, пусть просят они себе влияния и власти, пусть стараются завлечь общественное мнение лъстивыми обещаниями, пусть угрожают ему обскурантами. Нас они не соблазнят, не испугают, мы неуклонно будем говорить народу: «Не верьте им, они вас обманут. Смотрите, как действовала английская аристократия, она имела и влияние; и власть, когда ее представитель Пит во время голода сказал в парламенте: «Наша первая и священная обязанность помочь нужде народной; если потребуются, мы должны пожертвовать для этого всем нашим достоянием». Вот как она говорила, и все-таки она обманула народ; что же мы можем ожидать от тех, которые, не имея ни влияния, ни власти, уже отвергают нужду, народную и свою солидарность с ним? Они говорят, что они дадут вам свободу речи; не верьте, они пошлют в тюрьму тех, которые будут защищать ваши интересы. Человек, которого сердце наполняется желчью, когда ему говорят о страданиях его ближнего, не способен охранять свободу слова. Они говорят, что они разомкнут для вас казацкие земли, не пленяйтесь надеждой, они отберут земли у казаков, которые их обрабатывают своими руками, и распродадут их в собственность своим; эти новые собственники будут господствовать и наслаждаться, а вы будете у них работать, как рабы; они говорят, что раздадут вам рыбные ловли; но вы помните, как они боролись с монополистами и для чего; они разделят воды на мелкие участки и раздадут мелким капиталистам или назначат высокую плату с лодки, и вам опять придется кланяться кулаку, они не согласятся на вольный лов и торговую пошлину, будьте уверены; они говорят, что они правильнее распределят подати, они назначат огромные содержания своим, они затеют заносчивую заграничную политику, и все это падет на вас, и тяжело вам будет вспомнить Пруссию. Не верьте им, они вас обманут!

Как человек я могу особенно полюбить другого какого-нибудь человека; как журналист и литератор я могу чувствовать особенную симпатию к людям какого-нибудь класса, какой-нибудь веры, национальности и т. д. Это выражение индивидуальности человека и журналиста, никто не имеет права ему в этом отказать. Но когда я обращаюсь к любимому человеку или любимому классу с речью о публичной и общественной деятельности, я должен стараться направлять его к общей пользе. Моя специальная любовь к нему должна выражаться только тем, что я буду отыскивать для него самый легкий путь для достижения солидарности между его интере-

сами и интересами всех. Журналист, который признает невозможным действовать таким способом, прежде всего показывает свою бездарность, он не в состоянии окинуть жизнь широким взглядом и понять, что истинный интерес любимого им класса заключается в солидарности с общим интересом; что, поощряя заблуждения, неправильный взгляд этого класса на свое счастье, он производит ссору между ним и обществом, ссору, которая много приготовит страданий его любимцам; он производит в обществе рознь, а через рознь и благосостояние, и счастье всех классов понижаются одинаково. Посмотрите на страны застоя, отчего там все так невежественны и бедны? Это оттого, что там всякий человек считает свои личные интересы прямо противоположными интересам всего общества; он думает только о том, как бы обмануть, как бы ограбить, как бы ввести другого человека в заблуждение и воспользоваться на его счет, а как часто мы видим, что партия восхищается хитростями своего журналиста, который успел обморочить и ввести в заблуждение публику, — это значит воспитывать общество в мировоззрениях и чувствах разбойников, — результат: горе и несчастье для всех: как для обманутых, так и для тех, которые обманывают. В этом случае журналист действует, как низкий льстец, эксплуатирующий слабости своего господина, а не как советник, исполненный чувства своего достоинства, который не льстит, а обуздывает слабости того, кому он советует. Подобный журналист похож на тех бездарных временщиков, которые, не имея достаточно авторитета и таланта, чтобы направить своего государя на благие дела и указать ему истинную пользу его государства, восхваляют его слабости, поощряют его пороки и из грязных корыстных расчетов ведут его самого, его дом и все государство к гибели. Давно история заклеймила позором этих низких льстецов, давно она доказала, сколько бедствий готовится этой системой будущим поколениям; но отчего же не является красноречивых голосов, которые бы разоблачали маску журналистов, потворствующих своей партии, ее слабости и ее односторонности и отталкивающих ее от общего дела? Разве подобные льстецы-журналисты менее вредны? Отчего мы не видим, что журналист обращается с строгою речью моралиста к тем людям, для которых он пишет? Отчего он постоянно старается об одном — извинять все их слабости, укреплять их в своей односторонности и поощрять их пороки? Разве такова должна быть цель журналиста? Когда он будет полезнее для своей партии: тогда, когда он своими советами породит в ней чувство и образ мыслей, в котором общество увидит свою солидарность с нею, который заставит всех ее любить и уважать, или тогда, когда он с низостью льстеца будет выставлять ее пороки добродетелями, поощрять ее упорствовать в своих недостатках, внушать ей презрение к своим согражданам? Вы, которые так любите читать льстивые речи ваших журналистов, вспомните, что вы закрываете глаза на свое собственное благополучие, что вы, слепые, вверите свою руку и жизнь таким же слепым, как и вы сами. Пожалейте же вашу славу и ваше счастье, поймите, что только тот будет для вас истинным доброжелателем и добрым советником, который будет учить вас соглашать ваши чувства с интересом всего общества, а не тот, кто будет учить вас закрывать глаза перед страданиями ваших братьев и отвергать вашу солидарность с общим благом. Бегите, как чумы, этих грубых льстецов, которые внушают вам презрение к младшей вашей братья, стараются сделать чувства ваши циничскими и сердце ваше черствым. Помните всегда замечательное сравнение, которое было сделано одним известным историком между Кромвелем и Вашингтоном. Когда Кромвелю указывали на огромную толпу, вышедшую его встречать, он отвечал: «Их будет еще больше, когда меня поведут вешать». В подобном же случае Вашингтон прослезился и сказал: Как много они от меня ожи-

дают, как велика моя ответственность. Всевышний, пошли мне силу исполнить мой долг!» Чем выше ваше положение в обществе, тем чаще повторяйте: «Как много они от меня ожидают, как велика моя ответственность!»

Н. Флеровский

КОММЕНТАРИИ

Книга Н. Флеровского (В. В. Берви) «Положение рабочего класса в России», вышедшая в 1869 г., сразу же обратила на себя внимание современников как совершенно новой, впервые поставленной проблемой, так и богатством фактического содержания. Она произвела острое впечатление на читателей как в России, так и за границей.

Маркс сразу же по достоинству оценил книгу как «самую значительную» после работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», как «первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России».

Лондонский «Athenaeum» (1869 г. № 2200) дал также благоприятный отзыв.

Огромную популярность приобрела эта книга в революционном подполье, в кружках для самообразования, среди учащейся молодежи, о чем говорят многочисленные свидетельства современников: О. Аптекмана¹, Н. Малиновского², Н. Чарушина³, В. Фигнер⁴, А. Якимовой⁵, А. Корниловой-Мороз⁶ и др. Особенно сильное, по свидетельству О. Аптекмана «потрясающее», «неотразимое», впечатление произвела она на современную радикально настроенную молодежь. Молодое поколение 70-х гг. восприняло книгу — эти «кровью сердца автора написанные страницы» — как яркий и властный призыв к грядущей революционной борьбе.

Другой современник — Н. Малиновский — отмечает, что «вскоре после выхода в свет книга стала библиографической редкостью, но, — добавляет Малиновский, — как старательно все мы разыскивали ее, и в конце концов не было в 70-х годах такого уголка в провинциальной глуши, где бы не знали «Положения рабочего класса», где бы с беспредельным уважением не произносилось имя Флеровского». Работа Флеровского оказывала влияние и на более позднее поколение. Так, Ем. Ярославский указывает, что книга Лассалля и книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» послужили для него первым толчком к ознакомлению с теорией Маркса и толкнули его на пути критики народничества⁷.

Как отзывалась на работу Флеровского русская периодическая печать? Журналы и газеты различных направлений, как столичные, так и провинциальные, вскоре после выхода книги дали о ней многочисленные отзывы. Каждый из этих отзывов дает яркое представление об отношении отдельных социальных групп и партийных направлений к выводам этой книги.

Из провинциальной печати можно привести характерные отзывы таких двух газет как, например, «Воронежский Телеграф»⁸ и «Одесский Вестник»⁹.

«Воронежский Телеграф» в нескольких статьях знакомит читателя с содержанием книги Флеровского, которая, по словам газеты, «составляет весьма замечательное явление» в литературе. В заключительной части последней статьи неизвестный автор N.N. пишет: «Мы старались дать читателям понятие о содержании этой весьма хорошей книги, какие не часто встречаются в нашей русской литературе. Цель наших статей была — внушить читателям желание прочитать произведение Флеровского в оригинале, и мы почтем себя совершенно счастливыми, если это нам удастся».

Другое резко противоположное суждение о книге Флеровского дал «Одесский Вестник», который полагал, что автор преувеличивает бедственное положение рабочего класса. По мнению «Одесского Вестника», «подобная книга убеждает только тех, кто и без того был убежден в справедливости приводимых в ней идей; на людей противополо-

¹ О. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг., изд. «Колос», П., 1924, стр. 75.

² Н. Малиновский, Не пора ли вспомнить? «Русская Мысль» 1905, № 4, стр. 126—127.

³ Н. Чарушин, О далеком прошлом, ч. I и II. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 70-х гг., М., 1926, стр. 48.

⁴ В. Фигнер, Марк Андреевич Натансон, «Каторга и Ссылка» 1929, № 7(56), стр. 141.

⁵ А. Якимова, «Большой процесс» или «Процесс 193-х», «Каторга и Ссылка», М., 1927, № 8 (37), стр. 10.

⁶ А. Корнилова-Мороз, Перовская и основание кружка чайковцев, «Каторга и Ссылка», 1926, № 1(22), стр. 13.

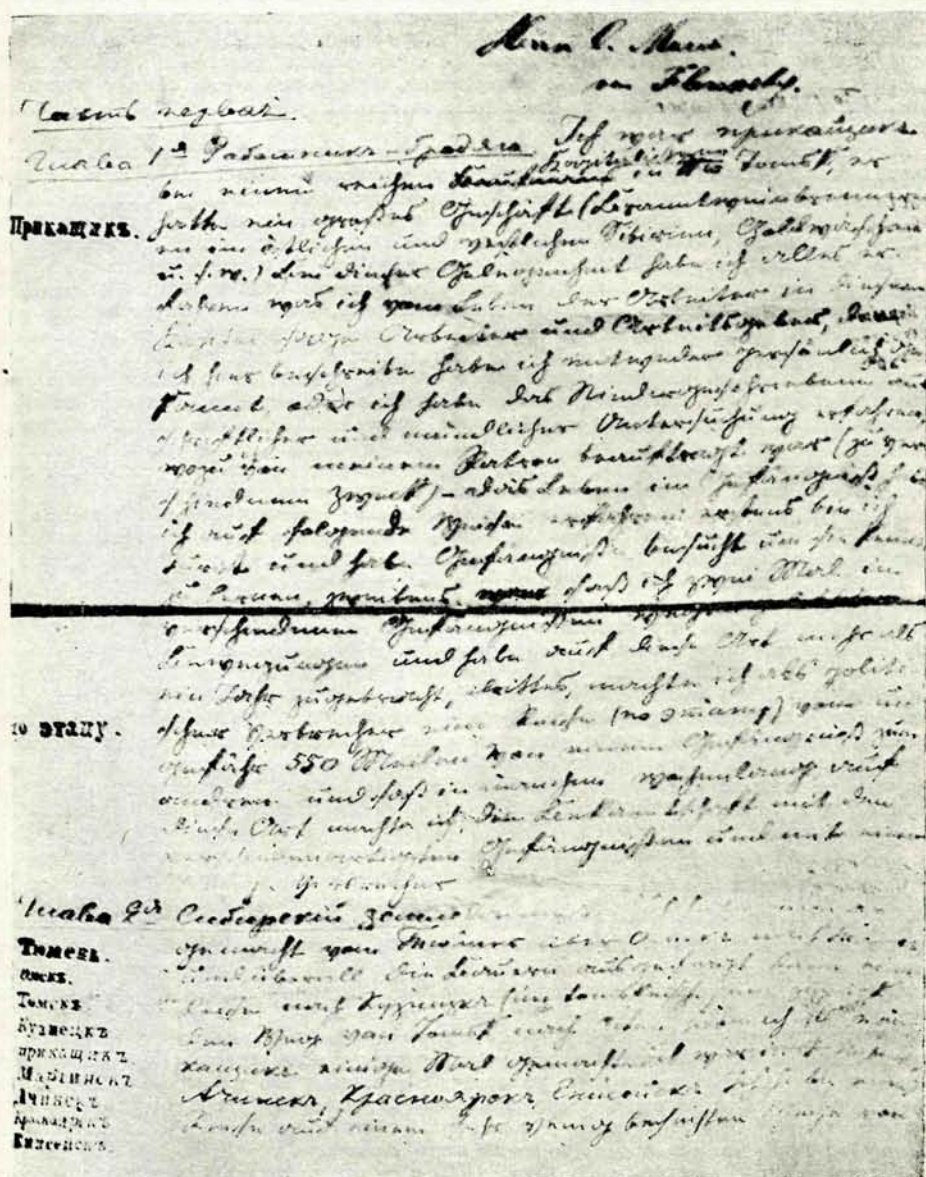
⁷ Ем. Ярославский, О тов. Сергее Ивановиче Мартыновском, «Каторга и Ссылка» 1926, № 6(27), стр. 202.

⁸ «Воронежский Телеграф» 1870 г., №№ 94, 95, 96, 97, 99.

⁹ «Одесский Вестник» 1870 г., № 29 (ст. «Сермяжная Русь»).

ложного лагеря она не имеет и не может иметь влияния; они видят пристрастность; они лишают автора нравственного кредита, они мало верят ему, а потому несколько не сдают на его доводы и мрачные картины».

Наиболее характерны отзывы столичной печати.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО К КАРЛУ МАРКСУ
ОТ 7 АПРЕЛЯ 1868 Г.

С фотоконии, хранящейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина
Сбоку пометки Маркса

Журналы народнического направления горячо приветствовали труд Флеровского. Так, «Отечественные Записки»¹ отмечали, что автор первый взглянул вглубь нашего

¹ «Отчего трудно поправляться нашему рабочему?», «Отечественные Записки» 1870, № 2.

рабочего вопроса, подверг его тщательному изучению и исследованию в самых разнообразных местностях и концах нашего отечества и в первый раз наглядно осветил его для всех.

«Отечественные Записки» подчеркивали, что выводы автора не голословны, а основаны на его личных и тщательных наблюдениях над условиями жизни русских рабочих в различных местностях России и что на основании их он пришел к несомненному выводу, что положение русского крестьянина в настоящее время гораздо ниже и хуже положения западного пролетария; что пока данные наблюдения и исследования автора не будут опровергнуты и заменены столь же тщательными данными и исследованиями противоположного свойства, выводы Флеровского останутся во всей силе, а заявления, даваемые им, будут иметь все значение действительных фактов, заслуживающих самого серьезного внимания.

Журнал «Библиограф» (№ 1 за 1869 г.), являвшийся также органом народнического направления, считал, что книга Флеровского бесспорно представляет собой явление очень заметное в нашей литературе. Журнал также подчеркивал, что она составлена не по сомнительным книжным источникам, а представляет собой результат многочисленных личных наблюдений и основательного изучения всех источников, какие можно было только достать. Журнал считал, что книга эта дает верное понятие о настоящем положении рабочего класса в России, которое так мало известно большинству соотечественников. Отмечались только незначительные, чисто литературные недостатки книги. Заканчивая свой отзыв о книге Флеровского, «Библиограф» писал: «Господа, читающие книжки только после обеда, ради приятных ощущений, отнесутся к этой книге, без сомнения, неприязненно, потому что она производит почти такое же тяжелое впечатление, как, например, прочитанная статья про острожную жизнь; но она и самим автором предназначается не для таких читателей. Пусть они следят себе за похождениями какого-нибудь праздношатающегося Райского с бабушками и племянницами, которые страдают от постоянного ничегонеделанья, бьются, как говорится, с жиром, но в то же время думают, что они тоже «плодят жизнь на земле».

Таким образом, печать народнического направления отмечала большое значение книги Флеровского и считала ее выход большим событием, так как она привлекла внимание русского общества к бедственному положению крестьянина и рабочего России.

Разумеется, совершенно другого, резко противоположного мнения о книге «Положение рабочего класса в России» была консервативная и реакционная печать. Сам Берви-Флеровский говорил, что Катков в «Московских Ведомостях» провозгласил его книгу произведением умалишенного, но возбудил этим, правда, один только смех¹.

Журнал «Русский Вестник», редактором которого был тот же Катков, в № 9 за 1870 г. писал, что в книге Флеровского «столбцы цифр, по большей части неизвестно откуда почерпнутых», подобраны с целью представить русского простолюдина в совершенно отчаянном положении, особенно после его освобождения; «в экономическом отношении рекомендуется община и вообще собственноручное пахание земли, в политическом — какая-то чудовищная федерация и, надо думать, уничтожение всякой военной силы, ибо на какие же средства содержать армию и флот при «безоброчном» владении землем?»

Журнал же «Заря»² вообще считал, что сочинение Флеровского не принадлежит к числу таких, которые могут способствовать прогрессу общественной жизни, а без всякого сомнения может оказывать действие только противоположное «во-первых, потому, что людей, недостаточно знакомых с состоянием России и в то же время незнакомых с историей того действительного прогресса, к которому способно всякое человеческое общество, и вообще недостаточно знакомых с науками философскими и политическими, они в состоянии привлечь к деятельности, которой, не будучи пророком, можно предсказывать только полную безуспешность; во-вторых, потому, что в глазах людей, враждебных дальнейшему прогрессу нашего отечества, они будут средством для задержки его, будут фактом, которым они могут укорять истинных друзей прогресса, истинных доброжелателей народа, выставя им на вид, что их стремления к улучшению быта русского рабочего могут переродиться в стремление изменить весь общественный строй, перевернуть его вверх дном, отнять у него прежние подпоры, не заменяя их никакими новыми, достойными этого названия».

Газета «Сын Отечества» в № 17 от 1870 г. также признавала, что книга Флеровского в целом не имеет никакого серьезного значения и скорее служит «к затемнению, чем к его выяснению». Газета считала, что в материале, данном в книге для исследователей, не легко отделить «дозу истины от массы преднамеренной лжи».

Из приведенных отзывов реакционной печати видно, что последняя хорошо понимала то влияние, которое книга Флеровского могла иметь на русское общество, а потому она и стремилась опорочить тот материал, который использовал автор в своей книге. Громадное значение книги «Положение рабочего класса в России» отчетливо себе представляло и Третье отделение — верный страж самодержавия.

¹ «Три политические системы: Николай I. Александр II и Александр III», Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897, стр. 263.

² Анф — овский, Скорое наступление золотого века, «Заря» 1870, № 1.

О. В. Аптекман в своей работе о Берви-Флеровском¹ приводит следующую весьма характерную записку, предназначавшуюся для доклада шефу жандармов, графу П. А. Шувалову, о книге Флеровского: «Сочинение, вышедшее в конце 1869 г. под заглавием «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского», замечательно во многих отношениях. Во-первых, у него нельзя отнять серьезности, благодаря которой оно для исследователей народного быта в разных местностях России приобрело значение источника, в наилучшем смысле этого слова; во-вторых, в связи с серьезностью, в нем впервые, весьма ловко и, так сказать, в непосредственном применении к делу, проведены социалистические тенденции, составляющие программу «Интернационального общества», с легкими изменениями, естественно вытекающими из различий между положением рабочего класса в России и в Западной Европе; в-третьих, появление этой книги достопримечательно в цензурном отношении как доказательство несостоятельности цензурных правил, если они призваны предупредить какую-либо агитацию, конечно, не совсем грубую».

Если реакционная печать достаточно четко определила свое отношение к книге Флеровского, то журнал «Вестник Европы», являвшийся органом умеренной либеральной буржуазии, дал, как всегда, довольно уклончивую характеристику настоящей работы Флеровского, что и вызвало достойный ответ автора — статью «Литературные либералы».

«Вестник Европы» в № 11 за 1869 г. следующим образом выразил свое отношение к данной книге. «Считая грусть преобладающим элементом в натуре автора и стремление его мрачными картинами положения крестьянства убить в читателе всю иллюзию и перевернуть вверх дном все понятия», рецензент находит, что «это автору, к счастью, не удастся, так как доказательства его шатки, обобщения слишком очевидны и его чувство любви к крестьянам, в искренности которого сомневаться нельзя, порою кажется сентиментальным...» Но журнал все-таки не мог отрицать правильности общей картины положения рабочего класса в России, изображенного в книге Флеровского. «Мы далеки от того, — говорит рецензент, — чтобы рисовать себе радужными красками положение рабочего класса в России. Все то, что говорит Флеровский о тягости подающей и неравномерном их распределении, давно доказано русской печатью и усвоено лучшей частью общества». «Мы не отрицаем, — продолжает он, — ни добрых намерений автора, ни относительной пользы его труда, в котором читатели найдут хорошие страницы, верные характеристики, несколько убедительных фактов и наблюдений, частью принадлежащих самому автору, частью заимствованных им из редких и специальных книг, но общий тон книги, предвзятая мысль, под которую подгоняется все, во имя которой совершаются большие натяжки, лишает его труд серьезного значения, которое он мог бы иметь. Часто автор, приводя цифры, не указывает источника, откуда их заимствует; иногда высказывает положения шаткие, выдавая их за неоспоримые исторические истины».

Таким образом этот орган умеренно либеральной буржуазии хотя и старался в известной степени обесценить этот труд Флеровского, тем не менее никак не мог не признать его значения как труда, привлечшего внимание русского общества к вопросу о положении рабочего класса в России.

Берви-Флеровский в ответ на эту рецензию написал большую статью «Литературные либералы», в которой направлял свой удар не столько против самого журнала, поместившего рецензию, сколько против той общественной группировки, которая стояла за этим журналом. Эту статью предполагалось напечатать в ближайшем № 12 журнала «Дело» — органе радикально-демократической интеллигенции. Этим самым представителем радикально-демократического направления, пользуясь тем интересом, который был проявлен обществом не только к самой книге Флеровского, но и к поднятому им вопросу, хотели дать достойный ответ представителям умеренно либерального направления.

Статья эта уже в гранках была дана на просмотр цензору Н. Е. Лебедеву и на заседании С.-Петербургского цензурного комитета 11 декабря 1869 г. подверглась запрещению.

Лев Добровольский

¹ О. В. Аптекман, Василий Васильевич Берви-Флеровский. По материалам III Отделения и Д. Г. П., изд. «Колос», Л., 1925, стр. 55.

«РАБОЧИЙ» — РОСТОВСКИЙ ЖУРНАЛ 1883 ГОДА

Предисловие В. Невского

Послесловие С. Валка

ПО ДОРОГЕ К МАРКСИЗМУ

Ленина и его последователей часто упрекали в том, что они отказались от наследства 60—80-х годов, т. е. от тех идеалов и заветов, которые выработали и оставили нам выдающиеся революционеры, лучшие люди эпохи героического народничества и «Народной Воли».

Эти лицемерные упреки уже давно были опровергнуты прежде всего работами самого В. И. Ленина и затем той огромной практической деятельностью русских революционных социал-демократов — большевиков и коммунистов, давших результаты, каких не могут теперь отрицать даже самые яростные империалисты и социал-фашисты всех стран и мастей.

Мы не будем здесь повторять того, что известно всякому мало-мальски уважающему себя исследователю, фактов, говорящих о том, как еще в 90-х годах Ленин показал, что лучшими хранителями лучших, действительно революционных идеалов и заветов 60-х, 70-х и 80-х годов, оставленных революционным народничеством и «Народной Волей», являлись и являемся мы, коммунисты-большевики.

Такие работы Ленина, как «Что такое друзья народа и как они воюют с социал-демократами», «От какого наследства мы отказываемся», «Задачи русских социал-демократов» и вообще те его труды, где трактуется вопрос о наследстве, — общеизвестны.

Не об этом идет речь. Нам хочется подчеркнуть, что с каждым днем, с каждым новым документом о революционном рабочем движении 70—90-х годов в России, наводимым исследователями в архивах, мы все больше и больше убеждаемся в правильности той интерпретации, какую давал Ленин, изучая славную эпоху революционного народничества и «Народной Воли».

Публикуемый здесь впервые документ — текст рабочего журнала, изданного ростовскими рабочими-народовольцами в 1883 г., — еще раз подтверждает правильность объяснения этого периода русской революционной истории Лениным.

Это, повидимому, действительно текст того самого журнала, который издавался замечательной группой ростовских рабочих периода 1882—1883 гг. во главе с Андреем Карпенко и Виталием Кудряшовым.

Трудно предположить, чтобы это был текст того журнала под названием «Накануне», о двух номерах которого говорит П. Н. Пешекеров в своих известных воспоминаниях¹.

Не говоря уже о прямых свидетельствах, приводимых т. Валком и хорошо известных всем исследователям рабочего движения и прямо указывающих, что в название журнала во всяком случае входило слово «Рабочий», нужно принять во внимание то, что в журнале «Накануне» (вышло два номера) трактовались не только вопросы

¹ П. Пешекеров, Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг., в сборнике «Народовольцы после 1 марта 1881 года», М., 1928, изд. Политкаторжан, стр. 120.

рабочей жизни, но что журнал носил общеполитический характер и что «Хроника рабочей жизни» помещалась «между прочим».

Из публикуемого же текста видно, что журнал, издававшийся рабочими, за исключением «Обращения к войскам», весь был посвящен жизни и интересам пролетариата.

Инициатива рабочих в этом деле прежде всего и отразилась на содержании журнала.

Не мешает в данном случае вспомнить следующее место из Ленина, относящееся как раз к периоду первой половины 80-х годов: «...Практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве,—и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория видимо утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народолюбцев становится борьбой радикалов за политическую свободу»¹.

Ленин подчеркивает здесь как то, что борьба народолюбцев к началу 90-х годов вырождалась в борьбу радикально настроенной буржуазной интеллигенции, так и то, что борьбу во имя социализма вели и рабочие.

Вот в этой-то борьбе и вырабатывались такие типы рабочих, как А. Карпенко или В. Кудряшов, которые либо совсем переходили (хотя и не сразу) на сторону учения К. Маркса, либо, как А. Карпенко, говорили прозой, быть может хорошо и не сознавая, что проза эта есть тот путь, что указан К. Марксом и первыми русскими социал-демократами.

А какое огромное значение имели рабочие такого типа, мы находим опять же у Ленина: «История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучшие поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бибелей»².

Вот к такой категории, если и не к Прудонам и Вальянам, то к такой категории рабочих, которые стали социалистами, организаторами пролетариата, и следует отнести ту группу ростовских рабочих, из недр которой в 1883 г. вышел журнал «Рабочий».

Это была действительно замечательная группа народолюбцев-рабочих, оказавших большое влияние на развитие рабочего движения на всем юге России 80-х годов. О замечательной деятельности и роли А. Карпенко говорят многие деятели этой эпохи в своих мемуарах (Пешекеров, Панкратов, Макаревский и др.).

Следы этой деятельности рабочих-народолюбцев долго были еще заметны в Ростове-на-Дону и в других городах юга России.

Пишущий эти строки, например, еще юношей в первой половине 90-х годов встретился с одним из членов этой группы, рабочим революционером, по убеждению народолюбцем, и получал от него народолюбческую литературу.

¹ Ленин, Сочинения, изд. 3, т. I, стр. 179—180.

² Ленин, Соч., т. II, стр. 574.

Но замечательнее всего то, что некоторые из рабочих этой группы под влиянием развивающегося рабочего движения становились из народовольцев социал-демократами, как например В. Кудряшов.

Не будет ошибки, если мы скажем, что логика движения подготовила их к этому уже давно и что этой логикой движения они вынуждались своей главной работой делать пропаганду среди рабочих, и притом так, что им невольно приходилось обращаться к учению Маркса.

Оставаясь народовольцами, они в то же время и жизнью, и учением Маркса толкались на новый путь рабочего социалистического движения.

Таким переходного характера кружком, видимо, и был ростовский кружок 1883 г. Обращаясь к взглядам этого кружка, как они выражаются в «Рабочем», мы видим, что его, действительно, иначе, как переходным, назвать нельзя.

Здесь нет еще марксизма, но здесь нет уже и старого ярко выраженного народничества.

Прежде всего авторы статей сами путаются в тех новых понятиях, с которыми они только что познакомились: у них всюду вместо термина «рабочая сила» фигурирует слово «труд», причину социальных бедствий они считают «правительство, настоящий государственный строй» и т. п., но вместе с тем они уже понимают, что такое прибавочная стоимость, как она возникает, какое участие принимают классы в производственном процессе, им уже довольно ясна классовая структура общества и т. п.

Они сохранили еще многое от Лассалля, перед ними еще маячит образ критически мыслящей личности, но они уже довольно хорошо понимают и те конкретные формы, в которых перед ними разворачивается классовая борьба и в деревне, и в городе.

И уж само собой разумеется, что они превосходно знают быт и условия рабочей жизни, и в этой области из-под их пера выходят действительно потрясающие картины, рисующие положение рабочего класса.

Этой путаницы гораздо меньше в тех статьях, где трактуются основные понятия политической экономии, по той простой причине, что здесь авторы излагали учение К. Маркса о ценности, об общественно необходимом труде, о капитале и т. п. (Эта статья здесь не переиздается.)

Нельзя того же сказать о статье, в которой делается попытка изложить русскую историю («Очерки истории русского народа»).

Здесь, не имея такого надежного руководителя, как «Капитал» К. Маркса, авторы отдали дань господствующему мировоззрению народничества.

Образование государства мыслится автором как результат завоевания, а не как результат социально-экономических факторов; князь, возникновение этого института мыслится как результат добровольного волеизъявления трудящихся масс; вся борьба русских князей с кочевниками и татарами объясняется традиционными представлениями о борьбе Руси со степью и т. д., и т. п.

Самое возникновение крепостного права рисуется в виде обычного представления насилия князя и боярина над крестьянином. — экономики, процесса развития производственных и классовых отношений в этом объяснении нет и следа.

Словом, борьбы классов как пружины истории мы не найдем в этом популярном изложении.

Что же характернее всего в этой статье? Автор ее, повидимому рабочий, отдал дань традиционному представлению рабочего-народника о христианстве. Говоря о проникновении христианства в Россию, автор пишет: «Эта вера называется христианской, но она вовсе не то, чему учил Иисус Христос. Христос учил всех жить между собою, как хорошие братья, любить ближнего, как самого себя. Он не признавал ни богатых, ни бедных, — все были для него равны. Он отвергал всякую власть человека над человеком, всякое насилие. Православие же, то-есть православные попы да монахи, говорили, чтобы народ покорился князю, они говорили народу, что князь самим богом поставлен».

Полезно вспомнить и сравнить это место статьи ростовского «Рабочего» со следующим местом программы «Северо-русского рабочего союза» С. Халтурина и В. Обнорского: «Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый

был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир,— простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа».

Если южане-рабочие не так резко и определенно, как их северные собратья, формулировали мысль, что современный социализм и учение Христа — одно и то же, то все-таки примиренческое отношение к евангелию налицо и отождествление двух учений, хотя и не такое решительное, все же факт.

Эта черта обоих документов 1878—1879 гг. и 1883 г. на севере и на юге очень характерна для русского народничества, и это позволяет, пожалуй, сказать, что как автором документа 1879 г., так и автором статьи «Рабочего» был пролетарий типа С. Халтурина и В. Обнорского.

Впрочем это обстоятельство не должно нас смущать, если мы вспомним, что идея социализма и идея Христа уживались в народничестве не только у рабочих.

Зато общий характер мировоззрения ростовских рабочих 1883 г. вырисовывается довольно отчетливо: они революционеры и социалисты.

Первое видно решительно из всех их статей: они держатся мнения, что только восстанием рабочих и крестьян возможно решить дело, они зовут на помощь солдат, они верят в близкий приход этого восстания («Развязка не за горами, час возмездия с врагами и тиранами уже наступает!»).

Что они социалисты, это видно из их неоднократных заявлений.

«Движение рабочих,— пишут ростовские пролетарии,— с целью разрушения существующего экономического и политического строя как единственного выхода из настоящего положения приняло уже широкие размеры не только за границей, но и у нас на Руси».

Хотя они продолжают еще оставаться во власти демократических принципов — свобода, равенство и братство,— однако они несомненные социалисты, члены, как они сами называют ее, «Социально-революционной партии».

Мы не имеем на страницах «Рабочего» систематического изложения программы наподобие программы «Северно-русского рабочего союза», да этого и не было нужно, так как ростовские рабочие были членами партии «Народной Воли», но мы находим все элементы этой северной программы с прибавлением уже довольно резко обозначенных черт, слабо намеченных в 1878—1879 гг., черт, характеризующих ростовскую рабочую группу как народофильскую, переходную от народничества к марксизму.

В ней налицо и элементы народнического мировоззрения, и элементы, из которых скоро выйдут настоящие социал-демократы рабочие.

В этом и заключается большая историческая ценность печатаемых документов.

Из печатаемого ниже текста все это видно прекрасно.

Новая публикация лишней раз подтверждает исторические взгляды, развитые Лениным по вопросам нашего революционного движения; она, так сказать, новое торжество этих взглядов, новое доказательство правильности и силы этих взглядов.

Этот документ указывает нам на то, как и чем следует заниматься современному историку.

В свете тех указаний, какие дал нам т. Сталин в своей последней статье, мы должны сказать: есть документ и документ. Мало того: каждый документ следует рассматривать так, чтобы самые отдаленные моменты нашей истории оживали перед нами в связи с теми задачами, какие ставит перед нами партийная современность.

И вот, если с этой точки зрения взглянуть на печатаемый документ, мы должны отдать себе ясный отчет в том, как жизненна, как сильна теория, сумевшая под пером Ленина еще в рабочем движении первой половины 80-х годов найти такие явления, которые, развившись и окрепши, под руководством революционной партии привели к результатам, потрясшим весь мир.

В. Невский

[ЖУРНАЛ «РАБОЧИЙ»]

ПИСЬМО К СОЛДАТАМ

Вы чуть ли не вчера еще ходили по родным нивам, с косой или за плугом, чуть ли не вчера, облитые потом, стучали молотками на фабриках и заводах; еще недавно вы так горячо любили родную семью, товарищей, родину! Теперь вы оторваны от всего этого: на вас надели мундир, и какая, посмотрите, промадная разница между вчерашним крестьянином, фаб-

Письмо к солдатам.

Вы чуть ли не вчера еще ходили по родным нивам, с косой или за плугом, чуть ли не вчера, облитые потом, стучали молотками на фабриках и заводах; еще недавно вы так горячо любили родную семью, товарищей, родину! Теперь вы оторваны от всего этого: на вас надели мундир, и какая, посмотрите, промадная разница между вчерашним крестьянином, фабричным или заводским рабочим и сегодняшним солдатом! Вы оторваны от всего, в руки, как силу, на которую оно опирается. И что только не выделяет царь-батюшка с своими барами да боярами посредством ваших штыков да прикладов! Положим, вы назначаетесь для защиты своего отечества, но на самом деле вы не защитники, а враги отечества, вы разоряете его, вы увеличиваете нищету вконец разграбленного русского народа; вы топчете ногами и разбиваете приклады все честное, святое, справедливое... Вы враги сами себе и вашим братьям-мужикам.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РОСТОВСКОГО ЖУРНАЛА 1883 Г. «РАБОЧИЙ»

С оригинала, хранящегося в Ленинградском отделении Центрархива

ричным или заводским рабочим и сегодняшним солдатом! Правительство забрало вас в руки как силу, на которую оно опирается. И что только не выделяет царь-батюшка с своими барами да боярами посредством ваших штыков да прикладов! Положим, вы назначаетесь для защиты своего отечества, но на самом деле вы не защитники, а враги отечества, вы разоряете его, вы увеличиваете нищету вконец разграбленного русского народа; вы топчете ногами и разбиваете прикладами все честное, святое, справедливое... Вы враги сами себе и вашим братьям-мужикам.

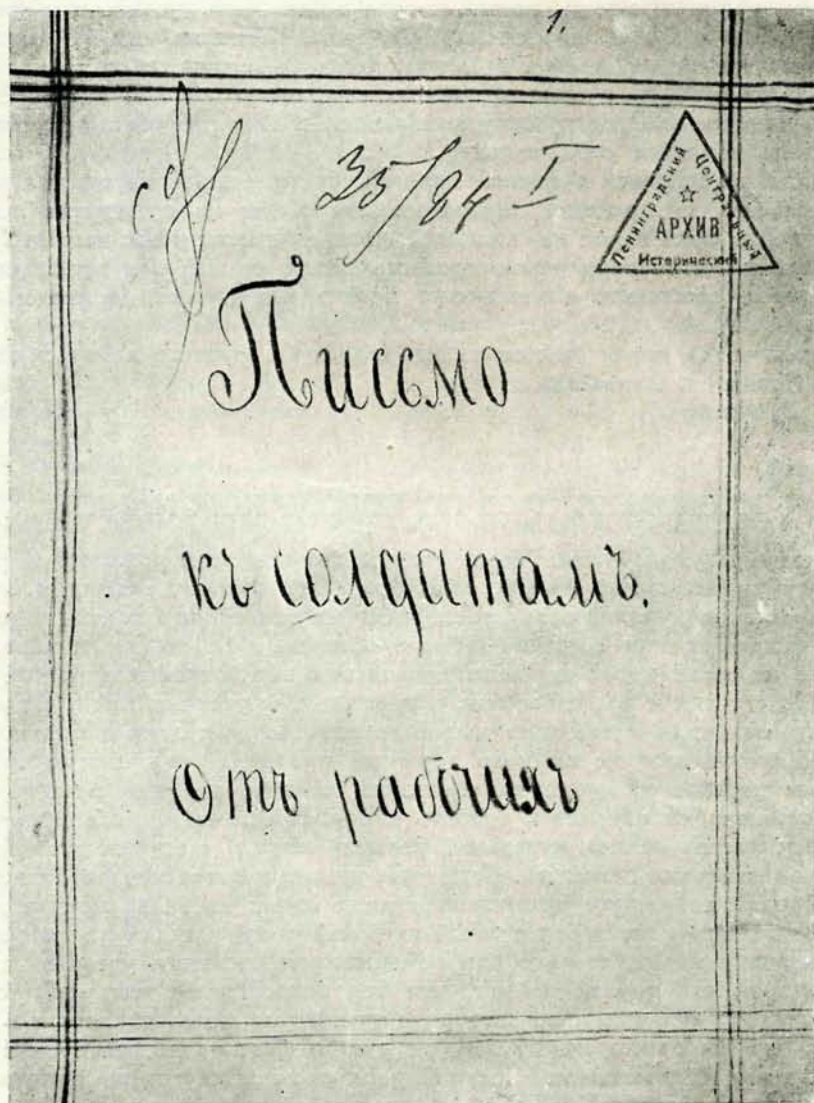
Вспомните, например, русско-турецкую войну и все последствия ее, так губительно отразившиеся на жизни крестьянина и рабочего. Вас тысячами

гнали на поля сражений, как скот на бойню; вы умирали от гнилых сухарей, которыми вас кормили ваши заботливые начальники; вспомните, каким обильным потоком разливалась русская кровь по горам и равнинам Турции! Из-за чего же все это? Из-за чего у нас теперь тысячи вдов и сирот; из-за чего остались отцы и матери без поддержки любимых сыновей? Не из-за того ли, чтобы освободить сербов и болгар от турецкого гнета? Нет! Это был обман, предлог со стороны русского правительства. Ему захотелось отнять у турок замученных славян для собственной выгоды; захотелось прославить себя, показать другим государствам, что оно сильнее их. И вот собирается войско, начинаются кровавые схватки, с каждым днем вырастают новые могилы, куда десятками тысяч сваливают обезображенные трупы русских солдат. Турки наконец разбиты; болгары и сербы в руках нашего батюшки-царя, а уж он, сердечный, позаботится об их участи: вместо того чтобы дать им полную свободу управлять собой, как они сами желали этого, он наложил на них свою заботливую лапу; таким образом славяне, ценою стольких потерь не освободившись от турецкого гнета, подпадают еще под гнет русского правительства. Спросите любого серба или болгарина об их жизни, и они скажут вам, что им живется теперь ничуть не лучше, чем жилось при турках. Значит, совершенно напрасно погибло 200 тысяч русской молодежи. — Но правительству мало показалось той крови, которая разлилась по турецким степям; оно не удовольствовалось тем, что русские солдаты безропотно покидали своих матерей, отцов, жен и детей; оно не удовольствовалось тем, что все они геройски отдавали свою жизнь, не зная в точности за что. Правительству захотелось еще пролить кровь внутри родимой нам Руси. И вы, солдаты, взятые из деревень, будто забыли, как, ходя за сохой, с вас лились кровь и пот. Не вы ли еще вчера говорили, что земли у крестьянина мало, что с ней нельзя прокормиться? Не вы ли еще вчера заявляли в волости, что подати велики, что их платить крестьянин не в силах? Не у вас ли еще вчера прохвост-становой вел со двора последнюю лошадь, корову за подать, за недоимку? И вот теперь правительство, оторвав вас от всего родного, дав вам тесак и ружье со штыком, посылает вас вместе с становым в обнищалую деревню выколачивать прикладами подати из ограбленного мужика; — вы заряжаете ружья, стреляете в крестьян, не думая совершенно о том, что спустя 5 лет вы опять вернетесь в деревню и будете тянуть прежнюю лямку, и из вас самих, точно так же, как вы когда-то, будут выколачивать царские налоги.

Вы — солдаты, взятые из фабрики или с завода; не вы ли еще вчера кричали, что рабочей платы мало на пропитание, что налоги и акцизы велики, а их платить приходится на каждом шагу? Не вы ли, работая по 12, 14 и 18 часов в сутки, вчера еще напирали на фабрикантов и заводчиков, чтобы они сбавили хоть один час этой каторжной работы? Не вы ли еще вчера называли капиталистов, фабрикантов и заводчиков, подлецами, крохотливыми, а сегодня, что с вами стало?!

Вы перешли на сторону капиталистов и правительства и теперь, как палачи, заставляете прикладами, а иногда пулями, своих братьев-рабочих подчиняться требованиям богача-капиталиста, тогда как требования эти ведут рабочего и его семейство к медленной голодной смерти. Да вы же сами через 5 лет придете к фабриканту или заводчику с поклонами, чтобы он дал вам кусок хлеба, а этот фабрикант заставит вас подчиняться тем же бесчеловечным правилам, которые вы сами отстаивали прикладами и пулями, и вот будете получать за эту трудную работу кусок черного хлеба, жить в грязной лачуге, умирать голодной смертью. Это все плоды того семени, которое при поддержке штыков рассеивается на наших родных нивах. Веря в правительство, вы сделали палачами народа. Оглянитесь! —

говорят вам друзья народа, социалисты. Оглянитесь! В кого вы верите? Кому служите? Не той ли маленькой кучке людей, которая называется правительством? Да! Вы служите правительству, которое утопает в разврате и пиришестве в то время, когда на широкой Руси целые тысячи мрут от голода. Оглянитесь! Не на вас ли эта ничтожная кучка развратников

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ «РАБОЧЕГО», ИЗДАННАЯ ОТДЕЛЬНОЙ ГЕКТОГРАФИРОВАННОЙ
БРОШЮРОЙ В 1884 Г.

С оригинала, хранящегося в Ленинградском отделении Центрархива

опирается? Не за вас ли она во время народных восстаний прячется, выставляя вас против народа как самых верных своих защитников? Да, действительно, вы поддержка правительству. Без вас оно бессильно, ничтожно, без вас оно бы рухнуло само собою со всеми своими подлыми замыслами. Вглядитесь, что вы делаете, веря в правительство и безропотно повинуюсь ему. Вспомните екатеринославский погром и полюбуйтесь несчастными

жертвами ваших преступлений! Посмотрите, как умирает старик с разбитою вашими прикладами грудью; посмотрите, как при последнем испускании духа он поднял дрожащую руку и указывает на небо, напоминая вам о страшном суде бога. Вот юноша, раненый вашей пулей; слушайте, как последним умирающим голосом он завещает народу отомстить за его смерть. Вот ребенок убитой вами матери: он ползает вокруг ее безжизненного тела, он ищет живую мать, но она умерла в борьбе за кусок хлеба; умерла, посылая вам, солдаты, проклятье. Да! Время ужасное; оно занесется на листки истории. Его назовут временем братоубийства.

Идите же рука об руку с правительством, дармоедами и кровопийцами народа! Идите, если не чувствуете жалости к своим братьям-крестьянам, к рабочим, к самим себе, наконец.

Идите этой широкой кровавой дорогой, бейте, режьте народ для выгод правительства и дармоедов; приготовляйте обеды из мужицкого тела и крови; бейте, пока народ не сплотился, пока он просит у вас пощады.

Но знайте, что скоро целая пропасть пересечет вам эту кровавую дорогу; народ восстанет; он выдвинет против вас и всех дармоедов свои грозные силы...

Тогда... тогда правительство и вы, его слуги, рухнете в эту пропасть, как ничтожная и бесполезная тварь.

Рабочий

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КОРОНАЦИИ

Слишком 2 года Россия была занята ожиданием коронации, и в эти 2 года у многих, очень многих родилось много светлых надежд и ожиданий. Крестьяне думали, что царь наделит их землей, что подати и налоги будут отменены, или по крайней мере сбавлены; фабричные и заводские рабочие ожидали много перемен: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и пр., и все они, и крестьяне, и рабочие, как и следовало ожидать, получили лишь; одно только дворянство да кулаки и капиталисты не ошиблись в расчете: им царь дружески протянул руку и торжественно дал свое царское обещание поддерживать их интересы, как прежде, т. е. способствовать им обирать и грабить народ. Крестьянство, обезземеленное и вконец разграбленное кулаками, целыми селами шатается по родной стране за поисками земли и работы; фабричные и заводские рабочие тысячами бродят по улицам, выпрашивая лишь кусок хлеба за предлагаемый ими труд. Почему же народ с такой глубокой верой ожидал царских милостей? Почему народ, столько раз обманываемый всякими указами да реформами, до сих пор не поймет, что под покровительством царя только капиталистам, кулакам и всякого рода туеядцам живется хорошо и привольно, что им одним сходят легко с рук их беззакония, насилия и грабеж, что под величественной шкурой царя скрывается тот же капиталист, тот же кулак-туеядец?

Потому что вера в царя как друга народа целыми веками вбивалась в голову народа. Она затупила светлый человеческий разум и наполнила головы мужиков непроглядной тьмой и тупоумием. Но теперь широко распахнулась завеса, закрывавшая ум и глаза русскому народу, и с высоты трона, откуда народ ждал облегчения своей горемычной жизни, раздался грубый, насмешливый голос, голос самого царя, который наконец-таки разбил и уничтожил веру в него как в защитника и благодетеля трудящегося люда. В самый день коронации царь предстал пред русским народом, пред миллионами обиженных и угнетенных и предстал не под маской освободителя, а в своей настоящей шкуре, т. е. наглым тираном и обманщиком

Он приказал народу и не думать о земле, он назвал своими врагами тех, кто будет распространять слухи о нарезке и переделе земли.

Не думать о земле! Да ведь сам голод заставляет крестьянина думать о ней! Неужели царь не знает, что крестьяне наделены такими ничтожными клочками земли, доход с которых гораздо ниже податей и налогов? Таким образом царь открыто заявляет, что мужик — его враг, потому что он думает об увеличении надела. Да и дурак же он, братцы, мало того, что подлец! О фабричных и заводских рабочих он ни слова не проронил. Он, должно быть, забыл, что у нас их на Руси около миллиона, должно быть забыл, что все они, как один, обливаясь потом и кровью, стонут под ярмом кулака, фабриканта и заводчика. Или в этот разгульный час ему некогда было думать о них?

Итак, царь — враг народа, ему чужды его нужда и горе. Он запрещает народу думать о своей обездоленной жизни. Чей он друг после всего этого? Чьи интересы для него дороги и заветны?

Конечно, дворянства, духовенства, купцов и вообще всех богатых тунеядцев. Царь при всем народе пьет из бокала вино за счастье и благоденствие своих верных союзников, кровопийцев и угнетателей обездоленного рабочего люда.

Народ! Ты ошибся в царе и теперь, наконец, сознал свою ошибку. Одни мы, социалисты, не ошиблись, мы видели всегда в царях тиранов и мучителей народа.

Нас научила история целым рядом своих событий; история, например, говорит нам, что закрепощение народа произошло вследствие тупоумия его и веры в царские милости; когда же народу стало жить слишком невыносимо и он стал волноваться и искать выхода, тогда Александр II и дал волю, сказав дворянам и боярам, что «лучше реформы сверху, чем реформы снизу», т. е., чем дожидаться, пока мужик возьмется за дубинку и силой добудет себе волю, лучше дадим ему ее прежде — и вам, мол, мои други сердечные, господа дворяне, не в убыток и для меня покойней. Но на долю Александра III выпала пора совсем иная; народ начинает прозревать, и царю-батюшке уж не доведется нагло обманывать его.

Социально-революционная партия, защищая с геройским самоотвержением святое дело народа, зовет тебя, несчастный измученный народ, на великую борьбу против виновников твоего векового мучения и страдания, против царя, бар и кулаков. Социалисты-революционеры поведут тебя к свободе и свету, и дворянство, чиновники, купцы и попы не сумеют поддержать окровавленного царского престола. Вся эта кучка варваров, которая так дружно соединилась с Александром III, разотрется ногами, обутыми в мужицкие лапти, и на месте развалин существующего бесчеловечного строя создастся новый строй, новая жизнь, в которой не будет места кривде и несправедливости.

Р а б о ч и й

* * *

Бездомного, безродного не мало
Попадается народу на Руси...

Да, действительно, много мы видим голодных и холодных людей, не имеющих куска хлеба, лишенных возможности приискать себе работу. Случаи голодной смерти стали все чаще и чаще появляться у нас на Руси. Все это последствия нашего общественного строя, при котором каждый тунеядец, имеющий деньги и находясь под особым покровительством закона, предается всевозможным наслаждениям, а труженик, постоянно ра-

ботающий, выбивается из сил, чтобы добыть лишь кусок хлеба, для себя и своей голодающей семьи. Наживать капитал возможно только при эксплуатации труда, или, говоря проще, посредством грабежа рабочих. У нас в Руси, да и в других странах этот грабег совершается на законных основаниях. Капиталист нанимает рабочих, назначает им такую плату, при которой они еле-еле могут прожить с своим семейством, а затем весь излишек, т. е. барыш, идет в карманы капиталиста.

Всем людям нельзя быть капиталистами, потому что некого будет нанимать для работы. К капиталистам стекается все народное богатство, у них в руках фабрики, заводы и разные машины, т. е. все то, что создано трудом рабочего; в руках капиталиста — земля и все продукты, добытые с земли опять-таки трудом рабочего. У рабочих же нет ничего, кроме труда, который они и вынуждены продавать капиталистам. Труд рабочего — это сила, которая при благоприятных для рабочего условиях дала бы возможность удовлетворять все потребности разумной человеческой жизни. Теперь же это делается не так: продукт труда рабочего разделяется капиталистом приблизительно на десять частей, из которых одну часть, в виде поденной платы, получает рабочий, а девять частей идут в карман капиталиста, хотя в самом процессе труда капиталист не принимает никакого участия. На первый взгляд покажется странным, почему рабочие закабаляют себя таким бесчеловечным, невыгодным для себя образом, без всякого принуждения со стороны правительства или того же капиталиста. Это оттого, что у рабочего только труд, а у капиталиста все те орудия, без которых труд немислим.

Со введением разных машин мелкие мастерские стали исчезать; хозяева их превратились в рабочих; капиталистов становилось все меньше и меньше; богатства скопились в руках ничтожного меньшинства. Вместо мелких мастерских, в которых работало 10 или 20 человек, появились целые заводы, заменившие собой, по силе своей производительности, сотни и даже тысячи мелких мастерских. Произошло это следующим образом: два, например, мелких капиталиста имели по одной мастерской, на которых приготавливались гвозди; один из них, который был побогаче, приобрел себе машину, а дело известное, что машиной гораздо скорее и дешевле приготавливается продукт; значит тот, который не в состоянии был приобрести машину, должен поневоле закрыть свою мастерскую, так как теперь уже ему нет никакой выгоды производить работу. Таким образом, от мелкого капиталиста все мало-помалу переходит в руки крупного, т. е. того, у которого производство совершается при посредстве машин.

Теперь посмотрим, как отразилось на жизни рабочего введение паровых машин и скопление капитала в руках единичных личностей. Возьмем к примеру капиталиста-землевладельца; для обработки полей, т. е. молотьбы, покоса, жатвы и пр., землевладелец до введения сельскохозяйственных машин нанимал такое количество рабочих, какое необходимо было для производства всех полевых работ при посредстве обыкновенных серпа, косы, сохи и пр. Вдруг приобретаются землевладельцем косилка, молотилка, жатвенная машина и прочие орудия. Каждая из этих машин может заменить собою сотни рабочих рук; для управления же ими понадобилось лишь несколько человек; следовательно все рабочие, т. е. молотильщики, косари, жнецы, лишились работы.

Другой капиталист имеет механический завод, на котором пока нет паровой машины; для каждого токарного станка нужен человек, который бы вертел колесом. Но вот вводится машина, которая приводит в движение сто токарных станков; значит и тут сотни рабочих выбрасывается на улицу. Можно было бы привести целые тысячи примеров, как страшно и гибельно отразилось введение машины на положении работника, но мне кажется,

ся, что эти два приведенные примера вполне достаточны для того, чтобы показать рабочему, что машины приносят ему не пользу, а вред.

Но не подумайте, читатель, что самое назначение машин, т. е. цель технических изобретений, имеет в виду понижение экономического положения народа. Напротив, машины полезны, их назначение облегчить и сократить труд рабочего; в руках же капиталиста они приносят обратные результаты. Если бы все орудия производства, т. е. земледельческие и заводские машины, были бы в руках самих рабочих, тогда эти машины, теперь служащие причиной безработицы тысяч и десятков тысяч рабочих, принесли бы несомненную пользу рабочим, значительно сократив их труд.

Итак, машины теперь приносят пользу одним лишь капиталистам и несомненный вред классу рабочих. Выброшенные на улицу рабочие мрут от голода и холода.

Если открываются новые заводы и эти голодные труженики находят себе в них работу, то положение их немногим изменяется к лучшему: голодающий рабочий идет в кабалу к фабриканту за самое ничтожное вознаграждение и, кроме того, что он сам не допьет и не доест, еще понижает плату за труд других рабочих. Если, например, ткачи бумагопрядильного завода фабриканта А получают поденно по 70 к., то этот же фабрикант непременно понизит плату, если к нему явится с предложением рабочих рук по 50 к. в день толпа голодных, ищущих работу ткачей. Вся разница между рабочими, умирающими голодной смертью на мостовой, и хронически голодающими на заводе или фабрике заключается лишь в том, что последний вынесет несравненно больше первого страданий.

Кто же является причиной этого безысходного страдания обездоленных тружеников?

Во всем этом виновно правительство, настоящий государственный строй. Он установил свободу такому беззаконию, при котором небольшая кучка людей наслаждается всеми благами жизни, а целые миллионы тружеников должны гибнуть в нищете, не находя ни правды, ни справедливости.

Да! Этот строй ужасный; он уничтожает все дорогое и честное для человека и открывает широкую дорогу разврату и тупоумию; он создает нищих, заставляет голодающего человека сделаться вором, а потом этот же строй, по своим законам, посылает его на каторгу или в далекую Сибирь на поселение.

Безотраднa наша жизнь, кажется и жить-то не стоило бы рабочему человеку, если б уделом в его жизни была вечно беспросветная ночь, вечные холод и голод. Но нет, друзья! Нам стоит жить, потому что в жизнь нашу начинает прокрадываться луч света, надежда выбиться из-под гнета наших лютых врагов, врагов свободы, правды и справедливости. Этот свет, который озарил нашу жизнь, дал нам надежду на лучшее будущее, вносится горячими борцами за народное дело, которые называются социалистами.

Их правительство преследует самым бесчеловечным образом, сажает в тюрьмы, казематы, подвергает мучительным пыткам, вешает, но они твердо и непоколебимо идут к своей заветной цели: разрушению настоящего строя и водворению свободы, равенства и братства.

Рабочий

* * *

Новый царь наш обещает
Крошки нам земли не дать.
Знать, добром мы с ним не уладим,
Гей, землюцу добывать!..

А чтоб с горем распрощаться
И землю нам добыть,
Надо всем нам собираться
И ножи острей точить.

Ими будем мы тиранов
Земли русской истреблять,
Землю, фабрики, заводы
Ими будем добывать.

Показать тиранам надо,
Что не в силах стало жить:
Голод днем, а ночью холод,
Жизнь свою всю волком выть.

А потом для жизни новой
Закон лучший изберем,
Людей честных из народа
Править делом призовем.

КАК ЖИВУТ РАБОЧИЕ

Всматриваясь в условия нашей жизни, мы, куда бы ни заглянули, куда бы ни забрались, не только в России, но и в других странах, не увидим сколько-нибудь сносного положения рабочих классов. Наша квартира, ничтожное вознаграждение за тяжелый труд, штраф, налагаемый на нас хозяевами, наше, наконец, общественное положение, как гражданина и как рабочего — все это напоминает нам, что мы, рабочие, до сих пор пребываем в состоянии рабства и зависимости от разных спекуляторов, имеющих средства для закабаления рабочего люда. Каждый из этих сосущих нашу кровь негодяев, наживши всеми неправдами свой капитал, может вполне завладеть нашим трудом, нашей свободой и даже нашей жизнью. Голимые голодом, лишенные всего, кроме наших рук и сил, мы вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам и закабалить себя за такую ничтожную плату, которая едва удовлетворяет самые насущные потребности. Каждый капиталист, имея огромное состояние и утопая в роскоши, заставляет нас, производителей, и нашу семью переносить всевозможные лишения, а сам пользуется всеми выгодами, доставляемыми ему нашим трудом. Он же, капиталист, когда ему заблагорассудится, может лишить нас и этих скудных заработков; он не признает никакого нашего права. Обладая состоянием, он подкупает судей и разных чиновников и таким образом лишает нас возможности защищать свои интересы. Кто же защитит нас, рабочих, кто заступится за наши права, у кого искать правосудия? Не у правительства ли, не у царя ли батюшки? Но ведь царь-батюшка и правительство — те же капиталисты, те же кровопийцы. У них есть фабрики и заводы, которые дают им огромные средства и на которых рабочим живется ничуть не лучше, чем у частных заводчиков и фабрикантов. Правительство, боясь восстаний и бунтов за свои беззакония, окружило нас чиновниками, полицейскими, жандармами и шпионами; оно убивает в нас все светлое, разумное, человеческое, старается сделать из нас бессмысленных животных. И у них-то мы будем искать защиты, правды и справедливости! Эта горсть людей или скорее зверей с диким хохотом смотрит на страдания миллионов наших братьев-рабочих.

Как живут рабочие.

Всенаблюдатель възвращаясь изъ нашей деревни, мы куда-бы не запамятуемъ, куда-бы не забравшись не только въ Россіи, но и въ другихъ странах и удивительныя сплетки и будущаго естественнаго и искусственнаго рабства. Истинная картина, ничтожная вознагражденіе за тяжелейшій трудъ, изнуреніе, низкая плата на нелегальномъ, нелегальномъ, незаконномъ, одиозномъ и несправедливомъ, какъ извѣстномъ и всемъ рабочимъ, — все это напоминаетъ намъ, что мы, рабочие, до сихъ поръ живемъ въ восточной рабствѣ и заискиваемъ отъ разныхъ эксплуататоровъ, неимѣющихъ снѣдкомъ даже и кобальковиднаго рабочаго люда. Каждый изъ этихъ возмущаетъ нашу кровь и горитъ, нафренуши всѣмъ неправдамъ свой капиталъ, посягаетъ на нашу свободу и на нашу жизнь. Тяжелые горюхи, ищущи насъ всего, кроме нашей души и тела, на вынужденно продаютъ свои рабочи силы

Много возмутительных несправедливостей творится на фабриках и заводах наших. Я, лично на своей шкуре вынесший весь гнет капиталистического ярма, приведу несколько примеров в доказательство того, что все работники подвержены одному закону бесчеловечности; что у нас на Руси работники одинаково страдают как на юге, так и на севере и что отрадного явления в жизни наших несчастных братьев-рабочих невозможно встретить. Куда ни погляди, куда ни заберись — везде слышатся стоны работника, обреченного на вечное страдание.

У нас на Руси количество рабочих часов на фабриках и заводах никаким законом не ограничено. Капиталистам наш закон предоставляет полное право распоряжаться трудом рабочего по его усмотрению, а капиталист в виду наживы и вообще своих личных интересов выжимает из рабочего последние соки, т. е. старается до невозможности расширить рабочий день и путем штрафов и поштучной работы вызвать еще напряженность труда.

На механических заводах Клинского уезда рабочий день равняется 11 часам, исключая времени обеда и завтрака, а на фабриках ковровых, бумагопрядильных и самоткацких работа продолжается 12 часов, тоже исключая обеденного времени; на спичечных, химических, кожевенных, отбельных, красильных, меднолитейных, бархатных, войлочных и сапожных того же Клинского уезда рабочий день простирается до 15 часов. На рогожном и красильно-набивном заведениях Московского и Рузского уездов работа продолжается беспрерывно 18 часов. На золотых приисках в Сибири рабочие работают на открытом воздухе, и им постоянно приходится стоять по колено в воде; они ложатся в 12 часов ночи, а в 3 часа утра уже встают на работу. Малейший ропот или неповиновение со стороны этих рабочих-страдальцев заглушается казацкой плетью или другой бесчеловечной расправой. Еще ужаснее положение рогожников г. Рославля Смоленской губ. Они встают в час ночи и работают до 11 часов вечера, исключая времени завтрака и обеда, на которые дается 2 часа.

Таким образом рабочий день продолжается 22 часа в сутки. Эти страдальцы-рабочие для ночного отдыха располагают всего двумя часами!

Теперь мы взглянем, как отражается на здоровье рабочего не только самая продолжительность рабочего дня, но и гигиенические условия, в которые поставлен рабочий.

В марте 1870 года на 14 спичечных фабриках Новгородского уезда 24% рабочих подвергались различным заболеваниям вследствие пропитанной серой и фосфором атмосферы: худосочию, воспалению десен и глаз, болезни дыхательных путей, одышке, кровохарканию и гниению челюстей. Все эти болезни вконец расстраивают организм рабочего, и, делая его неспособным к труду, тем самым обрекают его на голодную смерть.

Несмотря однако на тяжелый, изнурительный, ведущий в могилу труд рабочего, он не всегда находит себе приложение, не всегда рабочий попадает на фабрику или завод, и вот, предоставленная самой себе, без крова и приюта, масса рабочих не находит работы, христарачивает или пускается на преступления: ворует, грабит, убивает. В больших городах правительство устроило ночлежные приюты, куда и отправляются не имеющие пристанища рабочие. Каковы эти приюты, видно из следующего описания. Вот что говорит один из русских писателей о ночлежных приютах в Киеве: «...двор — это слой искони не вывозимого навоза и зловонной грязи. Возле входной двери приюта грязь и клоачная жидкость, так что пробираться в приют приходится осторожно по проложенной доске. По крутой лестнице, ступени которой покрыты слоем не сходящей с них грязи, приходится спускаться в глубокий погреб на 4 аршина ниже поверхности земли. Погреб довольно обширный, но низкий (вышина 3 аршина). На улице 2 узких окна; верхние края рам на одном уровне с тротуаром улицы. У внутренней

стены русская печь; внутри погреба печь железная. Стены сырые, мокрый и топкий земляной пол покрыт грязью. Вокруг стен сплошные нары; воздух тяжелый, спертый, чувствуется гниль и сырость, резкий запах человеческого пота, разопревшего грязного тела, сапог, махорки и всякой нечистоты; одним словом, дух захватывает у непривычного человека и позывает на рвоту. Когда я пришел туда, погреб тускло освещался каким-то огарком подле худой человеческой фигуры, перебиравшей лохмотья. На нарах без всякой подстилки и под ними на голом мокром полу, подложив под голову верхнюю одежонку, спят бесприютные работники; местами видны фигуры сидящих и беседующих ночлежников, разбросанные котомки, голенища сапогов, лапти и т. д.; всех ночлежников было 30 человек. Бездомность, крайняя нищета и тяжелый труд так и бьют в глаза в этом приюте. Одежда на всех ветхая, лица бледные, исхудалые; на расспросы мои отозвавшиеся голоса ночлежников были хриплые, глухие, так и слышится в них болезнь горла или хроническое страдание легких; и эти несчастные заявляют, что они здоровы и что здесь им хорошо. Я сказал, что такой ночлежный дом немислим и его надо закрыть. Точно электрическая искра, пробежали последние слова по ночлежникам; даже иные, лежавшие до тех пор неподвижно, как спящие, повскакивали; раздались хриплые, полугневные, полуизумленные возгласы: «Закрыть! А куда мы денемся? На улицу нас, что ли выбросить?!» Предложил я им перейти в другие приюты. «Все переполнены, — был грустный ответ. — А то разве все мы были бы здесь! В других хоть тесно, да не так сыро...»

В Петербургском уезде на кирпичных заводах имеются рабочие избы, состоящие из кузни и чердака. Чердак в большинстве случаев и служит помещением для рабочих. По обеим сторонам идут нары, покрытые грязными рогожами с кое-какой одежонкою в головах; впрочем, кое-где встречаются из обрубков дерева подобия кроватей. Сверх того некоторые рабочие устроили для себя здесь же, на чердаке, нечто вроде чуланчиков или, вернее сказать, ящичков. Пространство, необходимое для 2 или 3 человек, чтобы лежать свободно с вытянутыми ногами, они обивают и приделывают сверху. Ночью спят в этих ящичках, а на день запирают его вместе с рухлядью от лихого человека, потому что есть люди, которые и этого не имеют. Некоторые заводчики устроили для помещения рабочих бараки из теса; полы в рабочих помещениях до того содержатся нечисто, что покрыты слоем грязи в несколько дюймов; чердаки совершенно темные, но иногда попадаются и с прорубленными отверстиями, и, наконец, встречаются такие чердаки, где вставлены 2—3 окна. Живя в такой грязи, рабочие расплажуют такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15—17-часовой работы не могут долго заснуть. Один из московских рабочих, пекарь, говорит о положении рабочих булочных и пекарен: «После дневного труда бедному рабочему негде отдохнуть, потому что отдельных мест для отдыха, сна нет, и они принуждены спать, где попало, в том же помещении, где пекут хлебы. Помещение булочной на всю ночь запирается со двора, и рабочие, в случае надобности, не могут выходить на двор, а для надобностей их тут же, рядом с корытами, в которых готовится тесто для хлебов, поставлена кадочка. Вокруг этой кадочки страшная мокрота и зловоние». Если эти безобразия творятся в столицах, что же должно твориться в местах, более отдаленных от центра? О, там творятся такие вещи, там рабочие подвергаются таким ужасным страданиям, которые выше всякого описания! Для примера я укажу на зрелище рабочих на рыбных промыслах в Сибири, на низовьях реки Оби. На песке¹ деревенском, принадлежащем рыбопро-

¹ Песком называются в Сибири, по реке Оби, рыбные и жиротопные заводы. (Примечание «Рабочего»).

мышленнику Щупалеву, 60 человек рабочих помещаются в 2 избах, до того малых, что воздух, вследствие скученности людей, мокрого платья и гниющих остатков от вытопки жира, заражен до крайности. На песке мещанина Глазкова не только не заботятся о чистоте помещения и воздуха для рабочих, но даже необходимое для рабочих топливо признают совершенно излишним. Они помещены в щеловатой, досчатой избе, не имеющей ни печи, ни окон, ни пола и насквозь пронизываемый дождем и ветром. В этой жалкой лачуге г. Матвеев, у которого я беру эти сведения, нашел спавшими на нарах 20 человек рабочих, иззябших и продрогших, с женами и детьми; дым от разведенного в лачуге костра резал глаза, а котел, в котором рабочие готовили себе пищу, служил вместе с тем и для вытопки жира. На песке Замятина помещения рабочих оказались еще хуже: они спали на голой земле в небольшой избушке, в которой солится рыба и варится для рабочих пища; а то еще попадаетеся род звериных логовищ, в которых живут рабочие. Это вырытая в земле яма, покрытая сверху тальником; в этих ямах рабочие готовят для себя пищу, обедают и спят. Такую жизнь можно сравнить только с жизнью зверей, но звери, живя в логовищах, испытывают полное удовольствие, равное удовольствию, которое испытывает барин, живя в роскошных палатах. Значит, мы не ошибемся, если сравним жизнь рабочего с жизнью зверей, которая представляется рабочему недостижимой.

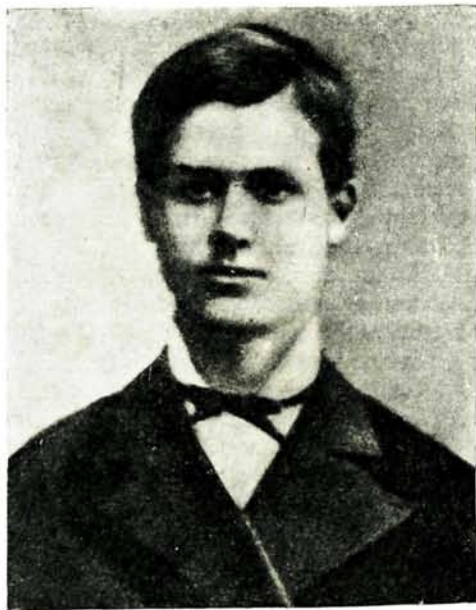
О Грушевских угольных копях говорит один наблюдатель следующее: «Общий тип жилища рабочих — землянка, выкопанная в земле и покрытая дырявой крышей, у стены нечто вроде жертвенника; кожаный наалой, а на нем тлеет неугасимым огнем антрацит; крутом, вдоль стен, нары — ничем не прикрытые голые доски; по стенам льется весенняя, просачивающаяся вода; воздух в землянке как-то колебался волной и пахнет зажженной коробкой вонючих серных спичек. Газ, отделяемый антрацитом при горении, не довольствуется дырой и расходится по всей казарме. Говорят, что эта вонь убивает даже всякое насекомое, что, при всей нечистоте, в землянках нет ни блох, ни вшей. Входя в казарму, чувствуешь, как сырой воздух режет горло и колет легкие; через 5 минут мутится в глазах, а если останешься еще минуту, вы упадете с непривычки без чувств. Механик объяснил наблюдателю, что удивительный способ отопления землянок посредством жертвенника предпочитается обыкновенно потому, что он дает 8% экономии угля. Известно, какие гибельные последствия происходят от угара, каким страшным опасностям подвергает свое здоровье углекоп, находясь все время отдыха в землянке, переполненной окисью углерода! В этих отвратительных землянках, по словам г. Матвеева, вместе с здоровыми рабочими находятся рабочие с эпидемическими и заразительными болезнями. Когда г. Матвеев хотел отправить валявшихся в этих грязных землянках больных в больницу, они стали его умолять не делать этого: «Отпусти, ради бога, меня домой! — говорил рабочий, тело которого было покрыто какими-то опухолями. — Подати за прошлое время за 3 души заплатить надо, а у меня и гроша нет; жалованье мое взято волостным в уплату прошлых податей, а тут за больницу станут вычитать — тогда и совсем пропал».

Печальная действительность! Он пропал, когда его положат в больницу!

С больными рабочими золотопромышленники поступают еще хуже, чем самые жестокосердные люди со своими собаками. Боясь, чтобы заболевший рабочий не умер на прииске, ему отдают паспорт и выводят его подальше от приисков в тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодной смертью. Бывают ужасные вещи, говорит этот же наблюдатель: «От очевидцев я слышал, например, что одного рабочего с гангреной (антонов огонь) на ноге, истомленного болезнью и голодом, нашли еще живого на муравейнике, обжеденного муравьями: он дико выл и неистово стонал не-

ред смертью. Другого, чахоточного отбили у волка, который обкусывал и глодал ему руку в то время, когда он был еще жив, но не мог уже подняться с места, окончательно потеряв силы от усталости, истомления и голода.

Фабриканты и заводчики кроме квартир или скорее логовищ, устраивают еще лавочки, в которых рабочие могут забирать все продукты, как то: муку, мясо, обувь, ситцы, белье, платье, водку и т. д.; рабочий, не имея средств покупать такие продукты в других лавках, должен поневоле обращаться в лавку хозяина и забирать там часто гнилые и никуда не годные товары и притом втридорога. Во время полочки у рабочего высчитывается сумма за взятый в лавке хозяина товар, так что у него ничего не остается и он поневоле должен обращаться опять в ту же самую лавку. Какого качества товары в подобных лавочках можно видеть из следующего примера. В Богородском уезде фабрикант Елагин распорядился раздать фабричным рабочим и служащим своей фабрики около 400 пудов совершенно испортившейся и положительно никуда негодной солонины. Хотя некоторые

АНДРЕЙ КАРПЕНКО, РАБОЧИЙ РОСТОВСКИХ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАСТЕРСКИХ
Один из вероятных авторов в ростовском
журнале «Рабочий»

рабочие и заявили, что они не возьмут этой солонины, но такие смельчаки, не пожелавшие согласиться с произволом хозяина и позволившие себе свое суждение иметь, были тотчас рассчитаны и уволены с фабрики, остальные же 500 человек вынуждены были подчиниться требованию хозяина и взять тухлую и червивую солонину по 11 коп. за фунт. Многие из них ее тотчас же бросили, а некоторые, менее разборчивые, не желая нести убытка, спровадили в свои желудки, отчего через несколько дней более 10 человек заболело тифом.

Этих немногих фактов вполне достаточно, чтобы нарисовать страшную, глубоко потрясающую душу картину жизни рабочего люда на заводе и вне завода.

Говорят, что мы, рабочие созданы природой на то, чтобы есть черствый хлеб, гнилую солонину, валяться в грязной и душливой

РАБОЧИЙ ВИТАЛИЙ КУДРЯШОВ

Один из вероятных авторов в ростовском журнале «Рабочий»

лачуге, что мы принадлежим к отдельной человеческой расе, которой чуждо все то, что называется нравственным и умственным, что сколько-нибудь похоже на черты, присущие каждому человеческому существу; слово «рабочий» сделалось чем-то позорным! По мнению бар все, что требует душа рабочего, его нравственное чувство, может найти себе удовлетворение в любом кабаке, в притонах нищеты и разврата. Мы на самом деле свыклись с жизнью, в которой царят нищета, пьянство, разврат, мы видим, как наши жены, дети в поисках за куском насущного хлеба или умирают голодной смертью, или вступают на широкую дорогу разврата и гибнут в водовороте полопучной жизни.

Но на самом ли деле рабочие лишены способности жить чисто человеческой жизнью, на самом деле все требования, предлагаемые ему его духовным миром, могут найти себе полное удовлетворение только в кабаке, в притонах нищеты и разврата?

Действительно, до тех пор пока будет существовать современный общественный строй, т. е. пока все дармоеды-тунеядцы с правительством во главе будут держать рабочего в положении скота, пока будут царствовать грабеж, насилие и всякие неправды по отношению к рабочему люду, пока, наконец, сам рабочий не возьмется за ум, пока он сам, толкаемый неприглядными условиями своей жизни, обрекающими его на голодное, полуживотное прозябание, ведущее его к физическому вырождению, не дойдет до сознания необходимости показать этим кровопийцам свои мускульные кулаки, вооруженные дубинками, — до тех пор в жизнь рабочего не проникнет луч света, который дал бы возможность рабочему выбраться на путь, ведущий к счастью и свободе.

До тех пор пока мы будем рабски покорно склоняться под гнетом капиталистического и политического ярма, до тех пор мы будем классом угнетенных и обездоленных.

Довольно обращать взоры на батюшку-царя и с высоты трона ожидать облегчения своей тяжелой участи! Довольно верить реформам и всевозможным начинаниям правительства с целью улучшения жизни всего трудящегося люда! Все это фокусы и мыльные пузыри, которыми в продолжение многих веков обманывали и обманывают народ.

Исторический опыт доказал нам, что ни один «преобразователь», ни один «освободитель» ничего нам не сделал такого, что хоть сколько-нибудь вывело бы нас из полуживотного существования. Следовательно, мы можем рассчитывать только на свои собственные силы. Эти силы сделаются грозными и несокрушимыми, если рабочие во имя идеи свободы, равенства и братства, дружно сплотившись, выступят против тиранов и угнетателей на защиту своих человеческих прав.

Движение рабочих с целью разрушения существующего экономического и политического строя как единственного выхода из настоящего положения приняло уже широкие размеры не только за границей, но и у нас на Руси. Толчок для такого движения дала Социально-революционная партия, этот единственный друг народа, которая в неутомимой борьбе с врагами стремится к осуществлению и воплощению в действительной жизни великого девиза: свобода, равенство и братство.

Многие рабочие были членами Социально-революционной партии, многие замучены в царских казематах, многие погибли в рудниках и на эшафотах, защищая святое дело народного освобождения.

Братья! Развязка не за горами, час возмездия с врагами и тиранами уже наступает! Если же нам дороги интересы нашей родины, если тени замученных страдальцев могут вызывать в душе каждого из нас чувство злобы и мести, если мы, наконец, не настолько малодушны, чтобы нас могли напугать тюрьмы и казематы, тогда, тесно сплотившись и соединив-

шись с Социально-революционной партией, мы общими силами нанесем решительный и гибельный удар врагам народной свободы.

Из нашей широкой груди вырвется крик, который громким эхом раздается по всей святой Руси:

Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Вставай, брат голодный,
Раздайся клик мести народной
Вперед!!!

Рабочий

ЖУРНАЛ РОСТОВСКИХ РАБОЧИХ

Занятия народников-революционеров с рабочими продолжаются, как известно, в течение всех 70-х годов. Но нам не известно в то же время за первую половину 70-х годов ни одно, если не ошибаемся, самостоятельное литературное выступление рабочих. Литература для рабочих, не говоря уже о пропагандистской литературе первой половины 70-х годов, а принимая во внимание даже такие органы, как народовольческая «Рабочая Газета», или чернопеределское «Зерно», писалась не рабочими, а интеллигентами, часто для популярности стремившимися подделывать свои писания под народную речь.

Однако даже те отрывочные данные, которыми мы обладаем, позволяют утверждать как наличие некоторой самостоятельной рабочей литературы, так и участие рабочих в составляемой интеллигентской прессе, в которой они выступали в роли, как мы теперь бы сказали, своего рода рабкоров. Уже в известных воспоминаниях Плеханова о «Русском рабочем в революционном движении» находим материал и для первого, и для второго заключений. Так, Плеханов указывает (повидимому, это указание надо отнести к 1878 г.), что «на Василеостровском патронном заводе в течение некоторого времени рабочими велся рукописный журнал, род резкой сатирической летописи заводской жизни». Для характеристики содержания этого журнала любопытно, что «бич рабочей сатиры», как выражается Плеханов, хватал в нем не только свое заводское начальство, но «и выше»; так, например, «журнал доводит до сведения своих читателей, что в правительственных сферах обсуждается проект закона, в силу которого будут получать особые награды предприниматели, в течение года изувечившие на своих фабриках и заводах наибольшее число рабочих» («награды будут соразмерны количеству оторванных пальцев, рук и носов», говорилось в этом сообщении). Такова же история и одного известного листка «Голос рабочего народа, живущего и работающего у подлеца Макселя», написанного рабочими и изданного землевольцами. Ряд других аналогичных примеров можно найти у того же Плеханова¹.

Пропаганда народников среди рабочих преследовала свои цели. Народник-семидесятник, действуя среди рабочих, имел в виду дорогое его взгляду и сердцу крестьянство, а рабочих рассматривал только в качестве наилучших агитаторов среди этого крестьянства.

В литературе уже выяснено, что с первых же моментов деятельности чайковцев среди рабочих в среде последних образовалась оппозиция народнической постановке задач революционной деятельности: она возникла в среде именно заводских рабочих, для которых положение пролетариата, иной раз квалифицированного, было постоянным и рвало всякие нити, когда-либо в прошлом еще связывавшие эту категорию рабочих с деревней. Эта оппозиция ставила вопрос о создании самостоятельной рабочей организации и принимала конкретные меры к реализации своих стремлений. Но реализация этих еще не нашедших классово осознанного характера стремлений была весной 1874 г. оборвана московскими арестами, впрочем лишь временно задержавшими создание рабочей организации. Следующий же шаг народнической деятельности, начало землевольчества, столкнулся в 1876 г. с образованием самостоятельной рабочей организации, преемственно, даже по личному составу, связанной с прежней оппозицией; это было так называемое «Общество друзей»².

¹ Г. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, Соч., т. III, М., 1923, стр. 137, 180—181.

² В. Невский, Предшественники нашей партии, М., 1930, стр. 7 и сл., 15 и сл.; Ш. Левин, Пропаганда чайковцев среди рабочих, «Каторга и Ссылка» 1929, № 12; Э. Корольчук, Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х гг., «Историко-революционный сборник», т. III, Л., 1926, стр. 52 и сл., 60 и сл.

И, наконец, в такой же непосредственной связи с «Обществом друзей», в которой последние были с рабочей оппозицией чайковцам, оформляется первая боевая пролетарская организация — петербургский «Северный союз русских рабочих», издавший «Рабочую Зарю».

В настоящее время хорошо известен этот первый самостоятельный шаг рабочей печати. Нет ничего удивительного в его появлении в среде Союза, осознавшего задачи рабочего класса и сгруппировавшего в своих рядах сотни петербургских рабочих¹.

Весной 1879 г. Союз был однако разгромлен. Вновь, как и в годы деятельности чайковцев и землевольцев, в среду рабочих направляются революционеры, теперь — народовольцы.

Успех народовольцев среди рабочих на первых порах облегчен тем, что специфические народнические лозунги у них были отодвинуты на второй план, и о том, например, что рабочему нужно идти пропагандировать в деревню, теперь и речи не было; в то же время основной лозунг «Народной Воли» — свержение самодержавия — рабочему был знаком и по программе Союза. И мы видим, что рабочая организация народво-льцев принимает размеры, которых не имела ни одна из прежних организаций.

Однако участие рабочих в народво-льческой литературе, которая обладала специальным рабочим журналом и издаваемыми от времени до времени листовками, до настоящего времени мало выяснено. Рабочих не было среди авторов статей «Рабочей Газеты», но у нас есть документальные данные, которые указывают все же на сотрудничество рабочих в народво-льческой прессе.

Они отрывочны, правда, и относятся большею частью к 1884 г., когда обширные аресты, продолжавшиеся в течение всего года, дали в руки правительства много различных материалов. Но и для более раннего времени есть тоже некоторые данные. Так, например, когда был арестован в декабре 1881 г. Петр Теллалов, то среди рукописей, у него найденных, был ряд рукописей, написанных рабочими. Так, в протоколе осмотра этих рукописей (ни в подлинниках, ни в копиях до нас не дошедших) находим два стихотворения (одно начинается: «Спи, проклятое отродье», в другое «Вот уже и первое марта сего года») и, по словам протокола: «как по внешнему виду обоих стихотворений, так и по их содержанию можно заключить, что они писаны простым рабочим»; здесь же находим также рукопись принципиального характера «Провинциальные (так в протоколе) воззрения на террористическую партию», писанную, по словам протокола, тоже «простым рабочим». Как показал позднее А. Борейша, ее автором был рабочий Балтийского завода. Эти рукописи — только часть дошедшего. В записной книжке, которая была взята при аресте того же Теллалова, среди других записей касательно рабочего дела находим также заметку о «письмах рабочих»². Правильное понимание этих фактов будет установлено только тогда, когда мы примем во внимание, что Теллалов был в это время главным руководителем рабочего дела и что им был издан третий номер «Рабочей Газеты». У другого народво-льца — А. Борейши, действовавшего тоже среди рабочих и арестованного одновременно с Теллаловым, была взята рукопись «Эксплоатация рабочих на Балтийском заводе». По показанию Борейши от 18 января 1882 г. эта рукопись «есть попытка рабочего, какого именно — не знаю, изложить жизнь и зависимость рабочих, собрать факты о заработной плате, о штрафах и о вычетах для того, чтобы, как предполагено было мною, призвать рабочих к самопомощи, к устройству касс для взаимной помощи»³. Аналогичных данных можно было бы привести, полагая, не мало. Однако значительная часть того материала, которая относится к 1880—1881 гг., погибла безвозвратно, так как среди ранних дел Департамента полиции уничтожены были в свое время те дела, в которых были копии документов петербургского жандармского управления. В подлиннике же документы сгорели в феврале 1917 г.

Как бы то ни было, и эти факты (их можно было бы умножить, если привлечь редакционные материалы «Народной Воли», захваченные весной 1882 г. при аресте Ив. Калюжного в Москве) показывают в достаточной мере, что рабочая литература в 1881—1882 гг. и в форме корреспонденций, и в виде статей не прерывала своего развития.

В нашей литературе давно уже были указания на то, что в 1883 г. вышел номер рабочего журнала. В известном справочнике В. Бурцева «За сто лет» этот журнал был отнесен к Екатеринославу. Но несколько лет спустя в воспоминаниях хорошо знавшего, как ниже увидим, ростовские на-Дону отношения В. Панкратова, бывшего шлиссельбуржца, оказалось сообщение, что именно «центральный кружок» ростовских

¹ Г. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, Соч., т. III, М., 1923, стр. 197—199; А. Шолов, Последняя страница из деятельности Северно-русского рабочего союза, «Красная Летопись» 1922, № 2—3, стр. 285—292 (ср. «Пролетарская Революция» 1922, № 3, стр. 122—124).

² Особое Присутствие Сената, № 65, дознание, т. I, лл. 10 об., 18; т. IV, л. 44 (показание А. Борейши).

³ То же дело, т. I, лл. 75, 264 об.

Голосъ рабочаго народа

ЖИВУЩАГО И РАБОТАЮЩАГО У ПОДЛЕЦА МАКСЕЛЯ.

Полно намъ, друзья, спать, пора проснуться и за дѣло взяться!

Мы живемъ пятый годъ въ домѣ Макселя. Общались намъ хозяинъ всякихъ милостей, да не дожидаться намъ отъ него ничего, какъ отъ козла ни шерсти, ни молока.

Вогнали насъ жить въ домъ Макселя, да заставили платить за уголь по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ съ каждаго человѣка. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ болѣе 300 человѣкъ, значитъ, за четыре-то съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру болѣе 85 тысячъ.

А онъ, свинья, не доволенъ нами, и если кто захочетъ по своей надобности выѣхать изъ этого проклятаго гнѣзда, такъ сейчасъ даетъ расчесть и говорить:

— А! Такъ ты хочешь получить жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! Хозяинъ тебя кормитъ, — значитъ, ты ему и свой заработокъ отдай: а не хочешь — ступай на всѣ четыре стороны!

А нешто братцы, кормитъ насъ онъ? Вишь, бѣдный, самъ голодомъ сидитъ! — видно оттого у него и пузо — то лопнуть хочетъ!

Нѣтъ, братцы! онъ отъ насъ только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу!

Вспомните, братцы: когда онъ насъ изсильно гналъ жить въ свой домъ, такъ говорилъ, что въ домѣ будетъ и училище, и родильная комната, и для свадебъ комната!

А теперь что есть?

Такъ будемте, друзья, поумнѣй!

Не будемъ больше платить по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ за квартиру, а будемъ давать только по 1 р. 20 к. А то скоро, пожалуй, хозяинъ совсѣмъ разжирѣетъ, — сядетъ на насъ да и поѣдетъ.

И безъ того мы ему вмѣсто 50 аршинъ работаемъ 55, а получаемъ всего 40 копѣекъ. Также и на мюльныхъ: вмѣсто 33-го номера, работаютъ на 35-мъ, а получаютъ за 33-й

Вотъ какъ намъ хозяинъ заработокъ отдаетъ!

Это, братцы, очень обидно.

Встанемъ же подружнѣй, надавимъ хозяина, подлеца, посылнѣй, да будимъ говорить посылнѣй!

Братцы! ВСѢ ЗА ОДНОГО. ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ!

8 февраля 1879 г.

ЛИСТОВКА «ГОЛОС РАБОЧЕГО НАРОДА, ЖИВУЩЕГО И РАБОТАЮЩЕГО У ПОДЛЕЦА МАКСЕЛЯ», НАПИСАННАЯ РАБОЧИМИ И ИЗДАННАЯ ЗЕМЛЕВОЛЬЦАМИ

С подлинника, хранящегося в Ленинградской Публичной Библиотеке

Возможно, что этот экземпляр с пометкой «Литературный Архив» принадлежал архиву «Народной Воли», хранившемуся сперва у В. Р. Зотова, затем перешедшему к А. О. Суворину, вместе с библиотекой которого он попал в Ленинградскую Публичную Библиотеку.

рабочих «в конце 1883 г. издавал гектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно рабочими»¹.

Теперь, когда стали доступны и частные, и правительственные архивы, сведения об этом журнале еще умножились. Так, в одном из писем, которое Лопатин в 1884 г. писал за границу Лихомирову и Ошаниной, в письме от 2(14) апреля этого года, находим детальное упоминание об этом издании: «Я видел «Рабочий Журнал», издававшийся в Ростове с участием рабочих. Это — толстый литографированный том. Но я не мог выпросить для Вас единственный имевшийся тут на время экземпляр, и даже сам не успел просмотреть его, хотя это интересная вещь». Еще одно — и точное к тому же — указание находим в показаниях известного народного вождя, впоследствии шлессельбуржца, С. Иванова, которое он вынужден был дать, так как во время арестов и обысков в Ростове у Г. Ранца были захвачены его бумаги, среди которых оказалась также, как обозначено в протоколе обыска, «прокламация к военным под заглавием: «Письмо к солдатам». В одном из первых своих показаний после ареста, 28 января 1886 г., Иванов сообщил, что в конце 1883 г. был издан сборник «Рабочий», где было и это письмо, что сборник распространялся в Ростове и в Харькове, и что затем в Харькове было намерение переиздать этот сборник».

Всех этих данных совершенно достаточно, чтобы установить место издания журнала — Ростов (а не Екатеринослав), время его выхода в свет — конец 1883 г. (в чем сходятся почти современное показание Иванова и воспоминания Панкратова) и идентифицировать благодаря расследованию относительно «Письма к солдатам» все эти указания с тем изданием, которое мы выше частично воспроизводим. Одно только труднее — сказать, каково было действительное название нашего журнала. Имеющийся в нашем распоряжении экземпляр, единственный, повидимому, сохранившийся, если только нет другого в ростовских архивах или библиотеках, не имеет ни обложки, ни титула, а начинается прямо «Письмом к солдатам». Лопатин, как мы видим, называет его «Рабочим Журналом», а Иванов — просто «Рабочий». Повидимому, последнее вернее, так как в показаниях привлекавшегося в 1886 г. в Екатеринославе к дознанию рабочего Збукарева фигурирует «распространяемая А. Карпенко (о его роли — ниже) газета «Рабочий»². Кстати, Бурцев тоже говорит о «Рабочем» (именно этот факт распространения «Рабочего» в Екатеринославе позволяет объяснить то, что Бурцев отнес журнал к Екатеринославу). Нам остается теперь указать, на какой почве возник «Рабочий».

Ростов-на-Дону в эти годы, в начале 80-х годов, переживал время довольно значительного роста. По официальным данным в 1879 г. на 58 фабрично-заводских предприятиях Ростова было занято 2 687 рабочих, а в 1884 г. на 77 предприятиях рабочих стало 5 229, т. е. число их увеличилось вдвое. В то же время революционеры давно обратили внимание на Ростов, а некоторые здесь даже начали свою революционную деятельность. Достаточно упомянуть для 70-х годов имена В. Осинского, А. Гартмана, М. Попова, Тищенко, А. Михайлова, Г. Плеханова. Плеханов, бывший здесь 1878 г., пишет в своих воспоминаниях, что «лично знал» в Ростове «революционные рабочие кружки». Известный бунт в Ростове в апреле 1879 г., хотя и не рабочие его устроили, имел свои положительные результаты: «Воспоминание об этой «революции», — пишет Плеханов, — долго еще ободряло рабочих как наглядный пример того, что народ может дать хороший урок даже и всемогущей в России полиции». Только в Ростове удастся после 1 марта 1881 г. зарегистрировать факт рабочих откликов, и довольно серьезных на акт царевубийства»³.

С 1881 г. мы в состоянии также точнее выяснить образование той среды, из которой вышел «Рабочий».

В ее создании участвовали и местные революционеры, но не малую роль сыграло то значение, которое и общерусский центр, и харьковский центр придавали Ростову, посылая туда пропагандистов. В 1881 г. туда был отправлен из Петербурга Желваков, впоследствии погибший на виселице вместе с Халтурным. На смену ему из Харькова зимой 1881 г. отправили Сергея Линицкого. Но когда 6 мая 1882 г. Линицкий приступил к деятельности среди рабочих, он уже встретил здесь будущих шлессельбуржцев — Вас. Панкратова и К. Мартынова, которые вместо Петербурга очутились в Ростове именно потому, что, как пишет Панкратов, «Народная Во-

¹ В. Бурцев, За сто лет, Лондон, 1897, стр. 121; В. Панкратов, Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг., М., 1906, стр. 21.

² Подлинник письма Лопатина находился в свое время у покойного П. Е. Щеголева — нам известна его копия; протокол обыска у Г. Ранца — Дело Петербургского Военно-окружного суда, 1887 г. № 298, т. VI, л. 132, показания С. Иванова — там же, т. X, л. 39 об.

³ Дело Министерства юстиции. 1886 г. № 10145, л. 431 об.

⁴ С. Валк, Молодая партия «Народной Воли», «Проблемы Марксизма» 1930 г., № 1. стр. 96; Г. Плеханов, Соч., т. III. стр. 190—192; С. Валк, После первого марта. «Красный Архив» 1931 г., т. 45, стр. 153.

ля» с весны 1882 г. обратила внимание на «промышленные центры». Можно было бы назвать еще ряд лиц, командированных в Ростов для деятельности среди рабочих, как то: А. Баха, И. Елько, Л. Ясенича, И. Антонова и др.¹

Однако на месте была также своя молодежь. И об ее настроениях писал в своих дневниках, анонимных еще по условиям цензуры, воспоминаниями П. С. Пешекеров, что члены этой подгруппы «только с того момента стали себя считать активно и полезно действовавшими членами партии, когда нам открыли доступ к рабочим и стали поручать вести пропаганду среди них», а один из них, Рафаил Чернышев, преждевременно арестованный, «так до конца жизни (умер в 1886 г.) мучился сознанием, что он не мог поработать для дела так, как ему хотелось только потому, что он не работал среди рабочих, хотя он отдавал все свое время для революционной работы, но только на другом поприще». Из бывших в Ростове чугунолитейных и механических заводов, табачных, писчебумажных и других фабрик основным центром пропаганды служили железнодорожные мастерские, и именно здесь создавался тот кружок рабочих, из среды которого вышел журнал. Центральную фигуру этого кружка, его несомненным идейным главою и авторитетнейшим организатором, был, по общему признанию, рабочий железнодорожных мастерских Андрей Карпенко; вокруг него же вырастал, как мы бы теперь сказали, актив организации, среди которого нам известны оставившие свой след в развитии деятельности среди рабочих на юге Виталий Кудряшов и Василий Горбунов. Мы можем хотя бы отчасти восстановить тот литературный материал, на котором вырастал кружок. По указаниям Пешекерова и Панкраторова здесь читали неизбежных в то время Лассалля, Флеровского, Чернышевского (примечания к Миллю и др.), но Панкраторов указывает, что знакомился также с Марксом по Зиберу, а, перечисляя ту литературу, которая изучалась в подготовительном ученическом кружке, Пешекеров специально упоминает «кружок, который штудировал первый том Маркса». Вопрос о знакомстве и усвоении некоторых сторон учения Маркса, который будет иметь значение при характеристике издания, решается определенно современными показаниями о деятельности Карпенко, когда, будучи вынужден покинуть Ростов, он перенес свою работу в Екатеринослав, где поступил осенью 1884 г. в железнодорожные мастерские. Здесь, создав кружок из рабочих мастерских, Карпенко, по словам одного из них — Збукарева, «читал им статьи по политической экономии из сочинений Маркса, Лассалля и других, толковал их, а также нередко прочитывал и революционные издания». В этом показании, как видим, Маркс поставлен на первом месте.²

Не лишне привести также несколько указаний относительно уровня этого кружка, хотя прежние цитаты уже дают об этом некоторое представление. Карпенко, по словам Пешекерова, «не уступал по своему развитию многим интеллигентам (у него, между прочим, была собственная прекрасная библиотека, приобретенная на заработанные деньги)», и Пешекеров «всегда поражался, с какою простотой и с каким умением Карпенко и Кудряшов передавали и комментировали рабочим некоторые сложные вопросы политического и экономического характера, исходя из маленького конкретного факта и переходя к широким обобщениям». С Кудряшовым, который в 1883 г. побывал в Воронеж, здесь встретился на революционной работе М. С. Ольминский, тогда еще кончавший местную гимназию. Его отзыв вполне совпадает с отзывом Пешекерова. Он пишет, что при столкновении с рабочими интеллигентам давали себя знать «оторванность от повседневной народной жизни», а также «недостаточность собственных знаний». «Особенно резко,— продолжает Ольминский,— это бросилось мне в глаза, когда из Ростова приехал рабочий Виталий Кудряшов: он основывал свои мысли на политической экономии, а мы до нее, выражаясь ученическим языком, еще не дошли».³

Всякое пробуждение сознания рабочих должно было повести к тому, что рабочий шел к осознанию своих классовых задач, и некоторые пропагандисты-народовольцы не могли этого не замечать. Так, не раз цитированный нами Пешекеров, имевший ближайшие связи с кружком, издавшим «Рабочего», пишет, что пропаганда «среди рабочих как класса, имеющего свои определенные интересы—и прежде всего экономические, должна была исходить из этих интересов как наиболее понятных и близких им, рабочим». Арестованные в 1883 г. елисаветградские деятели изложили тогда же, в написанном ими во время дознания документе, приемы работы приехавшего к ним из Ростова рабочего Вас. Панкраторова (ранее работавшего вместе с начинавшим свою революционную карьеру Карпенко в мастерских Владикавказской жел. дор.). «По объяснению Василия (т. е. Панкраторова) роль Дудина (местного елисаветградского про-

¹ Петербургский Военно-окружной суд, 1887 г., № 298, т. XVIII, л. 52 (показания А. Остроумова), 77—77 об. (показания С. Лишицкого); В. Панкраторов, Воспоминания, М., 1924, стр. 66; П. Пешекеров, Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг., «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», М., 1928, стр. 120.

² Дело Министерства юстиции, 1886 г. № 10145, л. 431 об.

³ П. Пешекеров, в сб. «Народовольцы...», стр. 124; М. Ольминский, Давние связи, сб. «От группы Благоева к Союзу Борьбы», ГИЗ, Донское отд., 1921 г. стр. 68.

пагандиста) должна была ограничиваться объяснением им начал политической экономии, напирая главным образом на теорию прибавочной стоимости (прибавочного труда) Маркса и «железный закон рабочей платы» Лассалля, а также выяснением экономического и социального положения как рабочих русских, так и западноевропейских. Рассказы о рабочих движениях за границей (ассоциации, союзы, стачки) также не должны были быть выпущены из виду. Ознакомление же как с чисто социалистическими принципами, так и с программой «Народной Воли» могло последовать только после того, как новички хорошенько усвоят раньше намеченную программу». Если это и не была социал-демократическая пропаганда, а была все же пропаганда народофильская, то во всяком случае на таком повороте точек зрения народофильских пропагандистов сказывалось воздействие той самой среды, которую они хотели ввести в рамки народофильской организации¹.

Частично публикуемый выше «Рабочий» может служить показателем того, как шел рост классового сознания рабочих в среде, которая идеологически была под воздействием народофильцев и в которой — а так в противоположность Петербургу обстояло дело в Ростове — еще не раздалось слово классовой пролетарской пропаганды.

Все статьи «Рабочего», как это явствует и из подписей, написаны рабочими. Здесь есть и общеполитические материалы, есть и научная популяризация (последняя часть нами не воспроизводится). Обе эти части в достаточной мере характерны для выяснения физиономии ростовского рабочего журнала. Открывается «Рабочий» «Письмом к солдатам», где наряду с теми, которые «чуть ли не вчера, облитые потом, стучали молотками на фабриках и заводах», говорится и о тех, которые «чуть ли не вчера ходили по родным нивам с косяю или плугом». Точно так же во второй статье по поводу коронации речь идет о том, что «крестьяне думали» относительно коронации, и о том, чего «фабричные и заводские рабочие ожидали». Здесь же категорически поставлена и проблема политической революции, пропагандируемой «друзьями народа — социалистами», и она связана еще без отчетливой классовой постановки вопроса с тем, что царь теперь, «как прежде», защищает интересы «дворянства да кулаков и капиталистов». Во всем этом мы найдем вместо классовой постановки задач знакомые народофильские мотивы. Не трудно здесь же отыскать и лассальянские мотивы правды и справедливости (идущие, впрочем, и от народничества). Однако при всех этих несомненных влияниях заслуживает внимания то место, которое заняло учение Маркса в умах ростовских рабочих и на страницах их журнала. Уже третья статья журнала трактует вопрос о безработице в связи с гибелью мелкой промышленности и с ростом крупных предприятий.

Здесь не публикуется популяризирующая Маркса статья «Товар и ценность», которая шаг за шагом на протяжении $\frac{3}{4}$ листа ведет читателя, начав с выяснения потребительной стоимости, к учению об общественно необходимом труде, а затем останавливается на стоимости и цене. В заключение читателю предлагаются две задачи — он должен опровергнуть два возражения на изложенное учение о стоимости (отметим, что везде она называется ценностью). Первая — на земле найден бриллиант, на что затрачено полминуты труда, чтобы поднять его; за бриллиант дают 200 р.; следовательно, полминуты труда дают 200 рублей. Вторая задача — возражение Бастиа: пуд масла, привезенный из Лиона в Париж, непроданный там и отвезенный обратно в Лион (5 дней труда = 10 руб. + вторые 5 дней труда), увеличит ли свою стоимость вдвое?

Напечатанные далее в ростовском журнале «Записки по политической экономии», такого же объема, детально выясняют образование прибавочной стоимости. Заключительная часть этого отдела заслуживает особого внимания, — она ставит вопрос роста сознательности масс условием грядущего крушения политического и экономического строя. Мы читаем здесь: «Все более и более пробуждающееся сознание рабочих масс, расширение их политического и общественного развития, их понимания экономических явлений все чаще и чаще проявляется в виде протестов. Сквозь гнет политического и экономического насилия и порабощения все чаще и чаще вспыхивают схватки тружеников-пролетариев с эксплуатацией капитала, все громче и громче раздаются среди рабочих масс всех стран и национальностей требования экономических и политических прав, а это все указывает на то, что прочность современного экономического порядка является только вопросом времени». Это — мысли, вызванные уже не теориями правды и справедливости или взглядами на самодержавие как только покровителя капиталиста, здесь мы видим пробуждение классового сознания рабочих масс, постановку политической проблемы как момента классовой борьбы рабочего класса, мысль о международной борьбе рабочих против капитализма. Все это мотивы не народофильские, и их наличие наряду с народофильскими мотивами первых статей показывает, что шаг, сделанный в Петербурге Северно-русским союзом русских рабочих не без прямого влияния западных программ, ощутимо делался под влиянием Маркса и в Ростове.

Кроме этих политико-экономических статей в «Рабочем» есть еще «Очерки истории русского народа». Предисловие к этим очеркам, напоминающее своими упоминаниями

¹ П. Пешекеров, ук. ст., стр. 123; С. Валк, ук. ст. «Проблемы Марксизма» 1930, № 1, стр. 98.

336

РАБОЧАЯ ЗАП.

Петербург, 15 апреля

[illegible]

Министерство Свободного Ресурса. С. 100

«РАБОЧАЯ ЗАРЯ», НАПИСАННАЯ РАБОЧИМИ И ИЗДАННАЯ «СЕВЕРНЫМ СОЮЗОМ
РУССКИХ РАБОЧИХ»

С подлинника, хранящегося в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве

о крестьянстве наряду с рабочими первую статью «Рабочего», стоит того, чтобы его привести целиком. «Тяжело живется русскому народу теперь на Руси; со всех сторон его притесняют все, кто мало-мальски считает себя выше серого мужика, обирают его, сколько своей душе угодно: запрету для них нет, закону для обирателей не писано: царю ли батюшке нужно на разные веселья, министрам-чиновникам ли нужно на хорошее жительство в столице, войско ли царское надо увеличить или опять прибавить жалование начальству — все подавай мужик, хоть околеет, а подавай — нельзя же господам из-за каких-то холопов удовольствия лишиться — на то они и господа, чтоб мужик на них работал. А посчитайте-ка станowych, урядников и тому подобное начальство, которое для того и приставлено, чтобы мужика держать в страхе и повиновении и чтобы он подати платил; да прибавьте сюда всех попов, мироедов, кулаков. Кто из них не обирает мужика, кто его не грабит? Опять — рабочие, что на фабриках или заводах работают по 14 или 15 часов в день, неужто им хорошо живется? Да вот сосчитайте: рабочий мужчина получает самое большее 50 коп. в день (за 14 часов-то!), а женщина 20—25 коп., а о здоровье и говорить нечего — всяк знает, какое на фабриках помещение, какой воздух — хуже, чем в аду. А сколько народу мрет от разных болезней на фабриках и изувечивается машинами от тесноты помещения — то и пересказать трудно. На кого они работают-то? На тех же господ-фабрикантов, да на разное начальство. Неужто рабочему достается весь этот бархат или шелк, что он на фабриках делает? Да, как же! Скажи спасибо за холст, да за то, что ты покупаешь втридорога у кулака-торгаша. Да и диво же! Сам рабочий, примерно, своими руками делает этот самый холст, что он должен потом купить у кулака. Отчего же это? Отчего мужик или рабочий, которые всю свою жизнь проводят в тяжелой работе, живут в нужде и нищете, а разного рода господа, которые и палец о палец не ударят, живут в сласть и в свое удовольствие? Отчего царь-батюшка, богом данный государь, который будто бы только и думает, как бы народу жилось хорошо, не только не запрещает всяким господам грабить тот же народ, но и сам помогает им в этом всеми своими силами».

Далее следуют главы — «варяжество и византийство» и «татарщина», основным содержанием которых является то, что вначале, «далеко а тысячу лет тому назад на всем пространстве русской земли жили земледельцы, пахари-крестьяне; тогда не было ни бар, ни солдат, ни чиновников», но затем свободная община гибнет; уже варяги делают этот народ, «прежде свободный, вольный, сам себе господин», рабом, холопом под властью «разбойничьей шайки», и на шею его садится «целая орава тунеядцев». Любопытна и характеристика политической роли православия, которое «мечом и огнем навязывали народу». Роль татарщины изображена с той же народнической точки зрения, как княжеской опоры в дальнейшем угнетении народа. Очерк обрывается на закреплении крестьян.

Несмотря на смешанные идеологические мотивы сборника, его издание самими рабочими, заполнение его сложным материалом не только публицистическим, но и историческим и в особенности политико-экономическим, где господствует Маркс, показывает несомненный этап по пути роста классового самосознания рабочих, по пути их оформления в самостоятельную, со своими классовыми задачами партию.

«Рабочий» был издан в виде нумерованной гектографированной тетради, на белых листах конца которой (перенумерованных, начиная с единицы) были припечатаны «Записки по политической экономии». Первая часть «Рабочего» воспроизводится выше. Те части «Рабочего», которые не воспроизводятся в настоящем издании, имеют характер исторической и политико-экономической популяризации и были охарактеризованы выше. Эти популярные статьи имеют пометки о том, что продолжение их последует, и издание этого номера журнала казалось его инициаторам, таким образом, лишь началом. Но номер журнала остался единственным и одним из самых богатых по составу своих статей журналом этой эпохи.

С. Валк

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

О «ЛИТЕРАТУРНОМ РАСПАДЕ»

Предисловие А. Луначарского
Примечания С. Макашина

БОРЬБА С МАРОДЕРАМИ

В настоящем номере «Литературного Наследства» опубликовываются письма Леонида Андреева, относящиеся к 1908 году.

Письма эти очень характерны для тех процессов, которые происходили вследствие продолжающегося спада революционных настроений и роста антиобщественных тенденций в нашей интеллигенции.

Воспоминания Горького об Андрееве, написанные с большой искренностью, отдающие отчет в хорошем и дурном, дают лишь сомнительное право называть Андреева другом Горького. Да и сам Андреев в одном из своих писем говорит о Горьком, как о единственном своем, но ненадежном друге.

Горький очень много возился с Андреевым: он признавал в нем несомненный и большой талант. Но он чувствовал также, что талант этот связан с необыкновенно шаткой натурой, насквозь больной не только биологически, а именно социально. Биологическая расшатанность Андреева, его пьянство, его бесконечное циничное размазывание вопросов плоти (как например в первом из публикуемых писем) характерны для той промежуточной группы, которую представлял Андреев.

Мало сказать, что Андреев был рупором мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия бывает разная. Андреев был рупором провинциальной обывательщины, бюрократической мелкоты и близких к ним прослоек. Это люди, живущие жалкой жизнью, не имеющие никаких перспектив впереди, подышающие от скуки. На этой почве вырастают в их сознании всевозможные кошмары. Писатель, в котором эти настроения отражаются с особенно яркой силой, не может не стать больным, если бы даже он им не был, но в большинстве случаев рупором таких безнадежных групп являются как раз люди больные.

Пролетарский писатель Горький понимает, что в Андрееве живет это наиболее мрачно-мещанское, но прельщенный талантом Андреева Горький (к его великой чести) делал огромные усилия для того, чтобы направить Андреева на путь вдумчивого самообразования, чтобы приблизить его к пониманию ведущих передовых сил общест-венности. Это в известной, хотя бы относительной степени удавалось Горькому в то время, когда он нашел себе гигантского сотрудника в своих стараниях в лице самой революции.

Революция увлекла на время Андреева, и хотя произведения, которые он перечисляет как доказательство своей революционности — «Савва», «Иуда», весьма сомнительные, но все же в них не чувствуется затаенной ненависти к революции, к чуждой стихии, которая обещает разрешить те жизненные проблемы, те «неизреченные ужасы», с которыми слита душа обывателя и которыми он питает свое мрачное человеконена-вистническое мирозерцание.

Когда революция обещает тем социальным слоям, к которым принадлежал Андреев, какое-то новое устройство жизни, они готовы поднять голову, прислушаться, сделать шаг вместе с идущими к будущему рабочими массами. Но поражение революции доста-

вляет им злобное удовольствие: «Вот видите, все осталось попрежнему, как было — так и будет! Именно мы, безнадежные пессимисты, оказались правы. Мы имеем полное основание жить по-свински, ибо никакого исхода из тьмы бытия нет».

Андреев решается в одном из публикуемых писем называть Мережковского и Гиппиус мародерами, он даже говорит о них: «Пока революция двигалась вперед — тащили ее назад за хвост, а теперь являются на поле сражения и обирают убитых», но эта фраза как будто целиком взята из статьи Воровского, который справедливо причислил к мародерам самого Андреева.

Андреев пишет Горькому: «Тьма» — вещь жестоко неудачная, конфузная». Критики повидимому сумели убедить в этом Андреева, но чуть ли не через несколько дней он уверяет Горького: «И в «Тьме» (откидывая ее слабую форму) я все тот же».

Да, конечно, он все тот же, и в том смысле, что он обыватель-реакционер, и что в тех произведениях, которые он считает революционными («Савва», «Иуда»), он был только плохо переодетым реакционером. Но, повторяю, кое-что все же изменилось — Андреев был и озлоблен, и тайно обрадован неудачей революции. Его собственная пониженная жизненная установка, которой он гордился как своей философией, ниспровержение которой он чувствовал как унижение своей натуры, оказалась в его глазах оправданной. Но он не решается сразу занять реакционную позицию и заявить, что к революции нужно решительно повернуться спиной. Собственно говоря, тенденция «Тьмы» именно такова, но взято это по-своему хитро.

Видите ли, революционером нельзя быть потому, что революционер — это хороший человек, а вот есть проститутки, дурные женщины; так не надо издеваться над ними; надо гасить все светлое, чтобы восстановить истинное равенство тьмы; равенство в моральном уродстве, братство — в круговой поруке самой затхлой обывательщины. свободы совершать какие угодно свинства.

Вот как поворачивается у Андреева как будто все еще революционный и морально звучащий лозунг. В этой хитрости чувствуется желание как можно скорее преодолеть разбуженный Горьким и событиями 1905 г. голос совести, который говорил Андрееву: «А ведь ты грязный обыватель!»

Андреев создал себе особую лестничку, вскарабкавшись на которую, он признал себя в праве сказать: «Все — грязные обыватели, и все должны быть грязными обывателями, а кто не грязный обыватель, тот гордец и эгоист, заслуживающий ненависти в своей изолированности».

«Тьма» была, таким образом, одним из отвратительных нарывов, показавших глубину процесса гниения в обывательской интеллигентской среде.

Следующим произведением Андреева был тот самый «Царь-голод», о котором он сам пишет в письме от 8 февраля, что он «отдает запахом спрятанного в погреб покойника».

Над этой фразой не мешает задуматься.

Андреев человек чуткий. С Горьким он изо всех сил старается быть откровенным. Но что это значит? Каким покойником, по мнению самого Андреева, отдаст его пса? Этим покойником была революция, которую Андреев хотел скоронить.

Когда на него обрушилась передовая, в особенности марксистская, критика, в том числе моя статья в «Литературном Распаде», он переходит к обороне. Ну, конечно, «Луначарский только дурак», потому что, видите ли, «он не понял, что в «Царе-голоде» изображается не революция, а бунт. Разве у меня нет фразы «не оскорбляй те революцию — это бунт», — наивно заявляет Андреев.

Андреев вообще никогда не отличался особым умом, но в данном случае это не глупость, это очень большая обывательская хитрость. Неудавшуюся, не достигшую своей цели революцию обыватель сейчас же называет бунтом и, оплевывая всячески этот «бунт», топчет ногами революционное знамя.

Конечно, чистейший пустяк заявление Андреева, что он-де напишет трагедию «Революция». Никакой такой трагедии он не писал и написать не мог. Когда пришла настоящая революция, Октябрьская революция, когда она победила, — Андреев обмал ее бешеной слухой и желчью. Он оказался в рядах контрреволюции, в рядах эмигрантов, в рядах самых разнузданных ее клеветников. Таким образом критика была

права, когда она прозрела маневр Леонида Андреева. После опыта революции 1905 г. человек вдруг оказался не в состоянии дать ничего другого, как фантастическую и претендующую быть грандиозной картину жестокого идиотского бунта. Конечно, обыватель, от имени которого говорит Андреев, не поддерживает прямо буржуазию или помещичью реакцию — он только хочет оставаться в своем болоте. Он брызжет оттуда, из этого болота, на то, что показалось ему высоким и могучим, но, по его оценке, сорвалось.

Все частные возражения Андреева на мою критику сами не выдерживают никакой критики. Они показывают только трусость Андреева: не решаясь выступить как откровенный реакционер, он делает «оговорки».

«ЕГО ДРАТЬ И ДРАТЬ»

Шарж В. В. Заерландера в журнале «Штрихи и Влестки» 1903 г. на отношение критики к Леониду Андрееву

Кто же, читая «Царь-голод», не скажет, что рабочие изображены там какими-то чудищами, что хулиганы играют решающую роль? И если к этому еще прибавляется, что часть мнимых «бунтовщиков» является агентами полиции, то это разве возвеличивает революцию? Революция изображена как бунт, но мы никогда не позволим, под предлогом разделения бунта и революции, оплевывать бунт голодных против их эксплуататоров. Шапки долой перед таким бунтом!

Оговорки смешны. Бросается в глаза, например, что бунтовщики подожгли национальную галерею, — а затем, вскользь, замечание: «Может быть, она загорелась от наших собственных ядер», т. е. может быть, ее подожгли революционеры (и опровержения этому нет), а может быть бунт, вызвав репрессии, создав социальный беспорядок, косвенно загубил великое культурное достояние. Обвинение — и рядом лазейка, в которую можно спрятаться.

И этим ничтожнейшим возражением думал Андреев ответить на статью, в которой «Царь-голод» разбирается подробно и где подробно разъясняется его глубоко контрреволюционная и клеветническая сущность!

Меняя свои позиции, отступая все глубже в ряды реакционеров, он докатился до репительной «Русской Воли», а потом и окончил свою жизнь оголтелым контрреволюционером.

Андреев бесился по поводу отношения к нему критики. Критика действительно относилась к нему довольно плохо. Вся постановка политических вопросов у него была такая спутанная, что против него ополчились не только марксисты, но и часть буржуазной критики.

Андреев в свое время написал в «Биржевых Ведомостях» статью, в которой разносил критиков и призывал их «ценить и беречь родные таланты», т. е. позволять ему, в силу его литературного дарования, всякие мерзкие выпады против революционного движения и рабочего класса.

В 1913 г. в письме к Амфитеатрову он еще осмеливался писать, что он на стороне революции: «Позволю себе утверждать — я никогда не был враждебен ни вам (Амфитеатрову.— А. Л.), ни Горькому, ни даже Луначарскому, который налепил мне на лоб клеймо раба».

К сожалению, это клеймо Андрееву не удалось стереть. Чем дальше, тем хуже шло дело. Не я налепил это клеймо на чело Андреева. Я просто стер ту розовую пудру, которую он хотел скрыть выступившее на лбу его черное пятно обывательской реакционности.

Сборники «Литературного Распада» появились именно для того, чтобы дать боевую оценку тогдашней литературы. Даже Андреев, которому так сильно досталось от этих сборников, вынужден был признать, что сборник хороший и своевременный. Я думаю, что это признание сделано больше из любезности к Горькому и для того, чтобы скрыть свое отступничество. Но это характерно, ибо даже враги признали появление «Литературного Распада» крупным явлением в русской литературе. Отдельные ошибки, которые там можно встретить, думается мне, не должны привести к тому, чтобы эти сборники были вычеркнуты из списка литературно-критических заслуг левого крыла тогдашней социал-демократии.

Кстати, Алексей Максимович вскоре после получения письма Андреева сказал мне: «Леонид прислал письмо по поводу вашей статьи. Он страшно обижен и обозлен, ругается и пытается оправдаться. Утверждает, что вы бьете по своим».

Однако Андреев не всегда относился ко мне с тем пренебрежением, которое он старается демонстрировать в своем письме к Горькому. К сожалению, мой архив погиб безвозвратно. Но у меня было два письма Андреева, относившихся к 1905—1906 гг. Одно из них, довольно длинное, написано по поводу моего разбора нескольких повестей Андреева («Так было, так будет» и др.). Андреев в письме благодарил меня за внимательное отношение к его творчеству, стараясь разъяснить истинный замысел своего произведения, а в конце концов счел нужным «отмочить» комплимент вроде того, что я являюсь одним из самых выдающихся критиков эпохи, и т. д.

Упоминаю об этом совсем не для того, чтобы защищать себя от раздраженной брани Андреева, — для того, чтобы не страдать от подобных «уколов», не надобно даже «бегемотовой кожи», о которой говорил Энгельс, — а упоминаю только потому, что это характерно для попытки мрачного пророка обывательщины завязать какие-то сношения с передовой литературой, — попытки, сменившейся потом безудержной руганью, когда его отступление было вскрыто и оценено по достоинству.

А. Луначарский

[ДВА ПИСЬМА Л. АНДРЕЕВА К М. ГОРЬКОМУ
ОТ 11 ФЕВРАЛЯ И 23 МАРТА 1908 ГОДА]

1

11 февраля [1908 г., Петербург]

Милый мой Алексеюшка! Сейчас я сижу тихонько в СПб, отдыхаю во всевозможных направлениях и чувствую себя так, будто год просидел где-нибудь в Порт-Артуре или, по примеру Данте, год путешествовал по аду.

11 February

[illegible][illegible]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К МАКСИМУ ГОРЬКОМУ
ОТ 11 ФЕВРАЛЯ 1908 Г.

О подлинника, хранящегося в собрании Н. Н. Пенчковского

И когда оглядываюсь назад, на истекший 1907 год, то думаю: воистину живуч человек! Конечно, у меня сейчас форменная астма, и голова, как еврейская квартира после погрома, и ноги, как испорченные шпингалеты,—

но разве это настоящая плата за все содеянное мною и надо мною? Был целый месяц, когда разум мой просто-напросто мутился. Потом тоска, удивительная тоска, когда однажды почувствовал я, что дошел до предела скорби, до того таинственного предела, который отделяет скорбь от чего-то нового, непостижимого, не то смерти, не то жизни. Потом пил я — по три-четыре дня, сперва рюмками, а потом коньяк, стаканами. Потом женщины — ряд мыльных пузырей, за которыми гонялся я, задрав кверху пьяно-плачущую рожу, и от которых теперь и на языке, и на сердце вкус дешевого мыла.

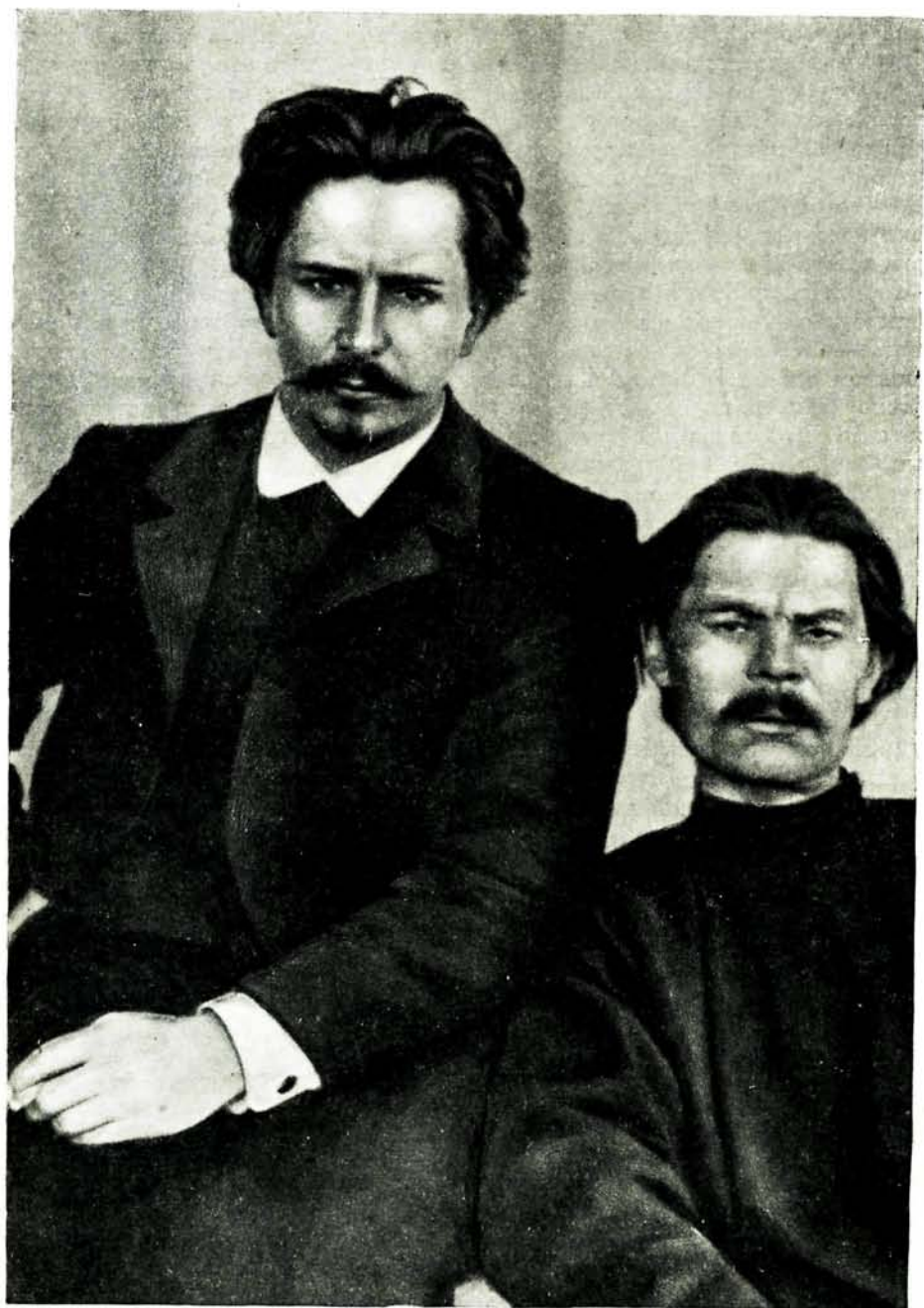
Работа? Но я не считаю, что этот год работал. «Тьма»¹ — вещь жестоко неудачная, конфузная. «Проклятие зверя»² — какая-то душевная замазка, чтобы не так дуло в щели. Наконец и сам «Царь-голод»³ написан втрое слабее, чем надо, и как-то отдает спрятанным в погребке покойником. Да, есть в нем что-то мертвое, холодное. Местами — хорошо, а фон какой-то серый, плохой. Вот и все, что сделано, — в сущности, ничего или почти ничего, ибо все-таки «Царь-голод» не окончательно плохо.

Теперь я не пью и, повидимому, собираюсь жить. Что-нибудь изменилось? Нет. Так же одинок, так же нет женщины, которую бы любил, так же пуста и по-больничному звонка квартира. И нет ни одного друга, кроме тебя, такого далекого и такого ненадежного. Просто совершился, очевидно, какой-то перелом, и жизнь начинает брать верх и обнаруживает то мое свойство, за которое Шура⁴ называла меня Ванькой-встанькой. Что же! Если за смерть Шуры я поплатился только тем, что было, то это страшно дешево.

Хотя — кажется мне — лишь теперь, с возвратом жизни, начинаются настоящие большие страдания мои. Тут нет противоречия. Трагедия — утверждение жизни, и только драма исключает жизнь. А то, что у меня было в этот год печального, за вычетом отдельных моментов, было все же не больше, как драмой, именно довольно скверной и грязноватой мещанской драмой. Это только репортеры и плохие литераторы называют самоубийство трагедией, а по-моему, среди миллионов самоубийц не найдешь и одного, который был бы воистину трагичен. Люди трагедии — живучи, и только люди драмы кончают с собою.

Трагедией была моя жизнь на Капри,⁵ еще вначале, когда я один бродил по острову и ночью слушал бурю. И трагедией она станет с весною, когда раз навсегда я уйду из ненавистного города с его жалкой суетой, раз навсегда стану лицом к лицу с природой, с морем, небом, снегом — перед чистым лицом человеческой мысли. Как я люблю мою будущую дачу!⁶ Тебя не возмущает эта любовь? Ты понимаешь, что это не любовь собственника, а другое. Жить нужно или так, как ты живешь, или так, как я хочу жить, — или стоять в самой кипении жизни, творить ее, или отойти от нее на расстояние и пытаться осмыслить ее. К последнему тяготее я всем складом души моей. Мне кажется, что я видел и чувствовал, и даже знал достаточно, ибо пьяный или трезвый, веселый или печальный не перестал смотреть, и целые груды насмотренного лежат во мне, и беру я ужасно много, а не отдаю ничего. Чтобы отдать, нужно осмыслить, а как это сделать, когда тысячи ветряных мельниц машут перед носом руками, когда от близости к предметам ломается перспектива и дряненький членишко Арцыбашева⁷ покрывает луну и звезды, когда голос околоточного отдается в ушах громче голоса самого бога, и т. д. и т. д. Понять я хочу, понять, а видел я достаточно.

Вот во мне уже с полгода резко намечается такой-то кризис, намечается столь ощутительно, что я не могу писать ничего серьезного: от старого я отошел, а к новому дороги не знаю. И в чем оно заключается, тоже не знаю. Несомненно только одно, что от отрицания жизни я как-то резко

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

С фотографии (1907 г., Капри), хранящейся в Литературном Музее Публичной Библиотеки СССР

поворачиваю сейчас к утверждению ее. И если прежде я думал, что существует только смерть, то теперь начинаю догадываться, что есть только жизнь. Но именно догадываться. Поразительным, например, кажется для меня то, что наряду со страданиями, о которых я писал уже достаточно, я почти непрестанно испытывал и испытываю какую-то огромную, чудовищную радость жизни. Если при успехах революции я смотрел мрачно и каркал: так было, так будет, то сейчас, живя в лесу виселищ, я чувствую и радость, и непоколебимую уверенность в победе жизни. Выходит как будто похоже на дурака, который смеялся на похоронах и плакал на свадьбе, — но это не то, не то. А что — не знаю, не знаю. И знать не буду, пока не отойду от житейской суеты и в дикой пестроте явлений не усмотрю какого-то великого и еще неведомого мне единства.

От этого так и люблю я будущий дом с его всяческой приспособленностью к одиночеству и работе... Но вот тут наступает нечто изумительно глупое — все это может не осуществиться потому, что в основе своей я слишком здоров. Ей-богу! Как самому типичному здоровому пошляку мне нужно быть сытым, согретым, иметь хорошую жену и детей, чтобы мысль моя стала свободна, а не занималась подслуживанием. Помню, как, будучи голодным студентом, я мог думать только о еде. А теперь было так: лишенный женщины, я по целым месяцам — ты подумай, по целым месяцам! — мог думать только о женщине и притом специально, не хуже Арцыбашева. Конечно, я мог устроиться, как устраиваются другие: нанять горничную (это и доктора мне советовали), ездить по субботам в бордак, наконец, просто пользоваться теми многочисленными предложениями тела, которые поступают ко мне по городской почте. Но я не могу, это претит мне. Мне нужна жена, т. е. не только тело, но и душа, та особенная женская душа, которой не заменят тысячи мужских душ, как тысяча, скажем, мундштуков не заменит одной папиросы. Сравнение не совсем удачное, но ты понимаешь, в чем дело. На этих же основаниях неприменим и онанизм. Конечно, есть другой способ: стать выше, победить плоть и обкарнать дух. Но мало того, что я этого не могу, я этого и не хочу,* ибо этим умерщвлением и обкарнанием я выдерну стул, на котором сидит мирозерцание, покушусь на что-то, не менее ценное, чем сама работа мысли.

На этом неожиданно оборву письмо, ибо, если не кончу сегодня, — а сейчас три часа ночи, и устал, — то при обилии суеты не скоро кончу. Лучше потом долишу. Скажу только, что люблю тебя крепко и верно. А писать нужно еще много.

Жму руку твою.

Твой Леонид.

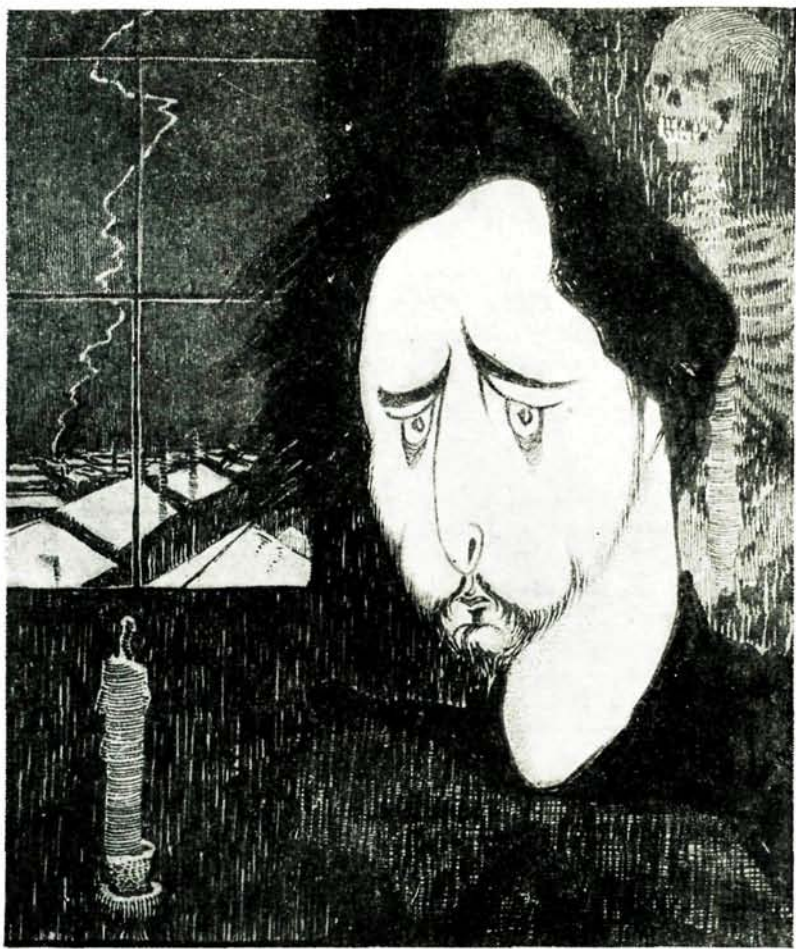
II

[23 марта 1908 г., Петербург]

Дорогой мой Алексеюшка! Ведь я не изменился, не меняйся и ты ко мне, голубчик. И в «Тьме» (откидываю ее слабую форму), и в «Царе-голоде» я все тот же, что был и в «Савве», и в «Иуде»⁸. И в «Шиповнике» я тот же, каким был в «Знании»⁹. Мои товарищи — нет, не товарищи они мои. И редактирование «Альманаха» — его я начинаю с того что отказываюсь печатать продолжение «Навних чар»¹⁰. И не люблю из них я никого, за исключением разве Блока. Вероятно, выкину из будущих альманахов и Брюсова¹¹ — пусть идет своей дорогой. И если бы у нас были, действительно были, талантливые писатели прежнего знаниевского типа — не использованные и не заезженные и не состарившиеся (как тот же милый Серафимович¹²), я сбил бы компанию только из них.

Попробую. Не выйдет, брошу, но никакого разврата не допущу.

На Капри сейчас не поеду — далеко, и влечет к себе близкая петербургская весна, которую люблю. Но осенью, если доживу, приеду. Сейчас усиленно работаю. Пишу большой, листа 3—4, «Рассказ о семи повешенных» — на тему о смертных казнях. Чувствую, что сейчас голосу настоящего нет, а хочется крикнуть: не вешай, сволочь! Отдельные фигуры в рассказе не дурны, а что в целом выйдет, не знаю. Тягостно писать¹³.

КАРИКАТУРА РЕ-МИ НА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В «САТИРИКОНЕ» 1908 Г., № 1

Под карикатурой следующие слова: «Вы, держащие в руках номер «Сатирикона», смотрите на этот портрет и слушайте! Вот перед вами пройдет полжизни человека... Был он маленьким — таким маленьким судебным репортером... Никто не знал его. Но заглянул однажды в «Бездну», и навсегда ужас застыл в глазах его. И смеялся с тех пор он только ледяным смехом «Красным смехом». Смеялся в «Тьме» и в зареве пожаров «Царя-голода». Смеялся, взвалив себе на плечи задачу большого, смешного, наивного великана — отстрадать за все человечество! Радуйтесь вы, держащие в руках номер «Сатирикона»! Радуйтесь, что такой человек — ваш современник»...

Да, травля против меня была бы неслыханною, если бы не ты, с которого они начали¹⁴.

Снизу доверху, во всех этажах российского литературного дома, иногда весьма смахивающего на веселый дом, меня ругают. Есть в этом и некоторая организованность — компания «Весов» и Мережковских ведет линию сознательно. И Куприна выдвигают сознательно. Но больше — от времени, искренне и тупо.

23 марта

Да, травля. Кадеты, мистики, декаденты, октябристы, черная сотня — со всех сторон. Но никак не ожидал я, что увенчают травлю с.-деки и что к именам Мережковского¹⁵, Гиппиус¹⁶ и Брюсова¹⁷ присоединить свое имя Луначарский в «Лит. Распаде»¹⁸ — книге, скрепленной твоим именем, — авторитетом.

«Трусливый раб», «мещанин», «клеветническое изображение рабочего класса», «Царь-голод» — революция, отраженная в голове мещанина, пусть художника, но безнадёжного мещанина».

Мне грустно не за себя. Мне грустно за дело, которому служат так, как Луначарский — по-лакейски. Говорят о себе как о людях новой, совершенной жизни, новой психологии, а пишут и думают, как в «Новом Времени»¹⁹.

Там, где Луначарский только дурак, он трогает меня мало, и ведь и в своей жизни дураки останутся дураками. И когда «Бунт» он смешивает с революцией (специально для этих господ у меня есть в «Царе-голоде» фраза: «не оскорбляйте революцию, это бунт», — не помогает) и на этом, единственно на этом недомыслии своем строит обвинение меня в мещанстве, — я смотрю спокойно. Недалеко время, когда я напишу «Революцию» (она является третьей в цикле пьес, и об этом уже было напечатано), — тогда даже Луначарский поймет, что в бессмертии я смыслю больше, чем он, и смерти боюсь меньше, чем он. Да и пролетариат ценю, пожалуй, больше, чем он.

Но есть место в его статье, где он пишет: «Революционный народ у Андреева сжигает национальную галерею. Этого никогда не было и не будет. Революционер-пролетарий всегда охраняет музеи. Эти мелочи дополняют картину беспомощности Андреева перед лицом революции».

У Андреева сказано:

Инженер. Эти господа зажгли что-то там еще, кажется, Национальную галерею. Такие идиоты! Впрочем очень возможно, что галерея зажжена нашими же снарядами.

Луначарский:

«Хулиганы у Андреева делают дело вместе с рабочими, сопровождая революцию (опять революцию — вот дурак!) разбоем. Это бессознательная ложь. Хулиганы или расстреливали рабочих в качестве гард-мобилей, или громили под знаменем монархии или религии, как наши черносотенцы. Там, где революция торжествовала (вот же дурак, господа!), хулиганы трепетали».

У Андреева:

Инженер. В среде этих же голодных мы нашли за невысокую плату несколько достаточно умных и расторопных господ и снабдили их поручениями интимного свойства. И в настоящую минуту эти идиоты уже начали великолепнейшим образом истреблять друг друга.

Не знаю, как на твой взгляд, но, по-моему, этакая картина ничуть не уступает Буренину и Мережковскому.

Ты еще очень недавно писал:

«Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получат должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, т. е. с нашей стороны. Мы организуем вид литературно-критических сборников» и т. д.

Так-то, Алексеюшка. Грустно все это.

Твой Леонид.

Продолжаю о «Лит. Распаде».

Самое важное в теперешнем литер. фарсе — разобрать, где враги и где друзья: мысли лгут, слова лгут, все замаскированы. И Луначарский употребляет слово «мещанин», и Каменский²⁰ употребляет то же слово: не ходишь голый, членом наружу, то стало быть мещанин. «Мещанин», если

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ С БРАТОМ П. Н. АНДРЕЕВЫМ
С фотографии, хранящейся в Институте Новой Русской Литературы

не пользуешься задним проходом для «священных целей Эроса», «хам» (т. е. тот же мещанин), если отвергаешь бога, черта и Мережковского с супругой.

И очень прискорбно, что сотрудники «Распада» не уяснили себе как следует, где враги и где друзья: с идиотской старательностью, как Луначарский, бьют по своим, еще раз кстати опошляя и обесмысливая вообще понятие мещанства; и дружелюбно, почти с лаской, упрекают Брюсова

в буржуазности²¹. А ведь если разобрать как следует, что есть ли более характерная фигура для «их литературы», как этот самый Брюсов? Сотрудник «Русского Листка» времен Козецкого.²², патриот и чуть-чуть не шовинист, он весь, со всем своим демонизмом сложенных на груди рук, со своим завитущим стихом и воплями о культурности, со своей Козой²³, Эллисом²⁴—Кузьминым²⁵ и Феофилактовым²⁶—он истинный герой мещанства. Да ты и сам это хорошо знаешь. Он очень талантлив—но лишь там, где он аппарат для писания стихов, искусный механизм, который на ночь разбирают и кладут в керосин, а утром смазывают из масленки. Там же, где он должен быть человеком, он просто скотина.

А эти мародеры—Мережковский, Гиппиус и прочие мистики и культуртрегеры? Пока революция двигалась вперед—тащили ее назад, за хвост, а теперь явились на поле сражения и обирают убитых. Не ими разрыленную, не ими политую кровью землю стараются засеять спермой своей мистики, своего религиозного блуда. Почему им не дали отпора?

«Страх смерти»,—говорит Луначарский. Хорошо, а может ли он указать хоть один случай, хоть одну строчку в моих писаниях, где я, страха этого ради, поклонился бы хоть одному из буржуазных истуканов? И где я вообще ради чего бы то ни было хоть на мгновение стал на сторону буржуазного уклада? Ах, господи! Вот и кадеты устами Галича²⁷ признают меня «мещанином» (за то, что вину взваливаю на один класс), а вот и мирнообновленцы²⁸ ругаются (для образца посылаю вырезку).

А в общем все-таки ваш сборник хороший и своевременный.

Некогда, братику, писать. Женился и еду в Крым. Подробности письмом.

Мне начинает нравиться, что меня ругают.

Твой Леонид Андреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые письма Леонида Андреева к Максиму Горькому сообщены Н. Н. Ценковский. Оба письма относятся к 1908 г. Первое датировано 11 февраля, второе не имеет первоначальной даты, только на втором листе оно помечено 23 марта 1908 г.

¹ Рассказ «Тьма» напечатан в 3-й книжке литературно-художественных альманахов изд-ва «Шиповник», ноябрь 1907 г. Рассказ послужил причиной охлаждения отношений между Андреевым и Горьким (см. «Воспоминания» Горького, стр. 131).

² Рассказ «Проклятие зверя» напечатан в 1-й книжке литературных сборников «Земля», Москва, 1907 г.

³ «Царь-голод. Представление в пяти картинах с прологом»—драма, была издана отдельной книжкой с рисунками Е. Лансере изд-вом «Шиповник», СПб, 1908 г.

⁴ Александра Михайловна Велигорская-Андреева, первая жена писателя. Умерла 26 ноября 1906 г. в Берлине от заражения крови. См. о ней «Воспоминания» П. Н. Андреева в альманахе «Литературная Мысль», книга 3-я, 1925 г.

⁵ На Капри к Горькому Леонид Андреев уехал (вместе с братом П. Н.) в ноябре 1906 г. и жил там вплоть до весны 1907 г.

⁶ Вернувшись летом 1907 г. в Россию, Л. Андреев строит себе дачу «деревянный замок» в Финляндии, в Райволе, на Черной реке. Весной 1908 г. он окончательно поселяется здесь, выезжая в Россию (Петербург и Москву) лишь на небольшие сроки.

⁷ Арцыбашев М. П. (1878—1927)—буржуазный писатель, характерный представитель эпохи реакции с ее уходом в культ чувственных наслаждений и в порнографию. Автор напумовшего романа «Санин». После Октября—белоземитрант.

⁸ Пьеса «Савва» и рассказ «Иуда Искариот» были напечатаны в редактировавшихся Горьким сборниках т-ва «Знание».

⁹ «Знание»—книгоиздательское товарищество, основанное в 1898 г. в Петербурге группой писателей во главе с К. П. Пятницким. С начала 900-х гг. в т-во вступает Максим Горький. В 1904 г. под его редакцией начали выходить литературно-художественные сборники т-ва, пользовавшиеся большой популярностью. Сборники эти, объединившие вокруг себя группу передовых писателей-реалистов (Горький, Серафимович, Велесев, Телешов и др.), сыграли в развитии литературно-общественной жизни 900-х гг. видную роль. Облик и общественные позиции группы определялись стоявшим во главе их Горьким. Произведения «знаньевцев» были проникнуты духом протеста против гнета

самодержавия. Леонид Андреев, примыкавший вначале к «знаньесцам», напечатал здесь «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех», «К звездам», «Иуда Искариот» и другие произведения.

Реалистическое творчество «знаньевцев» отражало предреволюционный подъём в среде радикально настроенной интеллигенции начала 900-х годов, обусловленный быстрым ростом массового движения русского пролетариата. В годы реакции, последовавшей

[illegible][illegible]

Die eigenen an J.K. Bau stammenden Stämme = 2000
Stämme... 6m².

Hokkaido Shinkyō, uncut Mt. Fuji & Mt. Asahi
Kam. H. G. S. L. --- G. S. L.
All in uncut - 100% pure white porcelain.

Mar 1889

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К МАКСИМУ ГОРЬКОМУ
ОТ 23 МАРТА 1908 Г.

С подлинника, хранящегося в собрании Н. П. Пенчковского

вслед за поражением первой революции, сборники «Знания» продолжали выходить, но уже не встречая былого сочувствия среди интеллигентских кругов, быстро растерявших былые симпатии к революции и искавших забвения в мистике, эстетизме, эротике и т. п. Декадентство — эта подлинная идеология реакции, закрепившееся на позициях именно в эти годы, несло с собой глубочайшее отвращение к общественности, к современности, полный отход от реализма в искусство во имя мистики и эстетики. На смену сборникам «Знания», отвечая этим новым настроениям, появляются модернизированные

книжки «Шиповника» с «Новыми чарами» Сологуба и «мистическим анархизмом» Г. Чулкова и С. Городецкого. Сближение Леонида Андреева с издательством «Шиповник» относится к концу 1906 г. В феврале же 1907 г. стали выходить под его редакцией альманахи издательства, в которых Андреев поместил все свои крупные произведения этого периода: «Жизнь человека», «Тьма», «Царь-голод», «Рассказ о семи повешенных», «Сашка Жегулев», «Анатэма» и др. Кроме того «Шиповник» напечатал в 1908—1909 гг. пятый, шестой и седьмой томы сочинений Леонида Андреева.

¹⁰ «Навыи чары» — полупорнографический роман писателя-декадента Федора Сологуба. В нем автор «сделал, — по выражению В. Воровского, — попытку пропитать порнографию духом революционного движения, а революцию просалить порнографией». «Навыи чары» печатались в 3-й, 7-й, 13-й и 18-й книжках «Шиповника».

¹¹ Брюсов, В. Я. (1873—1924) — поэт-символист; поместил в книжках «Шиповника» два произведения: стихотворение «Город» (кн. 1, 1907) и поэму «Исполненное обещание» (кн. 4, 1908 г.).

¹² Серафимович, А. С. (псевдоним А. С. Попова) — пролетарский писатель, постоянный участник сборников «Знание». Леонид Андреев поддерживал с ним дружеские отношения (см. его письма к Серафимовичу, опубликованные в первой книге «Московского Альманаха», М., 1926).

¹³ «Рассказ о семи повешенных», посвященный Льву Толстому, был закончен в последних числах марта и был впервые напечатан в пятой книжке литературно-художественных альманахов «Шиповника», СПб, 1908.

¹⁴ Отношение критики к Леониду Андрееву было крайне разноречивым. Каждое новое произведение его порождало громадную критическую литературу, вызвало необойчайное разнообразие мнений от гиперболических признаний его деятельности равной Толстому и Достоевскому, до крайне резкой брани со стороны черносотенных, погромных критиков (Розанов, Буренин, Басаргин, Тришатный) до епископов и иеромонахов включительно. Но если в первый период внезапного и огромного успеха Андреева резкие и отрицательные выпады против него были единичными и сосредотачивались главным образом в буренинских фельетонах «Нового Времени», то в подлинный водоворот критических выступлений попал писатель в момент, непосредственно предшествовавший публикуемому письму. Нападки на него посыпались теперь действительно со всех сторон, из всех литературных лагерей. Отголоски спора, поднятого вокруг Андреева, разнеслись и по провинциальной прессе, взволновали кружки молодежи и заинтересовали широкие читательские массы. Этот «литературный шум» вызван был появлением в печати двух его произведений с «революционной тематикой» — рассказа «Тьма» и пьесы «Царь-голод». Черносотенные органы — «Русское Знамя», «Вече», «Новое Время» и др. — допускала в полемике действительно самые грубые, хулиганские выражения. Вот для примера несколько эпитетов, данных Андрееву критикой этого лагеря за период, непосредственно предшествовавший его письму к Горькому: «тупица» (В. Розанов), «недоумок» («Русское Знамя»), «иначе говоря дурак» («Развлечение»), «просто идиот» (Буренин), «прохвост», «бездарность» («Русское Знамя»), «порнограф», «садист» («Петербургская Газета»), «босяк», «пропойца» («Вече»), «шарлатан», «дегенерат», «хулиган», «щенок» («Новое Время»). Его произведения Буренин называет «гаиматьей», «гноусностью» и «навозом», а В. Розанов пишет, «что ни собака, ни Иуда не лгут так, как Леонид Андреев» («Новое Время», июль 1907). Один раз погромное «Вече» поместило даже специальную статью о писателе под заголовком: «Как теперь простоты делают знаменитостями» («Вече», сентябрь 1907).

Разумеется, весь этот поток брани, направленный главным образом против «личности», давал повод Андрееву писать Горькому о «травле», ведущейся против него. Но только безнадежной уостью политического кругозора, убогостью мысли и озлобленностью обывателя, ущемленного в своем самолюбии, можно объяснить то обстоятельство, что Андреев осмеливается называть «травлей» и принципиальное, хотя и резко отрицательное выступление против него А. В. Луначарского в «Литературном Распаде».

¹⁵ Имеется в виду статья Д. Мережковского «В обезьяньих лапах» («Русская Мысль», январь 1908). Андреева по свидетельству Ф. Репейникова («Воля России», апрель 1925) особо задела фраза статьи, написанная Мережковским по поводу «Тьмы»: «Если бы Андреев был последователен и правдив до конца, — он отрекся бы от революции и предался бы реакции».

¹⁶ Гиппиус посвятила Л. Андрееву три статьи: «Notes sur la littérature russe de notre temps» — («Mercure de France» № 253. I-er janvier 1908); «Человек и болото» («Весы», май 1907 — подпись Антон Крайний) и «Все то же» («Весы», февраль 1908 — подпись Антон Крайний). «Жизнь человека», по поводу которой написаны первые две статьи, называется здесь «бездарной и неумной вещью», а сам Андреев «мало образованным и претенциозным писателем». О «Тьме», которой посвящена третья статья, Гиппиус говорит здесь: «Не хуже, не лучше. Та же риторика, та же мера антихудожественности... Та же безрезультатная натуга «удивить мир злодейством» и даже тот же глупый-преглупый герой, обыкновенный андреевский дурак».

¹⁷ Имеется в виду статья В. Я. Брюсова «Жизнь человека» в «Художественном

театре» («Весы», январь 1908, подпись Аврелий). Здесь это произведение названо «единственным в своем роде собранием банальностей» и дана резкая критика всего творчества писателя.

РИСУНОК И. Е. РЕПИНА К «РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
О подлиннике (1907 г.), хранящегося в собрании И. И. Бродского

¹⁸ А. В. Луначарский в статье «Тьма» дал обстоятельный и довольно резкий обзор творчества Андреева как типичного «властителя дум» русской интеллигенции времен упадка, как «самого могильного могильщика» революционного движения, подлинного «эмиссара смерти».

На Андреева статья произвела повидимому крайне сильное впечатление, тем более что в данном случае критика, хотя и квалифицируемая растерявшимся и озлобленным Андреевым как «травля», имела резко выраженный принципиальный характер и шла из ранее дружественных ему социал-демократических революционных кругов, с которыми хотя и не органически был связан писатель в годы первой революции. Андреев решил оправдываться и защищаться. Помимо письма к Горькому, участнику сборника, Леонид Андреев выступил и в печати. Он написал специальную статью о своих критиках, где наивными аргументами «формального порядка» пытался опровергнуть предъявленный ему социал-демократической критикой упрек в злостной клевете на революцию и рабочий класс. «Партийные критики, — пишет Андреев, — обвиняют меня за «Царь-голод» в безверии в победу социализма. Луначарский в книге «Литературный Распад», посвященной борьбе с уродствами современной литературы, с точки зрения пролетарского мировоззрения обвиняет меня в почти клеветническом изображении рабочего класса. Идею «Царь-голода» понял как объявление банкротства революции. Может быть я сам до известной степени виновен в том, что я так понял. Я не дал ясно понять, что здесь идет речь только о простом бунте, а не об истинной революции. Правда, у меня один персонаж говорит: «Не оскорбляйте революцию — это бунт», но в самом деле это, конечно, мало. Если бы знали весь план моей работы, знали, что за «Миром и войной», о которой я думаю сейчас, идет специальная часть «Революция», — этого упрека мне бы не сделали. Пожалуй, меня упрекнул даже в чрезмерном оптимизме. Может быть мне следовало бы прямо оговорить это в предисловии или в примечании, но я этого не сделал. Вот всегдашняя невыгода издавать труд частями».

Нам не удалось установить, в какой газете за 1908 год помещена была эта статья. Цитируем ее по выдержке, приведенной в брошюре В. Б. Брусянина «Леонид Андреев», М., 1912.

¹⁹ «Новое Время» — субсидируемый правительством орган дворянско-помещичьей реакции, по существу правительственный официоз. О Леониде Андрееве здесь писали преимущественно П. В. Буренин и В. В. Розанов.

²⁰ Каменский, А. П. (р. 1876) — порнографический писатель, выдвинувшийся в период «санинщины» своим пресловутым романом «Леда».

²¹ Имеется в виду статья Л. Каменева в первой книге «Литературного Распада» О Ласковом старике и о Валерии Брюсове».

²² Пропущено два слова. «Русский Листок» — политический беспринципная газета бульварного типа, основанная в 1895 г. в Москве. Начиная с 1898 г. редактором-издателем ее был реакционер Н. А. Казецкий. Участие в «Русском Листке» молодого Брюсова объясняется соображениями материального характера. По свидетельству вдовы поэта И. М. Брюсовой в этот период «Русский Листок» был чуть ли не единственной газетой, платившей Брюсову гонорар. За период 1900—1904 гг. (т. е. до возникновения «Весов») Брюсов поместил в газете около 60 заметок, рассказов, рецензий, обзоров, стихов и т. д.

²³ Имеется в виду следующая строфа из стихотворения Брюсова «In hac lacrimarum valle»:

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены,
Мы латешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Четверостишие это наделало в свое время много шума, его часто цитировали и пародировали.

²⁴ Эллис — псевдоним Л. Л. Кобылинского. Поэт-символист и теоретик символизма, сотрудник «Весов».

²⁵ Кузьмин, М. А. — поэт и беллетрист, сотрудник «Весов».

²⁶ Феофилакт, Н. А. — художник, график «Весов».

²⁷ Галич — псевдоним Леонида Габриловича, фельетониста кадетского органа «Речь». За 1907—1908 гг. ни в «Речи», ни в близкой ей газете «Реформа» фельетона Галича, посвященного Л. Андрееву, нам отыскать не удалось. Отношение этих органов к писателю было отрицательным (статьи Философова, Вагрежского, Азова, Чуковского и др.).

²⁸ Имеется в виду статья Д. Философова «Без стиля», содержащая резкую критику «Тьмы» и «Проклятия зверя» (главы 3, 4 и 5). Статья появилась в № 12 «Московского Еженедельника» от 18 марта 1908 г. Журнал этот, редактировавшийся Е. Н. Трубецким, был органом «Партии мирного обновления», образовавшейся в 1906 г. из левых октябристов и примкнувших к ним правых кадетов.

ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ В. В. МАЯКОВСКОГО 1913—1915 гг.

Предисловие Е. Усевич

Комментарии В. Тренина и Н. Харджиева

ПУТЬ МАЯКОВСКОГО

Владимир Маяковский начал свой литературный путь в качестве футуриста. Он закончил этот путь в рядах Российской ассоциации пролетарских писателей. Изучение этого пути приобретает все большее значение по мере того, как все более усиливающаяся дифференциация в рядах попутничества ребром ставит перед каждым писателем, честно стремящимся идти в ногу с пролетариатом, проблему о его собственной перестройке, о путях и методах ее.

Собранные и публикуемые сейчас статьи Маяковского, относящиеся к раннему периоду его литературной деятельности, имеют чрезвычайно важное значение именно тем, что бросают свет на исходные пункты его тогдашнего мировоззрения, на те элементы этого мировоззрения, которые ему приходилось преодолевать, от которых он отталкивался в процессе своего приближения к мировоззрению пролетариата, в процессе своей работы на службе революции, которой он с первого момента ее отдал все свое творчество.

И прежде чем переходить к анализу пути Маяковского от футуризма до РАПП, необходимо определить, чем был исходный пункт, что представляло собой фигурирующее под названием футуризма течение, представителем которого являлся Маяковский в тот период.

Русские футуристы заимствовали это название от итальянского направления в искусстве, направления с вполне отчетливой классовой направленностью и совершенно ясными социальными корнями. Итальянские футуристы были представителями крупной империалистической буржуазии, улавливающей и ведущей за собой некоторые слои мелкобуржуазной интеллигенции, надеющейся найти выход на путях империалистического развития Италии. Таким образом итальянские футуристы всеми нитями связаны были с империалистической итальянской буржуазией, отражая в своем творчестве стремление последней к выходу на международную арену. Отсюда их ненависть к историческим реликвиям, делающим итальянскую культуру как бы объектом для других развивающихся культур, — отсюда стремление к «активности» Италии, радостное упоение капиталистической техникой, городской культурой. Эти социальные корни обуславливали единую для всех итало-футуристов идеологию с соответственными творческими установками и стилевыми тенденциями. Они же вполне закономерно, без всяких зигзагов и потрясений привели итало-футуристов на вполне естественный для них путь фашизма. То, какие классовые прослойки объединял итало-футуризм, чью идеологию в искусстве он отражал, совершенно ясно и никаких сомнений не вызывает.

Совершенно иначе обстоит дело с русскими футуристами. Какие общие творческие установки и стилевые тенденции объединяли, например, Маяковского с Игорем Северяниным, Крученых с Асеевым, Бурлюка с Пастернаком? Что такое футуризм, если футурист Игорь Северянин с его преклонением парвею перед паразитической «культурой» буржуазных будуаров и отдельных кабинетов и футурист Владимир Маяковский с его психологией городского парня, к которому эта культура обращается своей изнаночной

стороной изголодавшихся люмпен-пролетариев, проваленных носов проституток и сточных канав? Какие могут быть общие социальные корни у всех этих людей? Можно ли ответить на все эти вопросы тем универсальным объяснением, которое до сих пор обычно давалось и которое выражалось в двух словах: мелкая буржуазия? Ведь мелкая буржуазия подвергается процессу постоянной дифференциации и ее крепнущие прослойки вырабатывают в капиталистических условиях совершенно другую идеологию, чем прослойки деклассирующиеся и разоряющиеся. Ведь и итальянские футуристы несомненно вели за собой некоторые слои мелкой буржуазии. А между тем, когда их вождь Маринетти в 1914 г. приехал в Россию, то и фигурировавшие под общим названием футуристов литературные объединения встретили его чрезвычайно враждебно, и сам он нашел, что у итальянских футуристов с русскими собственно нет ничего общего.

«Мы очень земные, и в этом наша сила и наша слабость», — заявил Маринетти. — Русские же футуристы слишком отвлеченны, и в этом их слабость и их сила».

Весьма понятно, что подразумевал Маринетти, говоря об «отвлеченности» таких русских футуристов, как Маяковский, и почему эта «отвлеченность» вызывала его недовольство. Ожесточенные протесты мелкобуржуазного бунтаря Маяковского против капиталистической культуры конечно должны были казаться отвлеченными стоящему на твердой «земной» почве утверждения этой культуры Маринетти. Таким образом по своей идеологии та часть русских футуристов, для которой хоть сколько-нибудь был характерен Маяковский, ни с итальянским футуризмом, ни с остальными фигурирующими под этой же кличкой представителями самых разнообразных классовых прослоек и соответственных идеологий ничего общего не имела. Это смутно, не отдавая себе отчета в социальных причинах этого факта, чувствовал и сам Маяковский, когда в 1914 г. в полемике по поводу приезда того же Маринетти писал:

«Под кличкой «русские футуристы» — группа, объединенная ненавистью к прошлому, но люди различных темпераментов и характеров». Маяковский, повидимому не придавал ни малейшего значения этому названию, не пытался теоретически его осмыслить. Он писал в одной из статей («И нам мяса»):

«Что такое футуризм? — Марка, как «Треугольник». Под этой маркой выступал и тот, кто вышивал:

«Вчера читала я. Тургенев
Меня опять зачаровал....»

и оружие, как хлысты на радении,

«Дыр бул щир...»

И вот возникает вопрос, который можно сформулировать словами одного из горьковских эпизодических персонажей в «Климе Самгине»: «Да был ли мальчик-то, может мальчика-то и не было?» Существовал ли вообще русский футуризм, или под этим механически перенесенным из-за границы названием были объединены самые различные по своим тенденциям поэты, некоторые из коих быть может и представляли соответствующие итальянским футуристам слои, но которых ничто не соединяло друг с другом? Ибо даже «ненависть к прошлому», о которой, как о чем-то им всем общем, пишет в вышеприведенной цитате Маяковский, вовсе не всем так называемым футуристам была свойственна. Творчество например Хлебникова пронизано стремлением к очень древнему прошлому, характеризуется в своих стилевых и словотворческих тенденциях возвратом к самым истокам древнерусской речи, отвращением к космополитическим, нивелирующим тенденциям развития капиталистической культуры, то-есть именно к тому единственному, что привлекало в ней Маяковского. И совершенно закономерны были сомнения Горького, который в одной из своих статей (в 1915 г.) заявил, что по его мнению никакого футуризма нет, а есть просто Владимир Маяковский, Игорь Северянин, Бурлюк, Каменский и др.

Если уже говорить об отражении у нас идеологии итальянского футуризма, то быть может следовало бы поставить проблему, не является ли таким отражением, конечно завулированным и соответственно измененным, появившийся значительно позднее, уже в советских условиях, конструктивизм с его противопоставлением интеллигенции про-

ВЫСТУПАЮЩИЕ ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И ДАВИД БУРЛЮК

С фотографии (1914 г.), опубликованной в газете «Новь» со следующей подписью: «Пророки» футуризма в «готовом» к выступлению виде: Маяковский кричит о своем презрении к «толпе». Бурлюк «выявляет» свое отношение более мирным способом».

летариату, с его обожествлением техники, без различия социалистической и капиталистической техники, с его буржуазного типа урбанизмом, со всем тем, что делало его в поэзии неосознанным отражением рабизмщины. Но это особая проблема и предмет особой статьи.

Возвращаясь к первому периоду литературной деятельности Маяковского, придется констатировать, что его так называемый футуризм очень мало может здесь объяснить, являясь лишь «маркой», объединяющей самые различные течения, маркой, принятой, надо полагать, чтобы подчеркнуть космополитизм направления, без теоретического осмысления социального значения ее.

Людей, окружающих Маяковского, по видимому трудно считать группой, идеологию и мировоззрение которой он отражал. Такая группа создавалась вокруг него несколько позднее, в 1915 г., когда собственное его мировоззрение приняло несколько более отчетливый характер. Каковы же были взгляды, отношение к окружающей действительности у Маяковского в тот период?

Ненависть к буржуазному обществу, к его культуре, морали, религии еще почти ребенком толкнула Маяковского в ряды борющегося пролетариата, в ряды большевистской партии. Эта ненависть была обусловлена и его социальным положением, и всем его развитием. Его детство проходило на Кавказе, одним из центров революционного движения 1905 г. Буржуазную культуру он наблюдал в ее отвратительнейшей форме — в форме колонизаторской политики царизма на Кавказе. С тринадцати лет вынужденный зарабатывать себе пропитание, постоянно сталкиваясь и на Кавказе, и в Москве с революционерами, Маяковский с 14 лет стал принимать участие в революционном движении и уже 16-летним мальчиком попал в царскую тюрьму, где просидел около года. Таким образом впечатления раннего детства и отрочества связаны были у него с избиениями, казнями и преследованиями его друзей, грузинских революционеров, с гнетом, нищетой, тюрьмой. Все эти условия сделали его непримиримым врагом существующего строя, бунтарем, бунт которого мало имел общего с грошовым бунтом интеллигентского хлюпика, бунтующего в рамках буржуазного общества во имя «свободы своего духа» и при малейшей опасности, угрожающей устоям этого самого общества, сменяющего свой бунт на мистические озарения, на «проблему пола», на «сретение царя» и т. п. Вот что привело 14-летнего мальчика в ряды пролетарской партии. Но Маяковский слишком недолго пробыл в ней, чтобы проникнуться ее мировоззрением, прочно усвоить ее идеологию. Отойдя от партии, чтобы, как он писал в воспоминаниях, научиться «делать социалистическое искусство», он ушел из нее тем же мелкобуржуазным бунтарем-одиночкой, каким пришел, вооруженным лишь голой ненавистью и отрицанием всего существующего, не видя целей и задач, во имя которых отрицал, не вполне отдавая себе отчет в том, что должно прийти на смену существующему строю.

И именно потому, что он считал искусство чем-то, что надо создавать в не революции и принести ей готовым, его творчество того времени отражало индивидуалистический бунт городского пария, а не революционное мировоззрение городского пролетария. Пытаясь создать новое «социалистическое» искусство вне связи с общей теорией и практикой пролетариата, Маяковский неизбежно превратил его в нечто самодовлеющее, в самоцель. В его статьях этого периода мы встречаемся с такими утверждениями: «Философия искусства и философия жизни — два различных мира. Философия жизни — математическая логика, философия искусства — непосредственная интуиция» (тезис из программы доклада об искусстве, 1913 г.) и с яростным протестом против навязывания художникам обязанности «вливать свой крик в наши крики о хлебе и правде» («Живопись сегодняшнего дня»), и с определением моральных и политических идей как «случайных для искусства». Правда, в этих же статьях Маяковский проводит мысль, что эта работа над словом, как таковым, нужна и необходима именно для того, чтобы сделать слово послушным и гибким орудием в руках человека, ибо: «Причина действия поэта на человека не в том, что он чемодан для здравого смысла, а в способности находить каждому циклу идей свое исключительное выражение» («Не бабочки, а Александр Македонский»), но эта мысль, как и прорывающиеся тут и там мысли о том «Зачем мы? Самоопределение, вот основной вопрос сегодняшнего дня», — все это не может вывести его из порочного круга самодовлеющего искусства как самоцели.

Именно этим взглядом на искусство как на самодовлеющую сущность только и можно объяснить то обстоятельство, что, задавшись целью создать революционное, социалистическое искусство, Маяковский путал революционность в искусстве, с новаторством в искусстве, и что, исходя из этой точки зрения, он считал «революционерами» в искусстве тех, кто с революцией и революционностью не имели ничего общего.

Адресуя к Игорю Северянину строки:

«Как вы смеее называться поэтом
И, серенький, чирикать, как перепел...»,

характеризуя его творчество, как могущее иметь успех только у тех, чей круг желаний не выходил из границ «пройтись по Морской с штенками», он в то же время считает, что и Северянин, создавая новую форму, объединен с ним «общей ненавистью к прошлому», и он, стало быть, «революционер в искусстве». Таким образом Маяковский стоял, по существу говоря, на чисто формалистической точке зрения, идя не от содержания к форме, а от формы к содержанию.

И именно этим обстоятельством обусловлено первоначальное отношение Маяковского к разразившейся в 1914 г. империалистической войне. В своей автобиографии в полном собрании сочинений Маяковский пишет: «Война. Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны».

Какова же была эта воспринятая им декоративная сторона войны? Как видно из публикуемых в этом номере «Литературного Наследства» статей Маяковского, относящихся к первым месяцам войны, он и войну воспринял в первый момент исключительно с точки зрения ее влияния на искусство. Первое, что увидел Маяковский в войне, это то, что теперь-то уж Брюсовым и Бальмонтам конец, что теперь-то всем станет наконец ясно, что их форма устарела, не годится, что современную войну нельзя передать архаическими образами шлемов, стрел и мечей, что ее невозможно затискать в ямбы и хорен. «Раньше, — пишет он, — вам нужна была желтая кофта. Вам, а не мне. Теперь вы и без нее должны нас понять». Таким образом войну он вначале воспринял тоже как своеобразную форму новаторства, как нечто, что должно положить конец старому, обновить застоявшиеся формы быта, легализовать новаторские устремления в искусстве. Война показалась ему лишь средством убедить общество в необходимости нового искусства. На это направлены все статьи Маяковского этого периода. Искусство как самоцель привело, правда, на весьма короткий период, к некоторым военным настроениям, хотя и обусловленным чисто внешними «шумовыми» сторонами войны, но тем не менее довольно ясно выраженным.

Крайне любопытно отметить и другую сторону в военных настроениях Маяковского: индивидуалист-одиночка впервые почувствовал коллектив, героическую толпу. Правда, и здесь он вначале заметил лишь внешнюю сторону, увидев героический коллектив в насильно согнанной, гонимой на смерть массе, но характерно то, что впервые зарождается и появляется у Маяковского само понятие о коллективе, о его мощи, о новом его качестве по отношению к отдельным личностям, о осознании себя в коллективе как правовой личности, о бессмертии личности в коллективе. В одной из своих статей о новом человеке, он пишет:

«...Когда полк идет в атаку... ведь не различить, чей голос принадлежит Ивану, так и в массе летящих смертей не различить, какая моя, а какая чужая. Смерть несется на всю толпу, но, бессильная, поражает только незначительную ее часть... и поэтому там бессмертные».

Отсюда и началось очень быстро отрезвление Маяковского. Увидевши коллектив, массу героически гибнущих людей, он неизбежно должен был натолкнуться на вопрос: во имя чего? А натолкнувшись на этот вопрос, он очень быстро разглядел за спиной идущих на смерть миллионов сытых эксплуататоров, во имя чьих интересов гибли эти миллионы. Уже в конце 1914 г., в той же газете «Новь», где печатались отражающие военные настроения статьи Маяковского об искусстве, появляется его рассказ «Давно прошедшее», где с необычайной силой в коротких, обрывающихся, как бред сошедшего с ума от ужаса человека, строках рисуется жестокая нелепость войны. В

этом рассказе отзываются мотивы очень многих появившихся впоследствии антивоенных стихов Маяковского.

И это было началом распада объединения футуристов.

Классовые различия и обусловленные ими различия в идеологии например Северянина, встретившего войну «грозными» призывами: «Германия, не забывайся!» и смехотворными обещаниями: «И я ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин», и Маяковского, уже в 1915 г. завопившего:

«Вам ли, любящим баб, да блюда,
Жизнь отдавать в угод!»¹

выскрились с резкой ясностью, чтобы их дальше могли заслонять новаторские формы поэзии.

Убедившись, что война есть лишь продукт и завершение ненавистного ему буржуазно-капиталистического общества, что ни к чему, как к еще большему угнетению обездоленных, к еще большему ожирению богатых и сытых, она не ведет и привести не может, Маяковский истошным голосом завопил об искалеченных, растерзанных, сожженных, утопленных, закричал о богатых, о «думающих нажраться лучше как». И хотя, отойдя от революционной борьбы пролетариата, будучи оторванным от находящейся в подполье партии, он со своей позиции деклассированного, бунтующего интеллигента не мог видеть конкретного выхода, но то, что старый строй должен погибнуть, он твердо знал, когда в «Облаке в штанах», в этом вопле протеста задыхающегося в чаду и дыму лицемерного буржуазного общества человека, писал:

Вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куцый
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Таким образом Октябрьскую революцию Маяковский встретил с радостной готовностью. Раз поняв, что за разговорами о борьбе с германским империализмом, о борьбе за культуру, за человечество кроется ненавистная, жирная харя буржуа и борьба за его благополучие, Маяковский уже без труда разглядел этого же буржуа и эти же опасения за свой карман и за разговорами о немецком шпионаже большевиков и о попираемой ими «священной» демократии. Вопрос о том, принять или не принять революцию, перед ним не стоял¹. Не понимая ее задач и целей, он знал и понимал одно: именно эта революция разрушит буржуазное общество, она опрокинет весь с детства ненавидимый строй. Эта уверенность заставила его с первого момента революции отдать ей все свое творчество. Повторяем, проблема «принять или не принять» не стояла перед ним в том виде, в каком она стояла перед писателями, выросшими корнями в буржуазное общество. Но перед ним возникла другая проблема.

Маяковский считал, как мы видели, что искусство есть нечто самодовлеющее, что «слово — самоцель», что работа поэта есть работа над словом, как таковым, что моральные и политические идеи есть нечто случайное для искусства, привносимое в него извне. В своей статье «Два Чехова» он прямо пишет, что Чехову приписывают, навязывают «защиту униженных и оскорбленных», что «идей, сюжетов нет» и что «все произведения Чехова — это разрешение только словесных задач».

Вопрос, который возникал у него уже раньше — вопрос «Зачем мы?», — сейчас, когда Маяковский увидел воочию творящееся огромное дело, встал перед ним с новой остротой. Тем самодовлеющим искусством, которое хотел создать Маяковский, чтобы принести его готовым в дар революции, теперь, как щитом, заслонились от революции ее враги. И Маяковскому показалось, что нужно выбирать между революцией и искусством, что одно противоречит другому, а раз противоречит — революционер Маяковский отбросил искусство.

¹ Редакция считает необходимым отметить неправильность этой формулировки, выдвинутой в свое время «литфронтовцами» и подвергнутой критике в партийной и рапповской печати. — Р е д.

«Бросьте,
забудьте,
плачьте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств....»

писал он в это время

«...были б люди,
искусство приложится».

Таково происхождение рационализма, утилитаризма Маяковского и его противопоставление агиток, реклам большому искусству. Но говоря об этой фактографии, о всей этой несомненно ошибочной, ликвидирующей искусство концепции, нельзя ни на минуту забывать, что у него это был лишь метод отталкивания от реакционнейшего «искусства для искусства»¹. Нужно все время помнить о том, откуда и куда шел Маяковский, ибо в противном случае мы придем к спутыванию попятного движения, например литфронтовцев, от диалектического метода к голому эмпиризму, к фактографии, к голой публицистике и вытекающим из всего этого капитулянтским, оппортунистическим позициям с движением Маяковского вперед, к методу диалектического материализма. Почти каждый шаг Маяковского был шагом вперед именно потому, что для него не существовало вопроса о его «взаимоотношениях» с революцией, как его до сих пор ставят некоторые попутчики, что он не ставил вопроса о своих, поэта, правах в революции, а сознательно подчинил свое творчество революции и ее задачам, что его вела революция. Обслуживая ее задачи, он осмысливал их, постигал целое революции.

Уже раскол в ЛЕФ'е и создание РЕФ'а было шагом от противопоставления агитки искусству, от мелкобуржуазного рационализма. Дальнейший путь Маяковского закономерно привел его в РАПП.

В непрестанной борьбе со своим прошлым мелкобуржуазного бунтаря-одиночки, в постоянном преодолении в себе пережитков этого прошлого вырабатывал Маяковский свой творческий метод, неуклонно приближаясь к методу диалектического материализма. Это был славный путь поэта-революционера, идущего и пришедшего от революционной мелкой буржуазии к революционному пролетариату. И то закиривание Маяковского, которое производилось переверзевцами, попытки представить его как с самого начала до конца одного и того же, не меняющегося, железобетонного, только смазывают этот путь, только мешают следовать ему тем писателям, которые искренне этого пути ищут, дезориентируют их в том, что же в творчестве Маяковского было от пролетариата и что от того самого мелкобуржуазного, бунтарского прошлого, которое он в себе преодолевал, стремясь к пролетариату. В своем стремлении доказать неизменность Маяковского, переверзевцы и литфронтовцы выдавали за образцы революционности, за высшее достижение, «его же не преjdeши», пролетарской поэзии как раз такие элементы в творчестве Маяковского, как схематизм, рационализм, которые, будучи для него лишь методом отталкивания, им в его дальнейшей работе преодолевались. Но этого мало: канонизировалось и объявлялось образцом революционного творчества и то, от чего

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Рисунок (1913 г.), работы Давида Бурлюка

¹ Редакция считает, что фактография для Маяковского была, конечно, «методом отталкивания от реакционнейшего «искусства для искусства», но таким, который лишь свидетельствовал, что бунт Маяковского по сути не выходил из пределов и понятий той же старой эстетики. — Ред.

отталкивался этим способом Маяковский. Зонин в своей статье о Маяковском (1930 г.) утверждает, например, что строки из поэмы «Про это»:

У лет на мосту
На презрение, на смех
Земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
За всех расплачусь,
За всех расплачусь,

что эти строки являются поэтическим отображением долга революционера. Такое утверждение и есть сплошное залакировывание, «бетонирование» Маяковского. Стоит только немного вдуматься в эти строки, чтобы убедиться в их созвучности искупительским, бунтарско-индивидуалистическим настроениям периода «Владимира Маяковского» и «Облака в штанах». В поэме «Про это» отзывались в творчестве Маяковского, те пережитки мелкобуржуазного индивидуализма, которые он смирял в себе, «становясь на горло собственной песне». Не понять этого — значит не понять той героической борьбы, которую вел Маяковский на своем пути к пролетариату.

Смерть прервала этот путь. Маяковский сделал все, что было в его силах, чтобы не дать использовать эту смерть врагам революции. Но враги — есть враги.

Те, что всю всю жизнь пытались доказать, как Троцкий, что «методы марксизма — не методы искусства», что всячески пытались столкнуть Маяковского с его революционного пути, утверждая, как тот же Троцкий, что «Маяковский слабее всего в тех своих художественных произведениях, где он законченнее всего как коммунист» («Литература и революция», стр. 109), ухватились за эту смерть, чтобы обосновать несовместимость службы революции и пролетариату с «высоким искусством», чтобы отвлечь от пути перестройки колеблющихся.

Но эти попытки остаются покушением с негодными средствами. Смерть Маяковского случайна. Не будь минутного ослабления воли, длительной болезни, ее могло бы и не быть. Но его творческий путь закономерен, и из него мы видим, что только слившись с пролетариатом и революцией, только заняв свое место в рядах последовательных борцов революции на фронте литературы Владимир Маяковский обрел свой полный голос.

Осваивание идеологии пролетариата делало творчество Маяковского многостороннее, полнее, законченнее по форме, уводя его от схем, от бесплодного индивидуалистического бунта, поднимая его на высшую ступень, с которой его глаз охватывал более широкие горизонты. И только враг революции, ищущий в искусстве средства забыть о ней или вредить ей, может сказать, что наиболее близкие к мировоззрению пролетариата вещи Маяковского, те вещи, которые выполняли задания революции, как «На смерть Есенина», «Тов. Нэтте, пароходу и человеку», наконец последняя, неоконченная поэма «Во весь голос», есть снижение его творчества. И тем больший отпор со стороны всей партийной общественности должно вызвать, когда к этим реакционным клеветническим выпадам присоединяются голоса отдельных коммунистов. А чем же иным, как не таким присоединением являются например высказывания В. Полонского, вроде того, что: «В этих вещах, рассчитанных на массы, сделанных от имени масс, он становится на корточки. Ему хотелось быть доступным, как басня, — отсюда схематизм и упрощенство, отличающее эти его вещи, отсюда вообще ряд неудач, примитивность замысла, элементарность композиции, бедность рифмы...» (В. Полонский, «О Маяковском», стр. 47, 1931 г.). Тов. Полонскому следовало бы очень серьезно обдумать, не перекликается ли это его высказывание с приведенным нами выше высказыванием Троцкого о том, что «Маяковский слабее всего в тех своих художественных произведениях, где он законченнее всего как коммунист». Схематизм таких вещей, как «150 000 000» (которая, несмотря на наличие его, вопреки эстетским утверждениям т. Полонского, является и по своей форме, и по заключающемуся в ней революционному пафосу одной из величайших поэм революции), есть не результат «стремления к доступности», совершенно необходимого для поэта-революционера, рассматривающего

«свои вещи как оружие в классовой борьбе, а недостаточного еще в тот период понимания революции во всей конкретности ее задач. Поняв это, т. Полонский быть может не отнесся бы с таким насквозь эстетским пренебрежением к самим этим задачам. Маяковский, видите ли, «как-то умел» «свинчивать шею», «переключаться на темы-минюэты, темы-поденки — об обывателе, о хулиганстве, о самогоне, о бюрократах, о суевериях, об обрядах, о поминках, и еще много раз об обывателе и бюрократах» (там же, стр. 59). Тов. Полонский перечислил здесь в числе «тем-поденок» все темы о борьбе с наследием капиталистического прошлого, о переделке в процессе революции человека. Тов. Полонский на месте поэта не сумел бы снизить до таких тем, как борьба с бюрократизмом, например; он, вероятно, считает, что и Ленин, призывая поднять на бюрократов ярость масс, занимался презренной «поденной агиткой». «Любителю старых дворянских манер», как называл его Маяковский, не понять, что именно это обслуживание задач революции помогало Маяковскому овладевать мировоззрением пролетариата, изживать элементы схематизма в своем революционном творчестве.

Маяковский был крупнейшим поэтом современности. Его работа в рядах пролетариата, его совместная в пролетариате борьба за

«Построенный
в боях
социализм»

сделала его одним из величайших поэтов современности.

Он шел от мелкобуржуазного бунтарства к коммунизму своими особыми путями, и эти пути необходимо изучать и тем, кто честно стремится пойти по пути перестройки, и тем, кто должен этой перестройке помогать. В. И. Ленин в свое время писал:

«Задачи коммунистов внутри «Гоэлро» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев пропитаны буржуазным мирозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» (Ленин, т. XXVI, 2-е изд., стр. 173, статья «Об едином хозяйственном плане»).

Маяковский пришел к нам через свою поэзию. Его путь должен быть изучен от исходной точки до конца.

Е. Усевич

ТЕАТР, КИНЕМАТОГРАФ, ФУТУРИЗМ

Милостивые государи и милостивые государыни!

Великая ломка, начатая нами во всех областях красоты во имя искусства будущего — искусства футуристов, не останвится, да и не может остановиться, перед дверью театра.

Ненависть к искусству вчерашнего дня, к невращению, культивированной краской, стихами, рампой, ничем не доказанной необходимостью выявления крошечных переживаний уходящих от жизни людей, заставляет меня выдвигать в доказательство неизбежности признания наших идей не лирический пафос, а точную науку, исследование взаимоотношений искусства и жизни.

Презрение же к существующим «журналам искусства», как например «Аполлон», «Маски», где на сером фоне бессмысленности, как сальные пятна, плавают запутанные иностранные термины, заставляет меня испытывать настоящее удовольствие от помещения моей речи в специальном техническом, кинематографическом журнале.

Сегодня я выдвигаю два вопроса:

- 1) Искусство ли современный театр?
- 2) Может ли современный театр выдержать конкуренцию кинематографа?

Город, напоив машины тысячами лошадиных сил, впервые дал возможность удовлетворить материальные потребности мира в какие-нибудь 6—7 часов ежедневного труда, а интенсивность, напряженность современной жизни вызвали громадную необходимость в свободной игре познавательных способностей, каковой является искусство.

Этим объясняется мощный интерес сегодняшнего человека к искусству.

Но если разделение труда вызвало к жизни обособленную группу работников красоты; если, например, художник, бросив выписывать «прелести пьяных метресс», уходит к широкому демократическому искусству, он должен дать обществу ответ, при каких условиях его труд из индивидуально необходимого становится общественно полезным.

Художник, объявив диктатуру глаза, имеет право на существование. Утвердив цвет, линию, форму как самодовлеющие величины, живопись нашла вечный путь к развитию. Нашедшие, что слово, его начертание, его фоническая сторона определяют расцвет поэзии, имеют право на существование. Это — нашедшие пути к вечному процветанию стиха поэты.

Но театр, служивший до нашего прихода только искусственным прикрытием для всех видов искусства, имеет ли право на самостоятельное существование под венком особого искусства?

Современный театр обставлен, но его обстановка это — продукт декоративной заботы [работы?] художника, только забывшего свою свободу и унизившего себя до утилитарного взгляда на искусство.

Следовательно с этой стороны театр может выступить только некультурным поработителем искусства.

Вторая половина театра — «Слово». Но и здесь наступление эстетического момента обуславливается не внутренним развитием самого слова, а применением его как средства к выражению случайных для искусства, моральных или политических идей¹.

И здесь современный театр выступает только поработителем слова и поэта.

Значит до нашего прихода театр как самостоятельное искусство не существовал. Но можно ли найти в истории хоть какие-нибудь следы на возможность его утверждения? Конечно, да.

Театр шекспировский не имел декорации. Невежественная критика объясняла это незнакомством [с] декоративным искусством.

Разве это время не было величайшим развитием живописного реализма? А театр Оберамергау ведь не сковывает слова кандалами вписанных строк.

Все эти явления могут быть объяснимы только как предчувствие особого искусства актера, где интонация даже не имеющего определенного значения слова и выдуманные, но свободные в ритме движения человеческого тела выражают величайшие внутренние переживания.

Это будет новое свободное искусство актера.

В настоящее же время, передавая фотографическое изображение жизни, театр впадает в следующее противоречие.

Искусство актера, по существу динамическое, сковывается мертвым фоном декорации; это колющее противоречие уничтожает кинематограф, строительно фиксирующий движения настоящего.

¹ Так, например, мнимый расцвет театра за последние 10—15 лет объясняется только временным общественным подъемом («На дне», «Пер-Гюнт»), так как мелкоидейные пьесы, пожив несколько часов, умирают для репертуара. (Примечание Маяковского.)

Театр сам привел себя к гибели и должен передать свое наследие кинематографу. А кинематограф, сделав отраслью промышленности наивный реализм и художественность с Чеховым и Горьким, откроет дорогу к театру будущего — нескованному искусству актера.

УНИЧТОЖЕНИЕ КИНЕМАТОГРАФОМ «ТЕАТРА» КАК ПРИЗНАК ВОЗРОЖДЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Милостивые государи и милостивые государыни!

Утвердив в своей прошлой речи положение: победа кинематографа обеспечена, ибо она — логическое следствие всего современного театрального искусства, доведшего до крайности обстановочный реализм наивных драматургов, я поставлен в необходимость ответить сегодня на новый предъявленный мне вопрос: как могу я, артист, приветствовать воцарение бездушных машины там, где еще вчера волновалась «трепетная» рука художника? — Ведь, — говорят мои враги, — кинематограф несет мигающие, бескусные штампы туда, куда мы, теперь вытесненные артисты, вливали душу красоты.

Разбираюсь, что доминирует в этом крике: боязнь гибели искусства или трусливый шкурный вопрос?

Такие явления, как кинематограф, граммофон, фотография надо рассматривать как применение в области искусства вместо малопроизводительного ручного труда машины. Но во всяком роде промышленности, где машина взяла доведенные разделением труда до последней простоты технические функции, она не уничтожила человека, а только ярко провела линию между вдохновителем, организатором труда и его рядовым тупым работником.

Возьмем, для примера, сначала хотя бы живопись. Потребность в ней существовала всегда.

Пока эта потребность была узка, художник обслуживал небольшую кружок королей, пап, меценатов, удовлетворяя их элементарной потребности имеет схожий с оригиналом «фамильный» портрет или гладкий «красивый» ландшафт. И этот род живописи был доведен до высшего совершенства и до абсолютной простоты.

А когда живопись демократизировалась и желание иметь простые произведения живописи стало общим, явилась потребность (минимум платы) и возможность (максимум простоты) передать дело реального портрета или пейзажа в руки машины — фотографии. Прозвучал ли такой переворот как «смерть художнику»? Отнюдь нет.

В. Маяковский

Рис. Текрыгина - Л. Ш

ОБЛОЖКА ПЕРВОЙ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ
МАЯКОВСКОГО (1913 г.)

Образцами фотографии остались те же произведения Рафаэля или Веласкеца, а идеалом было приближение к ним.

Значило ли это, что искусство падает? — Нет.

Вот примеры равенства вчерашней живописи и фотографии: полное сходство с портретом Карьера достигается помещением перед объективом неплотной сетки; из двух демонстрированных на экране Давидом Бурлюком портретов публика не могла найти, который кисти К. Сомова и который «руки» фотографа. Такая легкость в изображении природы не убила желания искать красоту, а только дала художнику толчок понять, что искусство не копия природы и задача «коверкать» природу так, как она фиксируется в различном сознании.

Практический результат — обращение легионов «списывателей» к более продуктивным занятиям.

Но истинный художник опять вождь.

Все следующие положения справедливы и при исследовании вопроса о роли кинематографа. Возникает один только вопрос:

— Художник занимался копированием природы, грешен ли в этом театр? — Да.

Посмотрите работу Художественного театра. Выбирая пьесы преимущественно бытового характера, он старается перенести на сцену прямо кусок ничем неприкрашенной улицы. Подражает рабски природе во всем, от надоедливого скрипа сверчка, до колышавшихся от ветра портьер. Но сейчас же, рядом, возникают убийственные противоречия, встает выдуманная перспектива с занавесами кисеи или помятые простыни моря. Хорошо, если приходится ставить какую-нибудь ветхозаветную оперу с одной лошадью между двадцатью статистами, но кто перенесет на сцену (если идти за реальностью передачи) версты в высь небоскребов или жуткое мельканье автомобилей?

И, конечно, на полную неудачу обречены всякие попытки обновить театр только переменой личного состава или поездкой в какие-нибудь, хотя и неписанные еще губернии, как это делает теперь Марджанов для своего «Свободного» театра.

И вот тут подкрадывается кинематограф: «если ваша задача только копия природы, то к чему весь сложный театральный бутафорский механизм, если на десяти аршинах полотна можно дать и океан в «натуральную величину, и миллионное движение города?»

— Но человек, — скажете вы возмущенно, — где же он, где его игра?

Но разве человека убил кинематограф, а не театр, подчиняя движение каждого воле режиссера?

Если артисты сотни раз репетируют свою роль только для того, чтобы потом пройти по сцене, как ходят настоящие обыкновенные люди, то почему этот простой процесс не подсмотреть прямо у улицы, а с другой стороны, если вам требуется сложная игра актера, то зачем, кроме талантливого артиста, роль отдавать какой-нибудь посредственности, отсылать в провинцию сотни живых, но бездарных Задунаевых или Днепровских, когда тысячи лент могли бы отпечатать до точности каждый момент изумительной игры актера? Артист остается вождем, кинематограф только вытесняет рядовых актеров сцены, неся с собою хоть и копию, но с больших моментов творчества. Сведя же деятельность сегодняшнего театра к машинному производству, простому и дешевому, кинематограф заставит подумать о театре завтрашнего дня, о новом искусстве актера.

Это — культурная роль кинематографа в общей истории искусства.

НЕ ДЛЯ ДЕНЕГ РОДИВШІЙСЯ

В ГЛАВНОЙ РОЛИ ПОЭТА **ИВАНА НОВА**
ВЕЛИЧАЙШІЙ ПОЭТЪ ФУТУРИСТЪ
ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ

ПЛАКАТ РАБОТЫ МАЯКОВСКОГО К ФИЛЬМУ «НЕ ДЛЯ ДЕНЕГ РОДИВШІЙСЯ»
С плаката (1916 г.), хранящегося в Литературном Музее Публичной Библиотеки СССР

ОТНОШЕНИЕ СЕГОДНЯШНЕГО ТЕАТРА И КИНЕМАТОГРАФА К ИСКУССТВУ

ЧТО НЕСЕТ НАМ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ?

(ПОЛЕЗНА И ДЛЯ КРИТИКОВ)

Милостивые государи и милостивые государыни!

Сегодня мне необходимо ясной линией определить место, занимаемое вчерашним театром и кинематографом на общей площади искусства.

Милых обывателей до смерти перепугали два вопроса:

1) «Как же это, — театр, который существовал и в прошлом году, и раньше, в который я ходил в ложу с Петром Ивановичем и Марией Петровной, объявлять несуществующим — чепуха!»

2) «Если современный театр до того прост и бессодержателен, что его без всякого вреда для искусства можно заменить кинематографом, если история завтрашнего театра начнется только с первой футуристической постановки, то покажите — что же в вас ценного, что же в вас непохожего на других?»

Извольте.

Люди, выступающие против нас, да и вообще против всяких крайних новаторов, вооружаются единственным имеющимся у каждого обывателя оружием — «здравым смыслом».

Как ни странно видеть современного человека в таком допотопном вооружении, идущем, как бумеранг к боевому солдату, приходится рассмотреть, как оно влияет на человеческую психику.

Счастливый обладатель здравого смысла имеет громадное преимущество перед другими людьми — быть всегда и всем понятным.

Это достигается благодаря двум, едва ли не имеющим достоинства фактам:

Ограниченность уровня знания теми же рамками, как и знания ближнего (что же при таких условиях можно сказать непонятного?).

И способность при усидчиво-нудном занятии своим делом воспринимать усталым и слабым мозгом только самые режущие и случайные черты нового явления.

Когда к такому джентльмену обратятся с вопросом: вы знаете, что такое футуризм, он важно ответит:

«Ну да, знаю, это такое большое, кричащее, еще в желтом галстук ходит...»

А кинематограф?

«Ну да, знаю. Вход пятнадцать или сорок пять копеек, сначала темно. а потом дрыгающие люди, под вальс бегают».

Когда один из таких джентльменов споткнулся в моей статье о слово «наука», он разобрался в нем следующим способом:

«Наука, ах да, знаю, это такое, сидят над книгами, арифметика, химия, потом растут, и с университетскими значками ходят».

И взвыл:

«Говорить об искусстве и кинематографе, а где же физика, техника?»

Молодой человек! история искусства, если только она способна стать наукой, будет наука общественная.

Беря какой-нибудь факт из области красоты, история искусств интересуется не техническим способом его выполнения, а общественными тече-

ниями, вызвавшими необходимость его появления, и тем переворотом, который вызывается данным фактом в психологии масс.

Так, например, при появлении какой-нибудь выполненной живописцем картины меня не интересует химический состав краски, там какого-нибудь кадмия лимонного или изумрудной зелени. Точно так же это мало интересует и самого художника.

Если бы это было иначе, то наши «знатоки» и фабриканты красок До-секин или Фридлендер были бы лучшими и художниками, и критиками живописного искусства.

С этой-то точки зрения я и буду рассматривать отношение кинематографа и театра к искусству.

Первый и самый важный вопрос.

Может ли быть кинематограф самостоятельным искусством?

Разумеется, нет.

Красоты в природе нет. Создавать ее может только художник. Разве можно было думать о красоте пьяных кабаков, контор, грязи улиц, грома города до Верхарна?

Только художник вызывает из реальной жизни образы искусства, кинематограф же может выступить удачным или неудачным множителем его образов. Вот почему я не выступаю, да и не могу выступать, против его появления. Кинематограф и искусство — явления различного порядка.

Искусство дает высокие образы, кинематограф же, как типографский станок книгу, множит и раскидывает их в самые глухие и отдаленные части мира. Особым видом искусства он стать не может, но ломать его было бы так же нелепо, как ломать пишущую машину или телескоп только за то, что эти вещи не имеют никакого непосредственного отношения ни к театру, ни к футуризму.

Следующий вопрос.

Может ли кинематограф доставлять эстетическое наслаждение???

Да.

Когда кинематограф копирует какой-нибудь клочок определенной, хотя бы и характерной жизни, результаты его работы могут представлять в лучшем случае только научный, или, вернее, описательный интерес.

Впрочем, до нашего прихода этими упражнениями занимались и художники, и артисты.

Вот — Вережагин.

Ведь его же картины интересны только для тех, кто ни разу не видел узорчатых дворцов Азии.

А разве его ловля блох перед вычурно выпитыми воротами в Третьяковской галерее не так же комична и интересна, как объявление кинематографа в одном из рассказов «Сатирикона» о «ловле блох в Норвегии» (научная)? А все эти Сомовы, Баксты, Сарьяны, Добужинские, кочуя из одной части света в другую, разве не повторяют одну и ту же надоевшую работу ремесленников-списывателей?

Этим же до нашего прихода занимался и театр. Как смешно было слушать в Художественном театре при постановке пьесы Горького «На дне» радостные замечания слушателей. «Да ведь это совсем, как настоящая, совсем, как на Хитровом

МАЯКОВСКИЙ
В РОЛИ ИВАНА НОВИ
Кадр из фильма
«Не для денег родившийся»

рынке, ведь они, режиссеры и артисты, все до последней мелочи там выскледили и дали тонкую копию в этой изумительной постановке».

Да.

• Но ведь природа — только материал, с которым волен художник обращаться, как ему угодно, лишь при одном условии: изучать характер жизни и выливать ее в формы до художника никому неизвестные.

Если же работа художника и работа машины, как например фотография и кинематограф, начатая различными путями, в результатах совпадает, то логично из двух способов ее производства выбирать тот, на который затрачивается меньше общественной энергии.

Отсюда — успешность конкуренции кинематографа с театром.

Вот почему я говорю, что театр как искусство до нашего прихода не существовал.

Театр был только выпуклая фотография реальной жизни.

Единственное же отличие от него кинематографа — безмолвие — Эдисон стер своим последним изобретением.

Театр и кинематограф до нас, поскольку они были самостоятельны, только дублировали жизнь, а настоящее большое искусство художника, лишаящего¹ жизнь по своему образу и подобию, идет другой дорогой.

Мы идем с новым словом во всех областях искусства.

Но новой теперь может быть не какая-нибудь еще никому неизвестная вещь в нашем седом мире, а перемена взгляда на взаимоотношения всех вещей, уже давно изменивших свой облик под влиянием огромной и действительно новой жизни города.

Вот почему кто-нибудь из «отцов» с таким недоумением останавливается перед результатами работы певцов новой жизни.

Театр вчерашнего дня не может выдержать с кинематографом конкуренции, так как, копируя один и тот же момент жизни, выявляет его значительно слабее.

И при театре будущего кинематограф будет так же полезен при перемене взгляда на обстановку и декорацию, не конкурируя с ним, как с искусством, занятым явлениями совершенно другого порядка.

ЖИВОПИСЬ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Характерно: выставки, десятки выставок; должно быть на каждой улице обеих столиц трепались за год всецветные флаги различнейших «передвижных союзов», «посмертных», «независимых», «валетов» и других несметных полков живописцев и... ни одной живописной радости, ни одной катастрофы, ничего захватывающего — ни разу не хотелось стать перед вещью надолго и, может быть, любя, может быть, негодуя, смотреть, смотреть и смотреть.

Широкоवेशательные афишные рекламы с дюжинами отборнейших имен, музыка верниссажей, завлекающая игривый бомонд, сперминизация золотушных молодых диспутами — не помогли; художники, целые организации, даже идеи, объединяющие различные направления художественной мысли, подняв на секунду температуру интереса, пропадают бесследно, как корь, отходят серо и быстро, как какой-нибудь приезд генерала Жоффра на ленте кинематографа.

Отчего?

Ведь сегодняшний день — день мощного интереса к искусству и публики, и самих художников.

¹ В журнальном тексте явная опечатка. По смыслу следовало бы: «переделывающего, изменяющего жизнь». — Ред.

Давно ли об искусстве, как таксом, даже не мечтали! Сгибаясь второе под тупой звериной мыслью о существовании, о борьбе за жизнь, мы и художников заставляли влить свой крик в наши крики о хлебе, о правде. Или же в пьяных залах рабами они покорно копировали «жирные окорока пьяных метресс», или заполняли галереи фамильными портретами дегенератов, но здесь интерес к художнику обрывался сейчас же за мраморными колоннами палаццо мецената.

А сейчас мы в шесть часов дневного труда накормим и оденем землю. И делаем это просто: каждый шлифует свою определенную грань мировой работы человечества.

ИЛЬЯ РЕПИН И КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Шарж Маяковского (7 июня 1915 г.), хранящийся в собрании К. И. Чуковского

Закон машинного города — разделение труда.

А где художник?

При каких условиях его труд из индивидуально полезного, интересующего нас не больше, чем еда ближнего или его гимнастические упражнения, может стать общественно необходимым.

Если бы сейчас явился со своими картинами какой-нибудь старый-старый живописец, ну хотя бы Верещагин, и на вопрос: «а есть ли что у вас предьявить?» — достал свой «Апофеоз войны», черепа на голом поле, ему бы прямо сказали: «мы понимаем, вы полны самых гражданских чувств, война ужасная вещь, но позвольте, какое же отношение это имеет к живописи? Вопрос о войне решат значительно лучше люди, специально поставленные к этому занятию, люди, занимающиеся общественными науками».

Проповедывание высоких идей, «мораль» в картине отняли у живописцев.

Дальше.

Та же участь постигла и копировальщиков природы. «Послушайте, ведь ручной труд только тогда имеет право на существование, если не может быть заменен машиной, а посмотрите, я хоть сейчас закажу дюжину кабинетных á la Рембрандт или женщину скопирую не хуже Карьера, поместив перед объективом неплотную сетку».

И вот живопись оказалась профессией без определенных занятий.

Зачем мы?

Самоопределение — вот основной вопрос сегодняшнего живописца.

Прежде всего область воздействия живописных произведений — зрение, только зрение.

Объявив диктатуру глаза, мы уже знаем, какое отражение зрительной жизни нужно ему.

Дублирование жизни.

Зачем? Каждый день, надрывая зрачки на кричащих красках жизни, гоняясь глазами за змеиными линиями движения, уставая над формами цифр и букв, вы хотите не новой усталости от второй такой же жизни, а отдыха игры для глаза.

Свободная игра познавательных способностей — вот единственная вечная задача искусства.

Чтоб возместить силы, которые гигантски тратите на науку, на еду, на женщин, вы от искусства потребуйте и логичную арифметику. Нет! Возьмите от жизни элементы всякого зрительного восприятия, линию, цвет, форму и, закружив их танцем под музыку сегодняшнего дня, — дайте картину.

Это требование жизни, и вот только в несоответствии с ним предложения наших художников — трагедия живописи безвременья.

Каково же отношение группирующихся сейчас в России художественных сект к этому крику жизни?

Сейчас налицо три более или менее определенных течения.

Вульгарный реализм, импрессионизм и неореализм — новшества самых различных наименований.

Первое группируется вокруг «передвижной», «периодической» и «Петербургского Салона», второе — «Союза» и «Мира Искусства», третье — «Бубнового Валета» и меняющих названия выставок Гончаровой и Ларионова: «Ослиный хвост», «№ 4» и т. д.

Оговариваюсь, деление на выставки условно, например, С. Ю. Жуковский — человек... с очень широкими «способностями» и одинаково торгует и на «Передвижной», и в «Союзе», левее — Давид Бурлюк, как настоящий кочевник, раскидывал шатер, кажется, под всеми небами... но деление на выставки — пока единственный способ классификации живущих художников.

Чтоб быть объективным, постараюсь без трепещущего уважения проходить мимо седины горящихся прошлым маститых профессоров, но и новаторам не поверю на слово, они-де молодежь, значит, и передовые, значит, и «хорошие».

Какова же физиономия сегодняшнего дня?

Вульгарный реализм.

Об этих можно бы, казалось, и не говорить совсем.

Вернисаж передвижной. Три-четыре человека, о которых не хочется говорить.

Репин, Касаткин, Богданов-Бельский — славные художники для вымирающих богаделен стариков. Живите на проценты прошлого величия. Не хотят. И вот Репин вообразил себя чуть не отцом сезона, Богданов-Бельский бросился за воздухом импрессионистов. Кому это нужно? Как у Арцыбашева, изношенная женщина хвастается, что у нее еще «спина молодая».

Л. М. БРОДСКАЯ

Рисунок Маяковского (1913 г.), хранящийся в собрании И. И. Бродского

Впрочем оставляю их, эта статья пишется не для эпатирования людей с катаром вкуса. Да и художники эти когда-то много потрудились на пользу отечественной этнографии.

Эти все-таки не интересны для нас не потому, что мелки, а просто как люди умершего времени.

Отвратительны не они, отвратительна бодрствующая передвижная, дилетанты даже своего ремесла.

Маковские, искалечившие не одну сотню молодых «академиков», с добросовестностью премированного сплетника выворачивающие жизнь передних, бесстрастно-евнушески дублирующие серенькую обывательщину.

Бодаревские, коллекционеры бюстов, выписывающие для отдельных кабинетов и номеров для приезжающих без вывески купальщиц, натурщиц и пр. бедра.

Это уже противно по-настоящему, как любовь Передонова. Помните: «тепленькая, чуть-чуть трупцем припахивает».

Мне скажут: охота говорить о них, ведь давно на эти выставки приходит только какой-то чиновник с флюсом, два приказчика рыбной лавки да десятка три-четыре несовершеннолетних под наблюдением живо интересующихся кухарок. Да, у нас это так, но возьмите провинцию. Пока развозят только одну передвижную, вся эта пошлость законодательница вкуса. Вот почему с особенными удовольствием хочется кричать, кричать и кричать: у них нет искусства, потому что они картинами пользуются для дешевого рассказа или копируют всевозможную порнографию для любителей сала.

Вот с этим подражанием природе исключительно для выразительности рассказываемого анекдотца боролись первые русские импрессионисты во главе с Мусатовым. Его работы показывали возможность искания. Результат — свет и воздух. Это могло верно привести хотя бы к нахождению элементов живописи — цвет, линия и форма как самоценные величины. Но продолжатели русского импрессионизма взяли не метод работы, а его результаты. Как академики заучили правила списывания, эти заучили условные цвета, заимствовали проблески стилизации. И вот, «когда меж собой поделали наследники царство и трон, то новый шаблон, говорили, похож был на старый шаблон».

Вот, например, К. Коровин. Человек выжил¹ много лет тому назад определенные краски, сделал этюд, понравившийся всем, с тех пор так же и пишет, не изучая жизнь, а варьируя свои картины. Все этюды, этюды и этюды. Тени синие, моря зеленые, розы розовые, и все одинаково. Говорят: это ничего. Коровин по призванию декоратор, но в том-то и дело, что декорации его — это тоже размашистые этюды, только увеличенные в несколько сот раз.

Еще более ужасающая одинаковость — С. Ю. Жуковский. Этот прямо, должно быть, написал квадратную версту полотна и разрезал на различных размеров картинки, а когда нескольким нравится одна и та же, он переписывает. Такой добрый, никогда не обидит.

И в самом своем основании это те же передвижники-фотографы — только голубые.

Впрочем есть среди них и совсем добросовестные — Архипов, Васнецов, Туржанский — так этим сам Волков позавидует.

Эти хоть не мудрствуют лукаво — труженики-мужики современного искусства. Прочно и крепко привязались к многооборотному «Союзу».

Опаснее «Мир Искусства».

¹ Вероятно следует читать «выжал» (из тюбиков). Статья в «Новой Жизни» вообще набрана небрежно, и все явные опечатки нами исправлены. — Р е д.

Если союзники, взяв подновленные приемы, пустились в старую работу, то эти иначе играют в молодость.

Берут старые, истасканные приемы, чтоб выразить идею, тему новой жизни.

Это тоже передвижники, но только бытописатели.

Бенуа, Добужинские, Кустодиевы дали столько иллюстраций городу.

Все это может вызвать интерес у историка, у знатного иностранца, интересующегося Россией, одним словом, у любого, только не у человека, ищущего живописи.

А над всем этим нависли тучей портреты и портреты, прямо, как будто каждая выставка держит для скучающих гостей альбомы фотографических карточек знакомых. И не к одному портрету художник не подходит, как в картине, везде его интересуется только фотографическое сходство, никто, конечно, и не мечтает перейти через идеал Рембрандта или Веласкеца. Это уже карается, как кощунство. Вместе с декорациями Судейкина и других портреты — это уже чисто промышленное отделение выставок художественных фотографий и печатного дела.

На все эти позорные и дряхлые стороны живописи три года назад с бранью и задором обрушились буйные молодые.

Действительно, перед новыми словами смущенно заерзали генералы от палитры. Здорово показывают, ведь правда, все правда! Но три года прошло, теперь перед нами ежегодно эти картины, и задумаешься, что же собственно нового дано на деле? А если еще посмотришь, как кто-нибудь, ну хотя бы Кончаловский, вождь «Бубнового Валета», расписывает в театре Зимина декорации, невольно вырвется, что это не новаторы живописи, а живописные новаторы-фразеры!

Но мы не будем обращать внимания на разговоры, посмотрим на картины.

В книгах у всех у них один принцип и даже очень верный: цвет, линия, форма самодовлеющие величины..

А как в картинах?

В картинах другое.

Прежде всего в теории долой содержание, а в каталоге под каждой картиной название: «Nature morte», «Nature morte», «Nature morte». Позвольте, как же? А очень просто, — ведь содержание не важно, а значит пиши, что в голову взбредет, а так как разбираться нет охоты, то все бу-

АВТОПОРТРЕТ МАЯКОВСКОГО

С подлинника (28 декабря 1915 г.), хранящегося в собрании А. Е. Крученых

тылки, бутылки и пивные бутылки. Так и не поняли бедные, что это свобода не в крике валяй как попало, а в исследовании законов, условий размещения на холсте живописных масс. Таким образом, на практике это свелось только к двум элементарным правилам: 1) каждая вещь достойна изображения, 2) вещь для художника не цель, а только объект изучения с точки зрения цвета, линии и формы. Как видите, правила достаточные только для того, чтобы начать работу.

Это основная вина Машкова, Кончаловского, Лентулова.

Более всего говорили о своей новизне, кажется, Гончарова и Ларионов, они же и самые признанные, первая добросовестно пользуется и краской, и линией, и формой как средством и дает лапоть передвижников только более лубочно, а поэтому современно. Ларионов же каждый день придумывает новые и новые направления, оставаясь талантливейшим импрессионером. Мне всегда хочется сказать ему едкими словами молодого поэта Хлебникова: «Новаторы до Вержболова, что ново здесь, то там не ново».

Несколько человек занялись теорией: Бурлюк, Якулов (по недоразумению в «Мире Искусства») разграфливают себе алгебраические формулы грядущего искусства в рамках, вещи, которые обыкновенно держат в папках. Хорошо, если бы живописью они занимались!

А за ними полки: юноши, юноши и юноши. Мильманы, Фальки, Савенковы — имя же им легион. Подхватят каждый лозунг, насядут на него всей своей малограмотностью и пошла, и пошла. Совсем, как у Саши Черного:

«Попишу, попишу, попишу.

Попишу животом, головой и ноздрей, и ногами и пятками,

Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах,

Зарифмую все это для стиля яичными смятками,

И пойду по панели, пойду на бесстыжих руках».

И во всей русской живописи сегодняшнего дня нет ни одной картины.

Выставки — промадные папки открыток или ученических тетрадей, из которой изредка пристальным глазом отметишь рядом с мясом Бодаревского лапоть Гончаровой над двумя-тремя розами Машкова.

К сожалению, рамки статьи не позволяют сказать больше.

Однако ясно: все, именующие себя художниками, занимаются очень полезными вещами, но к живописи это имеет отношение только подготовительное. Говорю это не из зазорной мысли: лягнуть умирающего льва.

Уважая работу каждого просто как затрату силовой энергии, зная, что за каждым твоим правом быть гением в одном из часов прошлого, я только констатирую факт — современность не выражают. Ведь никто не справит свадьбу под похоронный марш, на войну не пойдут под напев танго, а в завтрашний день не пройти, ведомым бессильными стариками и старящимися. Надо окончательно освободить живопись. Из картин верблюдов, вьючных животных для перевозки «здорового смысла сюжета», мы должны сделать стаю веселых босоножек и закружить в страстном и ярком танце.

ДВА ЧЕХОВА

Конечно, обидитесь, если я скажу:

— Вы не знаете Чехова!

— Чехова?

И вы сейчас же выгашите из запыленной газетной и журнальной бумаги крепко сколоченные фразы.

«Чехов, — глубоко протянет постоголовый лирик-репортер, — это певец сумерек».

«Защитник униженных и оскорбленных», авторитетно подтверждает многосемейный титулярный советник. И еще и еще:

«Обличитель-сатирик».

«Юморист»...

А бард в косоворотке рифмует:

«Он любил людей такой любовью нежной,
Как любит женщина, как любит только мать».

Послушайте! Вы, должно быть, знаете не того Чехова. Знаки вашего уважения, ваши лестные эпитеты хороши для какого-нибудь городского головы, для члена общества ревнителей народного здравия, для думского депутата, наконец, а я говорю о другом Чехове.

Антон Павлович Чехов, о котором говорю я, — писатель.

«Подумаешь, какую новость открыл!.. — расхохочетесь вы. — Это де-тям известно».

Да, я знаю, вы тонко разобрались в характере каждой из трех сестер, вы замечательно изучили жизнь, отраженную в каждом чеховском рассказе, не запутаетесь в тропинках вишневого сада.

Вы знали его большое сердце, доброту, нежность и вот... надели на него чепчик и сделали нянькой, кормилицей всех этих забытых Фирсов, человеков в футлярах, ноющих: «в Москву-у-у».

Мне хочется приветствовать его достойно, как одного из династии «Королей Слова».

Должно быть, слишком режуши стоны горбящихся над нивами хлеба, слишком остра картина нужды, наматывающей жилы на фабричные станки только из необходимости есть, если каждого человека искусства выпрягают в лямку тащущих труд на базары пользы.

Скольким писателям сбили дорогу.

Некрасов, как вкусные сдобные баранки, нанизывал строчки на нитку гражданских идей. Толстой от «Войны и мира» лаптем замесил пашню, Горький от «Марко» ушел к программам-минимум и максимум.

Всех писателей сделали глашатаями правды, афишами добродетели и справедливости.

И всем кажется, что писатель корпит только над одной мыслью, кторую он хочет защитить, исправить вас, и что ценить его будут только, если он, объяснив жизнь, научит бороться с нею. Из писателей выуживают чиновников просвещения, историков, блюстителей нравственности. Подбирают диктанты из Гоголя, изучают быт помещиц Русь по Толстому, разбирают характеры Ленского и Онегина.

Разменяют писателей по хрестоматиям и этимологиям и не настоящих, живших, а этих, выдуманных, лишенных крови и тела, украсят лаврами.

Возьмите!

Памятник поставили не тому Пушкину, который был веселым хозяином на великом празднике бракосочетания слов и пел:

«И блеск, и шум, и говор балов,
И в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов,
И пунша пламень голубой».

Нет, на памятнике поместили: за то, что:

«Чувства добрые он лирой пробуждал».

Практический результат один: как только остропа политических взглядов какого-нибудь писателя сглаживается, авторитет его поддерживают не изучением его произведений, а силой. Так, в одном из южных городов ко мне перед лекцией явился «чин», заявивший: «имейте в виду, я не поз-

волю вам говорить неodobнительно о деятельности начальства, ну, там Пушкина и вообще!»

Вот с этим очиниванием, с этим канонизированием писателей-просветителей, тяжелою медью памятников наступающих на горло нового освобождающегося искусства слова, борются молодые.

В чем же истинная ценность каждого писателя?

Как гражданина отличить от художника??

Как увидеть настоящее лицо певца за портфелем присяжного поверенного?

Возьмите какой-нибудь факт, такой же, как сумерки, защита униженных и т. д., ну, например, дворник бьет проститутку.

Попросите этот факт художника зарисовать, писателя описать, скульптора вылепить. Идея всех этих произведений будет, очевидна, одна: дворник — мерзавец. Скорее всего эту идею зафиксирует какой-нибудь общественный деятель. Чем же будут отличаться от него мысли людей искусства?

Единственно, конечно, образом выражения.

Художник: линия, цвет, плоскость.

Скульптор: форма.

Писатель: слово.

Теперь дайте этот факт двум различным писателям.

Разница, очевидно, будет только в одном: в методе выражения.

Таким образом, задача писателя — найти формально тому или другому циклу идей наиболее яркое словесное выражение. Содержание безразлично, но так как потребность нового выражения несетя каждым этапом времени особо, то и примеры, называемые сюжетом произведения, иллюстрирующие словесные комбинации, должны быть современны.

Яснее.

Возьмите задачник Евтушевского и прочтите на первой же странице: одному мальчику дали пять груш, а другому две груши, и т. д. Конечно, вы ни на секунду не подумаете, что сегодого математика интересовала странная несправедливость, учиненная над вторым мальчиком. Нет, он взял их только как материал, чтобы привести свою арифметическую идею.

Точно так же для писателя нет цели вне определенных законов слова.

Говоря так, я вовсе не стою за бесцельную диалектику. Я только объясняю процесс творчества и разбираюсь в причинах влияния писателя на жизнь.

Влияние это, в отличие от такового же социологов и политиков, объясняется не преподнесением готовых комплексов идей, а связыванием словесных корзин, в которых вы можете по желанию передать любую идею другому.

Таким образом, слова — цель писателя. Каковы же изменения, происходящие в законах слов?

- 1) Изменения отношения слова к предмету, от слова как цифры, как точного обозначения предмета к слову — символу и к слову — самоцели.
- 2) Изменения взаимоотношения слова к слову. Быстродействующий темп жизни провел дорогу от главного периода до растрепанного синтаксиса.
- 3) Изменения отношения к слову. Увеличение словаря новыми словами.

Вот общие положения, единственно позволяющие подойти критически к писателю.

Так каждый писатель должен внести новое слово, потому что он прежде всего седой судья, вписывающий свои приказания в свод законов человеческой мысли.

Каков же Чехов как творящий слово?

Странно. Начнут говорить о Чехове как о писателе и, сейчас же забывая про «слово», начинают тянуть:

«Посмотрите, как он ловко почувствовал «психологию» дьячков с «больными зубами».

«О, Чехов — это целая литература».

Но никто не хотел говорить о нем как об эстете.

Эстет! И глазу рисуется изящный юноша, породистыми пальцами небрежно оставляющий на бумаге сонеты изысканной любви.

А Чехов? «Пшла, чтобы ты издохла,— крикнул он.— Прокля-та-я!»

Поэт! И сейчас же перед вами вырисовывается выпятившая грудь фигура с благородным профилем Надсона, каждой складкой черного глухого сюртука кричащая, что разбит и поруган святой идеал.

А здесь: «После блинов осетровую уху ели, а после ухи куропаток с подливкой. Сметана, свежая икра, семга, тертый сыр. Так укомплектовались, что папаша мой тайком расстегнул пуговики на животе».

Воспитанному уху, привыкшему принимать аристократические имена Онегиных, Ленских, Болконских, конечно, как больно заколачиваемый гвоздь, все эти Курицыны, Козулины, Комкодавленки.

Литература до Чехова, это — оранжерея при роскошном особняке «дворянина».

Тургенев ли, все, кроме роз, бравший руками в перчатках, Толстой ли, зажавши нос, ушедший в народ,— все за слово брались только как за средство перетащить за ограду особняка зрелище новых пейзажей, забавляющую интригу или развлекающую филантропов идею.

Чуть ли не на протяжении ста лет писатели, связанные одинакового жизнью, говорили одинаковым словом. Понятие о красоте остановилось в росте, оторвалось от жизни и объявило себя вечным и бессмертным.

И вот слово — потертая фотография богатой и тихой усадьбы.

Знает обязательные правила приличия и хорошего тона, течет рассудительно и плавно, как дормез.

А за оградой маленькая лавочка выросла в пестрый и крикливый базар. В спокойную жизнь усадеб ворвалась разноголосая чеховская толпа: адвокатов, акцизных, приказчиков, дам с собачками.

Коммивояжеры — хозяева жизни.

Старая красота затрещала, как корсет на десятипудовой поповне.

Под стук топоров по вишневым садам распродали с аукциона вместе с гобеленами, с красной мебелью в стиле полуторы дюжины людовиков и гардероб изношенных слов.

Сколько их!

«Любовь», «дружба», «правда», «порядочность» болтались, истрепанные, на вешалках. Кто же решится опять напялить на себя эти кринолины вымирающих бабушек?

И вот Чехов внес в литературу грубые имена грубых вещей, дав возможность словесному выражению «торгующей России».

Чехов — автор разночинцев.

Первый, потребовавший для каждого шага жизни свое словесное выражение.

Безвозвратно осмелел «аккорды», «серебристые дали» поэтов, высасывающих искусство из пальца.

Как грек тело перед гибелью Элады, лелеял слова вежливый Тургенев.

«Как хороши, как свежи были розы».

Но, боже, уже не вызовешь любовь магической фразой!

«— Отчего не любит? Отчего?»

Насмешлив спокойный голос Антона Павловича:

«— А вы его судакон по-польски кормили? А, не кормили! Надо кормить. Вот и ушел!»

Эстет разночинцев.

Позвольте, но ведь это позорно.

Быть эстетом белых девушек, мечтающих у изгороди в косых лучах заходящего солнца, быть эстетом юношей, у которых душа рвется «на бой, на бой, на борьбу со тьмой», это так, но, помилуйте, ведь эстет лабазников — это довольно некрасиво.

Все равно.

Чехов первый понял, что писатель только выгибает искусную вазу, а влить в нее вино или помой — безразлично.

Идей, сюжетов — нет.

Каждый безымянный факт можно опутать изумительной словесной сетью.

После Чехова писатель не имеет права сказать: тем нет.

«Запоминайте, — говорил Чехов, — только какое-нибудь поражающее слово, какое-нибудь меткое имя, а «сюжет» сам придет».

Вот почему, если книга его рассказов истреплется у вас, вы, как целый рассказ, можете читать каждую его строчку.

Не идея рождает слово, а слово рождает идею. И у Чехова вы не найдете ни одного легкомысленного рассказа, появление которого оправдывается только «нужной» идеей.

Все произведения Чехова — это разрешение только словесных задач.

Утверждение его — это не вытщенная из жизни правда, а заключение, требуемое логикой слов. Возьмите его бескровные драмы. Жизнь только необходимо намечается за цветными стеклами слов. И там, где другому понадобилось бы самоубийством оправдывать чье-нибудь фланирование по сцене, Чехов высшую драму дает простыми «серыми» словами:

Астров: «А, должно быть, теперь в этой самой Африке жарница — страшное дело».

Как ни странно, но писатель, казалось бы, больше всех связанный с жизнью, на самом деле один из борющихся за освобождение слов, сдвинул его с мертвой точки описывания.

Возьмите (пожалуйста, не подумайте, что я смеюсь) одну из самых характерных вещей Чехова: «Зайцы, басня для детей».

«Шли однажды через мостик

Жирные китайцы,

Впереди их, задрал хвостик,

Поспешали зайцы.

Вдруг китайцы закричали:

«Стой, лови! Ах! Ах!»

Зайцы выше хвост задрали

И попрятались в кустах.

Мораль сей басни так ясна:

Кто хочет зайцев кушать,

Тот ежедневно, встав от сна,

Папашу должен слушать».

Конечно, это автошарж. Карикатура на собственное творчество; но, как всегда в карикатуре, сходство подмечено угловатее, разительнее, ярче.

Конечно, из погони жирных китайцев за зайцами меньше всего можно вывести мораль: «Папашу должен слушать». Появление фразы можно оправдать только внутренней «поэтической» необходимостью.

Далее.

Растрепанная жизнь вырастающих городов, выбросившая новых юрких людей, требовала применить к быстроте и ритм, воскрешающий слова. И вот вместо периодов в десятки предложений — фразы в несколько слов.

Рядом с щелчками чеховских фраз витиеватая речь стариков, например Гоголя, уже кажется неповоротливым бурсацким косноязычием.

Язык Чехова определен как «здравствуйте», прост, как «дайте стакан чаю».

В способе же выражения мысли сжатого маленького рассказа уже пробивается спешащий крик грядущего: «экономия!»

Вот эти-то новые формы выражения мысли, этот-то верный подход к настоящим задачам искусства дают право говорить о Чехове как о мастере слова.

Из-за привычной обывателю фигуры ничем недовольного нытика, ходатая перед обществом за «смешных» людей. Чехова — «певца сумерек», выступают линии другого Чехова — сильного, веселого художника слова.

ТЕПЕРЬ К АМЕРИКАМ!

Довольно! В прошлом году вам нужна была желтая кофта (именно вам, а не мне), нужна была вспыльчивость, где дребезгами эстрадного графина утверждаешь правоту поэтической мысли, иначе бы у вас, у публики, не было ступени, чтоб здоровыми, спокойными войти в оглушительную трескотню сегодняшнего дня.

Много талантливейших рук работало над тем, чтоб красиво и грозно вылепить лицо теперешней России, — но всмотритесь, вы различите следы и наших пальцев!

Правда, у нас было много трюков только для того, чтоб эпатировать буржуа.

Но ведь это ж только противодействие желанию истребить нас, а значит и все молодое.

Что было?! Вдумайтесь только во всю злобу, в весь ужас нашего существования: живет десяток мечтателей, какой-то дьявольской интуицией провидит, что сегодняшний покой — только бессмысленный завтрак на подожженном пороховом погребке (ведь В. Хлебников два года назад черным по белому пропечатал, что в 1915 г. люди пойдут войною и будут свидетелями крушений государств, ведь в прошлом году в моей трагедии, шедшей в Петрограде, в театре Комиссаржевской, я дал тот самый бунт вещей, который сегодня подмечен Уэльсом), кликушески орет об этом, а в ответ — выкормленный старческий смешок «о розах надо писать, соловьях, о женщинах... Брюсова б почитали...»

Теперь не может быть места непонимающим нас!

Кому может показаться туманным язык лирика Лившица (кажется, он сейчас ранен в одном из боев в Австрии), когда жизнь приучила к ласковым змеям языка дипломатов?

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

Рисунок Маяковского, хранящийся в собрании Н. Н. Пунина

Кому покажется страшной моя речь, ударная, сжатая, — ведь сейчас только такой язык и нужен, ведь нельзя же, да и времени нет, подвозить вам сегодняшнюю всю состоящую из взрывов жизнь в тихих, долгих, бурсацких периодах Гоголя.

Теперь жизнь усыновила нас. Боязни нет. Теперь мы ежедневно будем показывать вам, что под желтыми кофтами газров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей. Сделаем так, чтоб уже никто не посмелить в наши горла воду недоверия.

И пусть каждый, выковав из стали своего сердца нож стиха, крикнет, как Хлебников:

«Сегодня снова я пойду
Туда — на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!»

И НАМ МЯСА!

Солдаты, я вам завидую!

Вам хорошо!

Вот на ободранной стенке отпечаток пятерни шрапнели ключьями человеческих мозгов. Как умно, что к глупому полю приделали сотни обрезанных человеческих голов.

Да, да, да, вам интереснее!

Вам не нужно думать, что вы должны Пушкину двадцать копеек и почему Яблоновский пишет статьи.

Впрочем, это из другого!

Стихов, стихов, миллиард стихов (это вчера).

Радостно зашаркали в прихожей два миллиарда поэтовых ног, но...

Вошел Маяковский.

И почему это боязливо прячут многие бесполох детей худосочных муз.

Объяснимся.

Говорят, что я футурист?

Что такое футурист? Не знаю. Никогда не слыхал. Не было таких. Вам про это рассказала m^{lle} Критика. Я «ее»!

Вы знаете, есть хорошие галоши, называются «Треугольник».

И все-таки ни один критик не станет носить этих галош.

Испугается названия.

Галоша, объяснит он, должна быть продолговато-овальная, а тут написано «Треугольник». Это ногу жать будет.

Что такое футурист — марка, как «Треугольник».

Под этой маркой выступал и тот, кто вышивал:

«Вчера читала я, Тургенев
Меня опять зачаровал»,

и оружие, как хлысты на радении,

«Дыр, бул, шир...»

И даже марка-то «футуристы» не наша. Наши первые книги — «Садок судей», «Пощечина общественному вкусу», «Требник троих» — мы назвали просто — сборники литературной компании.

Футуристами нас окрестили газеты. Впрочем, ругаться не приходится. Смешно, еслиб Вавила кричал: «Отчего я не Евгений?» Какая разница?!

Футуризм для нас, молодых поэтов, — красный плащ торреадора, он нужен только для быков (бедные быки! — сравнил с критикой).

Я никогда не был в Испании, но думаю, что никакому торреадору не придет в голову помахивать красным плащом перед желающим ему доброго утра другом. Нам тоже не к чему на добродушное лицо какого-нибудь земского барда наколачивать гвоздями вывеску.

Во всех наших манифестациях первым стояло на знамени:

«Всякое творчество свободно». Приходите!

Встретим достойно каждого. Лишь бы между его глазами и жизнью не маячила тучная фигура Апухтина, лишь бы чист был язык, а не изъеден фразами «маститых».

Сегодняшняя поэзия — поэзия борьбы.

Каждое слово должно быть, как в войске солдат, из мяса, здорового, красного мяса!

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И ДАВИД БУРЛЮК

С фотографии (1914 г.), опубликованной в газете «Новь» со следующей подписью: «Провозвестники» русского футуристического движения Маяковский и Давид Бурлюк готовятся к выступлению».

У кого это есть — к нам!

Нет нужды, что мы бывали несправедливы.

Когда в авто мчишься сквозь сотни преследующих врагов, нечего сантиментальничать: «Ах, под колеса попала курица!»

Наша жестокость дала нам силу, ни разу не сдавшись жизни, нести наше знамя.

Свобода творить слова и из слов.

Ненависть к существовавшему до нас языку.

С негодованием отвергать из банных веников сделанный венок грошовой славы.

Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

НЕ БАБОЧКИ, А АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Пора показать, что поэты не хорошенькие бабочки, созданные к удовольствию «полезных», обывателей, а завоеватели, имеющие силу диктовать вам свою волю.

Конечно, то, что вы считаете за поэзию, — на толстой странице богатенького журнальчика пляшущий в коротенькой юбочке Бальмонт, — надо в военное время запрещать, как шантан и продажу спиртных напитков.

Я говорю о поэзии, которая, вылившись подъемом марша, необходима солдату, как сапог, — о той, которая приучив нас любить мятеж, жестокость, правит снарядом артиллериста.

Сначала о поэзии-прислуге:

«Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе
И душ изнеженных отрада,¹
Духи в граненом хрустале».

И

«Иду вперед: простор и даль,
Лазурь прозрачна небосклона,
Точь-в-точь бумага Рис Рояль,
Что в чудных гильзах Викторсона».

Дактилоскопический оттиск!

Как близко сошлись свободные пальцы барда с наемной рукой Михея!
Для старой поэзии здесь нет ничего позорного.

Деревенская Россия была так нища, что поэтов хоть в сельские учителя отдавай.

Так, бедному Некрасову пришлось поступить в сельские старосты, а Надсону — выступать на студенческих вечерах.

Тогдашняя Россия требовала от поэтов одного: скорее развезить в легоньких дрожках заученных размеров сведения о российской торговле и промышленности и тюки гражданских идей.

Если теперь притти к вам и сказать: «Я вот поэт, извольте»:

«Стонет в собственном бедном домишке
Свету божьего солнца не рад...»

Вы руками замахаєте. «Встаньте. — скажете, — исследование экономического положения трудящегося крестьянства взяла на себя политическая экономия». Сегодняшняя городская жизнь характеризуется вышшим разделением труда.

Профессия должна точно определить цель своего напряжения.

Цель поэта — слово.

Причина действия поэта на человека не в том, что стих его — чемодан для здравого смысла, а в способности находить каждому циклу идей свое исключительное выражение.

Сейчас в мир приходит абсолютно новый цикл идей. Выражение ему может дать только слово-выстрел.

Этого не хотят понимать старые. Занялись описыванием фактов.

Когда-то в прабабушкинские времена поэт, верный списывателю быта, заносил:

«Кричали женщины ура
И в воздух чепчики бросали»,

¹ У Пушкина (Евгений Онегин) текст третьей строки иной: и чувств изнеженных отрада. — Р е д.

а Брюсов с таким же аршином подходит к сегодняшним событиям:

«Бросали польки хризантемы
Ротам русских радостных солдат».

Господа, довольно в белом фартуке прислуживать событиям!

ДАВИД БУРЛЮК

Рисунок Маяковского, хранящийся в собрании К. И. Чуковского

Вмешайтесь в жизнь!

Мы сильнее, мы вам поможем!

Ведь дорогу к новой поэзии завоевали мы, первые заявившие:

— Слово — самоцель.

КАК БЫ МОСКВЕ НЕ ОСТАТЬСЯ БЕЗ ХУДОЖНИКОВ

Мюнхен: двадцать шесть тысяч зарегистрированных художников!..

Париж: пятьдесят тысяч художников!..

Что это?? Мировые оранжереи искусства? Нежнейшие орхидеи, умеющие рождаться только под небами Ниццы?

Ничего подобного! Это самые обыкновенные русские!

Один мой приятель скульптор, колся по немецкому искусству, остановился перед каким-то его «шедевром», кажется, медной дебелой дамой, именуемой «Бавария». Моему приятелю, человеку порядочному, конечно, не оставалось ничего лучшего, чем отозваться несколько крепко по адресу этого бездарного безвкусица. Человек деликатный, он сделал это по-русски, щадя национальное самолюбие дюжины джентльменов с рисовальными папками, расположившихся вокруг. Велико было его смущение, когда в ответ — гомерический хохот: все эти, пофыкивающие трубками, были наши соотечественники, ученики немецких академий.

Заграничные поездки, освещенные как высшая награда всеми нашими академиями, университетами, консерваториями, сделали то, что русские копируются на мировой бирже «искусства» не как великие, обновляющие мир, а как вечные ученики.

Опять и опять приходит на язык эпиграмма Хлебникова:

«Новаторы до Вержболова,

Что ново здесь, то там не ново!»

Господа, неужели вас не гнетет:

Величайший русский скульптор Паоло Трубецкой не умеет говорить по-русски!

Л. Бакст получил звание академика в Петрограде за то, что в салоне Пуаре дает лучшие выкройки парижских мод!

Я знаю наверное, что, конечно, многие из будущих талантов каким-нибудь из бесчисленных августов гуляли по этой самой Москве в чаянии найти место, где можно учиться у родных родному искусству, и над потертой плисовой курткой добродушно смотрело русское веснушчатое лицо туляка или калужанина.

Кто же их тянет к Штукам и Кормонам?

Тянет их то, что в Москве нет академии художеств.

Есть только художочная маленькая школка, называющаяся Училище живописи, ваяния и зодчества.

Найти это затерянное на Мясницкой учреждение было б даже немислимо, если б его не спасло одно незначительное обстоятельство: училище против известного всем почтамта. Поэтому-то только и не потерялось. Говоришь извозчику: «Мясницкая, против почтамта», он и находит.

Чем же в этом таинственном училище занимаются? На этот вопрос ответить очень легко, но лучше сначала узнайте, чем в нем не занимаются.

Прежде всего в нем никто и никогда не писал картин, да и не мог писать. Писание картин — это знание о том, как расположить на холсте красочные пятна, какую дать этим пятнам форму и как их отнести друг к другу. Это первая, главная наука, называемая композицией, — так вот классов, посвященных ей, нет совершенно. Даже домашние эскизы сделали обязательными только какой-то месяц назад.

Отсюда (пройдите по ежегодным отчетным выставкам училища или по ученической, открывающейся 25-го) потрясающая одинаковость: не изучая основ чужого стиля, нельзя найти своего лица.

Далее: нет классов, изучающих движение как анатомическое (отсюда безграмотность), так и движение взгляда на задачи искусства вообще

(отсюда мертвость идей красоты и неспособность найти, наконец, искусство, характеризующее Россию).

Нет работы по изучению материалов, т. е. того, что, балзамируя картины, делает художника бессмертным.

В то время как Веласкеца можно видеть всего до последнего кокетливого рубина, у Врубеля за несколько лет «Демон» из лилового сереет вследствие полного изменения краски.

Нет... Одним словом, нет ничего, чему можно учить. Нет науки искусства.

Чему же учат?

Как раз тому, чему нельзя учить!

Вкусу искусства.

Копируют, копируют, без конца копируют натуру, но так как нет ученой подготовки, то на это списывание приходится смотреть не с точки зрения школы, а как на «искусство». Прилагая же критерий «красиво» вместо «верно», преподаватели вкладывают в еще беззубый рот ученику свой пережеванный вкус, совершенно не заботясь о том, не покажется ли после этого несчастному даже радостная вкусная весна коричневой и горькой, как пастернак?

Что это именно так, доказывается фактом: после смерти В. А. Серова класс портрета передали... Коровину.

Позвольте, как Коровину!.. Ведь он в жизни портретов не писал. Раз попробовал написать Шаляпина, выставил на «Союзе» красочный этюд, где к кулаку-голове были приставлены ноги, громадные, как у памятника Пушкину, — так даже безобидные ученики смеялись!

В том-то и дело, что училище, ставя задачей «вкус», считает себя в праве дать в руководители портретистам пейзажиста-декоратора.

Что делать ученику?

В лучшем случае он может усвоить недурный чужой вкус, да и то не чей-то собственный, большой, русский, а вывезенный из-за границы; теперь, когда заинтересовались идеями национального искусства, ведь видят, что Шишкин например добросовестнейший немец, рабски подражавший Мюнхену. Далеко ли время, когда у остальных спросят: «Простите, вы русский?» Тогда придется переломать в училище гипсы, снести в подвал копии с иностранцев (как это сделали в Мюнхене с Шишкиным) и вернуться к изучению народного творчества.

Итти от жизни, а не от картин.

До сих пор «свободные художники» училища внимательно следили за добрым настроением училищных умов: лишили ученика всякой борющейся самостоятельности.

Запрещено выставлять картины на общих выставках (еще бы, неумелости-то без людей спокойнее!), запрещено выступать на всяких публичных собраниях, посвященных искусству (еще бы, вдруг догадаются, что какой-нибудь «маститый» просто фотограф Фишер!).

Конечно, с этим не мирились, и каждый год десятки изгнанных или ушедших добровольно выправляют заграничные паспорта.

Расчет верный: если все равно приходится учиться чужому, то хоть брать его из первых рук.

И...

Мусатов признан был только проштемпелеванный Парижем...

Гончарову повозили за границей (кажется, признавать начинают?!).

Бялыницкий-Бируля подписывается по-французски.

Разъездились!

Но кому нужно это приглашенное Европой искусство?

Печально, а все-таки прав Щукин который, собрав громадную галлерею не купил ни одной картины русского художника.

Хоть теперь, когда граница закрыта, надо откопать живописную душу России, надо вместо лириков, пейзажистов с настроением — оружейных мастеров знания.

Молодые!

Боритесь за создание новой свободной академии, выйдя из которой могли бы диктовать одряхлевшему Западу русскую волю, дерзкую волю Востока!

А то, что это за: «Мясницкая, против почтамта!»

ПОЭЗОВЕЧЕР ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

О поэзии Игоря Северянина в о о б щ е сказано много. У нее много поклонников, она великолепна для тех, чей круг желаний не выходит из пределов:

«Пройтись по Морской с шатенками».

Но зачем-то ко всему этому притянута война. Впечатление такое: люди объаты героизмом, роют траншеи, правят полетами ядер, и вдруг из толпы этих «деловых» людей хорошенький голос: «крем де виолет», «ликер из банана», «устрицы», «пудра». Откуда? Ах да, это в серые ряды солдат пришла маркитантка. Игорь Северянин — такая самая маркитантка русской поэзии.

Вот почему для выжженной Бельгии, для страдальца Остенде у него только такие «кулинарные» образы.

«О, город прославленных устриц!»

Поэтому и публика на лекции особенная, мужчины котируются как редкость: прямо дамская кофейная комната у Мюра и Мерилиза.

Публики для военного времени много.

Нетерпеливо выслушан бледный доклад Виктора Ховина, ополчившегося на воинственный итальянский футуризм и пытавшегося теоретически обосновать воспевание «гурманства» и «трусости», о которой дальше про-скандировал Северянин:

«Да здравствует святая трусость

Во имя жизни и мечты!»

После вышел «сам». Рукоплескания, растущие с каждым новым стихотворением. Еще бы: «это — король мелодий, это — изящность сама». Увлекаются голосом, осанкой, мягкими манерами, — одним словом, всем тем, что не имеет никакого отношения к поэзии. Да в самом деле, не балерина ли это, ведь он так изящен, ну, словом,

«Летит, как пух из уст Эола:

То стан совет, то разовьет

И быстрой ножкой ножку бьет».

БЕГОМ ЧЕРЕЗ ВЕРНИСАЖИ

Для москвичей рождественская неделя — неделя вернисажей. Чуть ли не над каждой квартирой, способной вместить пятьсот полотен, взвиваются всецветные флаги, как будто в город въехали посольства каких-то фантастических государств. Теперь время, когда к каждому государству, даже когда-то дружелюбному, приглядываешься с опаской — как бы не ограбило; вот почему и к этим послам красочных держав подходишь забронированный недоверием.

Только, пожалуйста, не подумайте, что я — критик.

Я видел одного «критика» на вернисаже «Союза»: он так пристально уткнулся в пейзаж Жуковского, что я его заботливо попросил: «Пожалуйста, отойдите немножко, вы же нос можете в его голубеньких красочках вымазать, если картина не высохла».

Ужас профессиональной критики в том, что она в лучшем случае видит только саму картину, ни с чем ее больше не сравнивает и так вот из года в год пишет: «В этом году Л. О. Пастернак написал себя в шубе; художник превосходно почувствовал мягкий рисунок каракуля; это, мол, хорошо; видно, что двигается вперед, а то в прошлом году он себя писал в сером пиджаке, а в позапрошлом — на балконе». Так высохла критика и стала бесстрастным каталогом картин.

В картинах запутались, как пошехонец в трех соснах, и не видят за нами леса — искусства.

Вот публика — это дело другое.

Меньшевик от футуризма Игорь Северянин.

КАРИКАТУРА (1917 г.), ОПУБЛИКОВАННАЯ В «ЖУРНАЛЕ ЖУРНАЛОВ»

Большевик от футуризма В Маяковский.

КАРИКАТУРА (1917 г.), ОПУБЛИКОВАННАЯ В «ЖУРНАЛЕ ЖУРНАЛОВ»

Она смотрит на искусство не как на массу безделушек, годных только для коллекционирования, а как на пророка, диктующего миру светлые законы грядущей жизни.

Что же нужно человеку и что ему дают?

Сейчас человек вышел из поры какого-то самоедского пережевывания самого себя, — ему нужно искусство, отмеченное сегодняшней всечеловеческой трагедией, чтобы под него, как под вдохновляющий боевой марш, стоило сражаться, не заботясь о себе.

Посмотрите идущих на вернисажи: вот девушка, ее помогающая рука отмечена благородным крестом, мужчины — в мундирах воина, а со стены плакаты с криком: «Помогите раненым» опять напоминают, что много уже художников пало под пулями и много траурных вдов!

Открывает ли им какую-нибудь радость, заменяет ли хоть одну потерю чем-нибудь великим сегодняшней художник?

Берите блиндированный авто и — по выставкам!

«Союз».

Это — самое ласковое государство и самое крепкое.

«Союз» — это накипь после все-таки бунтовавшей в свое время «Передвижной», слегка подмешанная вульгарными правилами западного импрессионизма: голубенький воздух, целые краски.

Но если у «Передвижной» была в прошлом борьба, вызов, брошенный академии уходом не желавших подчиниться изжитому классицизму молодых, то у этих не было никакого искания... Это — эклектики. Взяли готовые, нравящиеся публике приемы от всех течений и приспособили их к выделыванию хорошеньких картинок.

Единственный больной нерв этих художников — боязнь не нравиться.

Впрочем, с этим нервом они великолепно справились, выставляя в продолжение двенадцати лет одинаковые, совершенно одинаковые картины. Эта общая признанность куплена ими ценою низведения живописи до обойного ремесла.

Скучны и этот вечный «дачник» С. Ю. Жуковский, и аленький с розовеньким К. Коровин, перенесший в станковую живопись «Гайда, тройка» декоратора. Да, под этим флагом — «зеленый с белым» — примостились посылы вульгарного вкуса из державы прочного благополучия.

«Передвижная».

Проходишь по унылым залам, как по газетной передовице: все мораль и идеи.

Конечно, быть строгим к этой выставке неуместно. Невольно вспомнишь строчки из автобиографического стихотворения Бальмонта:

«Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна
И что царственно величье холодеющих могил».

Возвышенные столицы это поняли, посылают передвижникам только скукающих институток под надзором классных дам. Вдруг где-нибудь в Таганроге подумают, что эти три приторные и сальные очередные львицы Бодаревского и есть настоящее лицо ищущей красоты России.

Флаг «желтый, лиловый и белый».

Смотришь на его древко и боишься — вдруг зашатается, выползет из-под него костлявый мертвец и завоюет по Гоголю:

«Ох, душно мне, душно!»

Думаешь рассеять чувство скуки хоть выставкой «Московского общества художниц»: все-таки молодое общество, к тому же феминизм, такие размеры, ведь должен же дать что-нибудь яркое.

Может быть, осуществилась мечта Северянина:

«Въезжает дамыя кавалерия
Во двор дворца под алый звон!»

Идешь. Есть хорошие картины. Смотришь каталог: Илья Машков, Казимир Малевич.

Позвольте, да это ж мужчины! А все остальное — букетики в круглых золоченых рамочках!

Грустно, если

«Так процветает Амазония,
Вся состоящая из дам!»

Отчего нет значительного молодого искусства?

Ведь есть же юноши, еще не тронутые ни жаждой быть украшением гостиной, ни сединой маститых.

Вот они!

Выставка Училища живописи, ваяния и зодчества.

Сначала удивляешься, отчего вернисаж — в первый день праздников: ведь в этот день люди делятся обычно на визитеров и сидящих дома. Спросил обличенного в вельвет ученика.

— Эх! — мрачно махнул он рукой. — Все равно к нам настоящая публика не пойдет.

Отчего?

Оттого, что ежегодная чистка училища от сколько-нибудь проявляющих самостоятельность учеников сделала ученические картины или робкими классными этюдами с натурщика, или более или менее добросовестной копией с профессора.

Рассматривать их можно только по группам: вот группа под К. Коровина, вот — под А. Васнецова.

Под этим «зеленым и желтым» флагом — ненужная, уже должна быть пройденной азбука.

Конечно, есть на выставках подтверждающие критику исключения: Крымов — в «Союзе», Келин — портреты на «Передвижной», Машков... хорошо, но случайно.

Придут молодые, сильные художники и заставят отозвать послов из этих враждебных хорошеньких государств.

А пока ненужно и старчески-зло смотрят эти вывески ушедшей молодости.

«Передвижная» — 43 года.

Ученическая — 36 лет...

О РАЗНЫХ МАЯКОВСКИХ

I

Милостивые государыни и милостивые государи!

Я — нахал, для которого высшее удовольствие ввалиться, напялив желтую кофту, в сборище людей, благородно берегущих под чинными сюртуками, фраками и пиджаками скромность и приличие.

Я — циник, от одного взгляда которого на платье у оглядываемых надолго остаются сальные пятна величиною приблизительно в десертную тарелку.

Я — извозчик, которого стоит впустить в гостиную, — и воздух, как тяжелыми топорами, занавесят словища этой мало приспособленной к салонной диалектике профессии.

Я — рекламист, ежедневно лихорадочно проглядывающий каждую газету, весь надежда найти свое имя.

Я — ... Так вот, господа, пишущие и говорящие обо мне, надеюсь после такого познания вам уже незачем доказывать ни в публичных диспутах, ни в проникновенных статьях высокообразованной критики, что я так мало привлекателен.

ФОТОГРАФИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО, ОПУБЛИКОВАННАЯ В СТАТЬЕ «О РАЗНЫХ МАЯКОВСКИХ»

Таков вот есть Владимир Владимирович Маяковский, молодой человек двадцати двух лет.

Желающих еще больше укрепить уверенность в справедливости моих слов прошу внимательно изучить прилагаемую при этой статье фотографическую карточку: микроцефала с низким и узким лбом слабо украшает пара тусклых вылинявших глаз.

К этому убийственному заключению я пришел вовсе не для того, чтоб лишить честного заработка своих же товарищей по перу, а просто это так и есть.

Но, черт возьми, какое вам до всего этого дело?

Когда вы смотрите на радугу или на северное сияние, вы их тоже ругаете? Ну, например, за то, что радугой нельзя нарубить мяса для котлет, а северное сияние никак не пришить вашей жене на юбку? Или, может быть, вы их ругаете вместе и сразу за полное равнодушие к положению трудящихся классов Швейцарии?

Считая вас всех за очень умных людей, полагаю, что вы этого не должны были бы делать.

Не делайте потому, что у радуг есть свои определенные занятия, выполняемые ими талантливо и честно.

Так, пожалуйста, изругав нахала, циника, извозчика двадцати двух лет, прочтите совершенно незнакомого поэта Вл. Маяковского.

II

Милостивые государины и милостивые государи!

Не правда ли, только убежденный нахал и скандалист, исхищряющий всю свою фантазию для доставления людям всяческих неприятностей, так начинает свое стихотворение:

Вы мне — люди,
И те, что обидели,
Вы мне всего дороже и ближе.
Видели,
Как собака бьющую руку лижет?

А не для того ли только нож хулигана заносится над детищами тех поэтов, которые не мы, — чтоб от упивания сюсюканьем расслабленных каждый из вас перешел к гордости и силе?

Нам, здоровенным,
С шагом саженным,
Надо не слушать, а рвать их,
Их,
Присосавшихся бесплатным приложением
К каждой двуспальной кровати.
Нам ли смиренно просить — помоги мне
Молить об гимне, об оратории?
Мы сами творцы в горящем гимне,
Шуме фабрики и лаборатории.
Слушайте!

Рекламист?! Разве он не только для того позволяет назвать себя Заратустрой, чтоб непреложные были слова, возвеличивающие человека?

Слушайте!
Проповедует, мечась и стена,
Сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!

Мы,
С лицом, как заspanная простыня,
С губами, обвисшими, как люстра,
Мы,
Каторжане города — лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу,
Мы чище венецианского лазорья,
Морями и солнцами омытого сразу.
Плевать, что нет у Гомеров и Овидиев,
Людей, как мы —
От копоты в оспе.
Я знаю,
Солнце б померкло, увидев
Наших душ золотые россыпи.
Жилы и мускулы просьб верней.
Нам ли вымаливать милостей времени?
Мы каждый держим в своей пятерне
Миров приводные ремни.

Подумайте, если не устает непонимаемый и непринятый вытаскивать и
вытаскивать строчки, — то не потому ли только, что знает: ножами будут
они в ваших руках, когда крикнут:

Идите голодненькие, потненькие, покорненькие,
Закисьте в блохастом грязненьке,
Идите.
Понедельники и вторники,
Окрасим кровью в праздники,
Пускай земле под ножами припомнится,
Кого хотела опошлить,
Земле, обжиревшей, как любовница,
Которую вылюбил Ротшильд.

Что же? — и освистанным быть не обидно ведь:

Я, проходящий у сегодняшнего племени,
Как длинный скабресный анекдот,
Вижу идущего через горы времени,
Которого не видит никто.

И если для его прихода надо, чтоб:

Это взвело на Голгофу аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
И не было ни одного, который
Не кричал бы:
Распни,
Распни его!

все равно нахалу, цинику, извозчику и рекламисту одна радость знать —

Когда, приход его мятежом оглашая,
Выйдете радостные,
Вам я
Душу вытащу,
Растопчу,
Чтоб большая,
И окровавленную дам, как знамя.

Милостивые государины и милостивые государи!

Строчки стихов взяты из второй трагедии поэта Маяковского — «Облако в штанах».

Всю книгу, обрадованные, прочтите, когда выйдет.

Выйдет в октябре.

Страшно заинтересованные читатели, которым, конечно, трудно будет ждать до октября, могут читать журнал «Взят», — он выйдет значительно раньше.

Это будет великолепный журнал русского футуризма.

Не правда ли, какой тонкий переход от поэта Маяковского к молодому человеку двадцати двух лет?

Все-таки как будто такой развязный тон недостойн поэта? А мне какое дело? Вы, которые думаете иначе,

Как вы смеете называться поэтом

И, серенький, чирикать, как перепел?

Сегодня надо кастетом

Кроиться миру в черепе.

КОММЕНТАРИИ

I

Русский футуризм распадался на четыре основных группировки: футуристы «Гилея» (Давид и Николай Бурлюки, Хлебников, Каменский, Маяковский, Крученых, Гуро, Лившиц и др.), «Ассоциация эго-футуристов» (Игорь Северянин, Игнатьев, Олишвин, Гнедов и др.), «Мезонин поэзии» (Шершеневич, Большаков, Ивнев, Третьяков и др.) и «Центрифуга» (Бобров, Асеев, Пастернак, Божидар и др.).

Враждовавшие друг с другом футуристические объединения неоднократно пытались блокироваться (таковы, например, временные союзы между «Мезонином поэзии» и «Ассоциацией эго-футуристов» или выступление Игоря Северянина совместно с футуристами «Гилея» в сборниках «Рыкающий Парнас» и «Молоко Кобылиц»).

Самой ранней из футуристических группировок были «будетляне», впоследствии называвшие себя футуристами «Гилея» (они же кубо-футуристы). Группа эта возникла в 1909 г. одновременно с итало-французским футуризмом (но совершенно независимо от него).

Основателями объединения «будетлян» были братья Бурлюки, Каменский, Хлебников и Елена Гуро. В конце 1911 г. к ним присоединились Маяковский и Крученых.

Эго-футуризм как литературное направление сформировался в 1911 г. после выхода брошюры Игоря Северянина «Пролог» и основания «Академии эго-поэзии»¹. Группа «Мезонин поэзии» просуществовала немногим больше одного года (возникла летом 1913 г., распалась весной 1914 г.). Главные ее деятели — Шершеневич и Большаков — перешли в лагерь «гилейцев».

Позже всех — в 1914 г. — появилась группа «Центрифуга».

Приезд вождя итало-французского футуризма Ф. Т. Маринетти в Россию (27/I 1914) наглядно вскрыл принципиальные расхождения между русским и итальянским футуризмом.

Наиболее непримиримую позицию заняли Велимир Хлебников и художник-футурист Михаил Ларионов, заявивший в интервью с сотрудником газеты «Раннее Утро» (М., 1914, № 20, 25/I):

«Я лично не предполагаю забрасывать Маринетти тухлыми яйцами, не предполагаю и подносить ему букетов. В него уже достаточно бросали яйцами!.. Но если другие сделают это, то будет нормально».

Хлебников выпустил к приезду Маринетти в Петербург листовку, подписанную также Б. Лившицем и начинающуюся словами:

«Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства по пути свободы и чести и склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы».

¹ Впервые термин «эго-футуризм» появляется в брошюре Северянина «Ручьи в ладнях» (СПБ, 1911).

Футуристы «Гилея» письмом в редакцию газеты «Новь» (№ 19 от 5/II 1914) отмежевались от Маринетти, указывая, что «пути развития молодой русской литературы продиктованы историческим обособленным строем русского языка, развивающегося вне какой-либо зависимости от галльских русл».

Письмо было подписано Бурлюками, В. Каменским, Маяковским, Матюшиным, Крученых, Лившицем, Низен, Велимиром Хлебниковым.

Однако уже 15 февраля в «Нови» появилось опровержение, подписанное Маяковским, Шершеневичем и Большаковым:

«Под кличкой «русские футуристы» — группа, объединенная ненавистью к прошлому, но люди различных темпераментов и характеров. Оставляя в стороне слоновью игривость с фразами «тухлые яйца», «перонный букет», мы высказываем свое мнение о встрече Ф. Маринетти и наших к нему литературных отношениях. Отрицая всякую преемственность от итало-футуристов, укажем на литературный параллелизм: футуризм — общественное течение, рожденное большим городом, который сам уничтожает всякие национальные различия. Поэзия грядущего — космополитична.

Вот и вся сказка об учителях и учениках.

Авторами письма от 5 февраля были гг. Д. Бурлюк и В. Каменский, подписями же остальных, очевидно, воспользовались, как цитатой. Насколько это допустимо, обратитесь к совести авторов.

Константин Большаков,
Владимир Маяковский,
Вадим Шершеневич.

Сам Маринетти в нескольких частных беседах и эстрадных выступлениях дал отрицательную оценку теории и практики крайних футуристических группировок. Словотворческие тенденции кубо-футуристов он охарактеризовал как «плюскамперфектизм», а поэзию Хлебникова назвал «речью доисторического периода».

«Я замечаю большие различия между нашим и русским футуризмом, — говорил в Петербурге Маринетти своему другу Н. И. Кульбину. — Мы очень земные, — в этом наша сила и, может быть, слабость. Русские же футуристы слишком отвлечены, и в этом их сила, а может быть, и слабость» (Р. [омауада] Бодуэн де Куртене, «Галопом вперед», «Вестник Знания», СПб, 1914, № 5, стр. 560).

Гораздо точнее сформулировал расхождение русского и итальянского футуризма Н. И. Кульбин — один из первых теоретиков левых течений в России:

«Важнейшее различие... между итальянским и русским футуризмом состоит в том, что первый главным образом явление общественное, культурное (слишком много в нем политики — с националистическим оттенком) и преимущественно обращает внимание на сюжет произведения; у русских же на первое место выдвинулись эстетические переживания и больше внимания уделяется форме произведения...» (там же, стр. 360).

II

Еще напряженнее, чем в поэзии, происходил процесс развития левых течений в живописи.

Поэты-будетляне боролись за новое искусство в теснейшем союзе с левыми художниками — кубистами. Все издания футуристов «Гилея» иллюстрировались мастерами левой живописи.

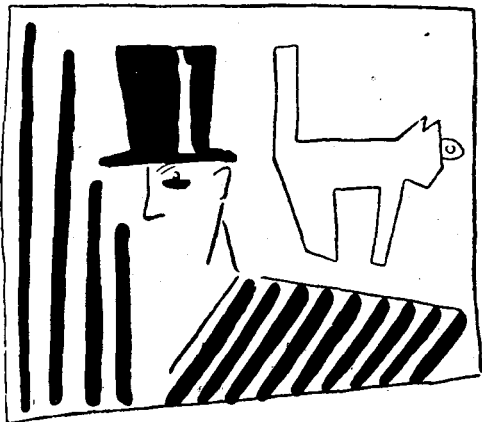
С марта по декабрь 1913 г. группа Давида Бурлюка входила как поэтическая секция в общество художников «Союз Молодежи».

Журнальная кличка «кубо-футуристы» с исторической точки зрения вполне оправдана. Между живописью и поэзией кубо-футуристов существовало непрерывное взаимодействие.

Понятие «фактуры слова», «шероховатой занозистой поверхности», «сдвигов» и пр. целиком заимствованы из теории кубизма (ср. аналогичные опыты кубического синтаксиса у французских футуристов: «Calligrammes» Гильома Аполлинера и др.).

Столкновение и пересечение смысловых и звуковых планов в футуристических стихах связаны с опытами сдвинутой живописной конструкции и развертывания предметов на картинной плоскости.

В 1910 г. открылась в Петербурге первая выставка «Союз Молодежи» (Школьник, Филонов, Спандиков и др.). Зимой 1910/11 г. в Москве был вернисаж «Бубнового Валета». В выставке этого объединения участвовали: И. Машков,

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Футуристический рисунок работы Давида Бурлюка (1914 г.).

П. Кончаловский, А. Лентулов, М. Ларионов, Н. Гончарова, Давид и Владимир Бурлюки, В. К. Кандинский, Р. Фальк и др.

Несколько позднее возникло объединение «Ослиный Хвост» (1911/12) и «Мишень» (1912/13), возглавляемое Михаилом Ларионовым и Наталией Гончаровой, отколовшись от «Бубнового Валета».

Ларионов выдвинул на смену кубизму теорию «лучизма», и дело дошло до того, что «бубновалетцы» стали упрекать его... в новаторстве.

В 1911 г. Маяковский намеревался сделаться профессиональным живописцем. Он сам полусаркастически вспоминает об этом периоде в своих автобиографических заметках¹.

«Учился у Жуковского. Вместе с какими-то дамочками писал серебрянькие сервизики. Через год догадался — учусь рукоделию. Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся.

Требование — мастерство, Гольбейн. Терпеть не могущий красивенькое...».

Поконув мастерскую Келина, Маяковский поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, где он познакомился с обучавшимися там Давидом Бурлюком². Бурлюк занимался в натурном классе Пастернака и Архипова. Маяковский — в фигурном классе. Касаткина и Милорадовича. К удивлению профессоров, оба футуриста были способными и старательными учениками. Бурлюк был не только замечательным организатором нового искусства. Интересный живописец он является в то же время чрезвычайно своеобразным поэтом, воспитанным на стиховой культуре Артюра Рембо и «проклятых поэтов» (Роллина, Корсьера и др.). Издавая в продолжение десяти лет стихи своих литературных единомышленников, Бурлюк собрал свои стихотворения только однажды — в маленьком сборнике «Лысеющий хвост», изданном в 1918 г., в сибирском городе Кургане. В значительной степени этим объясняется тот факт, что его поэтическая работа осталась неизвестной широкому читателю. Бурлюк имел исключительное влияние на Маяковского. В той же автобиографической заметке Маяковский говорит:

«Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 к. Чтобы писать, не голодая».

С 1912 г. начинаются выступления Маяковского совместно с Бурлюком в качестве лектора-пропагандиста левого искусства.

В архиве художника Спандикова (Гос. Русский музей) находится письмо Давида Бурлюка, адресованное «Союзу Молодежи». Бурлюк между прочим писал:

«1. Через Владимира Владимир. Маяковского передаю диапозитивы.

Получить их можете у нево немедленно — Соляной городок — Выставка «Художеств. ассоциации».

II. Пригласите его в качестве лектора — спросите об условиях — он хорошо говорит».

Речь идет о состоявшейся 20 ноября 1912 г. в Троицком театре в Петербурге лекции Бурлюка «Что такое кубизм».

По совету Бурлюка «Союз Молодежи» пригласил и Маяковского, который прочел доклад «О новейшей русской поэзии».

В афишке «Союза Молодежи» напечатана программа этого доклада:

«I. Борьба за освобожденное искусство и поэзия.

1) Философия искусства и философия жизни — два различных мира. Философия жизни — математическая логика, философия искусства — непосредственная интуиция.

2) Живопись и поэзия первые сознали свою свободу.

3) Аналогичность путей, ведущих к постижению художественной истины, у живописи и поэзии.

4) Цвет, линия, плоскость — самоцель живописи — живописная концепция, слово, его начертание, его фоническая сторона, миф, символ — поэтическая концепция.

II. Пройденные этапы русской поэзии.

1) Литературность поэзии.

2) Боязнь индивидуализма.

3) Аполлон и аполлонизм — рассадники духовного филистерства.

III. Наши достижения — основа свободной поэзии.

1) Связь нашей поэзии с мифом, в частности с русским, культ языка как творца мифа.

2) Свойства слова — поэтический импульс.

3) Возрождение первобытной роли слова».

В том же архиве Спандикова нами найден воспроизводимый здесь автограф Маяковского (относящийся, очевидно, к 1913 г.) — план полемиического доклада о живописи

¹ «225 страниц Маяковского» (М.—П., 1923, стр. 17).

² Под влиянием Бурлюка Маяковский принял участие в выставке петербургского «Союза Молодежи» (4/XII 1911—10/I 1912 г.). Под № 49 в каталоге выставки указана работа В. Б. Маяковского — «Портрет г-жи Р. П. Каган».

«Бабушкам академии»¹. Следует отметить, что пункты 8 и 9 («Сказка о русских подражателях» и «Параллелизм в искусстве» резко противоречат положениям позднейшей статьи Маяковского «Живопись сегодняшнего дня».

Интенсивная деятельность Маяковского и Бурлюка как агитаторов за новое искусство привело к исключению их из Училища живописи. Обстоятельства исключения подробно изложены в газете «Новь» (М., 1914, № 36, 25/II).

«Давид Бурлюк и Владимир Маяковский постановлением совета преподавателей исключены из числа учеников Училища живописи, ваяния и зодчества. Исключены они на чисто формальном основании.

— Советом преподавателей,—говорит инспектор Училища В. П. Гиацингов,—было сделано постановление о воспрещении нашим ученикам принимать участие в диспутах, быть лекторами, оппонентами и пр.

Такое постановление было вызвано последним скандальным выступлением гг. «художников».

К тому же Училище живописи и ваяния сейчас не имеет прав высшего учебного заведения. Оно пока пользуется правами среднего заведения.

В виду того, что гг. Бурлюк и Маяковский продолжали выступать на диспутах, совет преподавателей вынужден был исключить их из числа учеников. Дело об исключении через несколько дней поступит на утверждение и. о. попечителя Училища министра внутр. дел Н. А. Маклакова».

Вскоре после исключения из Училища Маяковский опубликовал три полемические статьи: «Живопись сегодняшнего дня»², «Как бы Москве не остаться без художников» и «Бегом через вернисажи».

Первая статья, наиболее значительная, была напечатана в ежемесячном журнале «Новая Жизнь» (П.—М., 1914, май) со следующим редакционным примечанием: «Редакция далеко не согласна со всеми оценками автора, но, признавая за статьей своеобразие и интерес, охотно дает ей место»³. Две другие появились в газете «Новь» (№№ 149 и 157).

Маяковский дает в статье общий обзор художественных группировок того времени, разбивая их по условным рубрикам: вульгарный реализм («Передвижники»), импрессионизм («Союз русских художников», «Мир Искусства») и нео-реализм («Бубновый Валет», «Ослиный Хвост» и др.).

Любопытно, что ни одна из новаторских живописных группировок не называла себя «нео-реалистами», и этот сглаживающий термин принадлежит Маяковскому.

В отличие от других кубо-футуристов, Маяковский по своим художественным тенденциям остался близок к импрессионизму.

Триумф Маринетти.

В Милане.

В Москве.

(Авторы: Неро.)

КАРИКАТУРА НА МАРИНЕТТИ, ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «НОВЬ» 1914 Г.

¹ Вот текст этого автографа:

«Доклад Владимира Маяковского:

(о живописи)

[Слово] Бабушкам академий.

1) Вчерашние достижения и сегодняшний день.

2) Группировки художественных сил в России.

3) «Бубновый Валет» (переход на амплуа «домашние»).

4) Гончарова, Ларионов (би-ба-бо лучизма).

5) «Союз Молодежи».

6) Знатные иностранцы.

7) Матисс, Пикассо, Бочиони.

8) Сказки о русских подражателях.

9) Параллелизм в искусстве.

10) Завтрашний день — футуристы!»

² Недавно была опубликована (газ. «Советское искусство», М., 1931, № 51) часть неизданной брошюры Маяковского «Смотр французского искусства 1922 г.». Некоторые ее положения напоминают перепечатанные нами статьи 1914 г.

³ Курсив редакции «Новой Жизни».

Результатом этого являются и неясность общей установки статьи, и высокая оценка импрессионистических исканий В. Э. Борисова-Мусатова¹.

III

Футуристическое движение в поэзии и живописи своеобразно проецировалось в области смежных искусств — театра и кино.

Первым опытом создания футуристического театра были постановки трагедии Маяковского «Владимир Маяковский» (декорации и костюмы Школьника и Филонова) и оперы Крученых «Победа над солнцем» (музыка Матюшина, декорации Малевича). Обе вещи были поставлены «Союзом Молодежи» в театре «Луна-парк» в Петербурге (2, 3, 4 и 5 декабря 1913 г.).

Маяковский был постановщиком своей пьесы и выступал в роли поэта. Как и следовало ожидать, футуристические спектакли сопровождались издевательскими рецензиями в столичных и провинциальных газетах.

Одновременно объединение художников-футуристов «Ослиный Хвост» (Ларионов, Гончарова и др.) выдвинуло свой проект создания эксцентрического театра, не получивший осуществления из-за технической сложности постановок. Однако группе Ларионова удалось поставить единственную футуристическую фильму «Драма в кабаре № 13», — резкую пародию на распространенный жанр кино-гильоля.

Вопрос о взаимоотношениях театра и кино в то время был одним из самых злободневных и дискуссионных. Большинство писавших по этому вопросу отрицало возможность развития кино как искусства, и только Леонид Андреев в своих письмах о театре (журнал «Маски», 1912—1914 гг.) выступил в защиту новой эстетики кинематографа.

Журнал Ханжонкова «Вестник кинематографии» в 1913 г. провел анкету об отношении писателей к кино. Здесь были напечатаны в большинстве случаев отрицательные отзывы Дымова, Тэффи и др. Конкурент Ханжонкова, владелец кинематографической фирмы и издатель «Кине-журнала» Р. Д. Перский, главным образом в рекламных целях, напечатал высказывания о кино футуристов — Маяковского и Давида Бурлюка².

Тогда же Маяковский написал свой первый сценарий, о котором он упоминает в предисловии к неосуществленному сборнику своих сценариев³.

«За жизнь мною написано 11 сценариев.

Первый — «Погоня за славой» — написан в 1913 г. Для Перского. Один из фирмы внимательно прослушал сценарий и безнадежно сказал: — ерунда.

Я ушел домой. Пристыженный. Сценарий порвал. Потом картину с этим сценарием видели ходящей по Волге. Очевидно, сценарий был прослушан еще внимательнее, чем я думал».

IV

С наступлением империалистической войны военный материал вытесняет со страниц газет и журналов полемику о футуристических выступлениях. В это же время намечаются первые попытки консолидации разрозненных футуристических сил и литературной легализации футуризма. Ярким свидетельством этого процесса является сотрудничество Маяковского в ежедневной иллюстрированной газете «Новь», издававшейся в Москве в течение января—мая и ноября—декабря 1914 г. (в начале 1915 г. газета прекратила свое существование).

Газета выходила при участии А. Суворина (Алексея Порошина), А. Борового, В. Боцяновского, Н. Мамонтова, Ф. Купчинского, Н. Раевского, А. Луначарского, П. Успенского, Н. Туркина и др.

В первом полугодии в газете сотрудничал В. Шершеневич, и на страницах «Нови» происходила полемика футуристов по поводу приезда Маринетти.

Постоянным сотрудником газеты в продолжение 1914 г. был сатириконский поэт Валентин Горянский.

Владимир Маяковский выступил впервые в № 115 от 15/XI со статьей «Теперь к Америкам!»⁴ В этом же номере было напечатано сообщение от редакции:

«В газете «Новь» раз в неделю, по четвергам, будет выходить страница поэзии и ли-

¹ В том же журнале в 1914 г. были напечатаны еще две вещи Маяковского: статья «Два Чехова» (июль) и стихотворение «Война объявлена» (август).

² В № 14 «Кине-журнала» (от 27 июля) была напечатана статья Маяковского «Театр, кинематограф, футуризм», в № 16 (от 24 августа) — «Уничтожение кинематографа театра» и в № 17 (от 8 сентября) — «Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству».

³ Выправленный Маяковским текст предисловия хранится в материалах Литературного музея при Всесоюзной Библиотеке им. Ленина.

⁴ В газете «Новь» было помещено десять статей Маяковского, в том числе перепечатываемые нами: «Теперь к Америкам!», «И нам мяса!», «Не бабочки, а Александр Македонский», «Как бы Москве не остаться без художников», «Бегом через вернисажи и заметка «Позовечер Игоря Северянина» (№№ 115, 116, 117, 149, 157 и 152).

Доклад Владими́ре Матковскаго.

(o muborica)

~~В~~о Бабушкин академии.

- 1) Встретились догханеня и седовичный день
- 2) Угнетены хворые сны в Расах
- 3) Будновое Валуе / переход на аллигатора
- 4) Тонгарова, Ларионов / бы-да-до луга
- 5) Союз Молодежи
- 6) Знакомые иностранцы
- 7) Мамисе, Тикассо, в оловь.
- 8) Сказка о русские подражатели
- 9) Параселлиум в искусство
- 10) Забытый день - дурачество

ратуры. Всякое произведение, имеющее свое, оригинальное, новое лицо, найдет в ней место. Рукописи присылать: Мамоновский пер., 12, редакция «Новь», В. В. Маяковскому».

Появление Маяковского в качестве составителя литературной странички сразу же вызвало недоумение и возмущение читателей. Редакция оправдывалась тем, что она поставила условием Маяковскому «отсутствия приходской партийности» («Футуристы ли — «Новь»?», № 116).

Маяковскому удалось составить только одну литературную страничку «Траурное ура» со стихами Константина Большакова («Бельгия»), Вл. Маяковского («Мама и убитый немцами вечер»), Б. Пастернака («Артиллерист стоишь ты кормила»), Ник. Асеева («Разрубленное, как вы») и Давида Д. Бурлюка («Доверие героям»).

Все стихотворения «Траурного ура» шли в разрез обычному шовинистическому стихотворству того времени. Наиболее ясно антивоенные мотивы просвечивают в стихотворениях Маяковского и Пастернака.

На той же страничке, где напечатаны стихи «Траурное ура», находится рассказ Маяковского «Давно прошедшее», подписанный кратким псевдонимом: — Ъ.

Приводим текст этой неизвестной вещи Маяковского:

ДАВНО ПРОШЕДШЕЕ

«Нет. Нет. Ни в каком случае. Вы, пожалуйста, не подумайте, что это я. Я? Ха! Смешно. Как я могу быть таким нервным. Не-е-т!! Что мне война? Я, конечно, не позволяю себе быть ядовитым в таком важном деле. Но ведь!.. Это ж ни для кого не тайна. Война для меня столько-то и столько-то строчек. Сосчитал. Сто. Двести.

Просто встретил его.

Так вот, просто. Ведь бывает же с вами: идете по улице, встретили, знакомый... Ну, разговор.

Хотя жутковато.

Р-р-р-р.

Оказывается, на полях, обойденных сражением: бумага. Всюду бумага и бумага. Как будто поэты дрались. И когда я брал из его рук клочочки, было миллиметр жутко: а что вот, если эта самая клякса, вот тут вот, видите? Над словом «фуфайка» и не клякса вовсе, а что-нибудь другое. Ну, вот, так вот: что-нибудь другое. Ну, например, рядом в окопах, ведь умирали. Могло и капнуть. Ну, как вы не понимаете? Ну, вот, например, эта мысль написана словом. А что если не словом. Если брызнул из черепа и лег, как мысль.

Что? Я кричал? Нет. Хотя?! Это ж кого угодно расстроит. Впрочем я его и раньше знал. Он всегда такой был. Всегда. И летом в кафе.

Правда, это уже немного чувствовалось: люди ходили быстрее... А иногда около ружейной витрины останавливался один. Потом другой. А когда третий, первый отходил и говорил виновато — зачем? — «Нет, я не то, я, знаете, охотник на куропаток». Зачем?

Смешное лето.

В кафе прошивали долго.

Долго? А не все время?

Ну, хорошо, все. Ведь мое время. Ой, как неловко отшутился! Ну, не буду, не буду. Вы поймите! Как можно идти домой и работать, когда знаешь наверное. Ведь газеты не врут!! В кафе ужасно много газет. Знаешь наверное, что начало гореть. Да, горит. Сначала торфяные, потом кустарник. Затем хвойные леса пошли гореть. А что, милостивые государи, если завтра обгорит дорогая Наташа. Обгорит. Ну, хоть наполовину. «Ната» обгорит, а «ша» останется.

Нет, нет, я ничего. Зачем кричать!

Кстати, о газетах. Приходили они в кафе, как всегда. Аккуратные, гладко выбритые, белые, а тронешь пальцем — сырые. И дым. Да. Пахнут дымом. Ну, зачем им еще дунуться дымом? Ведь и без того, размахивая пухлыми руками, орут: «Горит! горит! горит!»

Вы говорите, что после кокаина и не то покажется. Да я ведь и не пробовал. Ну, раз. Два. А другие действительно: поднимают головы выпить воздух, а ноздри как снемом запущены. Иначе нечем объяснить всю дальнейшую нелепость. Ведь я не спал ночи, ходя по бульварам не потому, что правилось. Но ведь дома неудобно кричать, даже действительно увидев и землю, навалившуюся на небо, и звезды, как сигнальные огни прожекторов. Вот почему очень нетактично было хватать меня за руку и прятаться, как за дерево. Мне нет дела до его рассказов о лошадиной губе, лижущей от Неаполя до Ташкента, и басни, объясняющей его худобу тем, что кокаин взял его, ссыпал на кончик ножа и вынюхал всего до худых ножек. Я б в сумасшедший дом сбежал, если б не этот японец. Японцы — они хладнокровные. Возрождающаяся нация. И вот на скачках, куда я увязался за этим военным, японец между вторым и третьем заездом говорит (все улыбается): «Это теперь везде. Я путешественник. От Килиманджаро до Кушки. Всюду одно и то же». Что ж, я привыкну, мне даже начинает нравиться...

Какая невероятная женщина. Послушайте, вы тоже это? А, вы говорите надо взять на Эфир десять билетов в одинаре. Господа, играйте на Эфир! Слушайте! Может быть сегодня последний засед мира!

Страшно дружелюбно подошли к ресторану. Как будто на плаху ввели, так мы были дружны друг с другом.

Все смалось: и проматное напудренное ухо потолка с болтающейся серьгой люстры, и желтые пуговицы фонарей на сановничьем животе ночи. На стульях совсем не держались. Робкие. Захотят сесты, и вдруг стекают густой простоквашей из сала. Стекают на пол, потом в двери, в замочные скважины, потом до одушин и... «Поручик, поручик, правее, наверх, задохнетесь».

Так, так, так. Не бойтесь, сегодня последний день. Если завтра это не прекратят, земля кончит жизнь самоубийством.

Впрочем как сказать?!

— Правда, этот знакомый (ну, вот, тот, с которым) встретил, говорит, что это действительно так. Он нюхал кровь. Верно. Зараженная. Надо было выпустить.

— Только пожалуйста не думайте, что это я говорю.

— Мне что?

— Я поэт».

В литературном развитии Маяковского этот рассказ является важным этапом. Это — сводка поэтических заготовок, которым Маяковский впоследствии придавал такое большое значение в работе поэта. (См. его брошюру «Как делать стихи».) Банальное название, так же и фелтонный псевдоним, понадобились Маяковскому по цензурным причинам — для зашифровки антимилитаристических тенденций рассказа.

В «рассказе» закреплены предварительные наброски грандиозной системы образов поэмы «Война и мир» (мировой пожар, кокаин, зараженная кровь земли).

Некоторые места рассказа переключаются с более близкими по времени вещами Маяковского: «Я и Наполеон», «Флейта позвоночник» (1915 г.) и с с напечатанным на той же литературной странице стихотворением «Мама и убитый немцами вечер».

Редакция газеты «Новь» в лице А. Порошина (№ 119, 20/XI) и Н. Раевского (№ 120, 21/XI) выступила с резкой критикой материала литературной страницы. «Литературная страничка» больше не появлялась, хотя Маяковский и остался сотрудником газеты до конца года.

Сотрудничеством в газете «Новь» исчерпывается деятельность молодого Маяковского в нефутиристических изданиях до 1915 г., когда он выступил с циклом сатирических стихов в журнале «Новый Сатирикон».

V

Эго-футуристы, ориентировавшиеся на буржуазную аудиторию, почти не применяли в своих выступлениях приемов эпатажа и пользовались покровительством меценатов из купеческого сословия. Не случайно, что эго-футуристы были руководителями литературного отдела ярмарочной газеты «Нижегородец».

Игорь Северянин — вождь эго-футуризма — уже в 1914 г. стал признанным и популярнейшим поэтом. Его первая книга «Громокопнящий кубок» за период 1913—1914 гг. разошлась в пяти изданиях.

Поэзовечера Северянина имели огромный успех не только благодаря специфическим темам его лирики, но и вследствие его манеры распевного исполнения стихов и конкурировали в этом смысле с выступлением прославленных исполнительниц цыганских романсов. Впоследствии сам Северянин переименовал свои поэзовечера в «поэзоконцерты».

Выступления и лекции кубо-футуристов имели иной успех — успех скандала, чему способствовали разнообразные методы эпатирования буржуа (знаменитая «желтая кофта» Маяковского, деревянные ложки в петлицах, футуристический грим и пр.).

Сейчас было бы не трудно составить многотомный монтаж ругательств по адресу футуристов «Гилея».

Въ нихъ что то есть!

М. Горькій.

ПЪТА

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ

Астевъ. Бобровъ.
Большаковъ. Лопухинъ.
Платовъ. Третьяковъ.
ХЛЪБНИКОВЪ. Чартовъ.
Шиплингъ.

19 $\frac{К}{В}$ $\frac{П}{О}$ $\frac{Ъ}{Т}$ $\frac{А}{А}$ 16.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ СВОРНИКА ФУТУРИСТОВ ГРУППЫ «ЦЕНТРИФУГА» С ЭПИГРАФОМ ИЗ РЕЧИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Среди немногих писателей, пытавшихся серьезно подойти к теории и практике кубо-футуризма, следует отметить Корнея Чуковского (статья в альманахе «Шиповник», СПб, 1914, № 22) и Валерия Брюсова (ряд статей в журнале «Русская Мысль», 1912—1914 гг.). Но решающее значение в литературной судьбе кубо-футуристов имело выступление Максима Горького. Вернувшись в Россию, он познакомился с тремя наиболее деятельными «гилейцами»: Маяковским, Каменским и Бурлюком. После футуристического вечера, состоявшегося в подвале «Бродячая Собака» зимой 1914 г., Максим Горький вышел на эстраду и заявил перед многочисленной аудиторией: «В них что-то есть...» Фраза прославленного писателя была подхвачена газетами и произвела сенсацию.

В первом номере «Журнала Журналов» за 1915 г. появилась статья Максима Горького о футуризме со следующим примечанием:

«В виду путаницы, созданной газетными известиями о выступлении Максима Горького на вечере футуристов, редакция «Журнала Журналов» обратилась к знаменитому писателю с просьбой высказать его точку зрения».

Мы приводим здесь в сокращенном виде текст статьи Горького:

«Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский. Среди них есть несомненно талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевалы, вырастут в определенную величину. Они мало знают, мало видели, но они несомненно возьмутся за разум, начнут работать, учиться. Их много ругают, и это несомненно огромная ошибка. Не ругать их нужно, к ним нужно просто тепло подойти, ибо даже в этом крике, в этой ругани есть хорошее: они молоды, у них нет застоя, они хотят нового свежего слова, и это — достоинство несомненное.»

Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда очень уродливо, но это простить можно. Они молоды... молоды... Их породила сама жизнь, наши современные условия. Они не выкидыши, они во время рожденные ребята. Я только недавно увидел их впервые живыми, настоящими и, знаете, футуристы не так уж страшны, какими выдают себя и как разрисовывает их критика.

Вот возьмите для примера Маяковского — он молод, ему всего 20 лет, он криклив, необуздан, но у него несомненно где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи. Я читал его книжку стихов. Какое-то меня остановило. Оно написано настоящими словами».

Вскоре после статьи Максима Горького в том же журнале (№ 17 за 1915 г.) была помещена статья В. Маяковского «О разных Маяковских». В первой части этой статьи Маяковский намеренно гиперболизирует свой литературно-эстрадный образ «хулигана», «домового извозчика» и переводит его в биографический план. Иронически соглашаясь со всеми эпитетами, которые применяла к нему так называемая широкая пресса, Маяковский показывает, насколько этому обывательскому представлению о нем противоречит его поэтическая работа.

Во второй части статьи Маяковский информирует читателя о своей новой большой вещи — поэме «Облако в штанах», над которой он работал в течение 1914/15 г. В информации этой есть одна неточность, не предвиденная Маяковским: сборник «Взял», в котором по предположению Маяковского должны были быть опубликованы отрывки из «Облака», вышел только в декабре 1915 г., уже после того, как О. М. Бриж напечатал «Облако» отдельным изданием. В сборнике «Взял» были помещены две статьи об «Облаке» — В. Шкловского и О. Б. [Брика] — и первая часть новой поэмы Маяковского «Флейта позвоночник».

Если в эпоху 1911—1914 гг. вождем «Гилейцев» был Давид Бурлюк, то с 1915 г. наиболее значительной фигурой в русском футуризме становится Владимир Маяковский. Сборник «Взял» на три четверти является изданием, посвященным Маяковскому. Кроме двух статей о нем и отрывка из его поэмы здесь помещена еще подписанная им, но, как все статьи в футуристических сборниках, составленная редакционной коллегией статья о футуризме, и на первой странице памфлетное стихотворение «Вам, которые в тылу», направленное против буржуазии, обогащающейся на военных спекуляциях.

К концу 1915 г. Маяковский был не только автором стихов, разбросанных по разным футуристическим сборникам («Пощечина общественному вкусу», М. (1912), «Требики троях», М., 1913, «Садок Судей II», М., 1913, «Дохлая Луна», М., 1913 (изд. 2-е, 1914), «Рыкающий Парнас», М., 1914, «Молоко Кобылиц», М., 1914, «Первый журнал русских футуристов», М., 1914, «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915), — но уже выпустил три книги: «Я», М., 1913, «Владимир Маяковский», М., 1914 и «Облако в штанах», СПб, 1915.

Именно с этого времени начинается легализация футуризма, документальным свидетельством которой является альманах «Стрелец» (сб. I—СПб, 1915, сб. II—1916), где вместе с Бурлюком, Хлебниковым, Каменским, Маяковским, Лившицем и Крученых фигурируют крупнейшие символисты: Блок, Сологуб, Ремизов, Кузьмин и др.

В 1916 г. А. Н. Тихонов (изд-во «Парус») издал первое собрание стихотворений Маяковского «Простое, как мычание».

Так закончился первый период литературной деятельности Маяковского.

«РУССКАЯ ВОЛЯ», БАНКИ И БУРЖУАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА *

Публикация Ю. Оксмана

I. ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И РЕПТИЛЬНАЯ ПРЕССА ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОРЫ

Показания столпов охранительного аппарата самодержавия в Чрезвычайной следственной комиссии 1917 г., равно как и самые тексты некоторых секретных документов царской ставки и министерства внутренних дел, опубликованные в недавнее время, позволяют окончательно установить, что подобно тому, как определенные банковские комбинаты и торгово-промышленные концерны субсидировали и контролировали крупнейшие органы буржуазной и мелкобуржуазной печати — от националистически-октябристского «Нового Времени» до меньшевистско-бундовского «Дня», — так вся официозно-консервативная, клерикальная и черносотенная печать в годы «между двумя революциями» существовала на средства департамента полиции, руководившего всей правой прессой посредством особого «рептильного фонда» Главного управления по делам печати.

Суммы, расходуемые в годы войны Русско-французским банком на «Новое Время», Азовско-донским на «Речь» и «Современное Слово», банковской конторой Лесина на «День», текстильным синдикатом Рябушинских на «Утро России» и пр., точно еще неизвестны, но ведомости, например, секретных расходов по рептильному фонду гласят, что вся смета последнего, составляя миллион с небольшим в 1914—1915 гг., возросла уже в 1916 г. до 1 700 тыс. руб. Из этих сумм покрывались дефициты «Русского Знамени» (25 тыс. в год), «Земщины» (144 тыс.), «Голоса Руси» (45 тыс.), «Колокола» (13 тыс.), «Московских Ведомостей» (17 тыс.), «Свободы и Порядка» (зубатовская газета для «рабочих» — 14 тыс.) Из того же источника шли средства на всю провинциальную официозно-черносотенную печать («Южное Слово», «Русская Речь», «Киев», «Дву-

* В. И. Ленин придавал громадное значение раскрытию и освещению связи буржуазных газет с банковским капиталом. Через неделю после Октябрьской революции на заседании ВЦИК Владимир Ильич произносит речь по вопросу о печати, где, в частности, указывает: «Нужно сейчас же назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков».

Настоящее сообщение посвящено именно разоблачению «одной из наиболее гнусных» — по выражению Ленина — «погромных» газет, основанной на заведомо темных деньгах и «служащей худшим из капиталистов».

Не претендуя на исчерпывающий анализ, настоящая публикация дает большой и выразительный материал для него, наглядно показывающий, как так называемая «свободная печать» и «независимое общественное мнение» в действительности находились на откуп у денежного мешка и, послушно следуя заказу того или иного банка, настраивалась на любой тон. Не менее выразительно обнаруживается и продажность буржуазной интеллигенции от «властителя дум» Л. Андреева до меньшевика Г. Алексинского, «вкупе и влюбие соединившихся» в лоне «презираемой даже кадетами» царской рептилии. — *Ред.*

главный Орел», «Волга», «Казанский Телеграф», «Витебский Вестник», «Козьма Минин», «Минская Мысль» и т. д. и т. п.¹

Смета рептильного фонда росла из года в год, но реально ощутимых выгод от растущих, как грибы, казеннокоштных органов «истинно русской мысли» государственный аппарат конечно не получал. Сфера распространения «Земщины», «Колокола» «Голоса Руси», «Русского Знамени» и др. всегда была совершенна ничтожна, а в годы войны, после первых же серьезных неудач на фронте и хозяйственных прорывов в тылу, центральные и местные рептилии потеряли всякий кредит даже в тех прослойках поместно-дворянской, церковной, мещанской и армейской аудитории, в которой они прежде находили. Если не подписчиков, то хотя бы бесплатных читателей. Именно в этих условиях, учитывая, с одной стороны, все растущее значение органов «независимой» буржуазной печати, с другой — безнадёжность всяких попыток поднять престиж до конца дискредитированных официозов и рептилий, А. Н. Хвостов, вождь черносотенного помещичьего крыла IV Государственной Думы и один из последних царских министров внутренних дел, выдвинул в совете министров проект секретного внедрения своей агентуры в какую-нибудь из крупных центральных газет с целью негласного подчинения ее директивам государственного аппарата.

Как свидетельствуют показания С. П. Белецкого:

«...такой газетой было избрано «Новое Время» как старый орган и к тому же существующий на акционерных началах. И. А. Горемыкин вызвал тогда меня и дал мне поручение купить большинство акций и затем способ распространения их установить по указанию А. Н. Хвостова. Список акционеров был в руках министерства. Это было в конце 1916 г., — предполагают, по соглашению с правительством черью покойного Суворина), акции которой были на невыгодных для нее условиях проданы Русско-французскому банку, и с ее матерью. Вследствие этого поручения я и познакомился с Д. Рубинштейном, который после нескольких переговоров пошел на уступку акций даже с некоторым для себя уроном, но окончить мне это не удалось так как уже последовал мой уход с должности товарища министра и назначение председателем совета Б. В. Штюрмера, который взял это дело в свои руки»².

Судя по одному из писем последней царицы к Николаю II, вся комбинация с переходом акций «Нового Времени» из портфеля Русско-французского банка в кассу министерства внутренних дел встретила сильное противодействие со стороны министра финансов П. А. Барка. Нельзя не признать, что в этом отношении министр финансов более трезво расценивал ситуацию, чем Штюрмер и Хвостов. Ибо, во-первых, процесс активизации революционных настроений на фронте и в тылу шел с такой быстротой, что учитывать в 1916 г. авторитет «Нового Времени» в сколько-нибудь широких общественных кругах уже не приходилось; во-вторых, с точки зрения административно-финансовой едва ли рациональна была выдача крупных средств на газету, чье исконное холуйство перед царским правительством вовсе не требовало дополнительных денежных ассигнований, и, наконец, в-третьих, для некоторых влиятельных групп придворной камарильи, нащупывавших в это время почву для сепаратного мира с Германией, тактически было не совсем удобно «внедрение» в газету, наиболее бурно отра-

¹ «Красный архив», 1925 г., т. X, стр. 333—342; ср. «Падение царского режима», т. IV, стр. 127—128.

² «Падение царского режима», т. IV, стр. 126 (показания С. П. Белецкого от 17 мая 1917 г.); ср. «Переписка Александра и Николая Романовых», т. III, стр. 501.

жавшую шовинистический угар первых месяцев войны и специализировавшуюся на изобличении «немецких зверств» по рецептам антантовских контрразведок.

Тем не менее сопротивление Барка было сломлено решительными действиями правящей группы, возглавляемой Александрой Федоровной и Распутиным, и сделка состоялась 16 мая 1916 г. Барк «всеподданнейше» доносил Николаю:

«Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне принять меры к тому, чтобы министерство финансов могло располагать известным количеством паев газеты «Новое Время» в видах надлежащего влияния на направление этого распространенного печатного органа. Ныне представляется возможным выдать ссуду под 160 паев газеты, принадлежащих Михаилу Суворину, по 5 500 р. за пай и таким образом подойти к решению вопроса о подчинении газеты влиянию правительства. Предполагая осуществить эту операцию секретно, чтобы сохранить видимую независимость газеты «Новое Время», я признавал бы наиболее целесообразным выдать ссуду через посредство Волжско-Камского банка, который в свое время исполнял вполне конфиденциально подобные поручения министерства финансов по выдаче негласной ссуды сербскому королю Милану, с ассигнованиями на этот предмет 880 тыс. руб. из прибылей иностранного отделения министерства финансов.

На приведение сего в исполнение приемлю долг всеподданнейше испрашивать вашего императорского величества соизволение.

Министр финансов П. Барк».

Согласие Николая было дано, и таким образом подкуп «Нового Времени» совершился. Из документов, сохранившихся в архиве одного из секретных делопроизводств канцелярии министерства финансов¹, видно, что М. А. Суворин начал уже получать деньги по «договору» и только Февральская революция нарушила этот дружественный союз рептилии с царским правительством. Все же маневр, предпринятый Хвостовым, в самом начале не оправдал возлагавшихся на него надежд и ни в какой мере не изменил положения на газетно-литературном фронте.

Выше мы уже определили известное несоответствие намеченной в министерстве внутренних дел сделки интересам тех магнатов финансового капитала и придворно-бюрократических верхов, которые за спиной Распутиных, Штюмеров, Хвостовых и Барков определяли в этот период внутреннюю

А. Н. ХВОСТОВ — КРУПНЫЙ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, С СЕНТЯБРЯ 1915 г. МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ ОТДЕЛЬНЫМ КОРПУСОМ ЖАНДАРМОВ

Один из инициаторов секретного внедрения полицейской агентуры в буржуазную прессу

С фотографии, хранящейся в Ленинградском Областном Архивном Бюро

¹ В. Алексеев. Подкуп «Нового Времени» царским правительством, «Красный архив» 1927 г., т. XXI, стр. 223—226.

и внешнюю политику царизма. Сдвиг, наметившийся в этих кругах в связи с общим изменением хозяйственно-политической конъюнктуры к началу 1916 г., обусловил параллельно с подкупом «Нового Времени» необходимость попытки более глубокого «внедрения» государственного аппарата в «независимую» буржуазную печать.

II. ОХРАНКА И БАНКИ

Показания С. П. Белецкого от 20 июля 1917 г. позволяют установить, что еще задолго до известного съезда в Петербурге воротил русской металлообрабатывающей промышленности, на котором, по общему представлению, и родилась «Русская Воля»¹, В. П. Литвинов-Фалинский, один из старейших и влиятельнейших делцов министерства торговли и промышленности, познакомил руководителей департамента полиции с планом создания большой, по видимости прогрессивной газеты, которая, мобилизовав вокруг себя при помощи крупных денежных средств и широких либеральных лозунгов виднейших деятелей литературы и журналистики, легко бы

«...могла подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным крупным ежедневным изданием, встать на защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде».

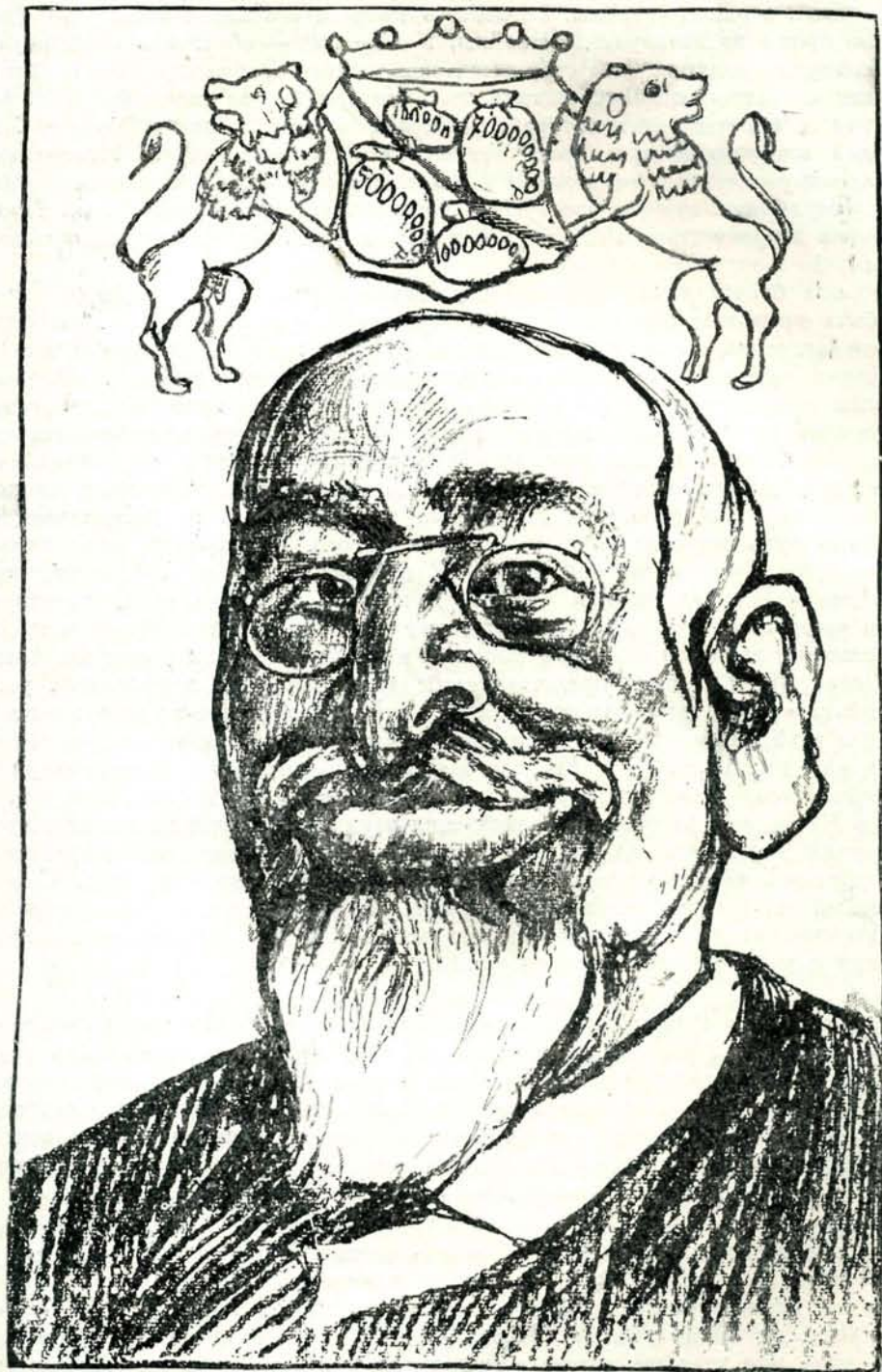
Именно этот план В. П. Литвинова-Фалинского, смутивший своей смелостью и провокационным размахом даже такого матерого охранника, как С. П. Белецкий, и был развращен А. Д. Протопоповым перед воротилами тяжелой индустрии весной 1916 г.² Если же мы учтем, что уже в это время А. Д. Протопопов, председатель совета съездов металлообрабатывающей промышленности и тов. председателя IV Государственной Думы, расчищал себе дорогу к портфелю министра торговли и промышленности в кабинете Б. В. Штюмера и был тесно связан не только с придворно-распутинскими кругами (через Бадмаева и Курлова), но и с руководителями департамента полиции (через С. П. Белецкого), то мы разрешим тем самым и несколько неясный на первый взгляд вопрос, почему именно в руках А. Д. Протопопова оказалось весной все дело создания твердой материальной базы для предстоявшего внедрения правительственной агентуры в периодическую печать по рецептам Хвостова и В. П. Литвинова-Фалинского.

Далеко не случайно, полагаем мы, окончательное разрешение вопроса о будущей газете в направлении, диктуемом А. Д. Протопоповым (т. е. в порядке блока придворной камарильи и государственного охранительного аппарата с банками, контролирующими тяжелую индустрию), совпало с работами секретной комиссии под председательством Б. В. Штюмера по подготовке выборов в будущую (пятую по счету) Государствен-

¹ Съезд представителей металлообрабатывающей промышленности открылся в Петрограде 29 февраля 1916 г. Первые сведения об организации большой газеты, призванной представлять интересы тяжелой индустрии, появились в «Речи» от 26 апреля 1916 г.

² Показания С. П. Белецкого от 20/VII 1917 г. (Архив Октябрьской революции, фонд Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства); ср. «Падение царского режима», т. IV, стр. 272.

Разумеется, даже в случае неудачи превращения всего коллектива сотрудников будущей газеты в слепое орудие дворцово-полицейско-банковского блока, самая дискредитация путем вовлечения в такое издание крупнейших имен русской оппозиционной, литературной и научной общественности вполне компенсировала бы закулисных инициаторов этого предприятия за понесенные ими затраты.

«СТАТСКИЙ СОВЕТНИК» С. М. ПРОППЕР — ВЛАДЕЛЕЦ «ВИРЖОВКИ» («ВИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»), ОДНОЙ ИЗ КРУПНЕЙШИХ ВУЛЬГАРНЫХ ГАЗЕТ ПЕТРОГРАДА.

Карикатура М. Шафрана в журнале «Весна» 1911 г.

ную Думу. Именно эта новая Дума, подлежащая созыву в 1917 г., должна была, с одной стороны, обеспечить наиболее безболезненный для царизма выход из затянувшейся войны, а с другой, — облегчить скорейшую реализацию традиционным «парламентским» путем всех конкретных политических и экономических следствий того сговора верхов поместной аристократии и воротил металлообрабатывающей промышленности, одним из орудий которого должна была явиться и «Русская Воля». Программа коалиции развернута была летом 1916 г. в салоне П. А. Бадмаева, когда при обсуждении причин «растущего недовольства населения» А. Д. Протопопов в присутствии Распутина и генерала П. Г. Курлова декларировал, что:

«...к борьбе с дороговизной и продовольственным кризисом должны быть призваны торговые люди и банки, что чрезмерный рост цен есть следствие малой производительности русской промышленности и отсутствия конкуренции, а не самостоятельное явление, я находил вредным для дела применяемую в широких размерах и в отношении многих предметов торговли и промышленности систему реквизиции, секвестров и запрещений вывоза, которая убивает частную инициативу и озлобляет производителя и торговца. Разговор иногда касался и предстоящих выборов в Государственную Думу. Все высказывались за необходимость достигнуть выбора наиболее благонадежного (консервативного) большинства Государственной Думы. Я находил, что в Государственной Думе и Государственном Совете почти нет представителей торговли и промышленности и банков, что этот класс должен готовиться к предстоящим выборам и должен провести в законодательные учреждения человек 50—80 своих представителей; для этой цели я предлагал устроить «центральное выборное бюро» в Петрограде, которое могло бы войти в переговоры и заключить соглашение с правительством. На расходы по выборам банки и торгово-промышленный класс могли бы предоставить в распоряжение бюро от 2 до 3 млн. руб. В точности назначения этих сумм я себе не представлял, думая о расходах на печать, агитацию, разъезды агентов, устройство собраний, покупку цензов, может быть на подготовку голосов. Опорными выборными ячейками служили бы отделения частных банков в провинции; их число, помнится, около 1 200; их сила — частный кредит и учетная вексельная операция»¹.

Насколько эта программа должна была импонировать правящим верхам, видно из того, что Распутин и Бадмаев вызвались немедленно поддерживать кандидатуру А. Д. Протопопова в члены правительства, Б. В. Штюмер, представляя Николаю II секретные «заключения» особого совещания по подготовке перевыборов в Государственную Думу, почти дословно повторял в своем докладе то, что мы уже знаем из показаний А. Д. Протопопова в Чрезвычайной следственной комиссии.

«Представители некоторых банков, — писал Б. В. Штюмер 24 июня 1916 г., — предполагают, по соглашению с правительством, израсходовать на предвыборную агитацию 2 млн. руб., желая получить от 50 до 70 мест. Предложение это представлялось бы приемлемым при условии, чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы»².

¹ «Падение царского режима», т. IV, стр. 60—61.

² «Монархия перед крушением». Бумаги Николая II и другие документы. Статья В. П. Семенникова, Л., 1927, стр. 243.

Итак, государственный аппарат, сохраняя в глубокой тайне достигнутое соглашение с «партией банков», не только избавлялся от значительной части расходов, связанных с предстоящей выборной кампанией, но и фактически осуществлял под фирмой А. Д. Протопопова, тогда еще неразоблаченного вождя пресловутого «прогрессивного блока», глубокое внедрение правительственной агентуры в либерально-буржуазную печать. Не случайно поэтому в числе ближайших консультантов А. Д. Протопопова в деле организации будущей газеты оказался и И. Ф. Манасевич-Мануйлов, журналист и охранник с большим стажем, совмещавший в начале 1916 г. редакционно-техническую работу в «Вечернем Времени» с должностью чиновника особых поручений при председателе совета министров Б. В. Штюрмере и с исполнением обязанностей секретного агента при директоре департамента полиции С. П. Белецком¹.

Формально на И. Ф. Манасевича-Мануйлова возложены были А. Д. Протопоповым еще весной переговоры с министерством внутренних дел о продаже для будущей газеты машин, печатавших давно уже ликвидированную казенную газету «Россия», но по существу именно он и должен был, вероятно, осуществлять ту службу связи между редакцией «Русской Воли» и департаментом полиции, в расчете на которую и строилась будущая газета.

III. ГЕНЕЗИС «РУССКОЙ ВОЛИ» И ЕЕ ФИНАНСОВО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА

15 июля 1916 г., судя по информации «Речи» и по позднейшим «разоблачениям» черносотенца В. М. Пуришкевича², состоялось и соглашение А. Д. Протопопова с представителями петербургских банков по вопросу о формах и размерах финансирования нового органа. Сумма, потребная для последнего, исчислена была в 5 млн. руб. — ассигнование, о необычайном производственном эффекте которого можно судить хотя бы по тому, что оно превышало в два раза стоимость любого из прежних самых крупных издательских предприятий и в три раза всю смету рептильного фонда, за счет которого содержалась вся столичная и провинциальная охранительная печать.

Первоначальное соглашение об отпуске средств на газету подписано было представителями десяти больших банковских объединений, но слухи, проникшие в августе 1916 г. в печать о секретном свидании А. Д. Протопопова в Стокгольме с д-ром Варбургом, известным гамбургским банкиром и советником германского посольства в Швеции, вызвали некоторое охлаждение к новому издательскому начинанию в торгово-промышленных кругах, связанных с англо-французским капиталом, в результате чего опекунами будущей «Русской Воли» к осени 1916 г. явились лишь три мощных финансовых комбината — банки: Международный коммерческий, Русский для внешней торговли и С.-Петербургский учетный. Эти банки, контролируя 43 крупнейших предприятия русской горнозаводской, металло-

¹ Данные о И. Ф. Манасевиче-Мануйлове в 1915—1916 гг. объединены в книжке К. Бедкого и П. Павлова, Русский Рокамболь, Л., 1925, стр. 123 и след. О связях его с А. Д. Протопоповым в деле организации «Русской Воли» см. случайные упоминания в «Падении царского режима», т. IV, стр. 42 и т. I, стр. 152—257.

² «Речь» от 21/VII 1916 г. и «Стеногр. отчеты заседаний Гос. Думы от 19/XI 1916 г.» стр. 281—182.— А. Д. Протопопов, протестуя против информации Пуришкевича, «доказывал», что деньги даны на газету даны не банковскими объединениями, а торгово-промышленными и фабрично-заводскими предприятиями.

обрабатывающей и электрической промышленности¹, издавна и прочно связаны были с германским капиталом², чем и обусловлен был их известный контакт с деятелями правых организаций и придворно-помещичьих верхов так называемой немецкой ориентации.

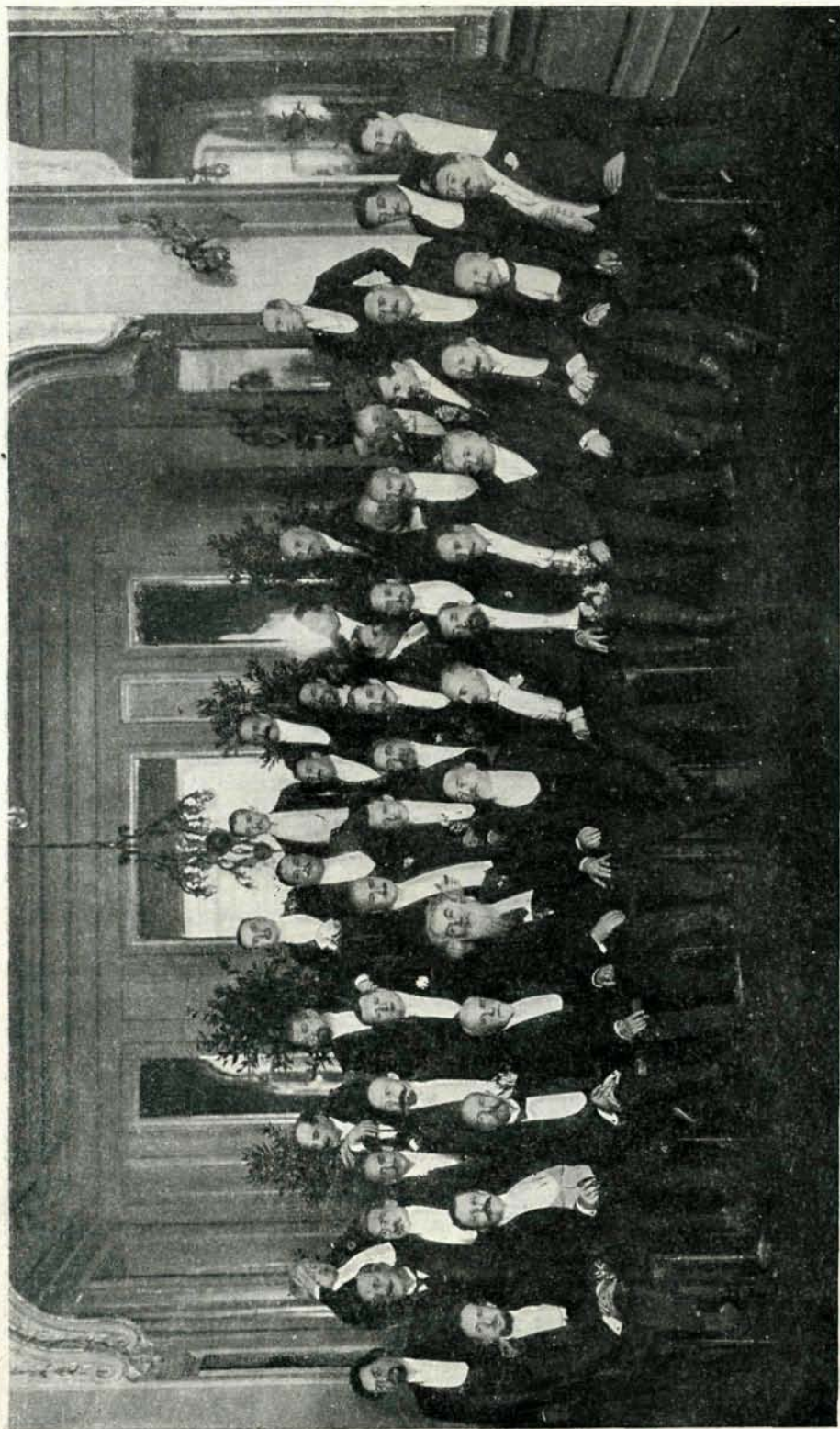
Как свидетельствуют документы, найденные нами при разборе материалов «личной переписки» А. Д. Протопопова в архиве министерства внутренних дел³, в первоначальные планы инициаторов будущей «Русской Воли» входила не столько организация совершенно нового органа печати, сколько использование в интересах групп, охарактеризованных выше, какой-нибудь старой газетной фирмы с определенной либеральной репутацией. В этих тенденциях интересна, с одной стороны, прямая преемственная их связь с проектами внедрения в «независимую» печать, исходившими в свое время из департамента полиции, а с другой — самая их локализация, ибо органом, фирму которого предполагал приобрести А. Д. Протопопов, являлись «Биржевые Ведомости», самое крупное и влиятельное в годы войны петербургское частнохозяйственное газетное предприятие. Проект сделки, выдвинутый С. М. Проппером, собственником издательства «Биржевые Ведомости», передавал последние на полном ходу, со всем их живым и мертвым инвентарем А. Д. Протопопову на следующих условиях⁴:

¹ Перечень всех этих 43 акционерных торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий дан в официальном письме А. Д. Протопопова в редакцию «Речи» от 28 ноября 1916 г. Сводку данных о распределении акций этих предприятий между теми или иными банками см. в книге В. П. Семенникова, Политика Романовых накануне революции, Л., 1926, стр. 233—235.

² Цифровые выкладки, сделанные П. В. Олем, позволяют установить, что из общей суммы акционерного капитала СПб международного банка, определяемой в 60 млн. руб., не менее третьей части принадлежало зарубежным немецким вкладчикам («Иностранные капиталы в России», 1922 г., т. II, стр. 29—30 и след.). При начале войны из 8 директоров Междунар. банка выбыло 4 как немецкие подданные («Торгово-промышленная газета», 1915 г., № 74), а отделение СПб междунар. банка в Париже считалось шпионской базой германского генерального штаба и находилось на особом учете французской контрразведки (см. «Падение царского режима», т. IV, стр. 35—36). Через И. П. Мануса, одного из крупнейших акционеров Междунар. банка, члена кружка кн. В. П. Мещерского (редактора «Гражданина»), приятеля Штюрмера и Распутина, голова Международного банка связана была с верхушкой придворной кама-рилы. Из общей суммы акц. капитала Русского для внешней торговли банка, определяемой также в 60 млн. руб., на долю немецких вкладчиков официально приходилось 24 млн. при полном отсутствии англо-французских вложений (П. В. Оля, там же, стр. 78). Формально менее других связан был с германским капиталом СПб учетный и ссудный банк, руководимый Я. И. Утиным, имя которого поэтому и не встречается ни в «разоблачениях» В. М. Пуришкевича, ни в позднейшей литературе о немецкой ориентации в России эпохи войны. Однако именно дирекция Учетного банка представляла во время войны интересы немецких пайщиков завода «Лесснер», а сам Я. И. Утин как член правления Сормовских заводов, принадлежавших с 1912 г. Международному банку, был тесно связан с последним. (В этом отношении чрезвычайно существенны и печатаемые нами ниже документы о его сношениях с Шайкевичем и Протопоповым по поводу «Русской Воли».) Отметим кстати, что через Я. И. Утина играл на бирже военный министр В. А. Сухоминов, «сбережения» которого очень быстро возросли поэтому во время войны с 50 до 600 тыс. руб. (см. об этом рассказ А. Д. Протопопова в «Падении царского режима», т. IV, стр. 48).

³ Документы эти, включенные ныне в «Дело по личной переписке т. министра внутренних дел», 1916, № 6 (Ленинградское отделение Централархива), являющиеся, очевидно, частью тех бумаг, которые А. Д. Протопопов не успел ни уничтожить, ни захватить с собою при спешном оставлении им помещения министерства 27 февраля 1917 г.

⁴ Проект этот, который мы печатаем по копии, сохранившейся в бумагах А. Д. Протопопова, относится, судя по следующим за ним письмам Е. Г. Шайкевича и Я. И. Утина, к последним числам июля 1916 г. Со слов одного из членов редакции «Биржевых Ведомостей» нам известно, что переговоры А. Д. Протопопова с С. М. Проппером начались еще весной 1916 г., но оборвались в начале июня. Найденные нами материалы свидетельствуют о последней попытке соглашения уже после того, как приступлено было к широкой мобилизации сотрудников для нового органа. Стоимость всех акций «Биржевых Ведомостей» определяется в 2100 тыс. руб. на основании печатаемой нами далее «докладной записки» от 8 августа 1916 г.

ПАРАД ЖЕЛТОЙ ПРЕССЫ
СОТРУДНИКИ «ВИРЖОВКИ» ЧЕСТВУЮТ ХОЗЯИНА В РЕСТОРАНЕ «МЕДВЕДЬ» ПО СЛУЧАЮ 35-ЛЕТИЯ ГАЗЕТЫ
С фотографии (1915 г.), хранящейся в Ленинградском Областном Архивном Бюро

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

А. Д. ПРОТОПОПОВУ

Здесь

Милостивый государь,
Александр Дмитриевич!

Сего числа мною получено от Вас письмо следующего содержания: «Его Высочайшему С. М. Пропшеру. Здесь. Милостивый государь, Станислав Максимилианович. Приобретая у Вас на условиях, Вам известных, две тысячи шестьсот паев Товарищества С. М. Пропшера «Биржевые Ведомости», я настоящим приглашаю Вас быть товарищем председателя правления означенного Товарищества. Сверх того я предлагаю Вам несение обязанностей директора-распорядителя Товарищества и, наравне со мною и М. М. Гореловым, главного редактора всех изданий Товарищества, подлежащих специально Вашему контролю и надзору. За исполнение этих обязанностей я от лица группы новых пайщиков Товарищества, представляемых мною, предлагаю Вам в виде вознаграждения разное со мною в половинной доле участие в тантёме, размер которой будет ежегодно определяться общим собранием пайщиков Товарищества. Если бы представляемые мною пайщики в чем-либо когда-либо нарушили настоящий договор, то я от их лица обязуюсь уплатить Вам неустойку в сумме трехсот тысяч рублей. В свою очередь и Вы, если без законных оснований прекратили бы исполнение договора до истечения срока, обязываетесь уплатить мне в виде неустойки триста тысяч рублей. Действие нашего договора начинается со дня его подписания и оканчивается через пять лет. Ежегодно Вы имеете право пользоваться отпуском до трех месяцев, избирая для этого время по собственному желанию. Примите уверение в совершенном уважении и таковой же преданности. (Подписано) А. Протопопов».

На вышеизложенные условия я изъявляю полное свое согласие.

Примите уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

« » июля 1916 г. Петроград.

Приложенные к проекту сделки с С. М. Пропшером письмо Е. Г. Шайкевича и телеграмма Я. И. Утина позволяют и персонально расшифровать лиц, с которыми ближайшим образом координировал А. Д. Протопопов свою работу на газетно-литературном фронте.

Вот эти документы:

ПЕТРОГРАДСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ
БАНК

Петроград, 2 августа 1916 г.

П Р А В Л Е Н И Е

Е. Г. Шайкевич, свидетельствуя свое совершенное почтение, имеет честь препроводить при сем телеграмму, полученную им от Я. И. Утина, каковую просит завтра взять с собою в заседание в банк.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

АЛЕКС — У ДМИТРИЕВИЧУ ПРОТОПОПОВУ

Здесь. Кирочная, 43 а

ТЕЛЕГРАММА

Петроград. Петроградский Международный
Банк. Директору Шайкевичу

Из Тулы, 2201. 1/8. 21.10

Сейчас получил ваше письмо. Принципиально конечно банк примет участие в газете. Предполагаемый расход кажется следовало бы уменьшить. Сердечный привет вам и Александру Ивановичу.

Утин

«Александр Иванович» — это, конечно, А. И. Вышнеградский, один из директоров Петроградского международного банка, член совета съездов металлообрабатывающей промышленности, председатель правления общества Коломенского машиностроительного завода, председатель правления Сормовских заводов и директор Никополь-мариупольского горно-металлургического общества. Напомним, что Е. Г. Шайкевич в это же время, кроме участия в правлении Международного банка, состоял председателем правления Русского общества всеобщей компании электричества и Тульского меднопрокатного и патронного завода, а также членом правления Русского Общества электрического освещения 1886 г. и Русских электрических заводов Сименс и Гальске.

Что же касается банкира Я. И. Утина, то он в это время соединял должность директора Петроградского учетного и ссудного банка с обязанностями директора правления Московско-Виндавско-Рыбинской ж. д., директора страхового общества «Россия» и члена правлений Бакинского нефтепромышленного общества, вагоностроительного завода «Феникс», паровозостроительного общества «Сормово», машиностроительного завода «Лесснер» и т. д. и т. п.

Таковы были фактические хозяева будущей газеты, а формально все дело ее финансирования возложено было на специально для того учрежденное акционерное общество «Печать». Вместе с А. Д. Протопоповым официальными учредителями этого издательского предприятия с капита-

А. Д. ПРОТОПОПОВ В ПАРАДНОЙ ФОРМЕ
ШЕФА ЖАНДАРМОВ

Наглядная иллюстрация единства промышленного капитализма и охраны в годы империализма: председатель совета съездов металлообрабатывающей промышленности и крупный землевладелец Симбирской губернии — с сентября 1916 г. министр внутренних дел и главноначальствующий отдельным корпусом жандармов

С фотографии (1916 г.), хранящейся в Ленинградском Областном Архивном Бюро

лом в 5 млн. руб. числились профессор и ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм и член Центрального комитета кадетской партии, бывший товарищ председателя I Государственной Думы, профессор Н. А. Гредескул¹.

На руководящую роль фактического редактора будущей газеты с самого начала переговоров о ней выдвинут был М. М. Гаккебуш-Горелов, ближайший сотрудник С. М. Проппера и фактический руководитель «Биржевых Ведомостей». Этот опытный, но совершенно беспринципный журнальный делец, одинаково хорошо связанный с оппозиционной буржуазной общественностью и с высшими административно-полицейскими кругами, и был, вероятно, инициатором намечавшегося в июле 1916 г. соглашения А. Д. Протопопова с С. М. Проппером. Причины, по которым сделка эта не состоялась, точно не известны. Можно предполагать, что уклонился от сделки не С. М. Проппер, а акционеры «Печати».

Дело в том, что условия, выдвинутые издателем «Биржевых Ведомостей», несколько стесняли свободу их действий в будущем редакционном аппарате, вызывая непомерно большие накладные расходы (вроде 1 млн. руб. за дом С. М. Проппера), и в самом начале уже заметно ослабляли тот маневренный денежный фонд, который должен был пойти на техническую реконструкцию самого предприятия и на мобилизацию в нем крупнейших литературных имен.

Недаром именно из кругов, ближайшим образом руководивших организацией газеты, вышла 8 августа 1916 г. специальная «докладная записка», интересная не только как издательский контрпроект, заостренный против сделки с «Биржовкой», но и как необычайно четко развернутый план создания финансово-технической базы большого газетного предприятия в условиях предреволюционной поры.

Записка эта, сохранившаяся в бумагах А. Д. Протопопова, печатается нами полностью. Автором ее, вероятно, был М. Н. Сыров, быв. заведующий конторой «Биржевых Ведомостей», перешедший на то же амтлуа в новое предприятие и первое время подписывавший даже «Русскую Волю» в качестве ответственного редактора.

8 августа 1916 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Самыми крупными торговцами типографских машин в Швеции являются техническая контора Ф. Вагнер и контора Гумелиуса в Стокгольме. Первая, т. е. контора Вагнера, — представитель завода «Кениг и Бауер», а вторая — Гумелиуса — представитель Фогтляндского завода. Кроме того обе конторы торгуют и разными подержанными машинами.

В Гельсингфорсе имеется отделение конторы Вагнер в Стокгольме, и кроме того товарищество «График» в Гельсингфорсе состоит агентом Гумелиуса.

Поездка в Гельсингфорс и переговоры с названными двумя гельсингфорскими фирмами выяснили, что в Швеции и Дании в настоящий момент в продаже имеется всего только две подержанные ротационные машины: одна из них завода «Кениг и Бауер», по формату своему совершенно не подходящая для нашего дела, а другая завода «Франкенталь», по своему формату совершенно тождественная с машиной, на которой печаталась газета «Россия» здесь, в Петрограде, и которая в данный момент находится в типографии министерства внутренних дел.

¹ «Былое» № 23, стр. 226. Письмом в газеты накануне своего назначения Протопопов так объяснял происхождение нового предприятия: «В виду громадности стоящих перед Россией в будущем задач... я решил приступить к изданию ежедневной газеты... Имея старую связь с промышленностью, я обратился к представителям таковой... Действительно, я встретил живой отклик со стороны многочисленных промышленников, которые и поручились финансирующими их банками дать основной капитал для предприятия». — В уставе о-ва «Печать», как свидетельствует Д. О. Заславский, специально были оговорены права А. Д. Протопопова в случае его назначения министром (там же, стр. 230); таким образом планы издателя не были тайной для его сотрудников.

[illegible]

16 (29) 1921 1916 г. — № 2

Въ этомъ номерѣ восемь страницъ

[illegible]

Восстановительные предприятия «Уралвагонмаш» и «УралТрактор» в 1993-1994 гг. получили от государства 100% субсидии на оплату труда. Подобные субсидии в 1995 г. получили и другие предприятия, производящие продукцию для нужд армии. Выходом из этой ситуации, по мнению экспертов, может стать введение дифференцированной системы субсидирования предприятий, производящих продукцию для нужд армии и гражданских предприятий. Выходом из этой ситуации, по мнению экспертов, может стать введение дифференцированной системы субсидирования предприятий, производящих продукцию для нужд армии и гражданских предприятий.

...и в статье «Правда» и в статье «Правда» и в статье «Правда»

[illegible][illegible]

В соответствии с указом президента
Российской Федерации от 12.01.2001 № 1
«О введении в действие Конституции
Российской Федерации» от 12.01.2001 № 1
и в соответствии с указом президента
Российской Федерации от 12.01.2001 № 1
«О введении в действие Конституции
Российской Федерации» от 12.01.2001 № 1

...и, как вы знаете, в настоящее время в стране нет ни одного человека, который бы не был членом партии. Это значит, что все население страны является членом партии. Это значит, что все население страны является членом партии.

наши студенты, преподаватели и сотрудники. Вспомогательные материалы, которые мы предлагаем, помогут вам в изучении курса. Мы надеемся, что вы найдете их полезными и интересными. Мы благодарим вас за участие в этом курсе и желаем вам успехов в учебе.

[illegible][illegible]

.....

...и в то же время не забывать о том, что мы живем в эпоху, когда наука и техника достигли небывалых высот, а человек стал способен на великие подвиги.

[illegible]

3 мая 1914 г.
Гр. Орловский.
В течение 1913 года мною были приняты следующие меры:

[illegible][illegible]

1917 ГОДЪ. НА БОЛЬШОЙ ПЛАСТУРЪ

РНАЛЪ

PLA 1939

ВНИМАНИЕ КОЛЛЕГО ТОВАРИЩА!

1. <u>Имя</u>	2. <u>Фамилия</u>
3. <u>Дата рождения</u>	4. <u>Место рождения</u>
5. <u>Пол</u>	6. <u>Воспитание</u>
7. <u>Образование</u>	8. <u>Профессия</u>
9. <u>Семейное положение</u>	10. <u>Средства к существованию</u>
11. <u>Сведения о семье</u>	12. <u>Сведения о здоровье</u>
13. <u>Сведения о работе</u>	14. <u>Сведения о службе</u>
15. <u>Сведения о наградах</u>	16. <u>Сведения о наказаниях</u>
17. <u>Сведения о переездах</u>	18. <u>Сведения о других лицах</u>
19. <u>Сведения о других лицах</u>	20. <u>Сведения о других лицах</u>

[Faint, illegible text from bleed-through]

ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛЕНИНА
МНЫЕ ДЕНЬГИ» И «СЛУЖА

Долгий срок исполнения новых машин французскими, английскими или американскими заводами, не говоря уже о том, что и стоимость их в настоящее время слишком высока (за две подержанные машины французской фирмы «Дерие», например, просят на месте, в Париже, 140 тыс. франков, а это с пошлинами, провозом и монтажом составит не менее как 120 тыс. руб.), вызывает необходимость приобрести подержанные ротационные машины в России.

В приобретенной типографии Березина имеется пять ротационных машин; из них две совершенно не пригодны для нашего газетного дела. Три же машины можно использовать для печатания газеты, но форматом приблизительно газеты «Петроградский Курьер». Эти три машины могут дать в час не более 35 тыс. экз., что совершенно недостаточно для обслуживания газеты.

Для усиления производительности типографии Березина необходимо приобрести еще несколько ротационных машин, по формату своему подходящих к машинам Березина.

В типографии «Московского Листка», которую, как говорят, можно было бы приобрести, имеются три машины завода «Кениг и Бауер»: одна из них двойная, а две одинарные. Двойная машина довольно сносная, а две одинарные достаточно подержаны, но при ремонте работать еще могут. Формат всех трех машин одинаковый и подходит к формату машин Березина. Если бы эти машины были приобретены, перевезены и установлены в типографии Березина, то явилась бы возможность печатать до 65 тыс. экз. в час, а при такой производительности уже можно было бы обслуживать не только утреннюю газету, которая при малом формате машин безусловно должна выходить не менее двух листов в день, но можно было бы успевать и с печатанием вечерней газеты.

В типографии «Московского Листка» имеется пять наборных машин и полное оборудование для обслуживания газеты, и если бы взамен тех трех ротационных машин, которые предполагается перевезти в типографию Березина, удалось бы приобрести две-три новые или подержанные ротационные машины, одинакового, конечно, между собою формата, то явилась бы возможность приступить и к осуществлению газеты в Москве.

Есть основание предполагать, как уверяют в Москве, что можно перекупить от Флора типографию Саблина, в которой имеется две ротационные машины, одна — одинарная, другая — двойная, и с производительностью до 25 тыс. в час газеты форматом «Русских Ведомостей», т. е. таким же, какой имеет газета «День». Производительность машины — 25 тыс. экз. в час — вполне достаточна для обслуживания на первое время утренней газеты в Москве.

Для осуществления вышеизложенного необходимо:

1. Приобрести типографию и дом «Московского Листка», на что придется затратить	Руб. 733 000
2. Приобрести от Флора типографию Саблина, что может обойтись, конечно, значительно дороже того, что стоила типография Флору. Предположим, что Флору придется уплатить	« 200 000
3. Перевезти часть машин из Москвы в Петроград и из типографии Саблина в типографию «Московского Листка», установить их и пр. На это потребовалось бы примерно	« 30 000
	Руб. 963 000

Если остановиться на предлагаемом здесь плане оборудования типографий для газет в Петрограде и Москве, то общая первоначальная затрата на техническую часть дела выразилась бы в следующих цифрах:

1. Покупка дома и типографии Березина	Руб 1 400 000
2. Купчая крепость по покупке	« 65 800
3. Переделки и добавочное оборудование типографии Березина	« 77 000
4. Обстановка редакции и конторы в Петрограде	« 45 000
5. Оборудование артели газетчиков в Петрограде	« 4 000
6. Приобретение перевозочных средств, как то: автомобилей, лошадей и пр.	« 33 500
7. Приобретение шести новых машин для типографии Березина в Петрограде и замена шрифтов наборных машин, имеющихся ныне в этой типографии	« 110 000
8. Приобретение типографии и дома «Московского Листка», типографии Саблина и перевозка машин, как показано выше	963 000
9. Купчая крепость на дом «Московского Листка»	« 15 000
10. Разные случайные переделки, добавочное устройство, обстановка, материалы и пр. для газеты и Москве примерно	« 20 000
	Руб. 2 733 300

Необходимо обратить внимание на то, что в сумме 2 733 300 руб. имеются два недвижимых имущества: одно в Петрограде, другое в Москве, и представляющих собою

ныне стоимость примерно руб. 1 300 000; таким образом на техническое оборудование газеты в Москве и Петрограде будет израсходовано всего только руб. 1 433 300.

Если сопоставить суммы первоначальных единовременных затрат на осуществление, с одной стороны, плана оборудования типографий по настоящей докладной записке, а с другой стороны — по комбинации с С. М. Проппером, то получаются следующие выводы:

на осуществление настоящего плана	Руб. 2 733 000
на комбинацию с С. М. Проппером:	
2 600 паев по 85 руб.	Руб. 2 210 000
за дома С. М. Проппера	1 000 000
	« 3 210 000

Вышеприведенные цифры наглядно показывают, насколько ныне предлагаемая комбинация выгоднее проектировавшейся сделки с С. М. Проппером. Правда, при осуществлении этой последней наше товарищество стало бы сразу владельцем уже налаженного дела, но ныне оно становится владельцем типографии и недвижимости кроме Петрограда также и в Москве ¹.

Проект создания «Русской Воли» на технической базе типографий «Московского Листка», Саблина и Березина был отвергнут так же, как и план использования фирмы и аппарата Проппера.

Шум, неожиданно поднявшийся в столичной и провинциальной печати вокруг всего начинания А. Д. Протопопова, подрывал значение такой примитивной маскировки, как фирма «Биржевых Ведомостей», а самые масштабы нового газетного предприятия могли быть обеспечены только покупкой за границей мощного машинного оборудования, заменить которое, разумеется, не мог старый инвентарь петербургских и московских частных типографий.

IV. «РУССКАЯ ВОЛЯ» И БУРЖУАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА

План мобилизации вокруг «Русской Воли» крупнейших и популярнейших имен предреволюционной литературы и журналистики с самого начала преследовал те же цели двойной маскировки подлинного лица газеты, как в процессе создания ее материальной базы ссылка на средства 43 фабрично-заводских и торгово-промышленных предприятий заслоняла имена фактических руководителей нового издания — Утина, Шайкевича, Вышнеградского и Мануса, а последние, в свою очередь, прикрывали его непосредственную связь с дворцовой камарильей и верхушкой полицейско-охранительного аппарата самодержавия. Поэтому, уже прокламировав в департаменте полиции задачи будущей газеты как «...защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде» и накануне своего свидания в Стокгольме с агентами германского правительства для обсуждений условий сепаратного мира, А. Д. Протопопов через А. В. Амфитеатрова пригласил летом в 1916 г. в Риме в будущую газету Г. В. Плеханова и Г. А. Алексинского, возглавлявших тогда социал-шовинистическую парижскую группу «Призыв», а на внешнепоказной пост заведующего всей литературно-художественной и критической частью издания выдвинул Леонида Андреева, резко выраженная антантофильская позиция которого во время войны также не возбуждала никаких сомнений.

Прожеженный политикан А. Д. Протопопов заранее попытался свести всю неизбежную дискуссию в печати о платформе новой газеты к вопросу лишь о рецидивах в обстановке 1916 г. «наивных предубеждений наших народников против капитализма», замазывая тем самым истинный характер нового органа союза банков с охранкой.

¹ «Дело по личной переписке г. министра внутренних дел» 1916 г., № 6, л. 23 и 24.

Весьма характерно, что этот трюк вполне удался, и даже в пору максимального обострения кампании против «Русской Воли», после того как ее инициатор стал последним министром внутренних дел Николая II, а Родзянко и Пуришкевич «разъяснили» его участие в распутинской клике, вопрос о новой газете продолжал трактоваться прежде всего в аспекте ее связей с банковским капиталом, несовместных якобы с традициями «великой русской литературы»¹. Раньше других от имени последней выступил старейший из органов буржуазной «оппозиционной» печати — либерально-доктринерский «Вестник Европы».

«Эта литературно-банковская затея (к будущей газете уже прищиплено злое, но остроумное название «Банковская печальница») задумана широко, — писал В. Д. Кузьмин-Караваев в седьмой книжке журнала. — Прежде всего, конечно, как и подобает в банковском деле, со стороны финансовой: на защиту от «несправедливых» нареканий банки и промышленные фирмы образовали капитал размером около 5 млн. рублей. Но не обойдена широтой размаха и сторона литературная. По сообщению «Речи», А. Д. Протопопов на созванном 15 июля совещании говорил о необходимости привлечь к участию в газете «авторитетных и видных представителей науки и литературы, профессоров и популярных писателей» и о том, что «руководители нового органа уже получили согласие выдающихся писателей». И как согласившиеся на сотрудничество в будущей «Банковской печальнице» им были названы Горький, Леонид Андреев и Короленко... Конечно, банковским дельцам было бы верхом торжества иметь таких сотрудников. И на организацию защиты «униженных и оскорбленных», наживающих на третий год льющейся крови всего только по 49 копеек на рубль, действительно не жалко было затратить и 5 млн. руб., тем более, что вакханалия наживы, поддержанная авторитетными и видными представителями науки и литературы, профессорами — не ставленниками Кассо — и популярными писателями, с лихвой вернула бы даже и такую затрату, а кстаті облегчила бы гг. Протопоповым победу на предстоящих выборах в Думу. Но только, на горе банкиров и миллионеров-промышленников, у нас еще есть ценности, которые нельзя купить на деньги. Да, при наших «отсталых» общественных нравах можно уверенно утверждать, что одного нескромного разоблачения «Речи» было достаточно, чтобы еще до ее появления на свет безвозвратно положить в могилу затею дельцов, в угаре наживы дошедших до такой степени сознания своей правоты и в угаре наживы дошедших до такой степени сознания своей правоты и неразумению такие «выдающиеся писатели» — Горький, Леонид Андреев и Короленко — не могут протянуть им руки»².

Для вдохновителей «Русской Воли» было, разумеется, на руку отведение дискуссии об их издании именно в это русло прекраснотушной

¹ Вот как формулировал А. Д. Протопопов в одном из многочисленных своих «разъяснительных» писем в редакции столичных газет взгляды хозяев «Русской Воли» на задачи печати: «Бичуя злоупотребления, разумная публицистика должна с любовью относиться к высокополезной народной предприимчивости, торговле и промышленности. Наивные предубеждения наших народников второй половины XIX в. против капитализма должны быть оставлены. России нет иного пути прогресса, как через капитализм. Мы не догоним передовых народов и не справимся с последствиями войны, если не разовьем промышленных сил нашего отечества. Торговля и промышленность — вот наша очередная, главнейшая цель, наши средства и наш якорь спасения. Только по этой дороге сила и счастье России. Пора понять и значение так называемых буржуазных свобод. Пора, с одной стороны, отбросить ветхозаветный страх, а с другой стороны — утопический максимализм, говорящий о столь многом и получающий столь мало» (цитируем этот документ по копии, оставшейся в бумагах А. Д. Протопопова в архиве министерства внутренних дел. л. 88).

² «Вестник Европы» 1916, № 7, стр. 323—324; ср. отклик «Русских Ведомостей» 1916, № 207.

журнальной риторики, топившей в либеральных фразах вопрос о классовом и политическом существовании новой рептилии.

Отказы от участия в «Русской Воле», особенно на первых порах, были единичны и случайны. В новую газету, конечно, не пошел Максим Горький. Опубликовал в «Русских Записках»¹ отказ от участия в ней В. Г. Короленко. Не принял приглашения А. Блок, о чем известил Л. Н. Андреева письмом от 29 октября 1916 г.² Но вот что писал, например, 24 июня 1916 г. сам Л. Н. Андреев, совершенно упоенный «финансовым великолепием» сделанных ему предложений:

«Я вошел в члены редакции новой большой и очень богатой петроградской газеты, основываемой целой ассоциацией капиталистов и банков. Вошел я лишь после того, как убедился, что газета будет широко прогрессивного направления, а в договоре с издателями всячески огорожил свою самостоятельность и влияние на физиономию газеты. Специальное мое дело: я заведу три отдела: беллетристики, критики и театра, имею сколько угодно помощников и приглашаю кого угодно, независимо от редакции. Иными словами: влияя на общее положение дела, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам, наиболее мне близким и важным. Главный редактор—Горелов (Гаккебуш), бывший редактор «Биржевых». Договор: на пять лет, жалованье за заведование и статьи 36 000 в год (36 тыс.), за беллетристику 1 500 руб. с листа, при чем обязаны печатать все, что даю; стотысячные неустойки. Одним словом, без усилия я могу вырабатывать в газете до 40—50 тыс. Такое финансовое великолепие, какого мне и во сне не снилось.

29 октября 1916.
Подпись 57, к. 21.

Дорогой Леонид Николаевич.

Все время я обдумывал, как
ответить Вам по существу;
когда же между нами (по
теперешней) встает вопрос
газетный и «Нивой» голос
и ответил этому голосу
сухо и холодно, как не могу
ответить Вам.

Вот моя близкая мысль
успокоить меня по поводу
во всем, приводя пример
и аргументы, которыми я не

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА К ЛЕОНИДУ АНДРЕЕВУ, НАПИСАННОГО В ОТВЕТ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОТРУДНИЧАТЬ В «РУССКОЙ ВОЛЕ»

С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

¹ В. Г. Короленко, Старые традиции и новый орган, «Русские Записки» 1916 г., № 8, стр. 249—267.

² Первые опровержения ложной информации об участии М. Горького и Короленко в «Русской Воле» опубликованы были в «Дне» от 25 июля 1916 г. Письмо Л. Н. Андреева к А. А. Блоку от 6/X 1916 г. с приглашением в новую газету см. в сб. «Реквием», М., 1930 г., стр. 88. Ответное письмо Блока см. в архиве Л. Н. Андреева. Сю. А. Блок, Памяти Л. Андреева в «Записках мечтателей» 1922 г., № 5: «В конце 1916 года вернулся я в Петербург не надолго в отпуск и нашел очень милое письмо, которым Л. Н. звал меня принять участие в газете «Русская Воля», где он редактировал литературный и театральный отдел. В письме этом были слова о том, что газету «зовут банковской, германофильской, министерской, и все это ложь». Мне все уши прожужжали о том, что это газета протопоповская, и я отказался, Л. Н. очень обиделся, прислав обиженное письмо».

Сейчас я уже занят организацией отделов и приглашением, был в Москве, где беру главное ядро своих сотрудников, вернулся в Питер на несколько дней для заключения и подписания договора и 27-го снова еду в Москву продолжать»¹.

Одними из первых приглашены были в «Русскую Волю» (сперва ее предполагали назвать «Народной Волей» или «Зарей») такие корифеи предреволюционной художественной прозы, как Бунин, Куприн, Шмелев, Сологуб, Сергеев-Ценский, Алексей Толстой. С «суворовской краткостью» ответил на призыв Л. Андреева Бунин:

*Времени, чтобы написать
много разговоров, было мало,
Ваше участие из газеты; кратко
вам, мы советам не для
газеты. — Как там дела
в городе этой зимой; а в
политике китов делов из-
дается а Заря; там бегут
суды; вот все это говорит, это
не слова. Ваш Александр Блок.*

КОНЕЦ ТОГО ЖЕ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Измалково, Орловск. губ.

Дорогой Леонид Николаевич, целую за приглашение, рад работать с тобой. Желаю успеха, напиши, когда начнется дело.

Прости за суворовскую краткость, мой поклон всему твоему дому во главе с хозяйкою.

Твой душевно *Ив. Бунин*

8.VII. 1916.

Столь же безоговорочным был, повидимому, и ответ А. Куприна. С сочувственной заинтересованностью и нетерпением к скорейшему осуществлению «предприятия» писал он Л. Андрееву 15 ноября:

«Когда, же, наконец, газета? О, когда?.. Или она давно уже выходит, но читают ее тайно лишь одни столоничальники министерства внутренних дел да ментранпаж с корректором (я думаю, что Сыров читать ни умеет)? А ни вы, ни я даже не подозреваем о ее существовании!

Измалково, Орловск. губ.

*Дорогой Леонид Николаевич, целую
за приглашение, рад работать с тобой.
Желаю успеха, напиши, когда нач-
нется дело.*

*Прости за суворовскую краткость, мой
поклон всему твоему дому во главе
с хозяйкою.*

*Твой душевно
Ив. Бунин*

Я, конечно, шучу, хотя и мрачно. Но очень прошу Вас, Леонид Николаевич, не поленитесь написать два слова по этому делу. Я в Гатчино, точно в Туруханском крае, ничего не знаю, что делается у вас в столице».

«Не очень часто, но и не слишком редко» обещал писать в газету А. Н. Толстой.

«Благодарю вас за приглашение,—отвечал он 29 августа 1916 г.

18.VII. 1916.

ОТВЕТ БУНИНА НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В «РУССКОЙ ВОЛЕ»

С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

¹ Письмо Андреева к брату впервые частично опубликовано в «Русском Союзнике» в 1924 г., № 4, стр. 42.

² Сыров являлся официальным редактором «Русской Воли», в действительности же подставная фигура банковских воротил.

Л. Н. Андрееву. — Действительно, я слышал много смутного об этой газете, но ваше имя парализует все злые толки. Участие мое в «Заре» осложняется моими старыми «Русскими Ведомостями», перед которыми я всегда чувствую себя почему-то немного виноватым и уйти из газеты.

Depon?

Second flower under.

Код. че марксови, чежема? О, код.! Ума
от давао упу водича, но ризама се трајно
имат адна етнономорфична МБД, до мотр
амкара а допротитопови. (А думам, тин Суров
Ума ам не гинтеа)? А ма Бх, тин а даге не
поуогравама ома суруситабонама!

А Concerno Куду, тога и нарочито хо
оулоу тпронгу Бад, леонгуе муре индур,
пе индуриндур мурин саит дба индурин
индурин дур. А в индурин, мурин в мурин.
муре индурин, муре индурин, муре индурин.
• в Бад в индурин

Рязань, Арена. Вальс 20-го в. и 3-й
улица по-прежнему в Рязани. Но сейчас она
не спит, а при этом еще и засоряется. И это
днем, потому что с электриком на работе есть
Кабланы (но вальс 20-го в.). Учительница
по-прежнему в. удерживает, и это с очень
Менее-менее, но с работой можно работать
универсальнее. Теперь в 20-го в. и нечетные
Менее-менее, Кротков и учительница. И теперь
не будет есть на улице 3-й оподан и не
Зависит. Слова: Давидов, Вальс-менее
Учительница: удерживает Рязань.

A Kyrjössä
Esimies vuorossa 15/XI

ПИСЬМО КУПРИНА ЛЕОНИДУ АНДРЕЕВУ ПО ПОВОДУ «РУССКОЙ ВОЛИ»

С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

конечно, не смогу. Поэтому в «Зарю» я буду писать не очень часто, но и не слишком редко, за эту зиму три фельетона. Гонорар я спрошу 1 рубль за строчку. Если эти условия вас удовлетворяют, то ответьте мне, пожалуйста».

«Деловые» соображения заставили таким образом А. Н. Толстого обусловить известные ограничения своего сотрудничества в газете. Это обстоятельство, разумеется, не уничтожает, а, наоборот, подчеркивает политическую беспринципность отношения А. Н. Толстого к органу, происхождение которого вызывало даже тогда не мало подозрений.

Цинический торг с редакцией затеял и Ф. К. Сологуб, выразивший в ответ на предложение сотрудничать, желание занять в газете «не случайное», а «некоторое определенное» положение.

«Еще 19 августа, — отвечал Ф. К. Сологуб 5 ноября 1916 г. Л. Н. Андрееву, — я писал вам о том, что хотел бы иметь к газете не случайное прикосновение для украшения одного-двух номеров, а некоторое определенное, — и в те же дни Ан. Н. Чеботаревская писала вам о той цифре, которую я хотел бы получить как знак постоянства отношений. 17 сентября вы мне написали, что «М. М. Горелов выразил принципиальное согласие — без подробностей и формального уговора — на мои условия». Чем дальше идет время, тем я увереннее начинаю думать, что Горелов смотрит на мое участие в газете совсем иначе, чем вы, и не придает ему никакого значения. А может быть через некоторое время он объявит, что ему и совсем не нужно мое участие или что-нибудь в этом роде. Все это ставит меня в ложное положение, из которого необходимого выйти»¹.

Выше мы отметили отказ от участия в будущей газете В. Г. Короленко. Однако акцентированная на вопросах личной и профессиональной этики мотивировка этого отказа политически была столь же несостоятельна и беспредметна, как и патетика либералов из «Вестника Европы». Что же касается исторических аналогий, к которым прибегал В. Г. Короленко, вспоминая, например, о положительной роли сибирских золотопромышленников в развитии окраинной оппозиционной печати, когда якобы «личный капитал шел к прессе без мысли о своих специфических интересах, он шел в святилище литературы, наук и искусств (тогда это не звучало так наивно) не как капитал, а как сочувствие знанию и свободолюбию», — то вся эта прекраснотушная, но не выдерживающая никакой критики «фактическая» справка была бы гораздо уместнее в платформе дельцов Международного банка, чем на страницах органа «народных социалистов», протестующего против протопоповской затеи.

Вместе с В. Г. Короленко оказался не в силах поднять вопрос об отношении к новой газете на принципиальную высоту и Иван Шмелев, мешанская ограниченность идеологического багажа которого определилась в мотивировке его отказа от участия в «Русской Воле» еще резче, чем циническое согласие на вхождение в последнюю Григория Алексинского и А. И. Куприна.

«Я не убогий партиец, вы знаете это, — отвечал он 24 июля 1916 г. на предложение Л. Андреева. — Я недурно знаком с теорией и практикой финансов, политической экономией и, конечно, не могу отвергать банки как естественно необходимый институт современности, но я далек от того, чтобы к этому институту идти на службу. Полезна для государства (и часто необходима) полиция, но я не пойду на службу в полицию ни за какие сотни. Нужны и тюрьмы — но и тюремным смотрителем не пойду»².

¹ Все приводимые здесь письма к Леониду Андрееву хранятся среди его бумаг, находящихся в Институте Новой Русской Литературы Академии Наук СССР.

² По таким же примерно соображениям уклонился от участия в «Русской Воле» Е. Н. Чirikов (письмо к Л. Н. Андрееву от 8/X 1916 г.):

«При отсутствии твердого и непреклонного рулевого и при слабости человеческого духа вообще лучше не сяду я на этот американский корабль! Погляжу-ка издали, как будет свершать рейсы свои этот Ноев ковчег, где семь пар чистых и семь пар нечистых».

Как «блаародный соплизм» позицию И. Шмелева квалифицировал в своих соображениях по поводу новой газеты не кто иной, как С. Сергеев-Ценский. В своем письме к Л. Н. Андрееву от 26 августа 1916 г. Ценский пытается уничтожить возникшие у последнего сомнения в моральной и политической чистоплотности банковских воротил нового издания. Приводим это крайне характерное письмо:

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ — ЗАВЕДУЮЩИЙ ЛИТЕРАТУРНЫМ ОТДЕЛОМ «РУССКОЙ ВОЛИ»

Ишарж 1916 г.

«Напрасно, мне кажется, смущает вас то, что «Заря» будет «банковской» газетой. Банковской или нет, не все ли равно для печатного слова? Будет ли издавать газету Захарка Жданов, Васька Чурилин, Ванька Каин или Гришка Отрепьев — не все ли равно? Что газеты основываются в целях политических, узкокапиталистических и прочих, к чистому искусству никакого касательства не имеющих, — это известно; что начать издавать газету никакой блаародный бедняк не может, если не спятил с ума, это понятно, ergo в чем же дело и по поводу чего шум? Сопляки в России только тем и занимаются, что уныло разыскивают везде мерзавцев, сопляки с головой утонули бы в своем блаародном соплизме, и кто бы их вытащил, бедных?»

Итак, вопрос о том, кто «вытащит их, бедных», С. Сергеев-Ценский вместе со всем буржуазным флангом русской литературной «общественности» разрешил ставкой на «Русскую Волю»¹, что в сфере хозяйствен-

¹ В активе «Русской Воли» не оказалось только двух крупных имен предреволюционной буржуазной литературы, отсутствие которых в этой газете социологически было бы не логично. Мы имеем в виду Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Однако материалы архива Л. Н. Андреева разрешают и этот казус. Прославленные богоскаты отвергли орган Международного и Учетного банков только потому, что связаны были с другим финансовым синдикатом. Фирма А. И. Путилова, директора Русско-азиатского банка, председателя правления Путиловских заводов и Нефтепромышленного товарищества Г. М. Ланозова С-ей импонировала им, очевидно, больше имен Шайкевича, Утина и Вышнеградского. Одно из писем Л. Н. Андреева, относящееся к середине октября 1917 г., характеризует панику в редакции «Русской Воли» в момент особо напряженного интереса к русским делам антантовских акционеров Русско-азиатского банка (из 55 млн. капитала последнего больше 40 принадлежало французским и английским вкладчикам):

«Хаос переживаний осложнился историей с «Русской Волей». Акционеры огорчились, что выходит много денег (хозяйство поставлено бестолково) и решили ее продать или уступить часть акций. Появился Савинков, столкнулся с Путиловым и Сытинным и за спиной правления и редакции три недели торгуется с акционерами. Хочет сделать свою газету, в красный угол сажает Мережковского и Гиппиус, в то же время сочиняет какой-то блок из цензовых и социалистов; тьма слухов, чепухи, пахнет авантюрой. И все это за спиной нашей. И никто подлинно ничего не знает, и все спрашивают друг друга: проданы мы или нет. И я не знаю. Повидимому, проданы, ибо сегодня вдруг звонит М. и с наивной наглостью приглашает меня сотрудничать в новой газете, т. е. в «Русской Воле». Я ответил, что я в «Р. В.» главный редактор и только таким себя и мню; от всякой же иной комбинации отказываюсь. Удивительные

но-политический в то же время соответствовало примерно ставке воротил фондовой биржи и их мелкобуржуазной агентуры на А. Д. Протопопова как министра внутренних дел.

«Назначение Протопопова открыло окошечко, конечно, не к русской обществуности, а к русской промышленности и притом с самого правого угла», — писал 21 сентября 1916 г. передовик «Русского Слова» И. В. Жилкин, с удовлетворением отмечая, что — «московская биржа учла это назначение в сторону повышения бумаг, особенно металлургических и нефтяных... Если от бюрократии власть должна клониться к буржуазии, то в лице Протопопова первый вынужденный кивок к ней. И, может быть, для русской промышленности не праздным занятием будет готовить дальнейших кандидатов для власти».

Эти и подобные им установки политиков мелкобуржуазного лагеря чрезвычайно облегчали экспансию в так называемую прогрессивную печать вдохновителей «Русской Воли».

Вопрос об окончательном оформлении редакционного ядра и всего коллектива сотрудников «Русской Воли» не входит в задачи настоящей статьи, материал которой призван осветить лишь некоторые моменты самого генезиса «одной из наиболее гнусных» — по формулировке Ленина — буржуазных газет, «основанной на заведомо темные деньги» и «служащей худшим из капиталистов»¹.

В сферу интересов «Русской Воли» легко были вовлечены Л. Н. Андреев, Бунин, Куприн, А. Н. Толстой, Ф. К. Сологуб, А. В. Амфитеатов, В. Г. Тан; через Н. А. Гредескула, Ф. Ф. Зелинского и Э. Д. Грима было обеспечено участие в издании верхушки буржуазной профессуры, а через Г. А. Алексинского А. Д. Протопопов рассчитывал связаться с Плехановым и оборонческими социал-демократическими и право-эсеровскими группировками обеих столиц и за рубежом².

Февральская революция помешала превращению в петлю провокационного узла, завязанного в «Русской Воле». Комбинации А. Д. Протопопова канули в Лету, но весь массив акционеров Международного и Учетного банков сохранил в газете свои позиции и во времена Керенщины. Больше того: освободившись от некоторых обязательств, связанных с выполнением заданий придворно-бюрократических кругов, Утины, Вышнеградские, Шайкевичи и Манусы еще теснее спаялись в обстановке развернувшихся классовых боев со своей литературной агентурой и после Октября почти полностью перевели последнюю в ряды контрреволюционной эмиграции и в белогвардейские агитпропы всех фронтов гражданской войны.

прохвосты и неописуемая чепуха. Конечно я буду трактовать это как нарушение договора: вопрос в том, захотят ли платить мне неустойку. Тогда суд. Но во всяком случае акционеры чувствуют себя по отношению ко мне чрезвычайно смущенными. На днях история разрешится, а пока — бываю в редакции и все будто по-старому» («Русский Современник» 1924 г., № 4, стр. 156—157). Ср. материалы о Русско-азиатском банке в книге Н. Ванага, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, изд. 2-е, М., 1925, стр. 44 и 95.

¹ Эти квалификации «Русской Воли» взяты нами из заметок В. И. Ленина в «Правде» от 19 мая 1917 г. и в «Рабочем» от 12 и 14 сентября 1917 г. Ср. Ленин, Сочинения, изд. 3-е т. XX, стр. 346 в т. XXI, стр. 114 и 127.

² Вопрос о вхождении в «Русскую Волю» меньшевиков и правых с.р. из «Призыва» требует специального рассмотрения. Необычайно характерно, что Н. Д. Авксентьев, секретарь «Призыва», только 8 января 1917 г. предложил Алексинскому выбирать между «Призывом» и «Русской Волей». Поэтому, конечно, и петербургские с.-д. оборонцы из «Современного Мира» только в январе 1917 г. удосужились печатно выступить против «Русской Воли» и открыто заявить о продаже вошедшим в нее Г. Алексинским своего партийного положения («Современный Мир» 1917 г., № 1, стр. 295—297).

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА ГЕГЕЛЯ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФИЛОСОФА

1831 — 1931

I

Во время одного из своих путешествий Гулливер попадает на остров чудес, где среди множества умерших посредственностей ему являются тени Гомера и Аристотеля. Проницательный англичанин сразу заметил, что многочисленные издатели и комментаторы держатся вдали от великих мудрецов древности. Они так обошлись с произведениями Гомера и Аристотеля, что им стыдно теперь встретиться с ними даже в преисподней.

Это место из сатирического романа Свифта как будто нарочно придумано для душеприказчиков, издателей и комментаторов Гегеля. Судьба литературного наследства великого немецкого философа является лучшим примером того, как мало умеет ценить своих духовных героев «просвещенная» буржуазия, как хищнически обращается она с драгоценным наследием своих классических представителей. Георг Вильгельм Фридрих Гегель был, по известному выражению Розенкранца, «осенней натурой». То, что он успел напечатать при жизни, представляло собой плод многолетней работы. Политические и философские взгляды Гегеля пережили длинный ряд изменений, следы которых содержатся в многочисленных рукописях и конспектах. Когда неожиданная смерть прервала литературную деятельность Гегеля, его архив представляла собой обширное целое. Карл Розенкранц, которому «школа» доверила составление биографии философа, говорит о «нескольких ящиках» с рукописями¹. По обыкновению для университетского профессора стремлению окутать туманом свои источники или по какой-нибудь другой причине, но Розенкранц не оставил нам даже точной описи этих манускриптов. Как тщательно сохранялись они в дальнейшем, показывает хотя бы то обстоятельство, что многие рукописи, цитированные у Розенкранца, в настоящее время бесследно исчезли. К числу навсегда утраченных документов относятся и такие вещи, как подробный комментарий к немецкому переводу, Джемса Стюарта — почти незамеченный источник для понимания взглядов Гегеля эпохи его перехода к примирению с буржуазной экономией. Утрачены также рукописи, относящиеся к лекциям Гегеля по философии истории, использованные в свое время Эд. Гансом и К. Гегелем. Исчезли и другие материалы. Они пошли по рукам, отправились вместе со своими владельцами в самые отдаленные части света, погибли при пожарах (как, например, упомянутый комментарий к Стюарту или письма Гегеля к Борису фон Икскуль) и, наконец, были просто разорваны на части «друзьями покойного», из которых каждый хотел получить на память его автограф.

Но не только хищническое обращение о рукописями философа заставляет вспомнить о бессмертной сатире Свифта. К столетней годовщине со дня смерти Гегеля еще не существует ни одного пригодного для научных целей собрания его сочинений. Дело в

¹ K. Rosenkranz, G. W. F. Hegels Leben, Berlin, 1844, S. XI.

том, что произведения, опубликованные самим философом, представляют собой не более половины того, что обычно относят к сочинениям Гегеля. Ряд чрезвычайно существенных отраслей гегелевской системы, как, например, философия истории, история философии, эстетика и т. д., сохранились лишь в записях слушателей и в виде отдельных тетрадей и заметок, по которым он в разное время, на разных ступенях собственного идейного развития читал свои лекции. Друзья и ученики Гегеля, выпустившие в 1832—1840 гг. первое издание его сочинений, воспользовались этими материалами самым некритическим образом. Восемнадцатитомное собрание сочинений должно было содействовать укреплению господства гегелевской школы в немецких университетах. А для этой цели нужен был канонический Гегель, лишенный противоречий своего развития; ибо в этом развитии были, как это хорошо знали «друзья покойного», и революционно-демократические ступени. Издатели сочинений Гегеля смешали в одну кучу тетради, относящиеся к периодам, отделенным иногда 25-летним промежуток; сюда же присоединили они записи слушателей и свои собственные воспоминания.

Все это подвергалось затем редактированию, при чем выбрасывались и присоединялись целые отрывки, чтобы в конце концов получился тот «синкретический» результат, в котором нуждалась школа¹.

Это редактирование, граничащее с фальсификацией, имело свое теоретическое обоснование. Оно поколось на апологетическом изображении всей биографии Гегеля, его отношения к правительствам, его университетской политики и всего образа жизни. Из Гегеля пытались сделать идеальный тип немецкого ученого, который, в противоположность людям политической страсти, всегда спокойно следовал одному, заранее избранному пути, без всяких переломов и скачков, без внутренней борьбы и противоречий с окружающей средой.

Эта тенденция ясно выражена уже в первой биографии Гегеля, написанной Карлом Розенкранцем: «Наибольшая трудность моей работы, — говорит здесь Розенкранц, — была заложена в своеобразии основной сущности гегелевского характера, которая состояла в постоянном всестороннем и постепенном развитии. Его творчество было тихим движением его ума, непрерывной наступательной работой всего его существа. Его биография лишена поэтому обаяния больших контрастов, страстных прыжков и только благодаря напряженной значительности ее героя избавлена от полной монотонности². С тех пор как была написана работа Розенкранца, защитники Гегеля не раз возвращались к подобной аргументации. Подчеркнуто-мещанский образ жизни философа, его стремление «сотрудничать в немецкой серьезности» с прусской бюрократией, наконец, просто «скудный» характер всей философии Гегеля казались им достаточной гарантией его благонадежности. Против представления о том, что взгляды Гегеля, по крайней мере в молодости философа, имели революционный характер, еще в настоящее время пишутся объемистые трактаты. Таково, например, тенденциозное произведение Теодора Л. Геринга «Hegel. Sein Wollen u. Sein Werk». Профессор Тюбингенского университета, в котором около 140 лет назад существовал революционный клуб, основанный Гегелем, старается доказать тезис о природном консерватизме своего героя при помощи материала из его

¹ Юбилейное издание сочинений Гегеля, выпускаемое в настоящее время Германом Глокнером, представляет собой фотомеханическое воспроизведение издания «друзей покойного». Изменен лишь порядок томов. Ценным в издании Глокнера является перепечатка так называемой «Гейдельбергской энциклопедии» 1817 г., давно уже ставшей библиографической редкостью. Том XXIII юбилейного издания должен (согласно обещанию редактора) содержать систематический указатель ко всему изданию в целом. Такой указатель окажется полезным приобретением в том случае, если он будет составлен более тщательно, нежели указатели в так называемом «критическом издании» Георга Лассона (вышло 13 томов). Издание Лассона более точно передает текст оригинала, но оно также не разрешает проблему научного издания сочинений Гегеля. Лассон не отказывается от субъективного выбора материала в том случае, когда речь идет о записях лекций, он не ставит себе также задачу подчеркнуть хронологическую последовательность рукописей Гегеля.

² Hegels Leben, S. X.

биографии. «... Гегелевская «революция», — пишет Геринг, — была всегда реституцией и беспрепятственной эволюцией истинной живой сущности всех вещей»¹.

Если так изображают Гегеля его друзья и апологеты, то нет ничего удивительного в том, что писали многочисленные противники философа. Гегель был представителем классической ступени в развитии мировоззрения имущих классов буржуазного общества. С беспощадным научным стоицизмом изображает он противоречия христианско-буржуазного мира, пытается разрешить их в идеалистическом культе государства. Как в Англии против Рикардо, так в Германии против Гегеля выступала филантропическая оппозиция. Немецкие либералы, подготовившие примирение отечественной буржуазии с помещичьим землевладением, находили философию Гегеля недостаточно гуманной, а его учение о гекатомбах, приносимых человечеством в жертву прогрессу, о мировом духе, ведущем свое дело *en gros*, — слишком жестоким и безрадостным. Читавшей публике они доносили на сервилизм Гегеля, на отрицание им свободы и индивидуальности, правительства же, напротив, пугали призраком Гегеля — атеиста и революционера.

В этих нападках на гегельянство немецкие либералы, группировавшиеся вокруг энциклопедии Роттека-Велькера, соприкасались с идеологами реакционного консерватизма. Консерватор Юлиус фон Шталь также считал, что гегелевская система дает слишком мало простора индивидуальной свободе на земле и божественному произволу на небе. Вообще идеологи свободы воли, не ограниченной никакой конституцией, и трубадуры свободной торговли выступали против Гегеля солидарно.

Революция 1848 г., в которой немецкая буржуазия утратила свои радикальные порывы, но приобрела высокую конъюнктуру, положила конец господству спекулятивной философии и открыла эру позитивизма. В 50-х годах XIX ст. Юлиан Шмидт и Рудольф Гайм объявили философию Гегеля достоянием истории. Полное пренебрежение к спекулятивной философии считалось в течение всего последующего пятидесятилетия признаком хорошего тона. Само собой разумеется, что ни о каком исследовании и опубликовании литературного наследия Гегеля в этот период не могло быть и речи. Та «нищенская эклектическая похлебка», которая преподносилась в немецких университетах, не оставляла места для подобных интересов. В последнем счете единственными людьми, сохранившими в это время уважение к Гегелю, были Маркс и Энгельс. Как мало понимали их в этом отношении даже близкие соратники, как Вильгельм Либкнехт, показывает, например, следующий эпизод, следы которого тщательно вытравлены Бернштейном в его издании переписки Маркса и Энгельса².

Когда «Крестьянская война» Энгельса пачеталась в «*Volksstaat*» Вильгельм Либкнехт снабдил ее подстрочными примечаниями, которые привели Энгельса в бешенство. Особенное раздражение вызвало у него примечание Либкнехта к слову «Гегель». И не случайно. Примечание содержало обычные либеральные нападки на Гегеля, а эта музика была слишком хорошо знакома основоположникам марксизма. «К слову Гегель, — пишет Энгельс Марксу 8 мая 1870 г., — этот человек делает следующее примечание: «Более широкой публике известен как мыслитель, открывший (I) и прославивший (II) королевско-прусскую государственную идею (III)». Я ему задал за это хорошую трепку и прислал для напечатания заявление, выдержанное при данных условиях в максимально мягких тонах. Этот дурак, для которого долгие годы любимым коньком было противоречие между правом и силой, при чем он на этом коньке разъезжал так беспомощно, как пехотинец, посаженный на бешеную лошадь и запертый в манеж, — этот неведжда имеет бесстыдство думать, что с таким человеком, как Гегель, он может раздаться одним словом «прусак» и при этом еще имеет наглость впускать публику, что я это сказал. С меня теперь довольно». Что именно либеральный характер примечания Либкнехта навлек на него гнев обоих основоположников марксизма, видно из ответного письма Маркса от 10 мая: «Я ему писал, что если он о Гегеле способен

¹ Hegel etc. Leipzig-Berlin, 1929, Bd. I, S. 285.

² Эти места из переписки восстановлены в издании Института Маркса — Энгельса — Ленина. Ср. недавно вышедший т. XXIV, стр. 335, 336 русск. изд.

лишь повторять старые глупости Роттека-Велькера, то ему бы лучше помолчать. Это он называет «разделаться с Гегелем без особенных церемоний» и т. д. И если он пишет нелепости в примечаниях к статьям Энгельса, то «Энгельс, конечно (!), может написать более подробно» (!!). Этот человек действительно слишком глуп»¹.

Не прошло и пяти лет после смерти Энгельса, как «старые глупости Роттека-Велькера» снова выплыли в социал-демократической литературе. Эдуард Бернштейн в своих «Предпосылках социализма» изобразил главной причиной «трехопадения» Маркса и Энгельса их генетическую связь с Гегелем. Кантианизм, демократическая ветвь которого (идущая от Ф. А. Ланге) уже давно искала пути к рабочему движению, казался Бернштейну и его сподвижникам гораздо более достойным сближения с марксизмом. Кант, в противоположность Гегелю, надолго сделался теоретическим святым II Интернационала. И это понятно. Учение Канта о «бесконечном прогрессе» к недостижимому идеалу как нельзя лучше годилось для обоснования либерально-реформистского руководства рабочим движением.

В настоящее время положение радикально изменилось. Либерализм уже не является господствующей идеологией «образованных классов» буржуазного общества. Он шаг за шагом уступает свое место фашизму. Реформистские партии II Интернационала уже превратились в социал-фашистскую опору буржуазии. Произошли заметные сдвиги и в области идеологии. Послевоенный кризис капитализма подточил веру в «бесконечный прогресс» и идеалы формальной демократии. А вместе с ними потерпели поражение неокантианство, позитивизм и весь букет разнообразных гносеологических течений, еще недавно самых модных и злободневных. На сцену выступили преимущественно вопросы политики и права. В поисках «новой метафизики» буржуазия вспомнила о Гегеле, а вслед за ней заговорили о Гегеле и литературные представители социал-фашизма.

Вожди немецкой социал-демократии были бы чрезвычайно удивлены, если бы лет 25 назад им сказали, что на столетнем юбилее со дня смерти великого идеалиста социал-демократический прусский министр Гримме официально заявит: «Гегель есть живейшая современность».

¹ Для отношения Либкнехта к вопросу о Гегеле характерно следующее письмо его к Марксу, опубликованное в «Vorwärts» от 14 ноября 1931 г. Оно написано, видимо, тотчас же по получении отповеди Энгельса, но еще до получения аналогичного письма Маркса.

«Среда, 13 мая 1870 г.

Дорогой Макс!

Вчера я получил от Энгельса свински грубое письмо, на которое я отвечу в таком же стиле, с заявлением, в котором он третирует меня как школьника и которого я, конечно, не принимаю. Поистине несуразно поднимать такой шум из-за какого-то беглого примечания о Гегеле. Что оно не Энгельсом написано, поймет всякий, кто знает Энгельса, и никто из знающих Энгельса не заподозрит его в святотатстве по отношению к святому Гегелю. Да и вообще лишь немногие сочтут это за святотатство.

Я не получил такого образования, как Энгельс; прежде чем я успел одолеть теорию, я был брошен в гущу практики и вот уже 22 года непрерывно веду беспокойную жизнь без минуты досуга. Что при таких условиях я не изучал Гегеля так основательно, как Энгельс, это ясно само собой, но и нисколько не позорно для меня. И если я даже немножко презираю эту учебу, то Энгельсу придется оставить при мне это мое частное мнение. Во всяком случае с его стороны безответственно оскорблять меня из-за такой ерунды, ибо он оскорбил меня. Как только я напишу ответное письмо, я пришлю его тебе.

Что касается его заявления, то я оговарю, что примечания написаны не Энгельсом. Этим он должен удовлетвориться, если не хочет вызвать скандала.

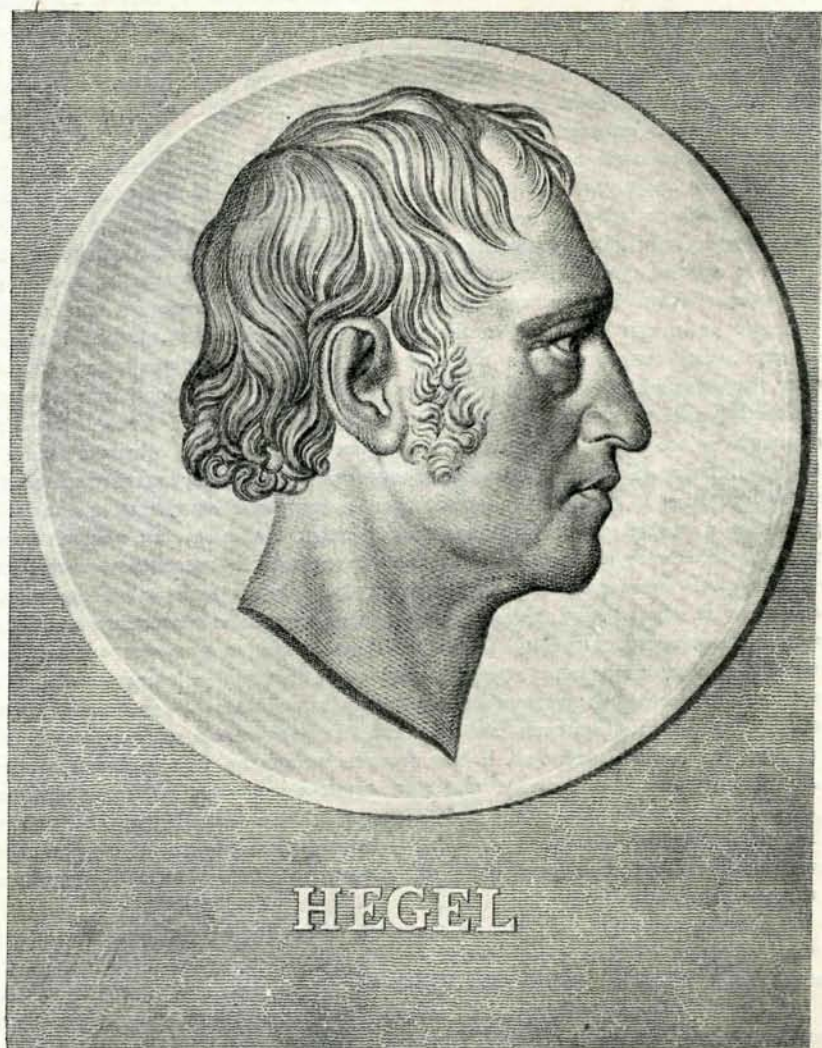
Я думал, что наконец-то у меня с вами все улажено, и вдруг это письмо... В области теории я уступаю первенство Энгельсу, но в области практики я считаю себя немножко более искусственным, чем он.

Сердечные приветы тебе и твоим

Твой верный Library (Либкнехт)

Моя жена благодарит за любезные поздравления. Когда я буду крестить малыша, то дам ему и твое имя. Ведь ты не возражаешь? Это было решено тотчас же после его рождения».

Этот философский псевдоклассицизм, иначе именуемый «возрождением Гегеля», есть явление новое, в нашей литературе еще недостаточно освещенное. С поразительной быстротой гегельянство вновь выступило на первый план в немецкой — и не только немецкой — идеалистической философии. Даже такие корифеи кантианства, как Риккерт, выказывают сегодня готовность к развитию в новом направлении. Неогегельяны образовали международный союз (Internationaler Hegel-Bund), основной целью ко-

Г. В. ГЕГЕЛЬ

Гравюра К. Барта с барельефа работы Драке

торого является «споспешествование изучению философии в гегелевском духе». 19—21 октября 1931 г. в Берлине состоялся второй конгресс этого нового союза, посвященный столетию со дня смерти философа. Газеты печатали подробные отчеты о конгрессе, на книжном рынке появилось, и, несомненно, еще появится, много новых работ с именем Гегеля на обложке. Съезд прошел в торжественной обстановке при участии всевозможных чинов и официальных представителей государственной власти.

Что означает этот новый период в истории гегельянизма и что принесло с собой оживление интереса к Гегелю в смысле опубликования и изучения его литературного наследства?

II

Ружья мещане хватают,
Попы в набат ударяют.
Государства морального существо
В опасности тяжкой—имущество.

Гейне.

Современное «возрождение» гегельянства имеет три основных причины. Наиболее глубокой и общей из них является сама эпоха империализма. Исторический поворот, связанный с наступлением этой эпохи, изображенной в работах Ленина и Сталина, вызвал соответствующие изменения и в идеологической структуре буржуазного общества. Философские течения, подобные неогегельянству, представляют собой только симптомы этих материальных и идеологических процессов.

В домонополистический период господствующие идеалы буржуазного общества хорошо выражались формулой Маркса: «свобода, равенство, собственность и Бентам». Им соответствовала доктрина о невмешательстве государства в свободную игру экономических интересов, идея двух истин: политической и хозяйственной, двух не соприкасающихся друг с другом сфер — области формального равенства и мира неравных частных лиц. Эти сферы были так же принципиально различны с точки зрения либерализма XIX ст., как различны у Канта «легальность» и «моральность». Эпоха империализма сделала эту догму непригодной в качестве идейного оружия буржуазии: «Монополия, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило, — по словам Ленина, — те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или гнивающий капитализм»¹. Либерально-манчестерские доктрины отступили на задний план, превратившись в ветхий завет буржуазного общества. На смену им пришли воззрения, открыто провозглашающие и оправдывающие «стремления к господству вместо стремлений к свободе». В империалистических странах буржуазная демократия завершила свое превращение в лживую фразу, прикрывающую неограниченное господство олигархии банков и промышленности. Поэтому могла получить широкое распространение антидемократическая и антилиберальная фраза, назначение которой — использовать в интересах империалистической буржуазии само разочарование масс в буржуазной демократии. Появились буржуазные критики либерализма и формальной демократии². В конце XIX и в первом десятилетии XX в. это течение выступало еще в качестве оригинального достояния некоторых декадентствующих одиночек и свое полное развитие получило лишь в послевоенное время в идеологии фашизма. Широкоощетательную критику манчестерства и индивидуализма с точки зрения приукрашенного социалистическими фразами государственного капитализма мы найдем и у защитников современной «демократии» — социал-фашистов.

Но не следует забывать, что новые пророки, обязанные своим успехом эпохе империализма, «пришли не для того, чтобы отвергнуть закон, а для того, чтобы его подтвердить». Они вовсе не собирались углублять свою критику либерализма до отрицания его основ — капиталистической частной собственности и диктатуры буржуазии. В этом отношении интересны слова Германа Гюкнера в его программной для немецкого неогегельянства статье «Krisen und Wandlungen in der Geschichte des Hegelianismus»: «Ничто не должно быть утрачено, все принципы — следовательно также и принципы девятнадцатого столетия — должны быть сохранены!»³. Но раз причислив себя к охранителям «принципов девятнадцатого столетия», представители не-

¹ Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, Собр. соч., т. XIX, стр. 171.

² Разумеется корни этих течений уходят в XIX ст. Вспомним хотя бы Бруно Бауэра, оказавшего влияние на Ницше. В пятом издании книги Ганса Файнгера «Nietzsche als Philosoph» (Langensalza 1930) имеются весьма интересные указания на забытую теперь книжку К. Теод. Гродека «De morbo democratico» («О демократической болезни»), 1849 г. Идеи Гродека также сыграли свою роль в возникновении ницшеанства.

³ Logos. XIII, 1924, S. 357.

Wissenschaft
der
Logik.

Von

D. Ge. Wilh. Friedr. Hegel,
Professor und Rector am Königl. Bayerischen Gymnasium
zu Nürnberg.

Erster Band.

Die
objective Logik.

Zweytes Buch.
Die Lehre vom Wesen.

Nürnberg,
bey Johann Leonhard Schrag

вых течений в литературе господствующих классов применяли совсем другие методы и провозглашали иные доктрины. Апология силы и проповедь активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь сменили идеал договорных отношений и веру в стихийный разум биржи. Через всю буржуазную литературу последних 30 лет проходит постепенно усиливающаяся тенденция идеализировать могущественное национальное государство, якобы обуздывающее противоречия интересов и подчиняющее себе экономию.

Эти новые тенденции можно проследить и в области философии. В домонополистический период «идеологические составные части» класса буржуазии были одержимы духом критицизма и скепсиса. Теоретико-познавательный идеализм помогал им превращать все жгучие социальные проблемы в неразрешимые антиномии, чтобы тем самым подорвать авторитет таких «догм», какой, например, для культурного и «чуждого метафизики» буржуа являлся социализм. Эта точка зрения находила своего наследственного врага в философии Гегеля, одного из последних «догматиков» господства «всеобщего» над «единичным», государства над отдельным индивидом.

В империалистическую эпоху критика Гегеля в духе либерализма выходит из моды. Гигантские государственные образования, вооруженные до зубов и представляющие интересы монополистических групп, нуждаются в подогревании политического идеализма в массах. Они нуждаются в новом «догматизме», вере в иллюзорную национальную «всеобщность». Старая тенденция защиты частного лица от посягательства государства, извлеченная буржуазным либерализмом в качестве урока из ранних демократических революций, уже не имеет цены для господствующих классов. Они заинтересованы именно в том, чтобы расширить сферу непосредственного вмешательства государства в область экономики, шире использовать государственную машину в исторической тяжбе буржуазии с рабочим классом, этой «частью», осмеливающейся восставать против «целого». Отсюда перемена направления и у философствующих представителей монополистической буржуазии. Пытаясь притти к «самопониманию», они наткнулись на ту критику либерализма, свободной конкуренции и индивидуализма, которая получила свое отражение в некоторых философских и политических теориях эпохи конституирования буржуазного государства. К таким теориям, еще сохранившим в себе отзвуки революционного терроризма, относится и гегелевская идеализация государства, стоящего над «буржуазным обществом» как сферой эгоизма и борьбы интересов. Конечно, гегелевский культ государства по своему историческому значению так же мало походит на современную апологию *stato forte*, как ассоциация «индустриалов» в духе Сен-Симона — на корпоративные союзы Муссолини. Но здесь есть сходство идеологической формы, т. е. все необходимое для фальсификации. Вот один из источников современного философского ложноклассицизма, неотделимого от всей атмосферы демагогии и лжи, окутывающей действительные черты капиталистического общества эпохи его упадка. Первые шаги в сторону неогегельянства, связанные с работами Дильтея в Германии, даже хронологически совпадают с началом эпохи империализма¹.

¹ О связи немецкого неогегельянства с «идеями 1914 года» хорошо писал Лассон в самый разгар мировой войны. «Гегель, — говорит этот философствующий протестантский поп, — поднял на новую ступень познание государства. Он учил пониманию сущности государства, отношения единичного лица к государству, положения и признания единичного государства в исторической связи человечества и тем самым оказал самое решающее влияние на вызревание государственной идеи, пришедшей в течение последних столетий к своему политическому существованию в Германии; «идеи 1914 года» восходят без всякого сомнения к гегелевскому пониманию истории и его учению о государстве. Если в современной мировой войне, посредством которой враги Германии хотели преградить дорогу или свести на-нет проникновение в мир немецкого духа, если в этой войне вместо медленного расширения происходит резкая германизация мира, если одна из мировых сил за другой, для того чтобы спастись от поражения, должна усвоить себе немецкое понимание государства и государственных обязанностей его граждан и насильственно навязывать своим народам это понимание, то мы не должны забывать, как велик был вклад Гегеля в то, чтобы сделать это понятие государства свободной, живой собственностью немецкого народа, собственностью, которая сейчас в ужасающем мировом пожаре оказывается самой высокой и самой истинной»; см. G. W. Fr. Hegel, *Die Vernunft in der Geschichte*. Hrsgb. von L a s s o n. Vorwort d. Herausgebers (июнь 1917 г.)

Вторым источником «возрождения» гегельянства является послевоенный кризис капиталистической системы и специально современный мировой экономический кризис. Один из наиболее дальновидных представителей университетской Германии — Юлиус Эббингауз — следующим образом рисует послевоенную ситуацию в области философии: «Война, длившаяся 4½ года, потрясшее человечество ощущение того, что почва, на которой оно существует, колеблется под ним, и вот грезится, что чего-то не хватает, чего-то такого, что может укрепить эту колеблющуюся почву. Грезится, что нечто должно быть доступно познанию как необходимо истинное, т. е. доступно в возможном познании *a priori*. Тут вдруг вспоминают о свисающем третированном ранее «обосновании», теперь оно находит себе спрос, теперь оно должно затыкать дыры, поддерживая колеблющееся, создать новый фундамент для рухнувшего. Осмысленность, оглядка, подлинность — таковы волшебные слова, которым покоряются все; посредством представления о том, что человек еще никогда ни приходил к своей собственной основе, новые устремления ставят перед своими глазами необычайно заманчивую награду. Потоки искателей золота, которым зачастую не хватает необходимейших принадлежностей научного бытия, текут через все страны света в поисках за самородным металлом. Погляди однако: что бы ни нашел единичный, он не может сделать из этого никакого употребления. Ибо, когда он представляет его другим, раздается единодушный крик: это не то, что мы ищем, это не золото, это не происходит из глубин»¹.

Всеобщий идейный распад, отражающий хозяйственные и политические судороги буржуазного общества, является одной из причин современных поисков «новой метафизики». Борьба с критицизмом и скептицизмом, ведущаяся на страницах философских журналов, в университетских аудиториях, на конгрессах, как две капли воды похожа на политику «восстановления доверия», проводимую руководителями банков. Философия, в которой нуждаются сейчас имущие классы, — это философия оздоровления, философия национальной концентрации. И так как современное «мощное государство» связано посредством *regressive metamorphosis* с государством гегелевской философии права, то обращение к последней предопределено по самой сути дела. Это становится совершенно ясным при чтении актов первого гегелевского конгресса, изданных евангелистом «Гегель-Бунда» — Вигерсмой².

Главный докладчик первого конгресса — Юл. Биндер — сосредоточил свою критику на «общественном эгоизме», господствующем, по его мнению, во всех проявлениях «нашего индивидуалистического века». Этот индивидуализм Биндер рассматривает как следствие «либеральной Германии», а эпоху либерализма вообще — как период «распавшегося в себе духа», «эпоху разложения и упадка». Напротив, в современной действительности он оптимистически усматривает симптомы отрезвления. «Отчужденный дух снова начинает осмысливать самого себя, делает первую попытку, если можно так выразиться, снова притти к себе». Такова причина «нового пробуждения гегелевского духа», являющегося духом «сосредоточенности, самоосмысливания». Что означает эта «сосредоточенность»? «Если просвещение смешивало государство с буржуазным обществом, а либерализм в эпоху Гегеля подчинял государство этому обществу, как это имеет место и теперь там, где государство рассматривается как простое средство для целей хозяйства, то Гегель, напротив, показывает, что этим путем интерес единичного, как такового, берется в качестве конечной цели и что отсюда следует, что участие или неучастие в государстве зависит от желания единичного. Действительно, нынешняя политическая усталость, незаинтересованность по отношению к государству, халатность в исполнении гражданского долга есть только следствие этого понимания, которое в конце концов ведет к откреплению хозяйства от государства и тем самым к отнятию у государства его материального содержания. Но государство, как неустанно подчеркивает Гегель, находится в «совсем другом отношении к индивиду: поскольку

¹ Julius Ebbinghaus, Ueber die Fortschritte der Metaphysik. Tübingen, 1931, S. 6.

² Verhandlungen der ersten Hegelkongresses vom 22 bis 25 April 1930 im Haag. Im Auftrag des Internationalen Hegelbundes herausgegeben von B. Wigersma, Tübingen-Haarlem, 1931.

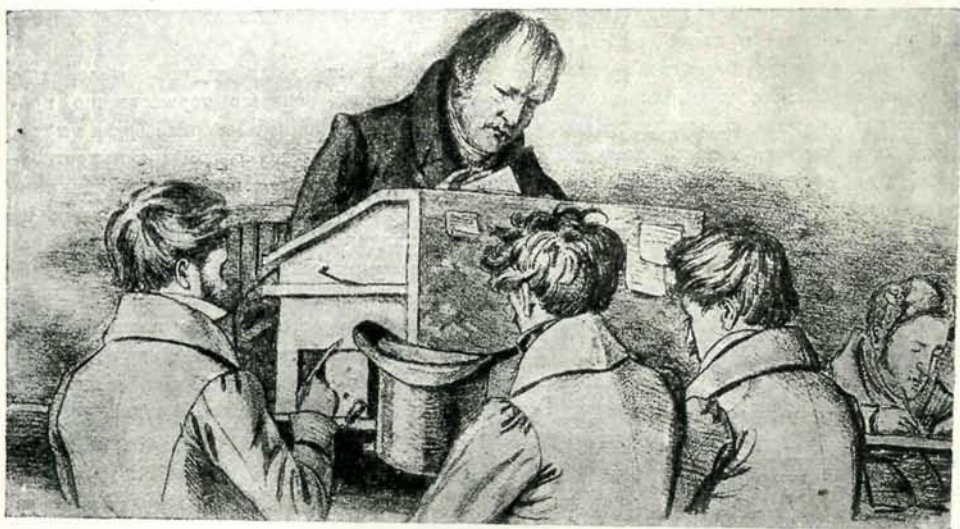
оно является объективным духом, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он является его частью». Таким образом, возрождение «гегелевского духа» несет с собой примат государства над частным интересом. Доклад Биндера всецело проникнут этой идеей, которая принадлежала когда-то не только Гегелю, но даже Робеспьеру. И тем не менее в устах современных гегельянцев эта идея имеет глубоко реакционный смысл. Критика «частного интереса», которой беспрепятственно предаются гегельянствующие профессора и доценты, нисколько не угрожает спокойствию имущих классов. Нападки на «индивидуализм» и «эгоизм», требование подчинения отдельного лица «всеобщему» и т. д.—все это не выходит из пределов тех мер вмешательства «политического государства» в «буржуазное общество», какие применяет на практике любое империалистическое правительство (например, ограничение вывоза дивиз и т. п.). Более того: эта критика «общественного эгоизма» может быть с удобством направлена против рабочего класса, отказывающегося приносить жертвы капиталистическому государству. Что именно классовый эгоизм пролетариата является главным объектом критики Биндера, показывают его нападки на марксизм и коммунизм. Следуя старой реакционно-декадентской манере, он рассматривает коммунистическую теорию в качестве разновидности индивидуализма. «Марксистское учение о государстве как орудии власти в руках господствующего класса есть порождение этого общественного субъективизма: такая теория, которая, подобно современному либерализму и демократизму, тоже имеет своей основой субъективизм, никогда не может вступить в действительную борьбу с этим учением» (стр. 203). В качестве настоящей антитезы марксизма Биндер не без основания называет гегелевскую теорию государства. «Совершенное единство субъективного и объективного духа и действительность свободы есть государство. Но это государство не есть просто предмет единства, оно не есть также простой коллектив, но некая «универсальность» самостоятельных частей, которые в своей единичности являются действительностью целого» (стр. 187). Для того чтобы не осталось ни малейшего сомнения в том, что этот «универсализм» при всем своем отличии от либеральных идеалов является в то же время крайней противоположностью коммунизма, ученый мракобес поясняет: «Коллективизм есть только форма индивидуализма, и он не имеет ничего общего с универсализмом».

То, что реакционный профессор Биндер называет «универсальностью», социал-демократический прусский «министр исповеданий» Гримме именует «обществом, организованным на товарищеских началах». В приветственной речи, обращенной ко второму конгрессу гегелевского интернационала, Адольф Гримме заявляет: «Гегель — это живейшая современность, ибо он подчеркивает примат всеобщего государства над индивидом. Государство было для Гегеля высшей нравственной силой общества, организованного на товарищеских началах». Здесь тот же империалистический идеал «мощного государства» прикрывается социалистической фразой о товариществе, подобно тому как в статье Гримме «Живой Гегель»¹ капиталистическая программа оздоровления фигурирует под именем «планового хозяйства». «Примат всеобщего над индивидом», вдохновляющий реакционных профессоров и социал-фашистских министров, есть не что иное, как философский псевдоним современного буржуазного государства, государства железной пяты, от которого господствующие классы ждут решительных действий против «индивидуализма». Первым проявлением такого антигосударственного индивидуализма является потребность рабочего жить, иметь пищу, жилище и т. д.

Итак, в современных условиях политический идеализм Гегеля служит оружием борьбы с коммунизмом. Это с элементарной ясностью вытекает из широкого распространения неогегельянства в фашистской Италии. Политическое учение Гегеля является здесь как бы официальной доктриной. Верховный глава итальянского гегельянства Джiovанни Джентиле сам в течение некоторого времени занимал пост министра просвещения в правительстве Муссолини. Один из знатоков итальянского фашизма и его буржуазный критик Людвиг Бернгард следующим образом рисует политические корни неогегельянского течения в Италии: «На первой, так сказать наивной, ступени фашистская доктрина состояла просто-напросто из одной, образованной по принципу

¹ «Vorwärts» от 14/XI 1931 г.

антитезы формулировки своего отношения к политическому либерализму. Политический либерализм был противоположностью, от которой диалектически развивалось фашистское учение. Умственные ходы на первой ступени заимствованы из учения Макиавелли. «Сильное государство», *stato forte*, как единственно жизнеспособное противопоставляется либеральному государству, являющемуся государством слабым, разорванным. Основные понятия либерализма, каковы «свобода», «воля народа», «демократия», «самоуправление», осмеиваются как бессодержательные. Характерным и для этой ступени являются программные заявления Муссолини в 1922 и 1928 гг., особенно его противопоставление: «*Forza e consenso*» в официальном фашистском журнале «*Guerarchia*». После того, однако, как горький опыт 1924 г. показал ему, что жестокие вещи опасно выражать жестокими словами и обнажать произвол, диктатор стал при усилении всех средств насилия искать диалектической маскировки.

ГЕГЕЛЬ НА КАФЕДРЕ В БЕРЛИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С современного рисунка

Тем самым наступил золотой век философов, этих певцов фашизма. Дживанни Джентиле стал официальным провозвестником фашистской «свободы». В то время как реалистический Муссолини только-только сказал, что итальянские массы желают не свободы, а хлеба, он услышал теперь, к своему радостному удивлению, от Джентиле, что фашизм есть истинная свобода. И то, что стремилась выразить вычурная диалектика Джентиле, означало теперь в металлической формуле Муссолини: «Быть свободным — не есть право, но обязанность!»

Эту «диалектическую» демагогию, заложенную в самом характере эпохи империализма, Бернгард неудачно называет «узурпацией» либерализма.

«Средство, с помощью которого официальная доктрина совершает эту узурпацию, есть диалектика Гегеля.... Популярно-политическое применение гегелевской диалектики Джентиле и «джентилеанцами» в высшей степени пригодно для того, чтобы искусно запутать сами по себе простые и ясные, но совершенно односторонние и негибкие идейные мотивы фашизма и придать им оттенок таинственного. К этому нужно прибавить, что с недавнего времени в Риме стало очень модно украшать политические речи и статьи непонятными обрывками этой сложной диалектики»¹. Доклад Джентиле на втором гегелевском конгрессе в Берлине мог служить иллюстрацией к этим рассуждениям Бернгарда.

¹ Ludwig Bernhard, *Der Staatsgedanke des Faschismus*. Berlin, 1931, S. 7-9.

Перечень главных источников современного неогегельянства был бы не полон без упоминания на третью — национально-немецкую — причину его расцвета. Это — крушение германского империализма в результате мировой войны, версальская система, являющаяся одним из существенных условий экономического падения Германии. В поисках выхода из кризиса немецкий капитализм навязывает народным массам эфемерный идеал могущественной империалистической Германии. Националистическая агитация находит себе союзника в неогегельянском движении. Так называемое «интернациональное» гегелевское общество имеет своей действительной целью создание на родине философа святилища великогерманского шовинизма. Как бы в доказательство этого берлинский обер-бюргермейстер Зам привел на втором конгрессе Гегель-Бунда следующие слова современника Гегеля Пфизера: «Философия есть в сущности наша последняя и единственная национальная святыня, последний и прочный пункт, от которого мы можем отправляться к новым духовным победам и снова вернуть себе утерянное; только высшее и совершеннейшее образование духа может снова создать для немцев достойное их положение в ряду других наций».

Год назад, когда бессилие германского капитализма перед лицом победителей еще не обнаружилось с такой ясностью, первый гегелевский конгресс торжественно провозгласил философию международного права Гегеля немецкой «теорией реванша». Мы уже знаем, что с точки зрения Гегеля государство является разрешением противоречий буржуазного общества. Но каково взаимоотношение между отдельными нациями-государствами, составляющими в совокупности человечество? Подобно тому как на мировом рынке действительно только золото, в международных отношениях имеет значение только сила. Гегель с величайшим историческим реализмом изображает действительное отношение между национальными «левизанами» буржуазного общества: войну всех против всех. Но сила является выражением исторического права. Нация, оказывающаяся в данную эпоху носительницей мирового духа, обладает и мощью, необходимой для того, чтобы сделать другие народы своими орудиями. Их тяжбу решает время. История, как говорит Гегель, есть последний «страшный суд».

Эта картина написана прежде всего с исторических судеб французского народа в эпоху революционных войн и наполеоновского режима в Европе. Но революционный национализм, являющийся ее содержанием, превратился у современных гегельянцев в реакционный шовинизм. Об этом свидетельствует хотя бы уже цитированный выше доклад Юл. Биндера.

Биндер противопоставляет «дух Гегеля» «пацифистскому движению». Главным противником теории международного права Гегеля является, с его точки зрения, учение Канта о «вечном мире». Отсюда естественно следует, что из двух конкурирующих судилищ — международного трибунала Лиги наций и «страшного суда» истории — Биндер выбирает последнее. Он настойчиво подчеркивает, что у Гегеля нет ни малейшего намека на «сверхгосударственное право», что, по мнению философа, нет «претора» между народами. Гегелю чужда идея вечного мира, «гарантированная союзом наций, с третьей-ским судом и исполнительной властью, как это соответствует Версальскому миру», и вообще идея «союза наций, созданного посредством произвола, насилия и политики и предназначенного для сохранения власти победителя над побежденными и тем самым сохранения вечного мира для победителей». В противовес этой идее «Гегель слишком ясно высказался за нравственную справедливость войны, чтобы его восприятие нравственности и свободы могла соответствовать мысль о некоем, хотя бы и бесконечно отдаленном состоянии вечного мира, ибо как раз война является для него необходимым средством защиты свободы угрожаемой нации, и в замкнутости гегелевской системы нет вовсе места для цели, лежащей в дурной бесконечности». «... Не только фактически в современных условиях нет судьи между народами, но и вообще его быть не может». Единственное решение исходит от «мирового духа», «творящего свой суд над государствами в процессе мировой истории, т. е. в необходимой борьбе народов друг с другом за свою свободу, за действительность их духа в мире, за выполнение их исторической миссии». «Уверенность в силе нравственности может быть всегда только уверенностью в своем нравственном праве» и «...в своей собственной нравственной ценности. Мировой дух обнаруживает в ней свою силу, которая поможет

угрожаемой нации добиться победы». — Таковы чрезвычайно ясные цели и стремления руководителей немецкого неогегельянства. Воссоздать Германию как могущественную империалистическую державу, во что бы то ни стало добиться реванша:

Вот Гегель и книжная мудрость,
И смысл философии всей.

В то время как действительное учение Гегеля о «страшном суде» истории было отражением революционного периода буржуазного общества, современный культ милитаризма является ярким симптомом его заката. Идеи неогегельянства представляют собой хорошую иллюстрацию к словам т. Сталина о том, что буржуазия будет искать выхода из кризиса на путях войны. Но этот путь кровавой гибели культуры, на котором учены представители господствующих классов избрали своим Вергилием Гегеля, преграждает мировой пролетариат. Он противопоставляет этим классам свою силу и право. То рациональное зерно, тот прогрессивный смысл, который сохранили еще слова Гегеля о «страшном суде» истории, состоит для нашего времени в том, что между рабочим классом и классом капиталистических частных собственников нет и не может быть иного суда, кроме суда борьбы. Состояние двух систем — социалистической и капиталистической — решает, за кем историческое право и кто, напротив, будет уничтожен. Настоящий «страшный суд» (Weltgericht) — это мировая коммунистическая революция. «В средние века, — говорил Карл Маркс в своей замечательной речи на юбилее чартистской «Народной газеты», — в Германии существовало, в отместку за злодеяния правящих классов, тайное судилище, «суд Фемы». Если на каком-нибудь доме появлялся красный знак, то знали уже, что хозяин его отмечен Фемой. Теперь на всех домах Европы начерчен таинственный красный крест. Сама история руководит судом, а исполнителем приговора будет пролетариат».

III

Из всего сказанного о причинах и характере современного «возрождения» гегельянства естественно следует, каково должно быть наше отношение к этому своеобразному идеологическому явлению. Можем ли мы приветствовать «возрождение» классической философии и в частности реабилитацию Гегеля, осмеянного либеральными теоретиками в прошлом, или, наоборот, должны оплакивать окончание либерально-позитивистской и кантовско-реформистской эры, как эры «меньшего зла» по сравнению с фашистским неогегельянством? Разумеется, обе эти позиции были бы неправильны со всех точек зрения и прежде всего с точки зрения политической. Неогегельянство, как и неокантианство, принадлежит в одинаковой степени к антикоммунистическим средствам теоретизирующего буржуа. Они реакционны в самом глубоком и точном смысле этого слова. Было бы нетрудно показать, что оба эти течения, при всей своей противоположности, взаимно питают друг друга, а в настоящее время даже прямо ищут сближения. Поэтому, разоблачая попрежнему идеализм кантовцев, мы не находим ничего исторически-прогрессивного и в современной неогегельянской моде, своеобразным отражением которой в советских условиях является меньшевистствующий идеализм пружпы Деборина, насквозь проникнутый некритическим отношением к гегелевскому наследию. Куда ведет это направление, показывает пример Зигфрида Марка, Гримме и других представителей социал-фашистского неогегельянства.

«Нет худа без добра» — гласит одна рискованная поговорка. Оживление интереса к Гегелю, распространившееся за последние 30 лет, было причиной приведения в некоторый относительный порядок рукописей Гегеля (хранящихся в «королевско-прусской» библиотеке в Берлине) и даже опубликования значительной их части. Это и есть то небольшое «добро», которое, разумеется, не может оправдать такого большого «худа», каким является современное реакционное гегельянство. Мы позволим себе здесь остановиться на одной из этих публикаций, стоящей сейчас в центре спора о Гегеле и, к сожалению, мало у нас известной. Речь идет о работах молодого Гегеля, написанных им в последнее, революционное, десятилетие XVIII в. Они были опубликованы в 1907 г. учеником Дильтея Германом Нолем, правда, под неуклюжим и явно апологетическим заглавием «Теологические работы молодого Гегеля»,

При первом взгляде на эти работы, составляющие в совокупности толстый том в 400 страниц, действительно может показаться, что содержание их имеет чисто богословский характер. Здесь и «народная религия», и «жизнь Иисуса», и «позитивность христианства», словом, понятия и образы, способные создать впечатление, будто в годы величайших революционных потрясений в Европе Гегель мирно перелистывал свой катехизис. Но это далеко не так. Работы, опубликованные Нолем¹, показывают нам молодого Гегеля в качестве одного из наиболее последовательных демократов тогдашней Германии. И кто знает, не ждала ли его судьба революционного пораженца Георга Форстера, если бы армия Кюстина, поднявшись вверх по Рейну, вторглась в Швабию? Интерес к религиозным вопросам нисколько не противоречит этим политическим симпатиям Гегеля. Если вместе с Германом Нолем мы назовем эти юношеские произведения «теологическими работами», то придется, пожалуй, отнести к области богословия не только «Исповедь савойского викария» Руссо, но и декрет Конвента от 18 флореала II года, устанавливающий публичный культ Высшего Существа.

Излюбленным мотивом неогегельянцев является тезис о глубоко религиозном духе всей философии Гегеля. Недаром на втором конгрессе Гегель-Бунда председательствовавший Лассон с презрением говорил о некоей «секте», написавшей на своем знамени: «Гегель» и одновременно — «религия есть опиум для народа». Понятно, что именно юношеские «теологические» работы Гегеля истолковывались в духе политико-религиозного мистицизма. Еще Дильтей писал о «мистическом пантеизме» молодого Гегеля.

Нельзя отрицать того, что в юношеских работах Гегеля политические вопросы выступают в форме религиозных проблем. Это есть несомненное следствие отсталости Германии конца XVIII в., результат особого характера развития в ней классовых противоположностей. Но, с другой стороны, религиозная проблема и в частности вопрос об отношении религии к государству (см. обширные рассуждения на эту тему в рукописи «Позитивность христианской религии» у Ноля, стр. 183 и след.) занимал три собрания народных представителей в революционной Франции, и вообще разрешение этой проблемы, соответствующее основам буржуазного общества, в 90-х годах XVIII ст. было еще искомым (по крайней мере для Европы). Не следует упускать из виду и то своеобразное обстоятельство, что последовательно-демократическая партия Великой французской революции — партия якобинцев — была настроена антихристиански, но отнюдь не атеистически. Известны слова Робеспьера, верного последователя Руссо: «Атеизм аристократичен, между тем как идея Великого Существа, заботящегося о невинности... имеет целиком народный характер». Руссо против «энциклопедистов», «абстрактно-возвышенный «гражданин», против эгоистического «материалиста» — буржуа, народная религия против атеизма жирондистских салонов — такова противоположность, с которой сталкивается всякий, желающий понять политическую и философскую литературу конца XVIII в. Эта антитеза дает ключ к пониманию религиозности молодого Гегеля.

Так же, как деятели Конвента, Гегель рассматривает религию в качестве средства для политико-социального воспитания и руководства массами. В центре его внимания стоит «народная религия», изображаемая в античных тонах и созданная для того, чтобы поддерживать республиканские добродетели. «Народная религия, родящая и питающая великие помыслы, идет рука об руку со свободой» (стр. 27). «Человек есть нечто столь многостороннее, что из него можно сделать все; многообразно переплетенная ткань его ощущений имеет такое множество концов, что все может быть с нею связано: если это не исходит от одного конца, то исходит от другого. Поэтому человек был способен к глупейшему суеверию, к величайшему иерархическому и политическому рабству; сплести эти прекрасные нити природы, сообразно последней, в один благородный союз — должно быть прежде всего делом народной религии» (стр. 19). Эта последняя у молодого Гегеля представляет собой прямую противоположность господствующей положительной религии. «Теологические работы» Гегеля насквозь проникнуты критикой иудаизма и христианства. Похотливо-чувственной, мелочно-эгоистической основе

¹ Hegels theologische Jugendschriften nach den Handschriften der Rgl. Bibliothek in Berlin, herausgegeben v. Dr. Hermann Nohl, Tübingen 1907.

так называемых «великих религий» он противопоставляет публичный культ красоты, религию древнегреческого полиса. Иудейство и христианство покоятся на антиобщественной тенденции частного человека, его индивидуалистическом погружении в самого себя; мелочное исполнение религиозных обрядов вытекает из личных интересов людей, уши которых закрыты для понимания «долга». «Своекорыстие есть маятник, колебания которого поддерживают их машину в движении» (стр. 7).

«Это своекорыстие, господство частного интереса над всеобщим является источником веры в чудеса и загробное воздаяние. «Свободный республиканец» не ждет утешения и вознаграждения в загробном мире. «Сделать своей максимой слепое послушание человека, подверженного злобным прихотям, мог только народ величайшей испорченности, глубочайшего морального бессилия, его могла привести к этому только продолжительность времени полного забвения лучшего состояния. Такой народ, оставленный самим собой и всеми богами и ведущий частную жизнь, нуждается в знамениях и чудесах, нуждается в гарантиях со стороны божеств, что имеется будущая жизнь, ибо в самом себе он уже не может иметь этой веры» (стр. 70).

Рабство, бессилие, нищета — вот действительная основа веры в загробное воздаяние. «Толпа, не обладающая более публичными добродетелями, униженная и живущая в состоянии угнетения, нуждается теперь в иной поддержке, ином утешении, чтобы вознаградить себя за ту нищету, которую она не может осмелиться уменьшить...» (стр. 70). Возникновение и распространение христианства было следствием разложения античной общественной жизни, упадка свободы, испорченности нравов. «Греческая и римская религия была религией только для свободных народов, и вместе с утратой свободы должен был исчезнуть также ее смысл и сила, ее приспособленность к людям. Что пушки для армии, расстрелявшей все свое снаряжение? Она должна искать другого оружия. Что сети для рыбака, когда поток уж высох? Как свободные люди, подчинялись они законам, которые дали себе сами, слушались людей, поставленных в начальники ими самими, вели войны, решенные ими самими, отказывались от своей собственности, своих страстей, жертвовали тысячу жизней за дело, которое было их делом, не поучали и не поучались, но применяли максимы добродетели в деяниях, которые они вполне могли назвать своими; в публичной, как и в частной и домашней жизни, каждый из них был свободным человеком, каждый жил по собственным законам. Идея отечества, его государства, была невидимым, высшим, для блага чего он работал и что подталкивало его, это было его конечной целью в мире или конечной целью его мира — он находил ее представленной в действительности или сам содействовал ее осуществлению и сохранению. Перед этой идеей исчезала его индивидуальность, он претендовал только на сохранение жизни и продолжительное существование для нее, и это ему удавалось осуществить; но требовать продолжительного существования или вечной жизни для своей индивидуальности ему не могло или очень редко могло притти в голову...»

С падением античной демократии возникла почва для религиозных умонастроений, подобных христианству. Гегель следующим образом рисует взаимоотношение между индивидом и обществом в позднеримскую эпоху. «Образ государства как продукта деятельности исчез из души гражданина; забота о целом, обзрение всего покоилось в душе единичного или немногих; каждый имел свое предуказанное ему более или менее ограниченное, отличающееся от другого место; незначительному числу граждан было доверено управление государственной машиной, и эти последние сами по себе служили лишь отдельными колесиками, приобретающими свое значение лишь в связи с другими: доверенная каждому часть раздробленного на куски целого была настолько незначительна в отношении к последнему, что единичному не было вовсе пользы знать или видеть эти отношения — полезность в государстве была великой целью, поставленной государством своим подданным, а целью, которую они себе ставили при этом сами, была нажива и поддержание своего существования и еще, пожалуй, тщеславие. Всякая деятельность, всякая цель была направлена теперь на индивидуальное, никакой деятельности больше для целого, для идеи — каждый работал для себя или был принужден работать для другого единичного. Свобода подчиняться собственным законам, следовать за избранными ими самими властями и военачальниками, осуществлять планы,

в выработке которых они сами принимали участие, все это отпало, отпала всякая политическая свобода; право гражданина давало лишь право на неприкосновенность собственности, которая заполняла теперь весь его мир; явление, срывавшее теперь всю ткань его целей, деятельность всей его жизни, а именно — смерть, должна была казаться ему чем-то ужасным, ибо ничто его не переживало (республиканца переживала республика), и вот этому человеку мерещилось, что она, его душа, есть нечто вечное (стр. 223).

Все эти идеи, в которых сказывается, конечно, влияние революционных писателей XVIII в., сохранились у Гегеля и впоследствии. Но у зрелого Гегеля они скрыты под иной, гораздо более высокой оценкой христианства и частной собственности, как необходимой основы прогресса в новое время. Если мы однако обратимся к антирелигиозной литературе левогегельянцев, то обнаружим большое сходство между двумя периодами революционно-демократического подъема: концом XVIII в. и началом 40-х годов XIX в. Но есть нечто, отличающее молодого Гегеля от позднейших критиков христианства. Это — гораздо более реалистический характер его взгляда на политическую функцию религии. Какими

туманными кажутся все рассуждения о христианстве, исходящие от левогегельянцев 30—40-х годов XIX в. по сравнению со следующим местом из юношеских работ Гегеля, проникнутых духом революционного просвещения: «Первые христиане находили в своей религии утешение и надежду на будущее вознаграждение для них и наказание для их врагов — их угнетателей, которые были язычниками. На подданный монастыря или вообще подданный деспотического государства не мог воззвать к своей религии о мести по отношению к роскошествующему прелату, расточающему то, что добыто потными руками, или к откупщику. Ибо этот последний слушает те же массы, или даже сам им служит, и т. д. — такой подданный находил в своей механической религии столь великое утешение и вознаграждение за всю утрату им своих человеческих прав, что он в своей животности потерял всякое понимание принадлежности к человечеству»¹ (стр. 365).

Мы уже видели, что критика религии у молодого Гегеля покоится на противопоставлении частного человека, bourgeois — политической всеобщности, точно так же как это имело место в идеологии якобинцев. Неравенство имуществ, частная собственность критикуются не в их специфически-буржуазной форме, а наоборот, как следствие феодально-иерархического общественного устройства, как остаток политической деспотии. Положительная религия является только отражением этой искаженной общественной формы. «Объективность божества развивалась параллельно испорченности

Vertrauliche Briefe

über

das vormalige staatsrechtliche
Verhältnis

des

Waadtlandes (Pays de Vaud)

zur

Stadt Bern.

Eine völlige Aufhebung der ehemaligen
Oligarchie des Standes Bern.

*

Aus dem Französischen eines verstorbenen Schwizers überfetzt
und mit Anmerkungen versehen.

Frankfurt am Main

In der Jägerischen Buchhandlung

1798.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
ПАМФЛЕТА КАРТА ПРОТИВ БЕРНСКОЙ
ОЛИГАРХИИ. ПЕРЕВОД И ПРИМЕЧАНИЯ
ПРИНАДЛЕЖАТ ГЕГЕЛЮ

¹ Наибольшее сходство с идеями молодого Гегеля обнаруживает содержание двух левогегельянских брошюр («Трубный глас» и «Учение Гегеля о религии и искусстве с точки зрения верующего»), в составлении которых принимал участие Маркс (1841—1842). То же самое надо сказать и о конспектах молодого Маркса, относящихся к периоду его работы над «Трактатом о христианском искусстве».

и рабству людей, и она есть собственно только проявление этого духа времени» (стр. 227). Там, где центробежные силы частного интереса разлагают социальный организм, человек не верит в самого себя и все, что есть в нем хорошего, переносит в потусторонний мир. Наоборот, вместе с уничтожением деспотии и подавлением индивидуального эгоизма ему снова становится понятным «прекрасное человеческой природы». «Поэтому, когда спустя тысячелетия человечество снова становится способным иметь идеи, интерес к индивидуальному исчезает, и хотя сознание испорченности человека остается, но учение о его греховности идет на убыль, и то, что привлекало нас в индивиде, само в качестве идеи все более выступает в своей красоте; мыслимое нами, оно становится нашей собственностью, мы снова познаем как свое творение, снова присваиваем себе прекрасное человеческой природы, то, что мы сами вкладывали в чуждого индивида, оставляя для себя лишь самое отвратительное, на что только способна человеческая природа; тем самым мы снова учимся чувствовать уважение к себе, ибо до сего времени мы полагали, что нам свойственно только то, что может служить предлогом презрения» (стр. 71).

Мы подходим здесь к действительному историческому содержанию того, что Гегель называл «народной религией». Это публичный культ народа, «свободных республиканцев», проявляющийся в пышных, декорированных на античный лад торжествах в честь «духа» и «разума». «Народ, — пишет молодой Гегель, — который учредит свое публичное богослужение таким, что будут затронуты чувства, фантазия и сердце, без того, чтобы разум остался при этом пустым, что его благоговение произойдет из согласной работы и подъема всех сил души, а представление о строгом долге будет смягчено и сделано более доступным, посредством красоты и радости — такой народ, чтобы не дать в руки определенного класса людей возжи, с помощью которых можно держать его в зависимости, будет сам устраивать свои празднества, сам будет распределять свои выдачи, и когда его ум будет занят отечественными учреждениями, сила его воображения изумлена, его сердце тронут и его разум удовлетворен, то его дух не будет вовсе чувствовать потребности, или ему вовсе не будет доставлять удовольствия, выслушивать каждые семь дней фразы и образы, понятные и уместные только несколько тысяч лет назад в Сирии»¹ (стр. 39).

Проблема революционного праздника имеет не малое значение и для революции пролетариата. Об этом свидетельствует четырнадцатилетний опыт нашей страны. Однако между массовыми демонстрациями рабочего класса и помпезными празднествами классической буржуазной революции XVIII в. — огромная разница. Ибо «там, — говоря словами Маркса, — фраза преобладала над содержанием, здесь содержание преобладает над фразой». Революционные учреждения Франции уделяли вопросу об организации и распорядке народных празднеств исключительное внимание. Ремесленник и богатый поставщик, рабочий и владелец мануфактуры должны были по плану законодателей слиться в торжественном порыве к социальному единству, которое именно вследствие своего сверхэкономического характера приобретало религиозный смысл

¹ Мы как будто слышим знаменитую речь Робеспьера о республиканской религии «Высшего Существа»: «Граждане... есть такого рода учреждение, которое следует рассматривать как существенную часть публичного воспитания и которое необходимо относится к его содержанию; я буду говорить о национальных празднествах. Соберите людей и вы сделаете их лучшими, ибо люди, собравшиеся вместе, ищут удовольствия, а удовлетворение им могут доставить только те вещи, которые делают их достойными уважения. Дайте их собранию великую моральную и политическую тему, и любовь ко всем достойному проникнет в их сердца вместе с удовольствием, ибо люди не встречаются без удовольствия. Человек — это самый великий предмет в природе, и самое величественное из всех зрелищ есть зрелище великого народа, собранного воедино. Никогда не говорят без энтузиазма о народных празднествах Греции... Как легко будет французскому народу дать нашим собраниям более широкий предмет и более великий характер! Хорошо разработанная система празднеств будет одновременно играть роль легчайших уз братства и самого мощного средства возрождения». «Не ждите, однако, честолюбивые священнослужители, что мы будем работать для восстановления вашего владычества!.. Истинный жрец Высшего Существа — это природа: его храмы — это вселенная; его культ — добродетель; его праздники — радость великого народа, собранного пред его очами для того, чтоб крепче стянуть узы всеобщего братства и чтоб воздать ему благоговение чувствительных и чистых сердец».

ГЕГЕЛЬ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
С современного рисунка

При всем реализме якобинцев их политическая идеология была насквозь идеалистична. Она бичует всякое проявление особых интересов, как «эгоизм», и объявляет непатриотичными материальные требования рабочих. Но тем самым идеология якобинцев теряет свой «народный» характер. Для того чтобы привязать массы к республиканским добродетелям, которые их не кормят, чтобы сделать невозможное, т. е. устранить противоречия материальных интересов внутри народа, разыгрываются грандиозные общественные спектакли, вызываются тени Грахов и Публикол, заимствуется из древней Греции идея народного празднества. Дух как бы примиряется с плотью, и абстрактная добродетель, парящая над материальной жизнью, делает уступку человеческой чувственности. Так в демократической революции, проходящей под руководством мелкой буржуазии, возникает эстетическая проблема.

Классическая философия в Германии была «немецкой теорией Великой французской революции». Это справедливо не только в общих чертах, но и применительно к отдельным вопросам, приковывавшим внимание немецких мыслителей. Проблема эстетического оформления народных празднеств и публичной жизни вообще играет большую роль в поэзии и прозе Шиллера. В юношеских работах Гегеля она занимает одно из центральных мест. Это дает современным философским писателям повод «эстетизировать» молодого Гегеля. Обрушиваясь на «миф» о революционных побуждениях Гегеля, они рисуют его погруженным в чисто эстетические интересы, фантазирующим энтузиастом, который, уходя в мир прекрасного, начисто отрицает все, связанное с прозой жизни. Но мы уже видели, что эстетическая критика «своекорыстная» по своим основным мотивам совпадает с нападками якобинцев на «аристократию капитала». Гегель разделяет все достоинства и недостатки революционно-демократической идеологии конца XVIII в. Этой идеологией проникнуты и его взгляды на искусство.

В юношеских работах Гегеля мы повсюду найдем противопоставление античного искусства духу нового времени и западных народов. «Уже в архитектуре обнаруживается различный гений греков и немцев — те жили свободно, на широких улицах, в их домах были открытые, лишенные крыши дворы, в их городах частые большие площадки, их храм построен в прекрасном благородном стиле — простой, как греческий дух, возвышенный, как бог, которому он посвящен». Напротив: «Наши города имеют узкие, воюющие улицы, комнаты узки, отделаны темным, с темными окнами, большие залы низки и давят, когда находишься в них...» Древние греки могли воспевать тираноубийц Гармодия и Аристокитона — в новое время народная фантазия чужда подобных сюжетов (стр. 359). Причину нисхождения поэзии Гегель видит в оторванности образованных слоев от народа, а с другой стороны — в крайней бедности и грубости народной фантазии у современных наций. «...Афинский гражданин, которого бедность лишала возможности подавать свой голос на публичном народном собрании, вынужденный даже продавать себя в рабство, знал не хуже Перикла или Алкивиада, кто такой был Агамемнон и Эдип, которого в благородных формах прекрасного и возвышенного человечества выводили на сцену Софокл и Эврипид, или Фидий и Апеллес изображали в чистых образах телесной красоты» (стр. 240). В новое время оторванность образованных слоев народа гораздо более велика. Вообще «неравенство имуществ» и «сословий» образует, по мнению молодого Гегеля, главную причину упадка эстетической и торжества религиозной фантазии. «Когда простота нравов еще до большого неравенства состояний сохранилась в народе и история разыгрывается на собственно народной почве, то саги переходят от родителей к детям, они являются в равной мере достоянием каждого. Но как только внутри нации образуются особые сословия и отец семейства перестает быть вместе с тем и первосвященником, то рано появляется сословие, служащее хранителем саг, от которого исходит знание их в народе; это бывает особенно в тех случаях, когда эти саги произошли из чуждой страны, возникли среди чуждых нравов и на чуждом языке. Основа, содержание саг в своей первоначальной форме уже не может быть здесь достоянием каждого, ибо, чтобы изучить эту форму, нужно много времени и разнообразный аппарат знаний. Таким образом, это сословие быстро достигает господства над публичными верованиями, господства, которое может распространиться до пределов весьма широкой власти, или,

по крайней мере, всегда сохраняет в руках возжи по отношению к народной религии» (стр. 65—66).

Рукописи, изданные Нолем, насыщены элегическим воспеванием античности, выступающей в образе республики «свободных граждан», в противоположность обществу, заботящемуся лишь об интересах «единичного». Греческая демократия повсюду противопоставляется государству нового времени, заботящемуся лишь об охране «собственности»¹. Уже в первой из этих рукописей, названной в издании Ноля «Народная религия и христианство», Гегель противопоставляет «юношеский гений» греков «стареющему гению Запада». Первый «чувствует самого себя и ликует в своей силе, с неутолимой жаждой набрасывается он на нечто новое и живейшим образом заинтересован в нем, но оставляет его, пожалуй, снова и овладевает чем-нибудь другим. Этим никогда, однако, не может быть что-нибудь такое, что угрожало бы наложить оковы на его гордую свободную шею. Напротив, «стареющий гений во всех отношениях отличается прежде всего своей прочной привязанностью к исстари заведенному и поэтому он несет оковы, как старик подагру, о которой он ворчит, не имея силы ее сбросить; он позволяет себя толкать и трясти, как это вздумается его владыке, но наслаждается с половинным сознанием, не свободно, не открыто, со светлой, прекрасной радостью, вызывающей у других симпатию,— его празднества—это болтовня, подобно тому как у старика все сводится к тому, чтоб болтать,— не звучный клич, не полнокровное наслаждение» (стр. 6). «Ах, из далеких дней прошлого перед душой, обладающей чувством красоты и величия в великом, встает сияющий образ гения народов — сына счастья, свободы, воспитанника прекрасной фантазии. И его приковывала к матери-земле железная цепь потребностей, но он так обработал ее и с помощью своего чувства, фантазии, придавал ей более тонкий красивый характер, с помощью граций оплел ее розами, что он находил себе в этих цепях удовлетворение, как в своем собственном создании, как в части самого себя... Мы знаем этого гения только из поэтических описаний. Мы можем с любовью и удивлением судить лишь о некоторых его чертах в оставшихся копиях его образа, которые пробуждают мучительное стремление к оригиналу. Он — это прекрасный юноша, которого мы любим и в легкомыслии, со всей свитой граций, а с ними бальзамическое дыхание природы, душа, которую они вдохнули и которую он вкалывал в себя из каждого цветка. Увы, он оставил землю!» Интересен также следующий отрывок, правда, перечеркнутый и обрывающийся на самом существенном месте. «Другого гения наций вывел Запад —

¹ Эта антитеза представляла собой идейную основу тесной дружбы молодого Гегеля с Гельдерлином. Гегель следующим образом рисует в стихотворении «Элевзис» (недавно снова найденном) эту близость двух гениальных современников французской революции:

«Вокруг меня, во мне разлит покой — и деловых людей
забота неустанная уж спит, они дают свободу
и досуг мне. — Спасибо, ты моя
освободительница-ночь! — Туманным флером
скрывает лунный свет неверные границы
холмов далеких и приветливо мерцает
светлый край воды.
Воспоминание отдаляет земного дня наскучившие шумы,
как будто между днем и ночью залегают годы.
Твой образ, о, любимый, предо мной встает,
и радость улетевших дней; но тотчас
перед надеждой сладкою на новое свиданье грусть

отступает,

Уже встает обятий пылких сцена,
за ней выведывания тайного картина
из внешности, из выражения, из мыслей, что изменилось

в друге

с теченьем времени? — И, о, блаженство
уверенности в том, что верность союзу старому
лишь более созревшей и крепкой предо мной предстанет.
Союзу, не освященному присягой,
завету «жить лишь ради истины свободной и с законом,
который мнением и ощущением управляет,
мир никогда не заключать».

его образ имеет старческий характер, прекрасным он никогда не был, — но некоторые слабые следы немногих черт мужественности у него еще остались — его отец согбен — он не осмеливается ни бодро оглянуться вокруг, ни восстать в сознании самого себя — он близорук и может видеть сразу лишь мелкие предметы, лишенный храбрости, без уверенности в собственной силе, он не осмеливается на смелый прыжок, [чтобы] железные цепи грубо и...

Мы видели уже Гегеля-«теолога», Гегеля-«эстетика», теперь попробуем понять Гегеля — поклонника древности. В его отношении к античному миру нет ничего отвлеченно-академического. Обращение к античному образцу есть характерная особенность революционного движения конца XVIII в. Этого не избежали даже такие люди, как Грахх Бабеф. «Робеспьер, С.-Жюст, — писал Маркс, — в самых ясных выражениях говорят об античной, присущей только «народной сущности», «свободе, справедливости, добродетели». Спартанцы, афиняне, римляне в эпоху своего величия — «свободные, справедливые, добродетельные народы». Эта политико-эстетическая фантастика свойственна Гегелю в одинаковой степени с деятелями Комитета общественного спасения, она образует их общую черту, выражение их общей исторической и классовой ограниченности. «Робеспьер, С.-Жюст и их партия погибли потому, что они смешали античный реалистически-демократический общественный порядок с новейшим спиритуалистически-демократическим представительным государством, которое покоится на эмансипированном рабстве, на буржуазном обществе. Какая колоссальная ошибка — быть вынужденными признать и санкционировать в «правах человека» современное буржуазное общество, общество промышленности, всеобщей конкуренции, свободно преследующих свои цели частных интересов, анархии, самой от себя отчужденной природной и духовной индивидуальности, — быть вынужденным признать и санкционировать все это и в то же время аннулировать в лице отдельных индивидуумов жизненные порождения этого самого общества, и в то же время желать построить по античному образцу политическую верхушку этого общества!»

Эта ошибка якобинцев была исторически необходима. «В классически строгих преданиях Римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые, им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии». Это «заклинание мертвых» «служило для того, чтобы преувеличить значение данной задачи к фантазии».

Современные неогегельянцы из лагеря фашизирующей буржуазии берут у молодого Гегеля его якобинское противопоставление «всеобщего» эгоистическим тенденциям отдельного индивида, *le particulier*, «частника». Эта революционно-демократическая идеология превращается у них в реакционнейшее обоснование борьбы буржуазного государства с «эгоизмом» рабочего класса. Политическая фикция надклассовой «народности», идеализация язычества, юности, силы, попытки создать «новую мифологию» и т. д. и т. п. — все это служит теперь не для того, чтобы преувеличить данную революционную задачу в фантазии, а наоборот, для того, чтобы отвлечь народные массы от их действительных революционных задач. Подлинным вождем народной революции на родине Гегеля в Германии может быть только пролетариат. Захватив власть в свои руки, рабочий класс под руководством коммунистов поведет самую последовательную борьбу с *les particuliers*, что в переводе на язык XX столетия означает рыцарей частного капитала, продающих в настоящее время немецкий народ оптом и в розницу. Поэтому все подлинно прогрессивное в литературном наследстве Гегеля принадлежит революционному пролетариату, хотя ему чуждо всякое «заклинание мертвых», всякое «пародирование» старой борьбы. Задача рабочего класса так велика и обширна, что ему нет никакой надобности преувеличивать ее значение в фантазии.

Мнх. Лифшиц

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Литературное наследие Золя в общем мало изучено в науке западной и нашей. Не касаясь литературоведческих работ о Золя, мы остановимся на изданиях сочинений Золя, чтобы оттенить неисследованные моменты в его творчестве, напомнить о забытых материалах и познакомить читателя с частью рукописного его наследия.

I

При жизни Эмиля Золя (1840—1902) произведения его выходили в свет в ряде издательств. Первоначально Золя печатался в «Интернациональном издательстве» А. Лакруа. Но после «Карьеры Ругонов» и «Добычи», двух первых романов серии «Ругон-Маккары», издатель разорился. В дальнейшем все книги, выпущенные Золя при жизни, выходили в виде собрания сочинений в издании Шарпантье-Фаскель. Тексты этого издания, подготовленные к печати самим писателем, и являются каноническими. Различные издания отдельных произведений Золя при его жизни, как и после его смерти, текстологически не вносили нового. Это были чисто коммерческие предприятия, и представляют они интерес для изучения лишь со стороны оформления, поскольку в некоторых имеется интересный иллюстративный материал. Выделяются в этом отношении прижизненные издания Марпон-Фламмарьон с гравюрами Жилля, Белленже, Бютена, Лелюара, Гарнье и др. («Западня», «Чрево Парижа», например) или современное издание «Жерминаля» с гравюрами Колена. В текстовом отношении для исследователя интерес представляют предварительные издания большинства романов Золя в прессе («Общественное Благо», «Век», «Жиль Блаз», «Вольтер», «Народная жизнь» и др.), так как Золя вносил в текст этих изданий в дальнейшем различные изменения, преимущественно стилистического характера.

Принимая это во внимание, можно сказать, что исследователь творчества Золя имеет, в сущности, единый канонический текст его произведений — издание Шарпантье-Фаскель. Различных редакций его художественных произведений не существует. В сохранившемся рукописном наследии Золя роль этих предварительных редакций как бы выполняют многочисленные наброски, обширные аналитические планы и т. п., о которых будет сказано ниже. Исключение представляют некоторые критические произведения Золя, напечатанные впервые по-русски в «Вестнике Европы» и затем уже изданные во Франции. Материал этот мало изучен (см. ниже статью М. Клемана).

Лучшим изданием произведений Золя является «Полное собрание сочинений Эмиля Золя», примечания и комментарии Мориса Ле Блона, издание Франсуа Бернуара (*Les oeuvres complètes d'Emile Zola, Notes et Commentaires de Maurice Le Blond, Typographie François Bernouard. Paris*). Издание состоит из 50 томов и вышло в свет в течение августа 1927 — марта 1929 гг. Напечатанное на обложке «Тексты издания Эжена Фаскель» подчеркивает стереотипность текстов. Следовательно, в этом отношении новое французское издание в целом не отличается от стереотипного издания Шарпантье-Фаскель. В него лишь включены те произведения Золя (некоторое количество рассказов, статей, речей и писем), которые не входили в издание Шарпантье-Фаскель, но были все же опубликованы в различных органах печати и даже отдельными изданиями. Так что, собственно, неизданных произведений в новом издании (кроме отдельных писем, в частности, к адвокату Лабори, речей и заметок) нет, и обозначение в каталоге издания

против отдельных произведений «неизданное» (inédit) — новеллы: «Три войны», «Госпожа Сурдис», пьеса «Магдалина» и др. — следует понимать как «непереиздававшееся», не вошедшее в основное стереотипное издание произведений Золя. Строго говоря, настоящее издание не является «Полным собранием сочинений Эмиля Золя», как на это указывается и в следующем редакционном замечании: «Издавая это «Полное собрание сочинений Эмиля Золя», мы не признавали за собой права пополнять выбор, сделанный уже самим Золя». Принцип этот, как мы видели, не вполне последовательно проведен. Но издание действительно нельзя назвать полным. В него не вошли некоторые новеллы раннего периода творчества Золя, напечатанные в различных органах прессы (интерес представляет, например, новелла «Фиалка» — романтическая трактовка Центрального рынка, позднее изображенного натуралистически в «Чреве Парижа»), не вошел ряд статей и очерков, напечатанных в «Вестнике Европы», «Версальские письма» и, несомненно, письма ко многим частным лицам (хотя бы большая часть писем к М. Стасюлевичу или письма из архива Гонкуров). Тем не менее внешне прекрасно изданное «Полное собрание сочинений Эмиля Золя» Бернуара — известное достижение в смысле сосредоточения творческой продукции Золя.

Но особую ценность в издании представляют впервые опубликованные во Франции отрывки из черновых рукописных материалов Золя. Хотя рукописи Золя были переданы в Национальную библиотеку еще в начале столетия, но до недавнего времени полностью были опубликованы лишь рукописные материалы к «Западне» в книге Массиса (H. Massis, *Comment Zola écrivait ses romans*, 1906) и кроме того краткие выборки из рукописных «набросков» Золя в книге Лемма (S. Lemm, *Zur Entstehungsgeschichte von Emile Zolas «Rougon-Macquart» und den «Quatre Evangiles»*, 1913). Это придает изданию академический характер, хотя рукописи опубликованы далеко не полностью, да и сделать это было бы затруднительно в виду значительного их объема. Тем не менее в подборе рукописных отрывков замечается известная односторонность. Не приводятся образцы из различных редакций аналитических планов Золя к романам, нет эскизов-очерков, важных для анализа его стиля. Наконец, при подборе рукописных отрывков фактического характера внимание редакции проходит мимо материалов, имеющих большое значение для социальной оценки творчества Золя. Так, рукописный материал о Карле Марксе и его «ученике» Сигизмунде Буше издан нами в примечаниях к роману «Деньги»¹. «Мы писали о том, что «В речах Сигизмунда Буша марксизм представлен в ложном освещении. Он пропагандирует своеобразный реформистский социализм». Золя не был знаком с «Капиталом», Буш говорит по книге буржуазного реформиста Шефле «Сущность социализма», обширные выписки из которой имеются в рукописях Золя.

В целом рукописи в новом французском издании не использованы для освещения идеологии Золя, той или иной стороны его творчества, стиля; они остаются сырым материалом, ожидающим исследователя. Между тем издание сопровождается примечаниями и комментариями фактического характера, связанными с историей возникновения данного произведения и откликами на него в прессе. Примечания эти даются М. Ле Блоном (зятком писателя) систематически в конце романов Золя, входящих в серии «Ругон-Маккары», «Три города», «Четыре евангелия», и частично к другим произведениям Золя, художественным и критическим. Но комментарии эти носят скорее ха-

¹ «Э. Золя. Полное собрание сочинений со статьями, примечаниями и иконографией, под общей редакцией М. Д. Эйхенгольца» (с 1928 по 1931 г. вышло в свет 18 томов, ЗИФ—ГИХЛ) готовилось к печати еще до выхода в свет первого тома издания Бернуара, и ряд романов был выпущен ранее соответствующих французских. Подбор рукописных материалов нашего издания частично отличается от французского. Работая в Париже непосредственно над рукописями Золя, мы ставили своей задачей опубликование тех отрывков из подготовительных рукописных материалов Золя, которые наиболее полно освещают основные тенденции его творчества. Следует указать, что в статьях и примечаниях к этому изданию я допустил ряд ошибок. Моя главная, грубая ошибка состояла в том, что, отмечая мелкобуржуазный реформизм Золя, я однако не подчеркивал той неразрывной связи с капитализмом, которая была у Золя даже в периоды его реформистской критики буржуазии, не говоря уже о годах пропаганды «индустриализма». Источником этих моих ошибок я считаю непреодоленный мною в то время «объективизм»; я не сумел применить к анализу историко-литературных явлений ленинский принцип партийности.

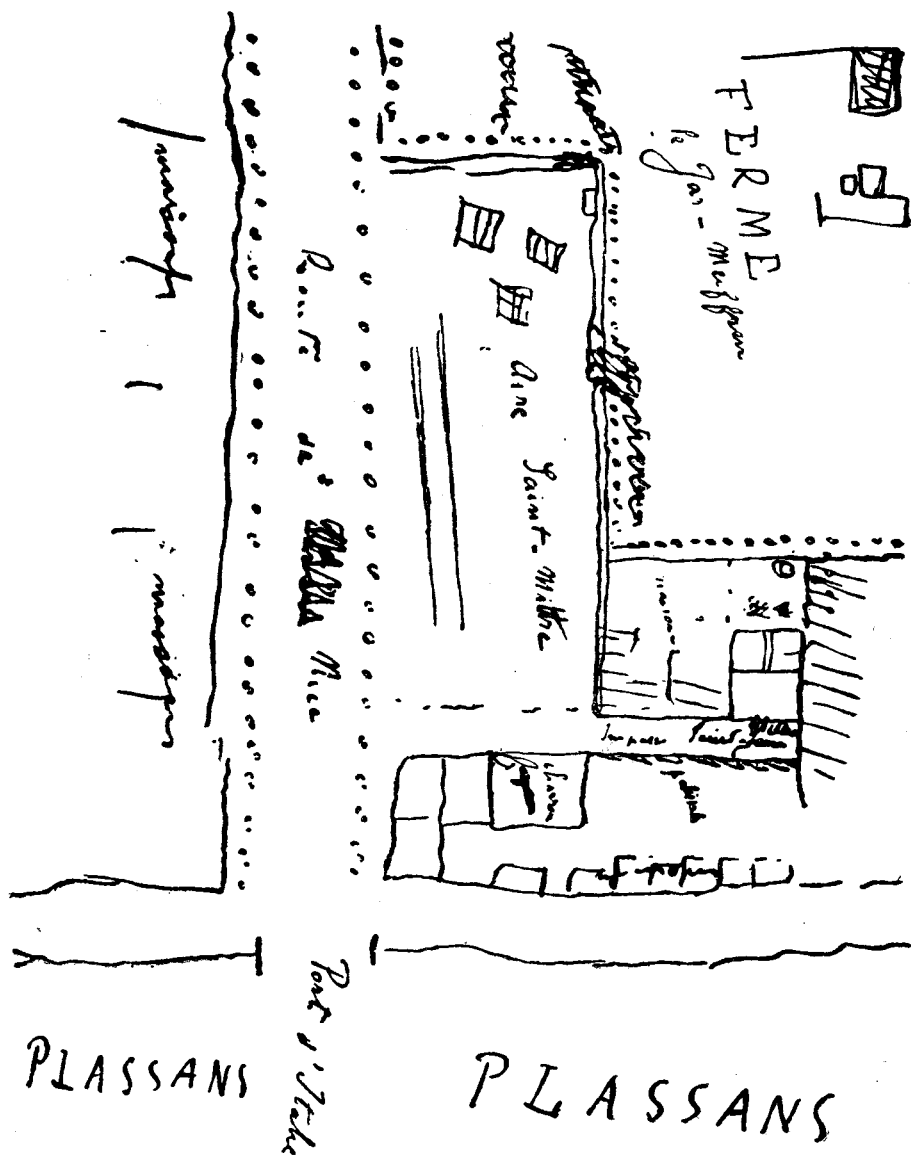
ЭМИЛЬ ЗОЛЯ ГОВОРIT РЕЧЬ

Зарисовка Мальтева от 21 февраля 1898 года

ракетр сведений о творчестве и жизни Золя, чем научного исследования его произведений. Творчество Золя не подвергается критическому анализу. Статей об отдельных сторонах творчества Золя и о творчестве писателя в целом не имеется, если не считать биографического этюда, написанного дочерью писателя Денизой Золя. В этюде этом биографические данные окрашиваются лирическим, интимно-семейственным отношением к жизни и творчеству писателя. При этом специфическое освещение некоторых моментов свидетельствует, видимо, лишь об устремлениях самого автора этюда, например, о религиозной настроенности. Так можно прочесть: «Медан стал маленьким замком, и хозяева его не были на ногах с церковью. Госпожа Золя не отказывалась давать деревенским детям освященный хлеб, когда они просили его от имени кюре» или: «В то время я проходила курс катехизиса, и в 1900 г. состоялось мое первое причастие. Отца забавляло исправлять мои заметки для письменных уроков по закону божьему. Они пользовались большим успехом у кюре, и из всех учениц я получала лучшие награды. Дорогой отец! Он хотел, чтобы в своей белой вуали причастницы я была красивее всех. И если он не присутствовал в церкви во время церемонии, то по крайней мере хлопотал о том, чтобы квартира была полна цветов и стол накрыт к моему возвращению. Он, мечтавший лишь о всеобщем мире и счастье, первым приветствовал наших друзей, поздравлявших его дочь». Тем самым в этюде, в сущности, искажается образ Золя — автора антиклерикальных романов «Покорение Плассана», «Проступок аббата Мурэ», «Лурд» и «Рим».

В целом можно сказать, что данные о творчестве и жизни Золя, приводимые в комментариях к изданию, не систематизированы и не освещают ни идеологии писателя, ни творческой его эволюции: издание в силу этого не носит исследовательского характера в подлинном смысле этого слова. Отношение Мориса Ле Блона к творчеству писателя можно установить лишь по отдельным замечаниям его, но замечания эти вырастают в систему. Действительно, когда в редких случаях комментатор не проходит мимо «философской и социальной стороны романа», он видит в нем («Червь Парижа») борьбу одновременно «дикую и смешную» Толстяков и Тоших; и она напоминает ему «героико-комическое перенесение добрых архангелов писания, оставшихся верными богу, которые объединились против родственных им сторонников Люцифера». Таким образом, классовый смысл борьбы средней буржуазии, поддерживающей империю Наполеона II, и республиканской мелкой буржуазии проходит мимо комментатора, затушевывается им. Во всех тех случаях, когда комментатор касается вопросов классовой борьбы, он ограничивается общими «демократическими» суждениями. Так, о «Жерминале» он говорит, как о «рождении новых «Несчастных» (В. Гюго), написанных с таким же великодушием и силой, но правдивее и человечнее». И теми же общими словами ограничивается комментатор, говоря о романе «Труд», как об «апологии привлекательного труда, социально-досрочной идее великолепно проиллюстрировать теории Фурье». Конкретным же примером отношения комментатора к положению трудящихся служит его замечание (в «Дамском Счастье») о торговых служащих, которое нельзя назвать иначе, как издевательским: «С той поры положение этой категории работников весьма улучшилось... в наши дни в магазинах новинок положение некоторых продавцов достойно зависти и даже блестяще». Роман о бирже и развивающемся монополистическом финансовом капитале («Деньги») вызывает замечание биографического характера: «Никто не остался столь чуждым к денежным делам, как Золя. Тот, кого хулители обвиняли в поисках материальных выгод, проявил себя, напротив, исключительно незаинтересованным. Он умер, никогда не имея текущего счета в банке». Характерные «коммерческие и финансовые мотивы» в творчестве Золя комментируются лишь эстетически: «Золя первый почувствовал живописный и поэтический интерес к громадным предприятиям, как-то являются большие современные магазины» («Дамское Счастье») или: «Этот сюжет, сколь ни был он неблагоприятным и лишенным эстетических и живописных элементов, соблазнял его» («Деньги»). Обходя вопросы классовой борьбы, комментатор предпочитает говорить о грехах нации: «Разгром» — логическое следствие позорных и безумных коллективных деяний. Несправедливость, нищета, оргии, победа инстинктов могли привести лишь к стихийному искупительному бедствию». Антирелигиозная концепция («Проступок аббата Мурэ») исчезает в замечании о «Поэме любви, преиспол-

ненной пламенной пантеистической веры». Антиклерикализм «Покорения Плассана» скрывается в неопределенном замечании, что в романе «поучительно изображается фигура священника»; в «Лурде» объектом возмущения Золя будто бы является «посредственность внешних форм культа», «ужасные священные предметы, парижские изделия из жести». Так Золя приукрашивается чуть ли не под верующего католика. Эволюция

ГОРОД ПЛАССАН («КАРЬЕРА РУГОНОВ») — ЧЕРТЕЖ ИЗ РУКОПИСИ ЗОЛЯ
О подлинника, хранящегося в Парижской Национальной Библиотеке

творчества Золя объясняется психологически и механически. Так, «Золя не был врагом неожиданных контрастов. После «Западни» он написал, как мы видели, «Страницу любви», после «Накипи» — «Дамское Счастье». Нет ничего удивительного, что на другой день после «Земли», где он дал со всей интенсивностью мощную грубую ноту, он испытывал прояснение, обратившись к произведению, преисполненному мягкости и интимности», т. е. к «Мечте». В комментариях Ле Блона Золя как бы защищается от

«врагов», которые «делают вид, что ему чуждо чувство идиллического». Поверхностны и невразумительны суждения комментатора о стиле — «хотя («Земля») изобилует реалистическими вольностями, смелость и сила которых не превзойдены, в книге разлито широкое дуновение поэзии». Словом, комментарии, если оставить в стороне обширные фактические сведения, являются попыткой «реабилитации» Золя во мнении консервативной «добропорядочной» буржуазии. В этом смысле они в значительной мере контрастируют с теми идейно обостренными рукописными материалами, которые напечатаны в том же издании.

II

Между тем научное изучение рукописного фонда Золя имеет большое значение. Рукописи помогают лучше понять те периоды творчества Золя, которые документально мало освещены, они полнее раскрывают все творчество Золя, акцентируя те его тенденции, которые оставались скрыты от исследователя.

Возьму для примера переломный период 1868—1871 гг., когда Золя задумал работу над серией романов «Ругон-Маккары» и написал первые два романа. Период этот, связанный с Парижской коммуной, очень важен, естественно, и в политическом отношении.

Несомненно, что «Тереза Ракэн» (1867) и «Мадлен Фэра» (1868) — романы, послужившие переходной ступенью к серии «Ругон-Маккары» от юношеского подражательного романтического периода творчества Золя, были им написаны под влиянием Гонкуров («Жермини Ласертьё») и теорий Тэна, которого Золя называл «натуралистом морального мира». В этот период складывается творческая теория самого Золя-натуралиста. Это был естественно-научный материализм, примененный к художественной литературе. Романы «Тереза Ракэн» и «Мадлен Фэра», в которых Золя изображал «людей-животных, не больше», были выражением его физиологизма. Теория наследственности и труды Клода Бернара об экспериментальной медицине способствовали оформлению взглядов Золя на натуралистический «экспериментальный роман», «le roman expérimental», как названа его программная статья, напечатанная впервые лишь в 1879 г. в «Вестнике Европы». Однако через тэновское понятие «среды» Золя внес существенно новое, момент социальный, в план «биологической и социальной истории одной семьи в эпоху Второй Империи», как он назвал задуманную им серию романов «Ругон-Маккары». Некоторые забытые статьи, письма и рукописные материалы проливают свет на эволюцию творчества Золя в этот период. Недавно опубликованные письма Тэна к Золя с очевидностью показывают, что критические указания Тэна требовали от Золя расширения его творческой базы, отхода от того ограниченного физиологизма, выражением которого были указанные романы Золя. В этом смысле Тэн, можно думать, оказал на Золя известное влияние.

Обращает на себя внимание тот факт, что в изданной двухтомной переписке Золя не имеется писем к Тэну. Между тем среди обширной коллекции писем Золя, переданной недавно в Национальную библиотеку, сохранилось 12 писем Тэна к Золя. Некоторые из них опубликованы в «Бюллетене литературного общества друзей Эмиля Золя» (№ 15, 1931) ¹.

«Бюллетень литературного общества друзей Эмиля Золя» начал выходить в 1922 г. До настоящего времени издано 15 номеров, небольших книжек размером до 50 страниц. В одном из параграфов устава Общества значится: «Оно сохраняет исключительно литературный и художественный характер. Все дискуссии и выступления политического порядка строго запрещены». Друзья Золя, как печатается на оборотной стороне обложки каждого номера, «будут держаться в стороне от современных споров». Эти лозунги на-

¹ Согласно завещания вдовы Э. Золя, Александрины Золя, издателем Эженом Фаскелем передано в Национальную библиотеку в Париже 4 466 писем (1865—1902), адресованных Золя 376 корреспондентами, среди которых именуются письма Мишлэ, Гюго, Сент-Бёва, Тэна, Додэ, Гонкуров, Верлена, Алексиса, Сеара, Маллармэ, Мирбо, Гюисманса, Декава, Брандеса, Верхарна, Стринберга, Тургенева, Антуана, Брюно, Бюзнаха, Коклена-м., Дюма-сына, Сарду, Жемье, Люнье-Поэ, Сарры Бернар, Кл. Монэ, Сезанна, Пизарро, Дебютэна, Гарibaldi, Пуанкарэ, Жореса, Клемансо, Л. Блюма, А. де Монзи и многих других. Опубликование этих писем, можно полагать, даст интересный материал для освещения творчества Золя и литературно-общественной жизни конца XIX века.

ходятся в полном противоречии с подлинным характером творчества Золя, в свое время столь действенным и публицистичным. Произведения Золя, требуют естественно и политической оценки. Впрочем, «Бюллетень» и не носит аполитического характера. Он окрашен идеями «радикального» фашизирующегося буржуазного республиканизма. Но анализ материалов «Бюллетеня» не входит в наши задачи. «Бюллетень» посвящен, в первую очередь, речам на ежегодных «паломничествах» в Медан, где долгие годы жил Золя. Далее следует «Разное» и «Записная книжка» со статьями, заметками и рецензиями на книги о жизни и творчестве Золя.

В письме от 2 марта 1866 г. в ответ на статью Золя «Тэн-художник» (вошла в сборник статей «Ненавистное», 1866) Тэн рассматривает Золя как своего последователя и рекомендует ему «углубиться в формулу» (формулу Тэна о «расе, среде и моменте»). Но значительно больший интерес представляет письмо 1868 г., после выхода в свет «Терезы Ракэн». Тэн упрекает Золя в ограниченном физиологизме. Буржуазный социолог Тэн пишет, что «книга всегда должна более или менее охватывать целое, она должна быть отражением всего общества»; он предлагает Золя «расширить рамки» сюжета, указывает на Бальзака, говорит, что «в законченном художнике всегда живет философ-энциклопедист с широким и всеобъемлющим взглядом на вещи». Я приведу отрывок из письма Тэна:

«...Нужно быть профессиональным физиологом и психологом, чтобы не расстроить себе нервов, прочитав книгу, подобную вашей. Чем она мощнее и правдивее, тем сильнее вызванный ею эффект. Нельзя не дочитать ее до конца, но, чтобы начать ее сызнова, надо иметь твердое желание получить знание. То же самое происходит и при чтении «Жермини Ласертё»: несмотря на безукоризненную точность и глубокую непосредственность, книга производит отталкивающее впечатление. Уж лучше прочесть настоящее медицинское сочинение, какое-нибудь описание перитонита или нимфомании. Когда Бальзак в «Кузене Понсе» ворошил все эти подонки, он наряду с отталкивающими моментами поместил смягчающие, создав денежную интригу, одну из тех сложных драм, на какие он такой мастер. Повидимому, необходимо чувство меры, чему, по-моему, доказательством служит чувство меры и в жизни. «Жермини Ласертё» и «Тереза Ракэн» несомненно правдивы; но книга всегда должна более или менее охватывать целое, она должна быть отражением всего общества. Нужны различные биографии, нужны персонажи, признаки, указывающие на законченность, всякого рода противопоставления, возмущения — словом, нечто сверхсюжетное. Когда затыкают все отверстия, когда, закрыв окна, оставляют читателя в пределах повествования об исключительном, наедине с чудовищем, безумцем или больным, читателю становится страшно; его частенько даже мутит, и он начинает ругать автора.

Вот, дорогой мой, откровенно, мое впечатление; вы, если осмелюсь высказать свое мнение, должны, по-моему, расширить ваши рамки и уравновесить эффекты. В этом отношении великими учителями являются Бальзак и Шекспир. В законченном художнике всегда живет философ-энциклопедист с широким и всеобъемлющим взглядом на вещи. В наши дни стали слишком большими специалистами и, вооружившись микроскопом погрузились в созерцание частицы целого. Вы написали мощное произведение, полное фантазии, логики и очень нравственное. Вам остается создать другое, в котором будет больше объектов и шире горизонт. Нельзя один какой-нибудь эпизод превращать в поэму, нельзя выставлять на первый план и заполнять всю картину персонажем, место которого на заднем плане».

Последовал ли Золя советам Тэна — «вам остается создать другое (произведение), в котором будет больше объектов и шире горизонт», — когда он работал в 1868 г. над планом серии «Ругон-Маккары»? Рукописные материалы Золя, относящиеся к 1868—1869 гг., позволяют отчасти на это ответить.

По замыслам Золя он должен был в «Ругон-Маккарах» осветить «два элемента: 1) элемент чисто человеческий, физиологический, научное изучение одной семьи, роковых сцеплений наследственности; 2) воздействие современности на эту семью, ее душевное и телесное разрушение лихорадочностью эпохи, социальное и физическое воздействие окружающей среды». Но аполитизм Золя предшествующих годов сказывается и

тут: «Само собой, я не затрагиваю здесь вопроса об оценке политического строя, о том, каков наилучший способ управлять людьми в религиозном и политическом отношении. Я не хочу утверждать или защищать какой-либо политики или религии. Рисуемая мною картина — просто анализ куска действительности, такой, какова она есть. Я только констатирую». Золя сторонится широких идеологических обобщений, не соглашаясь тем самым с Тэном: «кто-то сказал, что нет великого романиста, в котором не был бы заключен философ; да, какая-нибудь абсурдная философия вроде бальзаковской. Я предпочитаю быть только романистом». Золя противопоставляет себя Бальзаку и в разделе рукописи «Различие между Бальзаком и мною» резюмирует:

«Мое произведение будет не столько социальным, сколько научным. Бальзак при помощи трех тысяч персонажей хочет дать историю нравов: он основывает ее на религии и королевской власти... словом, его произведение стремится быть зеркалом современного общества... Совершенно иными будут мои произведения. Рамки их будут более узкими. Я хочу изобразить не современное общество, а одну семью, показав при этом пересечение воздействий рода и среды... Если же я пользуюсь исторической рамкой, то лишь для того, чтобы иметь воздействующую на персонажей среду; профессия и местожительство тоже являются средой. Для меня более всего важно быть чистым натуралистом, чистым физиологом. Вместо принципов (королевская власть, католицизм) у меня будут законы (наследственность, врожденность). Я не хочу, как Бальзак, решать, каков должен быть строй человеческой жизни, быть политиком, философом, моралистом. Я удовлетворяю ролью ученого, буду изображать действительность, ища при этом ее внутренние скрытые основы. К тому же выводов у меня не будет».

Но уже в первоначальном плане, переданном издателю А. Лакруа, Золя пишет, что кроме вопросов наследственности и среды задачей его является «Изучить всю Вторую Империю, от государственного переворота до наших дней. Воплотить в типах современное общество, злодеев и героев. Нарисовать, таким образом, целый социальный возраст человечества в фактах и переживаниях, нарисовать его в бесчисленных частностях нравов и событий». И действительно, «Ругон-Маккары» так же являются социальной эпопеей об Империи Наполеона III, как «Человеческая комедия» — об Июльской монархии. Золя в основном — писатель-социолог. Однако социальная концепция Золя иная, чем у Бальзака. Золя — идеолог демократической, радикальной мелкой буржуазии и вышедшей из нее технической интеллигенции. Эволюция его идеологии будет следовать классовой практике указанных социальных прослоек в эпоху Третьей Республики. И именно классовой идеологией Золя объясняется его дальнейшее расхождение с Тэном, советы которого, по меньшей мере, совпали с поворотом Золя в сторону социальных тем.

Письмо Тэна от 20 апреля 1875 г., когда Золя был автором уже пяти томов из серии «Ругон-Маккары» — «Карьеры Ругонов», «Добычи», «Чрева Парижа», «Покорения Плассана» и «Проступка аббата Мурэ», — в высшей степени показательно. Лишь в двух из этих романов момент биологический играл известную роль — в «Карьере Ругонов» и в «Проступке аббата Мурэ». Но «Карьера Ругонов» (1871) вместе с тем роман социальный, «политический памфлет», как называл его Золя. Письмо Тэна очень характерно. Он пишет:

«Прежде всего горячо и искренне приветствую явное достижение. Я прочел первые два тома — в них талант ваш развернулся во всей своей широте; но я возражаю против стороны политической. Художник выше этого. Он никогда не должен защищать один какой-нибудь лагерь. По тому, как вы изображаете в последнем томе крестьянство, я полагаю, что вы питаете мало доверия к его республике и не очень-то сочувствуете причинам, толкающим его на восстание. Помоему, вы, признаться, чересчур его очернили; по крайней мере центральное и северное крестьянство, которое мне знакомо, гораздо мягче и легче поддается цивилизации, нежели ваши провансальцы».

Между тем республиканские симпатии Золя к повстанцам в «Карьере Ругонов» явны, как и антиклерикализм в «Покорении Плассана». Расхождение Тэна с Золя

объясняется политическими причинами. Тэн, автор труда «Истоки современной Франции», выявил себя как реакционер, враг демократии, хотя бы буржуазной. События 1870—1871 гг. оформили политический облик обоих писателей, и в этом причина охлаждения между ними, детали которого пока установить трудно.

Письмо Тэна от 1875 г. — последнее в имеющейся коллекции. Но забытыми оказались и две статьи Золя о Тэне, относящиеся к тому же периоду и проливающие некоторый свет на отношение Золя к Тэну.

Для французских читателей развернутые суждения Золя о Тэне зафиксированы лишь в упомянутой статье 1866 г., вошедшей в том статей «Ненавистное». Между тем в «Вестнике Европы», петербургском журнале, напечатаны были две обширные статьи Золя о Тэне: «Ипполит Тэн и его новая книга о Франции» (февраль 1876 г.) и «Французская революция в книге Тэна» (май 1878 г.). Обе эти статьи не были включены Золя в два сборника его статей, составившихся из напечатанного в «Вестнике Европы» («Романисты-натуралисты» и «Литературные документы», 1881 г.). Не вошли эти статьи и в последнее французское издание Бернуара. Между тем они представляют большой интерес для характеристики политического облика Золя в эти годы.

В первой из них, о «Старом режиме» Тэна, Золя, положительно оценивая научный метод Тэна, «историка-натуралиста», не скрывая своих симпатий к нему именно как к «натуралисту», как и представителю позитивной философии, высказывает однако критические суждения о реакционных политических убеждениях Тэна. Он пишет:

«Сознаюсь, что мне было не по себе при чтении его произведения. Я не доверял ему, я боялся, как бы он не завладел мною. Какой-то внутренний голос протестовал против него. Он скажет мне, что это с моей стороны невежество, заблуждение, последняя иллюзия, быть может та самая «демократическая мечта», согласно его собственному выражению. Пусть так! Я отвечу откровенно, что на этот раз согласен лучше сохранить иллюзию, мечту».

Критикуя Тэна, Золя замечает:

«Революция коренится в общем росте всего человечества. Не желая делать ее рычагом всемирной истории, надо, несомненно, признать ее самым острым кризисом в человеческих летописях; она указывает на вековую борьбу между тем, кто имеет, и тем, у кого ничего нет, между тем, кто свободен, и тем, кто не свободен».

И далее:

«Я говорил и еще повторяю, что Коммуна 1871 г. очень повлияла на строгость его приговора о демократическом движении 1789 г. Чувствуется человек, вспоминающий о мятеже, ревущем под его окнами, и который не может быть справедлив потому, что мятеж расстраивает его спокойную и мирную жизнь». Тэн «несомненно судит о революции сквозь опасения французского гражданина, которому тревоги 1848 и 1871 гг. помешали вести спокойную жизнь и заниматься философскими исследованиями».

Хотя Тэн писал: «Да позволено будет историку действовать как натуралисту; я отнесся к моему предмету, как к метаморфозам насекомого», Золя указывает, что

«ПОДЛЫЙ ЗОЛЯ ПИШЕТ ОБРАЩЕНИЕ К «ЮНОШЕСТВУ И К ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ»

Реакционная карикатура Ибели, опубликованная в журнале «Силуэт» 1898 года
(«Pot-Bouille» — роман «Накипь»).

«тайные симпатии его (Тэна) принадлежат тем, кого он называет привилегированными».

Во второй статье о Тэне высказывания Золя звучат еще более определенно. По мнению Золя «историк-натуралист пристрастен и открыто высказывается против одной из метаморфоз насекомого, которого он держит под микроскопом». Золя указывает, что Тэн придал своим суждениям «более или менее сознательно политический характер», что его труд — «консультация ученого врача о состоянии нашего современного здоровья», что «политическая тревога слишком просвечивает из-под научной методы Тэна», что его труд — «политический памфлет». Тэн «проявляет страсть консерватора, которого Коммуна привела в негодование и устрасила», «народное самодержавие — вот что вызывает его ненависть, его гнев», он «отстаивает дворянство и духовенство».

Таким образом, в высказываниях Тэна «скрывается везде политическая «система». Вот почему Тэн «стремится как будто доказать, что революция была делом одной горсти бунтовщиков, всюду видит действия «иностранцев апитаторов» и восхваляет всех «честных людей», тех, кто не республиканцы. Тэн называет революцию (*révolution*) разложением (*dissolution*)» И всем этим объясняются те мрачные картины революционного восстания, которые Тэн рисует в своей книге. Приведем несколько отрывков из второй статьи Золя:

«Слово «иностранцы» поразило меня. Итак, Тэн намекает, что французская революция произведена иностранцами. Во время Коммуны 1871 года тоже толковали, что восстание произведено иностранцами, и приводили имена нескольких поляков и бельгийцев. Но мы, очевидцы событий Коммуны, мы пожимаем плечами над этой странной манерой писать историю». «То же самое следует сказать про злоеущие лица, виднеющиеся среди бунтовщиков... И какая злоеущая картина, с какой охотой автор распространяется о ней, как чувствуется, что мерзавцы, осмеливающиеся воровать хлеб потому, что голодны, внушают ему отвращение и ужас! Я тоже помню, что видал во время Коммуны эти «страшные лица, эти фигуры, которые не встречаешь среди белого дня». То были рабочие, мелкие лавочники, с которыми ежедневно сталкиваешься на улице, но только они провели перед тем ночь на гауптвахте, бороды их были не бриты, лица закопчены пылью — вот и все. Надобно было бы кончить раз навсегда с легендой о революционных страшилищах, о бандитах, выходящих из-под земли в дни восстания. Как может Тэн, ум такой светлый, такой приверженец правды, повторять этот вздор? Неужели же он думает, как и буржуа, одуревшие от страха, что существует особый революционный контингент людей? Восстание набирает в свои ряды людей из народа, с которыми мы встречаемся среди белого дня на улицах, и если лица становятся страшными, то потому, что страсти искажают их. Казалось бы, нечего указывать на эти вещи, доступные всякому наблюдателю, человеку, имеющему претензию быть натуралистом. Несколько прогулок по Парижу во время Коммуны спасли бы его от многих ошибок».

И Золя подчеркивает, что Тэн «воюет с современной республикой». В заключение Золя характеризует труд Тэна так:

«Это перечень хозяйственных убытков. Тэн как человек, уважающий собственность и знающий цену деньгам, перечисляет разграбленные телеги с хлебом, сожженные замки, итог имуществ, взятых под секвестр, и пр. Слова, которыми он определяет революцию, показывают в нем озабоченность делового человека. Революция, по его мнению, была простым перемещением имуществ. Читая Тэна, можно также подумать, что никогда на свете не проливалось столько человеческой крови. Вся эпоха рисуется у него в каком-то кровавом облаке, населенная одними безжалостными палачами и покорными жертвами. Но статистика будет не за Тэна. Считают, что число жертв террора доходит до одиннадцати тысяч. А между тем известно, что эта цифра была далеко превзойдена при одном взятии Парижа в 1871 г. В три дня было больше расстреляно, нежели сколько гильотинировали революционеры в несколько месяцев».

Золя понял после событий 1870—1871 гг., что «политика решительно занимает громадное место в жизни современного человека и что пора составить себе политическое мнение». Об этом он наставительно говорит Тэну. Но каковы же политические взгляды самого Золя в тот период? Он писал: «В первой статье я только требовал

Plan

L'immoralité du ^{bourgeois} bourgeois: trait de ^{bourgeois} bourgeois.
Parler de la bourgeoisie, c'est faire ^{l'acte} l'acte
l'acte le plus violent qu'on puisse faire contre
la ^{société} ~~nation~~ française.

Le ^{bourgeois} bourgeois, sa passion sexuelle: sa
éducation, par détrangement physiologique, et
par écarts.

Une maison bourgeoise nous oppose à la
maison de la rue de la Youth d'or. Montrer la
bourgeoisie à son, après avoir montré le peuple,
et la montrer plus abominable, elle qui se dit
"ordre et honnêteté".

«ТЕЗИСЫ» К АНАЛИТИЧЕСКОМУ «ПЛАНУ» РОМАНА «НАКИПЬ»

С подлинника, хранящегося в Парижской Национальной Библиотеке

«Неосознанность преступления у буржуазии — отличительная ее черта.

Говорить о буржуазии — значит бросить французскому обществу самое резкое обвинение, которое только можно высказать.

Виды адюльтера без половой страсти: в результате воспитания, вследствие физического расстройства организма и по глупости.

Новый буржуазный дом противопоставляется дому на Гут-д'Ор (дом, где живет беднота, изображенный в «Западне». — Ред.). Показать буржуазию обнаженно после того как я показал народ, и показать ее в самом отвратительном виде, хотя она считает себя воплощением порядка и добродетели».

признания за революцией более гуманного характера». Золя как мелкобуржуазный демократ-республиканец далек от признания революционных действий. Революцию он «не желает делать рычагом всемирной истории». Золя упрекал Тэна в том, что, когда тот говорит о революции 1789 г., его «не трогает вид этих привилегированных, так весело отказывающихся от своих привилегий, он не чувствует величия этого энтузиазма, одушевлявшего депутатов дворянства еще в Собрании когда они тор-

жественно вотировали равенство перед законом». Вынужденное «веселье» и «энтузиазм» дворянства после крестьянских восстаний известны из истории Великой французской революции. В восприятии Золя революционных событий чувствуется реформист, которым он остался до конца своей жизни.

Приведенные выдержки из статей Золя о Тэне не требуют дальнейших комментариев. В них сказывается автор «Карьеры Ругонов» и «Чрева Парижа», создавший образы республиканцев-идеалистов — Сильвера и Флорана. Образы эти политически нечетки, как и «демократические мечты» Золя. Острее в романах Золя критика бонапартистской буржуазии. Это было естественно со стороны мелкобуржуазного демократа в годы реакции, когда и умеренные слои буржуазии вынуждены были бороться за буржуазную республику против объединенных сил крупной буржуазии и дворянства. Однако конкретный политический облик Золя в период 1868—1871 гг., особенно во время Коммуны, должен привлечь внимание историка. Вопрос этот мало разработан, материалы не собраны.

В новом французском издании произведений Золя напечатаны его корреспонденции из Бордо (25 февраля — 12 марта 1871 г.), где заседало Национальное собрание. Они представляют собою парламентские отчеты Золя в газету «Колокол», издававшуюся Ульбахом. В них Золя выявил себя как умеренный буржуазный республиканец, сторонник мира и Тьера, не чуждый патриотического шовинизма. Напечатанные в новом издании корреспонденции Золя прекращаются перед восстанием и провозглашением Коммуны (18—28 марта 1871 г.). Между тем после переезда Национального собрания из Бордо в Версаль Золя отправил оттуда еще несколько корреспонденций в газету «Колокол», которая вскоре была постановлением Коммуны закрыта. И в дальнейшем, с 3 января по 8 ноября 1872 г., Золя писал о Национальном собрании в «Версальских письмах». Но последние, к сожалению, не переизданы в новом издании сочинений Золя. Вокруг случайного ареста Золя в Версале сложилась легенда о «бывшем повстанце Золя». В действительности же Золя, по имеющимся данным, был в отношении Коммуны в лучшем случае нейтрален. Цитированные выше отрывки из статьи Золя о Тэне свидетельствуют как будто о непосредственных впечатлениях Золя, которые он мог получить во время кратковременного посещения Парижа в дни Коммуны.

Вернулся Золя в Париж в конце июня, но отклики его на кровавую расправу с коммунарами неизвестны. В единственном напечатанном письме от 30 июня к Александру он лишь упоминает о «бедствиях во время осады и Коммуны» и о том, что Солари (скульптор, его друг) «очень страдал во время Коммуны; перед дверьми его дома была баррикада и жена чуть не была убита». Других документов пока не опубликовано. Материалы, касающиеся отношения Золя к Коммуне, не полны. Вопрос этот подлежит в дальнейшем окончательному разрешению.

Позднее, в романе «Разгром» (1892), Золя посвятил описанию Коммуны последнюю часть книги. Но Коммуна изображена у Золя в «Разгроме» только как эпизод франко-прусской войны. Революционная роль Коммуны как первичной формы диктатуры пролетариата не раскрыта. Социально-политическое освещение Коммуны не дано у Золя. Между тем «Коммуна» — открытая пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда. Коммуна — первая попытка пролетарской революции» (Ленин). Золя указывает лишь в общих чертах на «великое социальное усилие, к которому сводился настоящий переворот», говорит об «иных основах справедливости и свободы», об «идее справедливости и мщения». Он далее как будто сочувствует коммунарам, поскольку они стали жертвами кровавого буржуазного террора.

Почему же не были перепечатаны в упомянутых сборниках самим Золя его статьи о Тэне? Ответ может быть дан по ознакомлении с книгой его статей «Кампания», изданной в тот же период (1880—1881). Сборник носит антиреспубликанский характер. Золя выступает против конкретного политического опыта Третьей Республики, против политических деятелей «Тридцати шести республик». Уже в романе «Его превосходительство Эжен Ругон» (1876), где «кадром служат политические кулисы», Золя отразил при изображении Второй Империи свои впечатления от Третьей Респуб-

лики. Парламентаризм наполеоновского режима взят как тип буржуазной организации власти; в романе показано, «каким образом решаются так называемые серьезные дела». В период «Кампании» Золя заявляет о своем аполитизме. Разочарование Золя в политике к началу 80-х годов сказалось в рукописных «набросках» к «Накиши» (1882). Он пишет: «Наслаждающийся буржуа не желает никаких перемен. Он голодает из корыстолюбия, чтобы укрепить собственное положение. Опасность новых веяний в народе, желание остановить революцию и самим занять господствующее место. Почуввав опасность, все ведут одну линию, даже те, которые считают себя атеистами и республиканцами». Золя, ссылаясь на Огюста Конта, говорит теперь о «научной политике» — «ни республиканской, ни монархической, — но человеческой». И переход Золя с начала 80-х годов к последовательной пропаганде индустриализма в своем творчестве, можно думать, также связан с контовской оценкой промышленности как основы для общественного развития «в последнюю, «позитивную фазу» его — «экспериментальную, натуралистическую», как говорил Золя.

III

Что же представляет собой рукописный фонд произведений Золя?

Рукописный фонд Золя сосредоточен в Национальной библиотеке в Париже и состоит из 91 тома (Fonds français. Nouvelles acquisitions, №№ 19265—10355). Сюда относятся рукописные материалы романов серии «Ругон-Маккары» и трех романов серии «Четыре евангелия». Каждому роману посвящено от двух («Добыча») до восьми томов («Плодовитость»), в которые входят рукописи самих романов, корректуры и подготовительные материалы. Последние занимают более 30 томов по 400 страниц в среднем, исписанных относительно четким, размашистым почерком, с небольшим числом помарок и вставок. В этих громадных материалах, переданных в 1903—1904 гг. вдовой писателя Александриной Золя, имеются некоторые существенные пробелы. Так, рукопись романа «Нана» находится в Нью-Йорке, а часть «набросков» к роману «Доктор Паскаль» — в Лондоне. Утеряны также отдельные листки из рукописей других романов, например «Западни». Кроме того рукописи романов из серии «Три города» хранятся в библиотеке Межан в Эксе Прованском, родном городе Золя (Tome XLV du catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France, Aix, 2-e supplément, №№ 1585—1608). Известно, что рукописи нескольких произведений хранятся у частных лиц, например, новелла «Атака мельницы». Многие письма Золя еще не собраны, о других же рукописях Золя точных сведений нет, и возможно, что они погибли. Но и та обширная коллекция рукописей Золя, которая находится в публичном пользовании, является исключительно ценным материалом для исследования его творчества.

Изучение рукописей Золя представляет значительный литературоведческий интерес не только потому, что они раскрывают творческую лабораторию писателя и помогают понять технику его работы, всецело связанную с его художественным методом, а следовательно обусловленную мировоззрением писателя.

Рукописи Золя обогащают публицистичность, тенденциозность его творчества. Та система идей, которая вскрывается при чтении и анализе художественных произведе-

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

Любительский снимок, сделанный в июле 1901 г. в Медане; писатель считал этот снимок «превосходным, характерным»

ний Золя, дана в его рукописях в обнаженном виде, в процессе их становления. И это помогает исследователю определить объективный смысл творчества писателя, предостерегает от субъективных истолкований.

И нужно сказать, что основная идеологическая линия Золя после изучения рукописей становится отчетливее. Возьмем для примера оценку биологического и социального в творчестве Золя. Черновые рукописи Золя подтверждают выводы о том, что первоначальная концепция главного его произведения, серии романов «Ругон-Маккары», акцентировавшая момент наследственности, свелась затем к формальному, зачастую попутному, воплощению этой теории, целостно представленной лишь в романе «Доктор Паскаль», который в качестве концовки серии потребовал от Золя возврата к первоначальному замыслу. Но также ясно, что тот вульгарный, естественно-научный материализм, который был философской предпосылкой теории наследственности, сохранился у Золя в широкой концепции биологического детерминизма. И основная мысль «Доктора Паскаля», «Проступка аббата Мурэ», романа «Радость — в жизни» и романа «Творчество» — это идея о великом целом — природе, в которую человек входит как равная с неорганической природой и миром животных частица. Этот биологизм, характерный для творчества Золя, несомненно отвечает и его социальной концепции. Быть может виднее всего это в романе «Разгром», где война рассматривается в биологическом аспекте. Тем не менее можно утверждать, что в целом ряде случаев биологизм Золя перерастал в социологизм, что творчество Золя социально в большей мере, чем это кажется на первый взгляд, в большей мере, чем ему приписывается это литературоведческой и читательской традицией.

Анализ рукописей лишь подчеркивает обостренность восприятия действительности у Золя. Наиболее характерным источником для суждения об этом являются те руководящие «тезисы», которые Золя помещала во главе своих аналитических планов. В этих «тезисах» он отмечал в образной форме руководящие идеи своих романов. И вот тут-то идеи социального порядка были на первом плане, а биологическая концепция оставалась в тени; первичная же мысль о наследственности и вовсе не упоминается, оставшись зафиксированной в родословном древе Ругон-Маккаров, разработанном почти полностью в 1868 г., т. е. в начале работы над серией романов «Ругон-Маккары». Само развитие идеологии Золя, подчеркнутое в «тезисах», связывается с социальной практикой той радикальной мелкой буржуазии и близкой ей технической интеллигенции в эпоху Третьей Республики, идеологом которых был Золя. Первоначальный мелкобуржуазный демократический республиканизм «Карьеры Ругонов» и «Чрева Парижа», критика буржуазии в «Накили» со стороны семейно-бытовой, пропаганда капиталистического индустриализма в «Дамском Счастье» и «Деньгах», осознание классовой борьбы капитала и труда в «Жерминале» и социальный реформизм, утопический мирный союз «труда, таланта и капитала» в романе «Труд» — вот этапы идеологического развития Золя и тех слоев мелкой буржуазии, которые в эпоху господства крупной промышленной и финансовой буржуазии стремились путем реформистских мер избежать схватки между буржуазией и революционным пролетариатом, становясь тем самым оружием в руках капитализма против пролетарской революции.

Для иллюстрации значения рукописного материала Золя я приведу отрывки из различных групп этого материала, предварительно охарактеризовав каждую из них.

Подготовительный материал Золя разделен обычно на следующие рубрики: «набросок» — включает в себе общие замечания о романе, по преимуществу идеологический его анализ; «персонажи» — более или менее распространенные психо-физиологические и социальные характеристики действующих в романе лиц с точным обозначением сиографических данных: возраста, семейного состояния, профессии и т. д.; «план» краткий, по главам, — изложение фабулы в общих чертах и затем «план» аналитический по главам, обычно в двух редакциях, при чем в первой внимание писателя сосредоточивается главным образом на фабуле, а во второй — налицо элементы художественного оформления. Перед «планом» Золя ставит несколько руководящих идей данного романа, и это мы называем его «тезисами». Наконец, следуют «разные материалы», к которым относятся эскизы описаний, использованные в романе, записи технического порядка, относящиеся к изображаемому, планы и чертежи мест действия, выписки и

резюме из книжных источников, печатные материалы (газетные вырезки, ведомости), информационные письма отдельных сотрудников и пр. Работа над аналитическим «планом» является для Золя заключительной. Обычно в разных местах «плана» им делаются сноски и указания на отдельные рубрики подготовительных материалов — «наброски», «персонажи» и различные частные этюды, которые используются при работе над самим текстом романа.

Примерное, характерное содержание рукописных материалов Золя мы получим из следующих образцов. Я беру два «рабочих романа» — «Западню» (1877) и «Жерминаль» (1885). Из самого перечня рукописного материала явно, что в «Западню» внимание писателя обращено на бытовую сторону, нравы рабочих, а в «Жерминале» центром являются моменты социально-экономического порядка.

Золя, находившийся в плену биологических проблем, теории наследственности, изображая алкоголизм в рабочей среде, совершил в «Западню» большую политическую ошибку. Роман этот в обстановке реакции после Коммуны был использован консервативной критикой для борьбы с республиканским и рабочим движением. Справедливы поэтому были протесты радикальной прессы, а позднее Лафарга. Иное в «Жерминале».

От известных общих симпатий мелкобуржуазного демократа к обездоленному материално «народу» в «Западню» Золя пришел в пору написания «Жерминаля» к сознанию, что рабочая масса стала социально-экономической и политической силой и что XX век ожидает решительное столкновение труда и капитала.

Именно: том первый «Западни» включает в себя рукопись самого романа, том второй — подготовительные материалы к нему.

Краткий «план»	1—3 стр.
Аналитический «план»	3—92 »
Заметки об алкоголизме	93—99 »
Заметки и чертежи, относящиеся к кварталам и улицам, кабачкам и барам в Париже	100—116 »
«Персонажи»	117—139 »
Заметки из книги Дени Пуло	140—155 »
«Набросок»	157—173 »
Заметки о прачечных, рабочих кровельщиках, цепочных дел мастерах и т. д.	175—190 »
Различные заметки: вырезки из газет, заметки об аргю — выписки из словарей языка предместий	191—210 »

Том первый и второй рукописи «Жерминаля» включают в себя текст самого романа, том третий и четвертый — подготовительные материалы к нему. Именно:

Том III. План по главам	1—400 стр.
«Набросок»	401—499 »
Том IV. «Персонажи»	1—95 »
Болезни шахтеров	97—106 »
Планы местностей, Воре, дома шахтера и др.	108—115 »
Заметки Дормуа, главного инженера шахт	117—149 »
Забастовки в Ла Рикамари, Обене, Крезе, Фуршамбо, Монсо и др.	151—206 »
Личные заметки об Анзене	208—320 »
Словарик технических терминов и инструментов шахтеров	322—323 »
Заметки об угольных кризисах и забастовках	325—340 »
Заметки о социализме, рабочем вопросе, Интернационале	342—369 »
Общество в Монсу, Общество в Анзене	371—375 »
Жалобы шахтеров	377—383 »
Заметки о книге Симонен «Подземный мир»	385—396 »
Забастовка в Анзене в 1884 году (вырезки из газет и разные документы)	398—413 »
Разное (среди материалов — заметки о Жюле Геде и др.)	415—453 »

Из пространных «набросков» Золя к романам мы приведем лишь очень краткие отрывки, чтобы показать их идейное содержание. Золя формулирует свою мысль об-

разно, но за яркими метафорами видна классовая идея его творчества и политическая ее действительность. Признавая за литературой функцию активного воздействия на действительность, Золя часто сводил это к буржуазному морализированию, в чем сказались ограниченность и пассивность мелкобуржуазного реформизма. «Тезисы» Золя, являющиеся идейным ступком его «набросков», мы причисляем сюда же.

Вот как формулирует Золя в «набросках» к «Чреву Парижа» основную идею романа, подчеркивая социальный ее смысл:

«Основная мысль — чрево; чрево Парижа, Центральный рынок, куда в изобилии прибывает снедь, где она громоздится, расходясь затем по различным кварталам; чрево людское, говоря расширительно, буржуазия, переваривающая, жующая, мирно вынашивающая свою посредственную честность и радости; наконец, чрево во времена Империи — не безумное возбуждение Саккара в погоне за миллионами, жгущая страстность лажа, чудовищная пляска эку, а полное и основательное удовлетворение голода; животное, поглощающее в кормушке сено, буржуазия, глухо поддерживающая Империю, потому что Империя каждодневно доставляет ей пирог и позволяет счастливо набивать брюхо, пухнущее на солнышке, пока она не докатится до груды костей при Седане».

Этой основной мысли подчиняется весь сюжет романа, вся художественная его проблематика — описание натюр-мортов, композиционные повторения и т. п. Все средства изобразительности мобилизованы Золя, чтобы показать, что

«... трусливая буржуазия взята путем чрева; что в конечном счете это чрево объято страхом и выбрасывает изгнанника (республиканца Флорана) обратно на каменистый остров. Вокруг развивающегося действия грохочет Центральный рынок со своей вечной жадой пищи и бросает ее, загребая лопатами, Парижу, чтобы зверь спокойно оставался в клетке».

«Тезисы» к «Западне» иллюстрируют сказанное выше о романе, — что в нем Золя ограниченно воспринимал социально-экономическую сторону рабочей жизни:

«Размашистый стиль.

Роман в среде рабочих; падение Жервезы и Купо, который ее увлекает.

Объяснить нравы народа, пороки, падение, моральные и физические уродства благодаря среде, условиям, в которые поставлен в нашем обществе рабочий».

С мыслями этого тезиса, характерными для мелкобуржуазного морализирования, вполне созвучны слова Золя в письме к редактору «Общественного блага»: «Закройте кабаки, откройте школы... Изнуряющий труд, приближающий человека к животному, недостаточная заработная плата, доводящая до отчаяния и заставляющая искать забвения, приводит к тому, что заполняются кабаки и дома терпимости. Да, народ таков, но потому что к этому стремится общество».

Я приведу из «набросков» к «Дамскому счастью» мысли Золя, отмечающие новый этап в его идеологической эволюции, — переход от критики буржуазии к пропаганде «индустриализма». Золя стремится изобразить концентрацию промышленности и торговли в капиталистическом обществе. И здесь Золя, в период мощного промышленного развития, по существу становится идеологом капиталистической экспансии, рационализации, организованного капитализма («века действия и победы»):

«Я хочу в «Дамском счастье» написать поэму о современной деятельности. А потому — полное изменение философии: прежде всего никакого пессимизма; не делать выводов о бессмысленности и печальности жизни, — наоборот, сделать вывод о ее постоянной трудовой силе, о могущественности и радости ее рождения. Одним словом, итти в ногу со временем, выразить век, который является веком действия и победы, усилий во всех отношениях...» «С одной стороны, коммерческий и финансовый мотивы, создание чудовища, представленное в виде соперничества двух магазинов, при чем большой торжествует и раздавливает целый квартал; а с другой — страсть, любовь, интрига с участием женщины, бедная молоденькая работница, историю которой я рассказываю и которая постепенно побеждает Октава. В этом положительно весь роман».

«Два случая мне представляются; либо я возьму хозяина, в лице которого воплощен капитал, что сделало бы борьбу более непосредственной и, быть может, более драматичной; или же я возьму анонимное общество, акционеров, — словом, обычное для самой мощной индустрии, то-есть шахты будут управляться директором и служебным персоналом, а позади них будет находиться праздный акционер, подлинный капитал. Это было бы, несомненно, более актуально, более широко и представило бы все так, как оно всегда бывает в мощной индустрии. Мне кажется, следовало бы лучше остановиться на последнем».

В концовке «Жерминаля» имеется даже бодрый мотив, с которым Золя как бы обращается к рабочему читателю. Этому соответствует следующий рукописный «набросок»:

«Я хотел бы закончить жерминалем¹. Все работают в глубине, мрачная злоба, подземные удары кирок, молчание, тающее ужас будущего, слова мщенья сквозь стиснутые зубы. А сверху — цветущий апрель, над полями встает солнце. Покой. Прекрасное, прохладное утро. Затаенный гул земли и семена нового века, еще не взшедшие, но уже пробивающие почву. Они недаром боролись и страдали. Грядущий день».

В середине 90-х годов, в связи с ростом рабочего социалистического движения, Золя уже не мог ограничиться критикой буржуазии и пропагандой индустриализма, а должен был поставить вопрос о формах организации общественного производства. Он создал тогда социальную утопию «Труд» (входит в серию «Четыре евангелия») — роман о классовом сотрудничестве. Его лозунг вслед за Фурье — соглашение «капитала, труда и таланта». В этой триаде руководящую роль играет инженер Люк Фроман, представитель «таланта», идеолог мелкобуржуазной технической интеллигенции. Утопия Золя «Труд», с подчеркиванием индустрии как базы для современного общества, отличается от взглядов на промышленность у Фурье, который видел в ней «последнюю нашу научную химеру». В этом характерная особенность романа Золя. Я привожу рукописный отрывок из «наброска» к роману «Труд», этой социально-политической программы мелкобуржуазного реформиста Золя, пытавшегося стать на путь социализма:

«В «Плодовитости» я создаю семью. В «Труде» я вместе с Фурье хотел бы показать организованный труд; труд — отец и регулятор мира. С помощью Люка, сына Пьера и Мари, я воздвигаю Город — город будущего, своего рода фаланстер. Трудность — сделать при этом живую и человечную книгу. Показать необходимость труда для здоровья, с точки зрения физиологии. Осанна труду, созидающему город, работа в улье и истекающие отсюда радости. Остерегаться в то же время идеалики, млечных рек. Невозможное присутствие волка в овчарне... Естественный вывод из моего произведения: после длительной проверки действительности, продолжение в будущее; и тут, наконец, проявляется в лирической форме моя любовь к силе и здоровью, к плодовитости и труду, моя потребность в истине и справедливости. Я открываю новый век. Все это зиждется на науке и должно быть проникнуто кротостью и любовью — дивный расцвет, захватывающий, звучный крик души... Образцовый город, где не будет ни борьбы между хозяином и рабочим (отсутствие заработной платы), ни классовой борьбы (нивелирующий труд), ни семейной вражды. Будет царить любовь... То будут неожиданные благодеяния нашего времени; мы добьемся, наконец, экономического равенства, как добились равенства политического; легче станет отныне справедливое распределение материальных благ, обязательный труд восстановится во всей его торжествующей необходимости. Неправда, что труд дан людям в наказание за грехи: напротив, в нем — честь, благородство, драгоценнейшее благо, радость, здоровье, сила, самая душа мира, которая вечно трудится, созидая будущее. И в произведенном на свет ребенке — труд, и в прожитой нормально, без глупых извращений, жизни — труд, и в самом ритме ве-

¹ Жерминаль — это месяц завязи, всходов, седьмой, весенний месяц революционного республиканского календаря (от 21 марта по 19 апреля).

ликой повседневной тяжелой работы, уносящей мир в вечность судеб его, — труд. И в этом прославлении труда, в распределении между всеми всеобщей работы, где каждый получит свою законную долю прав и обязанностей, растворится нищета, отвратительнейшее социальное преступление. И пусть подрастающие дети станут орудием богатства, прибылью человеческого капитала, пусть жизнь их будет свободной и счастливой, пусть исчезнет барщина, проституция и пусть не служат дети одних пушечным мясом в угоду эгоизму детей других.

Пропаганда классового сотрудничества у мелкобуржуазного реформиста Золя в силу объективного развития классовой борьбы была на деле пособницей монополистского капитала эпохи империализма в его борьбе с революционным пролетариатом.

Так по рукописям можно следить за обнаженно выраженной идеологией Золя. Мы всюду выделяли социальные мотивы его творчества. Но биологизм Золя проявляется все же до конца серии романов «Ругон-Маккары». Характерен в этом отношении роман «Разгром». Я привожу из «наброска» к «Разгрому» два отрывка. В первом подчеркивается практическое значение этого «воспитательного» военного романа, во втором сказывается влияние биологической концепции Золя на трактовку войны как проявления закона борьбы за существование. В целом роман — характерный пример двойственности мелкобуржуазного пацифизма. Именно:

«Рок, тяготевший над Седаном, — самое ужасное уничтожение народа, какое когда-либо совершалось. Судьба, обрушившаяся на целую нацию. Но имеется ряд причин, и я хочу заняться именно изучением этих причин. Каким образом нация, столь победоносная в начале века, могла допустить, чтобы ее так раздавили? Есть причины ее поражений; надо изучить тот путь, который с математической точностью привел к Седанскому разгрому. Победоносная при одном Наполеоне, побитая и уничтоженная при другом. Что произошло в промежутке? Судьба Наполеонов, кара. Очевидно мы не были более сильными и не стояли во главе наций. При Наполеоне I мы являлись предвозвестниками новой формы войны, носителями новой силы; тут можно извлекать и указать множество причин; тогда как при Наполеоне III мы были несомненно истощены и отстали в военном искусстве... «В то же время я показываю, как подлинный, отвратительный лик войны, необходимость жизненной борьбы: возвышенная и глубоко печальная идея Дарвина одолевает несчастного, насекомое раздавлено в угоду необъятным и темным силам природы».

Если «тезисы» романов из серии «Ругон-Маккары» приходится обнажать, ибо романы эти представляют собой широкие бытовые картины, то после «Ругон-Маккаров» романы Золя приобретают явно выраженную тезисность. Это скажется и в рукописях «Трех городов», и в рукописях «Четырех евангелий».

В рукописном отрывке к «Риму» передана например вся концепция романа, изображающая столкновение священника Пьера Фромана с «демократическим» католицизмом, христианским социализмом. И тут же встречаются социал-реформистские мотивы «об участии рабочего в прибылях капиталиста» и т. п.

«В эволюции человечества под вопросом религиозным всегда скрывается вопрос экономический, вопрос о хлебе, вопрос о счастье... У евреев тотчас же после покорения Ханаана вместе с возникновением собственности, сменившим кочевой образ жизни, разгорается классовая борьба. Появляются богатые и бедные, и с этого момента зарождается социальный вопрос... Пророки, вплоть до Иисуса, — не более как мятежники, вышедшие из народа, рассказывающие про его нищету, обвиняющие богатых, предсказывая им все бедствия в наказание за их черствость и несправедливость... Христианство — религия бедных и сирых; это демократия, социализм, противопоставленный римскому обществу. И падение последнего объясняется не столько наплывом варваров и христиан, сколько денежным кризисом: в Риме панама следует за панамой. Римская империя гибнет из-за банков, ажиотажа, денежных злоупотреблений. А христианство торжествует, но для окончательной победы оно должно вскоре признать частную собственность. Уловки, софизмы отцов церкви, с помощью которых они выискивают в иисусовом евангелии защиту богатых и собственности. Христианство обращается в католичество... Перед трудом и

капиталом стоит социалистическая проблема. Когда на смену отмирающему рабству античного мира появился наемный труд, произошла опромная революция, одним из факторов которой была несомненно идея христианства. Теперь надо наемный труд заменить чем-нибудь иным — участием рабочего в прибылях капиталиста. Словом, борьба труда и капитала. Приходится создавать новое общество, происходит наступление демократии, открывается новая фаза истории человечества. И вот тут-то выступает на сцену католический социализм... Но если весьма возможна общность интересов католичества с демократией, если оно может вернуться к евангелию и, очистившись, снова найти свою сущность, то с наукой, думается мне, оно примириться никак не может. Наука будет его гибелью, ибо если оно не откажется от своих догм, тайн и чудес, то не сможет стать религией атеистической демократии. А наука неизбежно приведет демократию к атеизму. Народ, не верящий в загробную жизнь, воздаяние и кару, никогда не примирится с католичеством. Как внушить идею равенства смиренным, если нельзя обещать им воздаяния в другой жизни? Отбросьте сверхъестественное, надежду на потусторонний мир, и от католичества ничего не останется. Вот почему его строят всегда на обращении к религиозным чувствам народа, к вере. Возможно ли это? Не думаю. Чем дальше будем мы двигаться вперед, тем больше будут распространяться и господствовать научные позитивистские идеи».

СОДЕРЖАНИЕ РЕАКЦИОННОЙ ЛИСТОВКИ «ВСЕ ПРОТИВ ЗОЛЯ» СЛЕДУЮЩЕЕ:

Карикатура Андре Жилля, воспроизведенная на листовке («Золя, автор «Западня», пляшет с натуралистической республикой — юной Нана, изображенной в этом романе»), была впервые опубликована в 1879 г. в республиканском сатирическом журнале «Рыжая луна». Припев:

«Ты станешь Нана
Ты станешь нату
Ты станешь натуралисткой
Или тебя не будет».

основан на игре слов натуралист — нанатуралист и воспроизводит написанное Золя в одной из статей: «Республика станет натуралистической или ее не будет, что является в свою очередь перифразой известного изречения Тьера — «Республика станет консервативной или ее не будет».

В тексте листовки говорится: «В утренние часы, время для казней, а не для апофеозов, Пантеон откроют не для народа, которому там не место, а для делегаций, торопливо стремящихся со всем покончить... Во время святотатственной церемонии армия подвергнется унижению. Она будет дефилировать перед ее клеветником».

«Творчество Золя, автора «Я обвиняю» и «Разгрома», «зловредно, оскверняет», а поэтому в ответ на «вызов, брошенный национальному сознанию», в листовке приводятся далее «позорные Золя суждения писателей, которых нельзя обвинить в пристрастии». Именно: Ламбродзо считает, что в творчестве Золя сказывается истерико-эпилептический психоз; Нордау называет Золя дегенератом, потому что он «изобрел слово «натурализм», «экспериментальный роман», имеет склонность к безумным, преступникам, проституткам; кроме того, для него характерен антропоморфизм, символизм, пессимизм и аргю».

В разделе «Друзья и враги» приводятся отрицательные суждения «друзей» — Жореса (о ложном изображении народа в «Западне»), Флора (о непристойности Золя), Франса (о «теоретиках низменного в «Земле»), при чем следует заметить, что в целом писатели эти положительно относились к творчеству Золя (Ред.), и «врагов» — католика Барбе д'Оревильи («о социальных сточных канавах в творчестве Золя и распутном материализме») и реакционера Жюльа Кларси («о скотском запахе, исходящем от его творчества»). В заметке «Золя-оскорбитель Виктора Гюго (клеветник покоится в Пантеоне рядом с ослепетанным)» приводятся отрывок из статьи Золя 1880 г., «когда он вел за деньги кампанию против республики и республиканцев». В этой статье Золя, отрицая, что Гюго «современный человек, мыслитель, философ, ученый», пишет: «Лишь нежная душа Гюго сказывается в его мечтаниях о всемирном лобзании народов, прекращении войн, человечестве в лучезарном городе, где все будут жить в полном блаженстве». Золя называет это «старческим гуманизмом»... «Пророки умерли вместе со сверхчувственным, остались наблюдатели и экспериментаторы». Затем приводится случай с отказом Золя в 1894 г. подписать петицию в защиту анархиста Жана Гравы, автора книги «Анархия». Золя обвиняется в том, что спустя четыре года он своим «Я обвиняю» «взбунтовал против родины революционные толпы» и, «отказавшись дать свою подпись в защиту осужденного теоретика анархии, выступил с клеветническими и позорящими памфлетами в защиту могущественного обвиняемого, в пользу которого действовали все силы разрушения, подкупа и анархии». В заметке «Золя — атеист» указывается, что автор «Рима», не добившись аудиенции у папы Леона XII, создал по книжным источникам образ «фантастического папы, похожего на китайского идола». Этому противопоставляется «религиозный Золя» — стихотворение 20-летнего Золя с религиозными мотивами об «отравительной клоаке этого века». Наконец, в заметке, озаглавленной «Золя — клеветник на крестьян», приводятся протестующие слова мэра местности, описанной в «Земле»: «Крестьяне страстно любят землю и деньги, но не доходят до преступлений и низости, описанных Золя». И в заключение говорится — «французский крестьянин, возмущенный клеветническим изображением, выразил это устами своего избранника. И вот, крестьянин, клеветник покоится теперь в Пантеоне».

Наконец, я приведу рукописный стрывок из «Плодовитости». Интерес его — в сознательном мотиве о «маленькой дани патриотизму», в интересном рассуждении о характере стиля двух серий романов после «Ругон-Маккаров»:

«В первом романе «Плодовитость» я развиваю сюжет, который обдумывал под заглавием «Убыль». Но я смягчаю и расширяю сюжет, воспеваю в нем плодовитость. Представителю эстетический облик плодовой женщины, женщины кормящей, женщины, имеющей много детей... Против девственности, религии и смерти и за разрастание всех ростков. Прежде всего за плодовитую родину, за увеличение рождаемости во Франции, — маленькая дань патриотизму. Затем я расширяю сюжет — целое человечество. В «Плодовитости» я создаю Семью... Опасности — наскучить публике, создать искусственное и мертвое произведение, выйдя за пределы человеческого и истинно правдивого. Ничто так не расхолаживает, как чересчур длительные фантазии и символы. «Икарня» — вещь неудобочитаемая, а мечта о всеобщем братстве вызывает улыбку. Вот в чем подводные камни, заставляющие меня подумать, прежде чем взяться за этот большой труд; и если я не считаюсь с ними, то только потому, что опасность привлекает меня и что, быть может, в этой новой, волнующей форме и заключается обновление моего письма».

Рукописная рубрика «персонажи», в которой даны характеристики действующих лиц романа, дополняет материалы «набросков» и позволяет установить характер психологизма у Золя. Можно убедиться, что у Золя нет абстрактно-спиритуалистического толкования психологии; характеры взяты им как социальные и вместе с тем во всей «психо-физиологической» их целостности.

В «набросках» к «Чреву Парижа» дана следующая характеристика представительницы буржуазии Лизы Кеню:

«У меня будет честная женщина в роду Маккаров. Честная — это следует понять. Я хочу наделить свою героиню честностью ее класса и показать, какая бездна трусости и жестокости скрывается в спокойной плоти буржуазной женщины. Я возвращу подлинный тип. Меня перестанут упрекать за моих истерических женщин. Я создам «порядочную» женщину, целомудренную, бережливую, любящую мужа и детей, всецело посвятившую себя своему домашнему очагу. Но социально и морально она окажется злым ангелом, и от ее прикосновения все будет блекнуть и разлагаться».

Из рукописных материалов к роману «Деньги» я приведу характеристику хищника Аристиды Саккара, организатора Всемирного банка:

«Значит, в 1864 году Саккару сорок девять лет. Со стороны физической — это маленький, чернявый, очень живой человек, весь в свою мать, которую звали сверчком. Глубоко врезанные черты лица, подчеркнутые, как у Тьера... Заостренный, нюхающий нос, очень живые глаза, сверкающие, дышащие, и наряду с этим худощавость и подвижность молодого человека. Некрасивый, но почти выравнявшийся с годами, он по-настоящему очаровывает своей сохранившейся юностью, действительностью своих жестов и необычайных речей... Ничем не удовлетворенный, как и при отъезде. Затем последует стремительное восхождение. Саккар — калиф на час, пирая стопой Париж, мечтает одно время о том, чтобы взорвать банкового императора Гундермана. И вот у него ничего нет, все утекло сквозь пальцы. Консьержер, не считая крови, слез, разорений. Ничем не удовлетворенный, как и при отъезде, такой же пламенный, как в тот далекий день, когда он прибыл в Париж, с тем же голодом, с той же потребностью завоевать Париж...»

Не менее выразительна характеристика монаха Арканжиа («Проступок аббата Мурэ»), который воплощает аскетический католицизм:

«Брат Арканжиа, сорока пяти лет, из конгрегации христианского просвещения. Неотесанный, невежественный, грязный крестьянин, упрямый, как скотина; весь охвачен католическим фатализмом. Он учит детей грамоте. Он представляет в романе бога карающего, бога ревнивого и страшного. Он — воплощенный катехизис; под его-то пристальным взглядом больше всего и изнемогает Серж. Я показываю

его в первой части. Затем он появляется в раю. К нему переходит охрана входа в этот рай. Наконец, я замешиваю его в конечной драматической развязке, он давит своей тяжестью на смерть Бланш. Вместе с тем не придавать этой фигуре ничего возвышенного. Подчеркивать отвратительные и вульгарные стороны. Реальность, разящая вонь. Грязь безбрачия, отвратительность евнуха, пахнущего козлом, который не может себя удовлетворить».

В романе «Добыча» Максим и Рене охарактеризованы так:

«Максим — дряблость. Существо гнилое от рождения, безвольно соскальзывающее ко злу, слабое и чувственное, почти не сознающее своей мерзости, трусливое, рожденное, чтобы растрчивать не им нажитые богатства, и растрчивать их глупейшим образом. Ни пробуждения, ни проблеска. Проводит жизнь, как животное — во сне, еде и удовлетворении своей похоти. Даже без любопытства. Так порочен, что больше уже не ощущает порока. Порок — это его жизнь» и «Рене — темперамент парижанки. Минутные желания и падения. Сохраняет в наслаждении свою нервность; любит со страстью, а потом плачет, — полна капризов. Женщина, рожденная для наслаждения, которое ее сжигает; но в последнюю минуту она возмущается. Вся — чувственное любопытство».

Пространные аналитические «планы», обычно в двух редакциях, позволяют судить о художественном формировании романов у Золя. В «Жерминале» описание толпы и высказывания о грядущей социальной революции разработаны в соответствии с лозунгом Золя «устрашить буржуазию», т. е. склонить ее к реформизму. Вот как отражается это в аналитическом «плане». Описание «революционного шествия толпы», лишь намеченное в первой редакции, развивается во второй редакции пятой главы.

Первая редакция:

«Вид бастующих — этот страшный призрак будущего — заставляет побледнеть г-жу Энбо; скептик Поль потрясен. Сесиль без сознания, и только их спутницы находят все очень шикарным. Жуткое описание толпы... В продолжение всей главы непрерывное нарастание бунта; дом окружен и почти взят толпой. Камни. Боязнь, что в погребе хранится порох; быть может, толпа ворвется. Никакого оружия, кругом разбой. Вся местность охвачена ужасом. Наступает ночь... Призрак неизбежной социальной революции...»

Вторая редакция:

«Описание революционного шествия толпы («хлеба, хлеба!»), в которой находятся Жанлен, женщины с детьми, мужчины. Вооружение: топор Левака, палка Брюлэ, железные полосы и др. Лохмотья, стук сабо, крики, особый запах толпы чувствуется, несмотря на холод; нестройное пение Марсельезы, крики «хлеба, хлеба!», искаженные лица, растрепанные волосы. Вся сцена происходит при заходе солнца, которое заливают шествие кровавыми лучами; страшная картина восстания, пробуждения, которое когда-нибудь все сметет... Они не чувствуют порывов ветра (Да здравствует социальная революция, смерть буржуазии!)».

В рукописях Золя имеются также интересные эскизы-очерки, которые послужили ему материалом для описаний, органически сливающихся с фабулой романа. Я приведу из романов «Деньги» и «Творчество» отрывки, в которых сказывается забота Золя о зрительной и слуховой выразительности описаний. В романе «Деньги», в отрывке о бирже, Золя отмечает:

«Блики на цилиндрах в бледном, белесом, мертвенном свете, проходящем сквозь стеклянную крышу. В этой толпе господствует черный цвет сюртуков и черный блеск цилиндров. Ни одной светлой ноты. Шум. Непрерывный шум, разлагающийся на составные части. Сперва длительный гул, одинаковые раскаты, напоминающие прибой моря, который слышно издали. Равномерный, глухой, доносящийся откуда-то из глубины. Это происходит от громких разговоров толпы: живое и мощное дыхание толпы. Затем — все покрывающие, особые выкрикивания

агентов, которые находятся в проходе и в конторе счетов. Там шум уже не отличается равномерностью, нарастает и спадает. Плеск разбивающихся голосов. По временам выделяется какой-нибудь один, более резкий, но угадать, что он говорит, невозможно. Скрежет, совершенно особый визгливый звук, который необходимо услышать, чтобы получить о нем представление. Голоса визгливо нарастают, умолкают, снова возникают».

Подобные эскизы-очерки, непосредственные зарисовки Золя на месте наблюдений, встречаются в рукописных материалах ко всем романам Золя. Я приведу еще примеры из романа «Творчество»:

Пуб л и к а. Сильный дождь, входит публика, вся вымокшая; от нее несет мокрой собакой. Какой-то особенный запах пыли, лака, людей. Холодное, сырое утро, сквозняк от раскрытых на галерее дверей; постепенно делается все теплей и теплей, к полудню жарко, запах толпы смешивается с запахом поднятой пыли. Толпа, головы, перья на шляпах женщин колышутся рядом с черными шляпами мужчин. Картины затмевают туалеты, а природа убивает картины...».

Или:

П а р и ж в е ч е р о м. Светлый весенний вечер между семью и восемью часами. Апрель. Небо голубое и прозрачное. Очень сухая белая мостовая. Теплый воздух, легкий, свежий ветерок. Еще очень светло; и лишь в некоторых лавках зажигают свет; сначала мелькает лишь один огонек, потом зажигается вся люстра, и наконец вспыхивает целая полоса света. Разнообразные способы освещения; то тут, то там зажигаются фонари, по три, по четыре, затем целый ряд сразу: горят люстры, огоньки витрин образуют длинную цепь огня, матовые шары — все это во всевозможных лавках: колониальных, ювелирных, новинок, булочных, мясных и т. д.»

Представляют интерес для изучения творчества Золя и рукописные материалы его, относящиеся к незаконченному, вернее, намеченному роману «Справедливость», а также проекты его дальнейших романов¹. Место романа «Справедливость» в серии «Четыре евангелия» определяется «наброском» Золя:

«Справедливость» является третьей площадкой, вершиной, создающей Человечество поверх границ. Больше, чем великая человеческая отчизна. Соединенные штаты Европы, союз всех наций. Расовая проблема, латинская раса, германская раса, саксонская раса. И великое лобзание мира. Прежде всего нужно поставить вопрос о всеобщем разоружении, что, по меньшей мере, придаст сюжету действительность. Придумать крестовый поход. Для этого нужен старый апостол, крупная фигура, увлекающая Жана по свету. Их посещение каждого народа. Слова, обращенные ими к каждому королю. Это разнообразит план произведения. Вот о какой книге я мечтал: в ней каждая глава будет посвящена какому-нибудь народу, и каждому народу у прочту его главу. Это даст, быть может, своеобразный план. Апофеозом будет окончательный мир. Так я создаю Человечество. От одного романа к другому рамки расширяются. (Очень важно.) Сперва в «Плодовитости» дан один д.с.м., затем город в «Труде» и, наконец, весь необъятный мир в «Справедливости». Слово Справедливость надо понимать в смысле солидарности как средства и счастья как цели. Жена и дети Жана фигурируют во всех трех романах.

Таким образом Золя мечтал о «Соединенных штатах Европы», «всеобщем разоружении», «союзе наций». Но не классовая борьба лежала в основе концепции Золя. Он пропагандирует «солидарность, как средство», у него «все виждется на науке», изображаемой как нечто надклассовое. Характерен и подчеркнутый Золя национализм, ибо руководящей нацией он считает Францию — «Мессию, искупительницу, спасительницу и царицу».

¹ Опубликованы в статье Maurice Le Blond, Les projets littéraires d'Emile Zola au moment de sa mort. «Mercure de France» 1927.

Критическое отношение к буржуазной действительности, острое в ряде романов из серии «Ругон-Маккары», притупилось в представлении Золя об идеальном обществе, как оно рисуется в «Четырех евангелиях». Золя не осуществил предсмертных замыслов — серии драм о Третьей Республике, напоминающей его «Ругон-Маккаров».

Серия эта предположительно должна была называться «Франция шествует». Я приведу рукописный набросок, характеризующий основную мысль этого произведения:

«Я хочу сделать в отношении Третьей Республики то же, что сделал в отношении Второй Империи: серию произведений, где снова будет описана биологическая и социальная история одной эпохи. Только вместо романов это будут драматические произведения. Я беру Третью Республику с момента ее зарождения. И сразу намечаю характерную черту: нация, пережившая длительный период клерикализма и монархии, с большим трудом освобождается от их влияния; демократия, лишенная демократического духа, республика, сохраняющая под республиканской маркой монархическое правительство и монархический дух. Отсюда берут начало все крупные штрихи; медленные усилия, непрерывные преграды на пути к свободе, истине и справедливости. Я беру Францию, шествующую вперед, и изучаю ее на этом этапе. Я добавляю, что Рим избирает Францию полем решающей битвы, чтобы отвоевать свое могущество, и тут у меня разворачивается борьба всей эпохи, начиная с 70-го года. С одной стороны, пользуясь республиканской свободой, действуют силы прошлого — монархический, клерикальный дух; они тянут страну назад. С другой стороны, прогрессивные силы. Здесь сосредоточена вся борьба, весь интерес шествующей Франции. Двинется ли она вперед, отступить ли, — в этом все. Итак, борьба, облеченная в драматическую форму, борьба за судьбы страны и человечества... Сюжетами могут служить: женский вопрос, раскрепощение женщины, вопросы воспитания (очень важно), будет ли оно догматичным или же дети будут расти свободными; политика и связь с ней, карьеристы, умеренные, любители ловить рыбу в мутной воде, свобода совести и антисемитизм, разложение армии, милитаризм и вытекающий из него культ военщины, постоянная армия, офицерский корпус — организация, несовместимая с демократизмом, наука, которой предъявляют обвинение в крахе, наука, единственно являющаяся революционной; увеличивающаяся количественно литература; баптины из слоновой кости, провозвестники нового слова, социализм, борьба школ, грызня сектантов и прежде всего вопрос о реорганизации труда».

* * *

В настоящей статье мы поставили себе ограниченные задачи, а потому естественно не могли коснуться всех сторон творческого наследия Золя. Так, не затронут например вопрос об участии Золя в деле Дрейфуса, что отражено в статьях его сборника «Истина шествует» (1901). Известно обращение Золя к президенту Республики — «Я обвиняю». Это была борьба радикальной и демократической мелкой буржуазии против объединенных сил реакции — плутократии, монархистов, военщины, клерикализма и примыкавшей к ним реакционной части мелкой буржуазии. Публицистическая деятельность Золя приобрела непосредственно политический характер. Благодаря этому реакционные круги преследовали Золя и после его смерти: при перенесении праха его в Пантеон состоялась враждебная демонстрация «королевских молодчиков» во главе с Леоном Додэ; постановке памятника Золя (раб. Менье-Шарпанье) в Париже ставились препятствия до 1924 г. Богатые материалы вокруг дела Дрейфуса хранятся в «Музее города Парижа». Золя — публицист и общественный деятель — это специальная тема, требующая отдельной статьи. Но и художественное творчество Золя, как мы говорили и показали на его рукописных материалах, было публицистично. Поэтому естественно, что в литературно-общественной борьбе своего времени оно играло очень видную роль. Это нашло живое отражение в прессе. Выход в свет многих романов Золя в реакционном буржуазном общественном мнении приравнивался к скандалу. Так было, например, с «Накитью», «Жерминалем», «Землей», «Разгромом». Объясняется это социальной направленностью романов Золя, хотя буржуазная критика

преследованию Золя стремилась зачастую придать характер борьбы с натуралистической «порнографией» и формальными несовершенствами писателя. Господствовавшая реакционная и консервативная буржуазная критика различных группировок (Понмартен, Дрюмон, Сарсей, Барбей, д'Оревильт, Брюнетьер, частью — П. Бурже, даже Ан. Франс и др.) обвиняли Золя в материализме и антиклерикализме, антибуржуазности и антипатриотизме.

Положительно оценивали творчество Золя представители радикальной мелкой буржуазии — Октав Мирбо, Деспрец, Алексис, Грег и др. — и социал-реформизма, как Жорес. Отдельные произведения («Западня») встретили резкую критику республиканского лагеря (Ранк и др.), упреки в ложном изображении рабочих. Марксистская критика в лице Лафарга в пору борьбы с буржуазным реформизмом разоблачала Золя как буржуазного идеолога. Отношение к Золя критики различных социальных групп характерно. Половинчатый мелкий буржуа, реформист, объективно игравший роль пособника крупной буржуазии, подвергался жестоким нападкам как со стороны реакционных кругов, так и со стороны идеологов революционного пролетариата.

Показательно, что в настоящее время во Франции в кругах социал-реформистских и откровенно фашистских писателей намечается тенденция использовать творчество Золя (анкета «Монд» 1929 г., течение «популизм» и др.). Наряду с «самокритическими» упреками Золя в аполитичности, неверной постановке рабочей проблемы, наличии национализма, творчество Золя провозглашается знаменем для будущих поколений (в недавно вышедший в свет книге Анри Барбюса «Золя»). Это побуждает нас к особой бдительности по отношению к творчеству Золя. Критикуя буржуазию, он может тем самым легче «улавливать» рабочих, сеять иллюзии. Так например в рукописях к «Лурду, Риму, Парижу» Золя писал: «Против клерикализма, против милитаризма, против капитализма. Три язвы: церковь, казарма, крупная собственность — уничтожить их, без чего республика не существует». Но «реформизм есть буржуазный обман рабочих, которые всегда останутся наемными рабами, несмотря на отдельные улучшения, — пока существует Господство капитала» (Ленин).

М. Эйхенгольц

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ В РОССИИ

I

В конце 60-х годов Э. Золя предпринял свою многотомную «Естественную и социальную историю одного семейства времен Второй Империи», однако первого крупного успеха у себя на родине романист добился только через восемь лет, по выходе седьмого тома «Ругон-Маккаров» — «Западни». Еще позднее, на рубеже 70-х и 80-х годов, началась популярность Э. Золя в Италии, Германии и, несколько позже, в Англии. Только русская критика сразу же после появления двух первых томов «Ругон-Маккаров» признала эту серию «одним из значительнейших явлений европейской литературы», а автора ее — «почти гением». Третий том серии, роман «Чрево Парижа», был переведен в 1873 г. одновременно шестью русскими журналами, и в том же году вышло два отдельных издания перевода. Таким образом, роман «Чрево Парижа» при своем появлении выдержал в переводе больший тираж, чем в оригинале.

Большая популярность Эмиля Золя в России, чем во Франции в первой половине 70-х годов, засвидетельствованная современниками, неоднократно отмечалась и позднейшими исследователями. В недавно вышедшей работе дочери писателя Денизы Ле Блон-Золя указывается: «...его (Э. Золя) имя стало знаменитым в России гораздо раньше, чем во Франции»¹.

Роль русской аудитории в судьбе произведений Э. Золя и в его литературной работе оставалась знаменательной и в последующие годы. С 1875 по 1880 г. он сотрудничал в «Вестнике Европы», посылая ежемесячные «Парижские письма», пользовавшиеся у нас исключительной популярностью. В них была впервые изложена «теория научного романа», ставшая известной французскому читателю только через несколько лет.

Ряд романов писателя — «Проступок аббата Мурэ», «Его превосходительство Эжен Ругон», «Дамское Счастье», — переведенный с рукописи, был доступен русскому читателю до опубликования во Франции. Только нерешительностью редактора «Вестника Европы», степенного либерала М. М. Стасюлевича, напуганного скандальным успехом «Нана» и «Накипи», ошеломивших наравне с французскими и российских буржуа, помешала предварительному опубликованию в русском переводе до появления оригинала одного из высших творческих достижений писателя — романа «Жерминаль».

Социальная проблематика романов Э. Золя привлекала к нему внимание русских читателей. В годы острых споров об «особом пути развития России» зарисовки развитого капиталистического общества придавали в глазах русской публицистической критики томам «Ругон-Маккаров» интерес злободневных документов — в этом направлении следует искать объяснения необычайно быстрого освоения русским читателем французского писателя.

В задачи настоящей публикации не входит, однако, подробное изучение и осмысление восприятия произведений Эмиля Золя на русской почве. Цель ее — учет документального материала, относящегося к сношениям Эмиля Золя с рядом русских писателей и переводчиков, выяснение «русского фонда» произведений романиста, напечатанных в «Вестнике Европы» и далеко не полностью вошедших в собрания его сочинений.

¹ Denise Le Blond-Zola, Emile Zola raconté par sa fille. Paris, Fasquelle ed., 1931, p. 93.

II

Одним из ранних популяризаторов автора «Ругон-Маккаров» в России был П. Д. Боборыкин. Его перу принадлежит первый по времени появления обстоятельный разбор творчества Э. Золя — статья «Новые приемы французской беллетристики», печатавшаяся в 1872 г. в двух номерах «Недели»¹. К весне 1878 г. относится начало личного знакомства русского писателя с Э. Золя, о котором П. Боборыкин рассказывает в своей книге воспоминаний «Столицы мира» и более подробно в специальной статье «У романистов (Парижские впечатления)», повествующей о встречах с Э. Золя, А. Додэ, Э. Гонкуром и др.² Однако еще до встречи в 1878 г. П. Боборыкин вступил в письменные сношения с Э. Золя. Готовясь к публичным чтениям на тему «Реальный роман во Франции», состоявшимся в Петербурге в марте 1876 г., П. Боборыкин обратился к французскому писателю, «прося его сообщить... все, что появилось в журналах или биографических словарях про его жизнь и деятельность». Э. Золя ответил в конце 1875 или начале 1876 года большим и интересным автобиографическим письмом, приведенным в «подстрочном переводе» в чтениях Боборыкина³. Письмо это оставалось до сих пор вне поля зрения исследователей автора «Ругон-Маккаров» и воспроизводится здесь по первопечатному тексту.

«Я родился 2 апреля 1840 г. от отца, родом венецианца, и от матери француженки, из провинции Беаусе — родился в Париже, в самом центре одного из народных кварталов. Отец мой был инженер и сделал несколько крупных работ по канализации, живя в городе Эксе, около Марсели, где и умер в 1847 г. С трех лет до осмнадцати я рос в Провансе и начал учиться в коллеже города Экса. Вернувшись в Париж в 1858 г., прошел я через большую нищету. Гимназический курс кончил я в лицее Сен-Луи и некоторое время был бакалупи, с беспечностью поэта. В 1862 г. поступил приказчиком в книжную торговлю Гашет и оставался там вплоть до 1866 г., когда бросился в журнализм.

Вот уж десять лет как я живу своим пером, скорее дурно, чем хорошо; меня сильно оспаривают, часто совсем не признают, и я зарабатываю, конечно, гораздо меньше наших газетных фельетонистов. Только четыре года, как я в состоянии был совершенно оставить газетное сотрудничество, где мои замашки доставляли мне неприятности, и окончательно заперся у себя дома, чтобы писать мои романы.

Живу я очень уединенно, в глухом квартале, в самой глубине Батиньолей. Я занимаю маленький домик с моей женой, матерью, двумя собаками и одной кошкой. Разве кто-нибудь из приятелей завернет ко мне в четверг вечером, все это — большие друзья детства, почти все — провансальцы. Выхожу я как можно меньше. Из современных писателей бываю только у Флобера, Гонкура и Альфонса Додэ. Я нарочно так удалился от всего, чтоб как можно спокойнее работать. Работаю я самым буржуазным образом. У меня есть положенные часы: утром я сажусь к столу, точно купец к конторке, пишу потихоньку, средним числом страницы по три в день, не переписывая: представьте себе женщину, вышивающую шерстями, стежок за стежком; делаю, конечно, ошибки, иногда вычеркиваю, но кладу на бумагу мою фразу тогда только, когда она совершенно сложится в голове. Как вы видите, все это чрезвычайно ordinarily. Боюсь, как бы такое разоблачение не повредило в уме ваших слушателей той страшной фигуре, какую они могли создать из меня. Но дело-то в том, что все настоящие работники в нашу эпоху должны быть по необходимости людьми тихими, чуждыми всякой рисовки, и жить семейно, как какой-нибудь нотариус маленького городка.

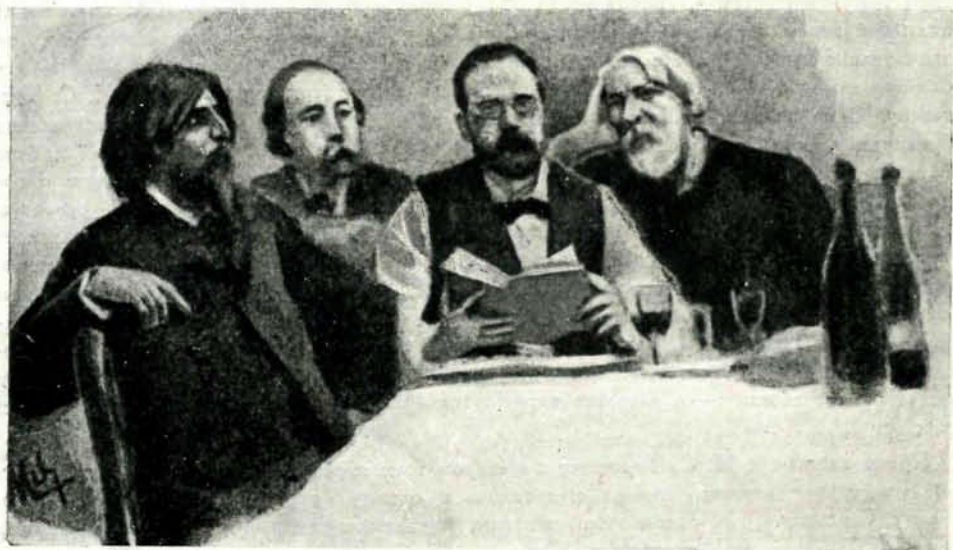
¹ «Неделя» 1872, №№ 14 и 15—16. Статья напечатана без подписи; принадлежность ее П. Д. Боборыкину установлена мною в работе «Начальный успех Золя в России», «Язык и литература». Л., 1930, т. V, стр. 298.

² «Слово» 1878, № 2. Записи впечатлений о встрече с Э. Золя посвящены стр. 22—31.

³ «Отечественные Записки» 1876, № 7, стр. 64—66.

Что же вам еще сказать? Мои «Ругон-Маккары» должны иметь двадцать частей, и я, в настоящую минуту работаю над 7-й частью, романом, обнимающим собой мир парижских рабочих¹. Я уже много работал, а передо мной еще больше работы. Для меня вся жизнь заключается в труде. Даже через десять или пятнадцать лет я не рассчитываю на то, чтоб меня поняли и признали во Франции. На меня смотрят сквозь всякого рода призраки и нелепости. К тому же и вражда литературных школ слишком сильна, чтоб мне воздали должную справедливость, а политика производит теперь у нас такой шум, что книги проходят совершенно незамеченными. Не беда! Надо только производить. Когда я доволен своим днем, вечером я сажусь с своей женой и матерью играть в домино. Мне так легче поджидать успеха.

Считаю почти лишним прибавлять, что за мной значится всего один порок: люблю сладко поест. Но такое признание может показаться тщеславным. Рассудите

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ В КРУГУ ЛИТЕРАТОРОВ

Слева направо: А. Додэ, Г. Флобер, Э. Золя и И. С. Тургенев

Иллюстрация Myrbach'a в книге А. Додэ „Trente ans de Paris“

сами, можете ли вы объяснить всем этим мои романы? Последняя подробность: я очень нервен, продолжительная работа раздражает и убивает меня. Я принужден бываю останавливаться на несколько недель, потому что сердце начинает биться ужасно. Еслиб я не писал моих книг, я желал бы быть мелким собственником где-нибудь в деревеньке и дышать на свободе вольным воздухом.

Обработайте все это. Я хотел только дать вам факты и числа. В сущности же, у меня в искусстве одна страсть: жизнь. Я любовно предан современной жизни, всей моей эпохе».

Приведенным письмом не ограничилась переписка обоих романистов, однако местонахождение дальнейших писем Э. Золя к П. Д. Боборыкину остается неизвестным².

В той же статье «Реальный роман во Франции», в которой Боборыкин процитировал автобиографическое письмо Э. Золя, приводится достойный внимания отрывок из неопубликованного письма И. С. Тургенева с краткой, но выразительной характеристикой французского писателя: «Золя женат так, как женятся увриэ, живет уединенно,

¹ «Западня».

² В статье «У романистов» П. Боборыкин пишет об Э. Золя: «от времени до времени мы обменивались письмами».

работает, как вол. Закала сильного, упорный и угловатый характер, притом добродушен, прост и очень самолюбив».

Характеристика эта, так же как и письмо Э. Золя, была написана в ответ на запрос П. Боборыкина, собиравшего материалы для своих чтений. Вполне естественно было обращение лектора за сведениями к И. С. Тургеневу. С последним Э. Золя был связан с начала 1872 г. близкими дружескими отношениями, оборвавшимися только со смертью автора «Отцов и детей». Оба писателя входили в состав литературного кружка, регулярно собиравшегося с весны 1874 г. и объединявшего в себе старшее поколение реалистов (Г. Флобер, Э. Гонкур, И. С. Тургенев) с молодыми «натуралистами» (Э. Золя, А. Додэ). О роли Тургенева как популяризатора Э. Золя в России придется говорить дальше, здесь — несколько слов о судьбе переписки обоих писателей.

Е. Гальперин-Каминский, собравший в 1900 г. письма И. С. Тургенева к французским корреспондентам¹, опубликовал 51 письмо к Э. Золя (1874—1882 гг.). Если этим собранием более или менее исчерпываются письма одного из корреспондентов, то значительно хуже обстоит с ответными письмами Э. Золя. Во втором томе «Correspondance» — «Les lettres et les arts» — напечатано только три его записки к И. С. Тургеневу. Одна из них, датированная 29 июня 1874 г., касается условий предоставления редакции «Вестника Европы» права перевода с рукописи романа «Проступок аббата Мура»; две другие, от 25 октября и 10 декабря 1882 г., касаются переговоров о переводе романа «Дамское Счастье». Из этих записок узнаем, что перевод с рукописи одиннадцатого тома «Рюгон-Маккаров», изданный в 1883 г. в качестве бесплатного приложения к сатирическому журналу «Будильник» и поступивший затем в отдельную продажу, был осуществлен при участии И. С. Тургенева, выступавшего посредником между французским писателем и редакцией журнала, с одной стороны, и переводчиком — И. Я. Павловским, автором нашумевших апокрифических воспоминаний о Тургеневе — с другой. Местонахождение остальных писем Э. Золя к И. С. Тургеневу остается неизвестным — в каталоге парижского архива Тургенева никаких указаний на них нет².

Кроме записок к И. С. Тургеневу во втором томе переписки Э. Золя — «Les lettres et les arts» — имеются письма еще только к одному русскому корреспонденту, некоему Семенову. По отдельным намекам, заключающимся в трех опубликованных письмах Э. Золя к Семенову (от 27 ноября 1896 г., 14 сентября 1900 г. и 6 августа 1901 г.), удастся точнее установить адресата. Это народоволец Евгений Петрович Семенов (Семен Моисеевич Коган), арестованный в 1882 г. по обвинению в принадлежности к партии «Народной Воли», эмигрировавший в августе того же года за границу и заочно приговоренный к 20 годам каторжных работ за участие в покушении на генерала Стрельникова. Во время вынужденного двадцатипятилетнего (с 1882 по 1907 г.) пребывания за границей, преимущественно в Париже, Е. П. Семенов занимался журналистикой, писал в революционных зарубежных изданиях («Народной Воле», «Общем Деле» и др.), корреспондировал в петербургскую газету «Новости» и сотрудничал в ряде французских журналов и газет³. В 90-х годах в Париже Е. П. Семенов довольно близко сошелся с Э. Золя, кое-какие воспоминания о котором записал в своей книге мемуаров⁴.

При посредстве Е. П. Семенова Э. Золя принял участие в пушкинских празднествах 1899 г., адресовав свое приветствие «a l'Union des Ecrivains russes a Saint-Petersbourg».

¹ E. Halperine — Kaminsky, J. Tourgueneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Русский перевод. — Письма И. С. Тургенева к Полине Виардо и его французским друзьям. М., 1900.

² A. Mazon, Manuscrits Parisiens d'Ivan Tourgueneff. Paris, 1930.

³ Биографические данные о Е. П. Семенове почерпнуты из его автобиографии, хранящейся в составе архива С. А. Венгерова в Институте книговедения в Ленинграде.

⁴ Е. П. Семенов. В стране изгнания (Из записной книжки корреспондента), изд. 2, СПб, 1912, стр. 97—98.

«Париж, 7 июня 1899

Дорогие сотоварищи!

Я счастлив и горд, что могу мысленно всей душой присоединиться к вам в тот день, когда вы чествуете гений вашего бессмертного Пушкина, отца современной русской литературы.

Я узнал его преимущественно благодаря моему другу Тургеневу, который часто рассказывал мне о славе Пушкина, характеризуя его как универсального человека, дивного поэта, глубокого и живого романиста, поборника свободы и прогресса, служащего непогрешимым образцом для вашей учащейся молодежи. И я его полюбил, как следует любить всех глубоких мыслителей, чьи национальные произведения обогащают все человечество.

Я посылаю через границу заверение в моем благоговении перед ним. Необходимо, чтобы его почтили приветствиями писатели всего мира. Международное культурное празднество создает действительные мирные связи.

Примите, дорогие сотоварищи, заверения в братских чувствах»¹.

diminuer cette collaboration à un ouvrage dont je réprovoie la forme et la philosophie, les moyens et le but.

Bien à vous

Emile Zola

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ТОГО ЖЕ ПИСЬМА

Koyan, 16 sept-86

Monsieur

Vous me dites que certains journaux en Russie ont prétendu que j'avais collaboré au livre de M.

Dernièrement: la France juive et vous me demandez ce que j'en pense.

La nouvelle est simplement ridicule. Tous mes livres sont la preuve

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА НЕИЗДАННОГО ПИСЬМА ЭМИЛИЯ ЗОЛЯ К Л. КУПЕРНИКУ
О подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

Большая серия писем Э. Золя к М. М. Стасюлевичу (45 номеров) была опубликована в III томе издания «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке»; часть их вошла в двухтомное издание переписки Э. Золя «Собрание сочинений», редактированное М. Ле Блоном, но о них речь впереди.

До сих пор необнародованными остались письма Э. Золя, хранящиеся в рукописных отделениях Института Новой Русской Литературы при Академии Наук СССР, Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде, Институте Маркса, Энгельса и Ленина.

В рукописном отделении ИНЛИ имеется не лишнее интереса письмо Э. Золя к киевскому адвокату Л. Купернику,

¹ Письмо было первоначально напечатано Семеновым в брошюре: E. Semenov, Alexandre Pouchkine (1799—1899). P., 1899, p. 34—35, а оттуда перепечатано в изданиях переписки Э. Золя.

опровергающее газетные известия об участии французского писателя в антисемитском литературном выступлении.

«Руаян, 16 сентября 86

Вы мне сообщаете, что некоторые русские газеты приписывают мне сотрудничество в книге Дрюмона «Еврейская Франция», и спрашиваете, что следует об этом думать.

Это известие просто глупо. Все мои произведения свидетельствуют, что я не мог сотрудничать в книге, общую направленность которой и форму изложения, цели и средства я решительно осуждаю.

В Государственной Публичной Библиотеке хранится письмо Э. Золя к некоему E. de Liphardt'y (вряд ли это художник Э. К. Липгардт).

«Медан, 25 октября 84

Я не имею возможности сообщить вам «Жерминаль» до опубликования романа в «Жиль Блазе». Самое большое, что сможет сделать для вас сам Шарпантье¹, — это доставить вам экземпляр книги, как только она выйдет из печати, то-есть в первых числах февраля. Ваш друг также будет иметь этот экземпляр за несколько дней до поступления книги в продажу, так что он сможет быть одним из первых, выступивших по поводу романа.

Сердечно преданный вам

Э. Золя.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина разрешил нам опубликовать хранящуюся у него неизданную записку Э. Золя к известному анархисту Домела Ньевенгуйсу.

«Париж, 25 янв. 1898 г.

Милостивый Государь!

Вы вызываете к моему чувству справедливости и правосудия!

Но я совершенно не знаком с делом братьев Огерюи и потому не могу принять в нем участия. Если я высказался так решительно по делу Дрейфуса, так это потому, что я был абсолютно уверен в невинности осужденного.

В остальном вы правы, нет границ для вопросов совести, и братство народов возможно только с помощью всеобщей религии, справедливости и правосудия.

Сердечно ваш

Эмиль Золя.

Записка проливает дополнительный свет на политический облик Золя, убедительно вскрывая его отчужденность от рабочего движения, выразившуюся в нежелании впутывать себя в новый политический процесс.

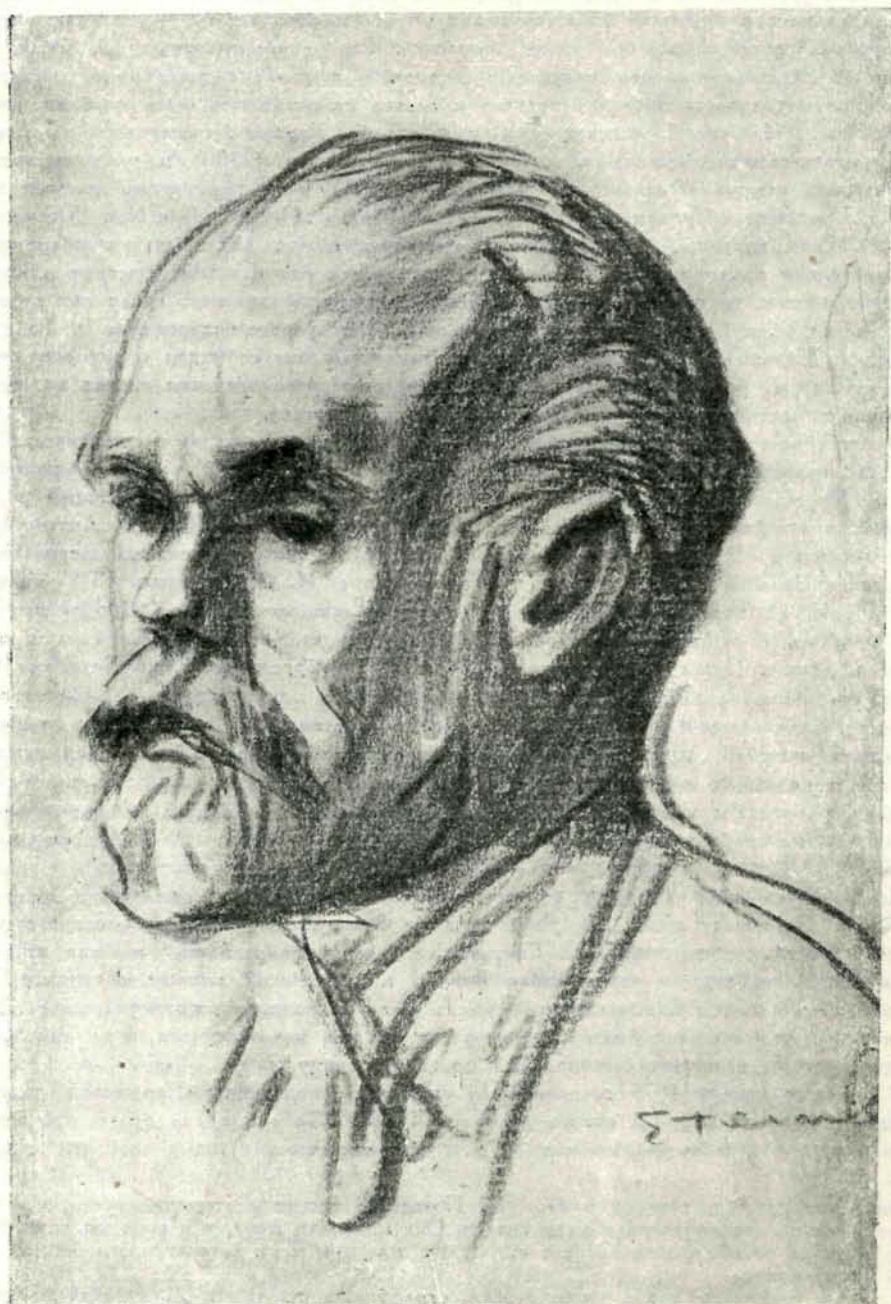
Этими письмами не исчерпывается, конечно, фонд находящихся в пределах СССР эпистолярных документов Э. Золя. Имеются положительные известия о его переписке с М. Е. Салтыковым, А. С. Сувориным, А. Энгельгардтом и др. Дальнейшие поиски должны обнаружить местонахождение всех этих материалов².

¹ Издатель Э. Золя.

² Кое-что из несобранной переписки Э. Золя затерялось на страницах нашей прессы. Так, в одесской газете «Правда» за 1880 г. (№ 22 от 24 января) было опубликовано в подлиннике и в переводе письмо из Медана от 5 августа 1873 г. Золя к гастролировавшей в России итальянской актрисе Пециано Гвальтиери, включившей в свой репертуар пьесу «Тереза Ракэн» (авторская переделка одноименного романа), потерпевшую неудачу на парижской сцене 11 июля 1873 г.

«Сударыня, ваше письмо глубоко тронуло меня. Я считаю долгом благодарить за сочувствие, которое выразилось в вашей смелой попытке представить «Терезу Ракэн» на итальянской сцене. Вы расточаете мне много похвал; но всех их я не могу принять, так как сознаю, что обязан успеху моего произведения на сцене вам, великая артистка, и достоинствам актеров, которыми вы себя окружили. Прошу вас поблагодарить их всех от моего имени. Еще раз выражаю вам мою признательность.

Относительный неуспех моей «Терезы Ракэн» в Париже несколько не озадачил и не смутил меня. Я полагаю, что рано или поздно моя драма будет возобновлена у нас и что она будет иметь такой же успех в Париже, как и в Неаполе. В ожидании его ничто не могло доставить мне такого удовольствия, как успех моей пьесы в стране, которую я люблю и в которой родился мой отец. Италия с некоторого времени ока-

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

С рисунка углем Т. Стейндена, находившегося на выставке Революционного искусства
Запада в 1926 году в Москве

III

Самым крупным фактом в истории отношений Э. Золя с русским читателем является его сотрудничество в «Вестнике Европы», продолжавшееся в течение шести лет и выразившееся в присылке 63 «Парижских писем» и одной статьи — «Бальзак и его переписка», напечатанной без этого заголовка. Все корреспонденции Э. Золя в «Вестнике Европы» писались специально для этого журнала в расчете на русскую аудиторию и только значительно позднее и далеко не полностью были опубликованы в оригинале. Из статей, напечатанных в «Вестнике Европы», составила большая часть критического сборника «Экспериментальный роман» (1880) и целиком книги критических этюдов «Романисты-натуралисты» (1881) и «Литературные документы» (1881), а также сборники новелл «Капитан Бюрль» (1883) и «Наис Микулен» (1884). Если полагать, что Э. Золя объединил в десяти изданных им сборниках критических и публицистических статей все казавшиеся ему ценными газетные и журнальные работы, то оказывается, что «Парижские письма» занимают среди них первое место и по объему, и по своей важности. Самый факт корреспондирования Э. Золя в «Вестнике Европы» оказывается не только знаменательным событием в истории русских отношений романиста, но вырастает в первостепенного значения эпизод из журнальной и критической деятельности французского писателя.

Внешняя история сотрудничества Э. Золя в «Вестнике Европы» восстанавливается во всех подробностях по относящимся к этому эпизоду опубликованным письмам И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова, Э. Золя и некоторым необнародованным документам, хранящимся в Рукописном отделе Института Новой Русской Литературы при Академии Наук СССР. Предложение вступить в число постоянных сотрудников «Вестника Европы» Э. Золя получил при посредстве И. С. Тургенева. 18(6) января 1875 г. И. С. Тургенев обратился к издателю «Вестника Европы»: «Не хотите ли Вы получать от Золя «Парижское обозрение» (без его подписи)? Он сделает это умно и дельно. Правда, у Вас уже есть парижский корреспондент, но Золя мог бы обращать внимание преимущественно на литературные, художественные, социальные явления. Если эта мысль Вам «улыбается», дайте мне знать и какую Вы бы полагали положить цену?»¹ М. М. Стасюлевич несколько колебался принять предложение, но все же сообщил свои условия, в ответ на которые Тургенев писал: «...я все-таки сообщу то, что Вы мне пишете, Золя — и, если он найдет это для себя выгодным, перешлю Вам пробную корреспонденцию — *qui ne vous engagera à rien*. Увидите и решите»².

Через десять дней Тургенев отправил Стасюлевичу пробный фельетон: «Новый академик. По поводу приема А. Дюма-сына во Французскую академию», сопровождая посылку восторженным отзывом³. Статья Стасюлевичу понравилась⁴ и была напечатана в качестве первого «Парижского письма» в мартовской книжке «Вестника Европы». Вместе с тем Стасюлевич предложил Золя постоянное сотрудничество в журнале с тем, чтобы статьи были подписаны инициалами, под которыми не трудно было угадать автора, и назначил гонорар 15 фр. за страницу⁵.

С майского номера 1875 г. начинается аккуратное появление «Парижских писем» в каждой книжке журнала вплоть до конца 1880 г. За это время без статей Золя вышли только декабрьская книжка 1876 г. (не поспевшее к этому номеру письмо

зоывает мне дружбу, которой я горжусь. Передайте вашим соотечественникам, что их рукопожатия откликнулись в моем сердце. Они признали меня, и я всем им дружески жму руки за то ободрение, которое они шлют мне в момент литературного боя, который я предпринял.

Еще раз благодарю вас и прошу верить, сударыня, в чувство моей глубокой признательности и восхищения».

¹ М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 48.

² Там же. Письмо из Парижа от 12 февраля (31 января) 1875 г., стр. 49.

³ Там же. Письмо из Парижа от 22/10 февраля 1875 г., стр. 50.

⁴ Там же. Письмо из Парижа от 13/1 марта 1875 г., стр. 51.

⁵ Первое «Парижское письмо» было подписано одной буквой «Э». Следующие письма имели подпись «Е. Z—е». Полная подпись появилась впервые под статьей «Романы гг. Гонкур» в «Вестнике Европы» 1875, № 9.

«Бальзак и его переписка» попало в январскую книжку 1877 г. наряду с очередной статьей «Типы духовенства во Франции»), декабрьская книжка 1879 г. и январский, февральский, сентябрьский и ноябрьский номера 1880 г.

С марта 1875 г. Золя вошел в непосредственные письменные сношения с М. М. Стасюлевым. Роль Тургенева, несмотря на это, не была окончена. И. С. Тургенев давал довольно регулярно своему другу темы для корреспонденций. 15/3 июля 1876 г. он писал Золя из Москвы: «Смерть m-me Занд очень опечалила меня; думаю, что она поразила не менее и Флобера; я ему тоже напишу. Вы можете написать прекрасную статью на ее смерть»¹. В июльской книжке появилась корреспонденция Золя «Ж. Занд и ее произведения». 13 июня 1877 г. Золя писал Стасюлевику: «Я пошлю Вам 20-го числа этого месяца свою обычную корреспонденцию. На этот раз это будет рассказ, эпизод из войны 70 года, один из самых драматических. Я стараюсь говорить с вашей публикой о сражениях, потому что Тургенев сказал мне, что все идеи возвращаются там, в России, около этого» и несколько далее, в приписке: «Будьте добры напомнить Тургеневу, который должен быть около Вас, что он обещал мне темы для корреспонденций»². В письме из С.-Петербурга от 21/9 июня 1877 г. Тургенев предлагал Золя целую программу: «...я не сдержал моего обещания и не прислал вам сюжета перед отъездом из Парижа; прошу простить меня. Но мне кажется, что у вас есть сюжет на июль месяц. (Здесь были чрезвычайно довольны вашей статьей о военных; вы, как и прежде,—самый популярный писатель.) Что касается сюжета статьи на август месяц, то мне пришла блестящая идея. Если вы не думаете писать статьи о закулисной стороне парижской журналистики, как я писал Флоберу,—не знаю, показал ли он вам это место моего письма,—то вы хорошо сделали бы, если бы прислали нам идеальную статью о юге Франции, где вы теперь находитесь, описание образа жизни и т. п. обитателей юга. Как контраст это произведет огромный фурор, а я полагаю, что вы отлично справитесь с задачей и что она заинтересует вас самого. Подумайте-ка об этом»³.

Золя воспользовался предложенной темой—в августовской книжке была напечатана его корреспонденция «Французская печать», О роли Тургенева как постоянного литературного советника Э. Золя рассказывает и П. Д. Боборыкин по впечатлениям от личного свидания с французским писателем: «Во всем, что касается России и сотрудничества в русских журналах, Золя слушается безусловно своего приятеля и собрата И. С. Тургенева. Он мне прямо и сказал: «Позвольте мне переговорить с моим другом Тургеневым: он так много для меня сделал и продолжает так дружественно относиться ко мне, что я привык ему верить и никакого дела не начинать без его совета во всем, что касается русской литературы и прессы»⁴.

1875 г. был чрезвычайно удачным моментом для начала журнальной работы Э. Золя в России. Роман «Чрево Парижа» окончательно установил его авторитет среди русских буржуазных читателей; следующий роман—«Завоевание Плассана»—вышел в 1874 г. одновременно в трех переводах отдельными изданиями и трех пересказах в журналах, завоевав успех более длительного характера, так как он переиздавался и в следующие два года. Вместе с тем интерес от романов серии «Ругон-Маккары» перешел и к другим произведениям писателя. Все это создавало обстановку, благоприятную для популярности «Парижских писем», и привлекало к ним исключительное внимание читателей.

С. А. Венгеров писал в «Новом Времени»: «Прочитайте только несколько «Парижских писем» Золя, печатающихся в «Вестнике Европы», и вы увидите, каким гро-

¹ И. С. Тургенев, Неизданные письма к Полине Виардо и его французским друзьям (1848—1882), М., 1900, стр. 279.

² М. М. Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 618—619. Речь идет, конечно, о статье «Эпизоды из нашествия 1870 года», помещенной в июльской книжке, а не о статье «Мои воспоминания из военных эпох», как ошибочно указал в примечании к этому письму М. Лемке.

³ И. С. Тургенев, Неизданные письма к Полине Виардо и его французским друзьям, стр. 287.

⁴ П. Боборыкин, У романистов (Парижские впечатления). «Слово» 1873, № 11, стр. 27 (2-й пагинации).

мадным энтузиазмом обладает этот блестящий критик-романист»¹. «Русская Газета» сообщала: «Парижские письма» Э. Золя, печатающиеся в «Вестнике Европы», пользуются особенной популярностью среди нашей читающей публики»². Еще категоричнее утверждение «Недели»: «...знай Золя по-русски и живи в русском обществе, успех «Парижских писем» должен бы был вполне его удовлетворить. Русская публика с наслаждением их читает, и если бы нас спросили, какой журнальный критик всего популярнее теперь, мы бы, не задумываясь, сказали: Эмиль Золя»³.

Симптоматичным в отношении популярности корреспонденций Э. Золя является их издательский успех. После года работы в «Вестнике Европы» писатель стал получать со всех сторон предложения сотрудничать в русских журналах и газетах. Одним из первых было предложение Баймакова, от принятия которого Э. Золя отговаривал И. С. Тургенев. В марте или апреле 1876 г. он извещал французского писателя: «На днях вы получили (а может быть уже и получили) письмо от г. Баймакова, собственника «Петербургских Ведомостей», с предложением участвовать в его газете, присылая ему свои фельетоны. Ничего не решайте и не отвечайте, не переговорив предварительно со мной»⁴. Это предложение Э. Золя отклонил. Следующее, также непринятое, приглашение исходило от издателя «Нового Времени» А. С. Суворина⁵. Гораздо серьезнее было третье предложение, сделанное редакцией «Отечественных Записок». Мысль о привлечении Э. Золя возникала в журнале еще в конце 1875 г.⁶ Весной 1876 г., во время пребывания в Париже, М. Е. Салтыков лично познакомился с Э. Золя, а летом вел с ним переговоры через Тургенева. В письме от 15/3 июля 1876 г. И. С. Тургенев писал Э. Золя: «Он (М. Е. Салтыков) намеревался написать вам и предложить присылать им четыре фельетона в год — по 100 руб. (330 фр.) за печатный лист... Я советую вам принять это предложение, конечно не упуская Стасюлевича...»⁷ М. Е. Салтыков предполагал не только привлечь Э. Золя к сотрудничеству в «Отечественных Записках», но и совсем «переманить» его из «Вестника Европы» — об этом Салтыков писал Н. К. Михайловскому 4 августа 1876 г.⁸ Переговоры велись втайне от М. Е. Стасюлевича. Узнав о них, издатель «Вестника Европы» заявил свой протест, и Э. Золя пришлось убеждать его в своей лояльности: «... мне, действительно, делаю предложения со стороны одного русского журнала. Так как эти предложения были весьма лестны во всех отношениях, то я решил принять их, но при непременно условии, чтобы Вы были уведомлены и чтобы дело это Вам подходило. Вы высказываете мне свое неудовольствие, которое испытывали бы, если бы я писал, кроме Вашего журнала, в других, и поднимаете плату за печатную страницу моих корреспонденций с 15 фр. до 20. Это превосходно. Я принимаю ваше предложение, остаюсь с Вами, и наши добрые отношения еще более упрочиваются»⁹.

Э. Золя отклонил все сделанные ему предложения сотрудничать в русских журналах и газетах и остался до конца верен М. М. Стасюлевичу, но причины его ухода из «Вестника Европы» в 1880 г. остаются невыясненными. Опубликованная переписка французского писателя с издателем журнала не дает точных указаний на причины

¹ [С. А. Венгеров], Фауст Шигровского уезда. Литературные очерки. «Новое Время» 1876, № 26 от 25 марта.

² Z. W., Журнальные заметки. «Русская Газета» 1877, № 114 от 21 декабря.

³ «Э. Золя. «Парижские письма» (рец.), «Неделя» 1877, № 48, от 27 ноября стр. 1629.

⁴ И. С. Тургенев. Неизданные письма к Полине Виардо и его французским друзьям, стр. 276.

⁵ См. письмо И. С. Тургенева к А. С. Суворину от 9 апреля 1876 г. — Первое собрание писем И. С. Тургенева, стр. 289—290.

⁶ См. письмо М. Е. Салтыкова к Н. А. Некрасову от 7 декабря 1875 г. — М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под ред. Н. В. Яковлева. ГИЗ. 1924, стр. 114. В дальнейшем всюду «Письма».

⁷ И. С. Тургенев. Неизданные письма к Полине Виардо и его французским друзьям, стр. 279. Ср. также письма Тургенева к Э. Золя от 8 июня и 3 июля 1876 г., стр. 276 и 280.

⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин. «Письма», стр. 141.

⁹ «М. М. Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 606—607; письмо от 16 июля 1876 г.

разрыва. Обстоятельства ухода Э. Золя из «Вестника Европы» освещаются не опубликованным письмом — последним в ряде эпистолярных документов, относящихся к «Парижским письмам». Но прежде несколько слов об опубликованном фонде.

Достаточно беглого просмотра уже изданных писем, чтобы убедиться, что в их рядах имеется несколько пробелов. Действительно, Э. Золя сопровождал посылку каждой корреспонденции запиской к издателю, между тем в последовательности писем налицо несколько перерывов. Нет июньского и июльского писем 1875 г., майского, июньского, сентябрьского и октябрьского 1876 г. и т. д. Наиболее разительны перерывы в переписке с ноября 1878 г. по сентябрь 1879 г. и с февраля по сентябрь 1880 г. Можно предполагать, что помимо опубликованных 45 должно существовать еще не менее 35 писем Э. Золя к М. М. Стасюлевичу. Два отколовшихся от основного собрания письма хранятся в Институте Новой Русской Литературы. Первое из них касается очерка «Наводнение», напечатанного в августовской книжке «Вестника Европы» за 1875 год.

négliger. Comme je prévois que je pourrai des vacances de quelques mois en août, vous qu'à l'avenir je pourrais, lorsque je pourrais vous adresser mes études? Si je n'étais pas, c'est que vous ne devriez pas compter sur moi. Je suis bien contrarié de suspendre ainsi mes correspondances, je vous prie de voir quand même à ma gratitude et à mon dévouement. Émile Zola

КОНЕЦ ТОГО ЖЕ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Paris 30 mai 75
Cher monsieur,
Je suis véritablement effrayé, j'ai manqué d'exactitude en ne vous prévenant pas de ne point compter encore sur moi ce mois-ci.
Ma santé n'est toujours pas bonne, et je suis tellement assailli de travail, que je suis obligé de vous

ПИСЬМО ЭМИЛЯ ЗОЛЯ К М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ О ПРЕКРАЩЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ»

С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

«Париж, 13 июля 75 г.

Уважаемый редактор!

Я вышлю вам 20-го числа статью приблизительно тех же размеров, что и две предыдущих.

Темой я избрал наводнение, опустошившие наши южные департаменты. Получится нечто вроде новеллы, в которой я сгруппирую наиболее драматические и трогательные эпизоды.

Преданный вам
Эмиль Золя».

Для истории русских отношений Э. Золя большой интерес представляет второе письмо. Оно относится к моменту ухода французского писателя из «Вестника Европы» и точно освещает обстоятельства его разрыва с журналом Стасюлевича.

Усвоение русскими читателями 70-х годов первых томов «Ругонов-Маккаров» сопровождалось глубоким интересом к «теории научного романа», намеченной уже в авторском предисловии к первому тому серии «Карьера Ругонов». Ни одна крити-

ческая статья, появившаяся в русских журналах и газетах 70-х годов, не обходила молчанием теоретических положений писателя. В период затяжного кризиса радикального разночинного «тенденциозного» романа и формирования буржуазного социального романа «теория натурализма» приобретала исключительную актуальность, так как она намечала, казалось, пути к разрешению вопросов, поставленных ходом классовой борьбы перед русской разночинной и буржуазной литературой. Отсюда — пристальное внимание русской критики к «Парижским письмам». Однако на первых порах концепция романиста подверглась на русской почве значительному переосмыслению. В системе литературных построений Э. Золя «научность» сочеталась с аморальностью и аполитизмом, служила надежной гарантией, охранявшей «социальный» роман от опасности перерастания в роман «социалистический». На русской же почве в 70-х годах ссылака на науку, да еще на физиологию и медицину, ассоциировалась с радикальной общественной программой. Одного подзаголовка «Естественная и социальная история» было достаточно, чтобы приписать автору «Ругон-Маккаров» общественный радикализм, «высоко развитое нравственное чувство и социальное понимание». Поэтому, когда по мере появления «Парижских писем» все очевиднее становилась объективная реакционность метода и теории Э. Золя, он стал подвергаться все более ожесточенным нападкам. В «Деле», «Отечественных Записках», «Новостях» появляются статьи, подчеркивающие общественную индифферентность французского писателя. «Люди не имеют строго определенных нравственных и политических идеалов и, вместо того чтобы потрудиться над выработкой их, говорят: нам ничего этого и не нужно, мы ученые, мы создаем науку о человеке», резюмировал Н. К. Михайловский отношение к Э. Золя радикального лагеря¹. Резкость нападок на «теорию научного романа» встревожила М. М. Стасюлевича, а когда в ряде статей появились намеки, что редакция «Вестника Европы» во всем согласна с теорией Э. Золя и вытекавшими из нее критическими оценками, Стасюлевич поспешил отмежеваться от своего парижского корреспондента в редакционном примечании к статье К. Арсеньева о В. Гюго². Любопытно, что еще ранее, с начала 1879 г., из «Парижских писем» были изгнаны одиозные, по мнению редактора, термины «натурализм», «натуралистический», замененные в русском переводе обозначениями «реализм», «реалистический».

Одновременно с постепенным охлаждением редакции «Вестника Европы» к парижскому корреспонденту падал и интерес Э. Золя к работе в русском журнале. Начав сотрудничество в 1875 г., «когда ни одно парижское издание не принимало его статей и не давало ему возможности начать литературные бои», Э. Золя воспользовался страницами «Вестника Европы» как трибуной, с которой он мог прокламировать свои принципы перед «наиболее просвещенной и отзывчивой аудиторией»³. Когда же, в связи с громким успехом «Западня» и «Нана», «теория натурализма» встала в центре литературных споров во французской журналистике и Э. Золя предпринял в «Фигаро» свой критический «поход» 1880/81 г., дальнейшее сотрудничество в «Вестнике Европы» стало ненужно и обременительно. Регулярное появление «Парижских писем» прервалось.

Декабрьская книжка «Вестника Европы» за 1879 г., январская и февральская за 1880 г., а также сентябрьская и ноябрьская за тот же год вышли без обычных корреспонденций Э. Золя. Напечатанная в 12-й книжке «Вестника Европы» новелла «Дуэль» была последним «Парижским письмом», но Э. Золя не отказывался еще от возможности дальнейшего сотрудничества, как видно из впервые публикуемого здесь письма.

«Париж, 30 марта 81

Дорогой г. Стасюлевич, я действительно провинился, не предупредив вас, что вы не можете рассчитывать на меня в этом месяце.

Мое здоровье все не поправляется, и я до такой степени загружен работой, что принужден negliжировать вами. Так как я предвижу, что мне придется продлить

¹ Н. Михайловский, Литературные заметки, «Отечественные Записки» 1879, № 9, стр. 112.

² «Вестник Европы» 1880, № 1, стр. 287.

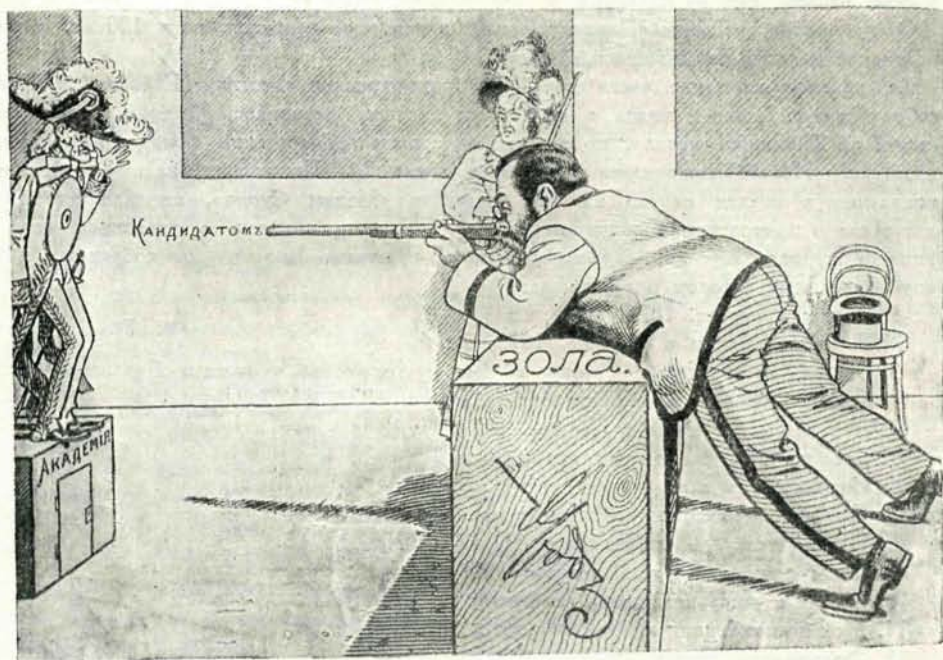
³ Предисловие к сборнику «Экспериментальный роман».

отпуск еще на несколько месяцев, то желаете ли вы, чтобы я предупредил вас, когда получу возможность послать вам какую-нибудь статью? В случае отсутствия известий знайте, что вы не можете на меня рассчитывать.

Мне очень досадно прерывать таким образом свои корреспонденции, и я прошу вас во всяком случае сохранить уверенность в моей благодарности и преданности.

Эмиль Золя.

М. М. Стасюлевич не настаивал, очевидно, на присылке дальнейших «Парижских писем», и сотрудничество французского писателя в «Вестнике Европы» закончилось.

КАРИКАТУРА В ЖУРНАЛЕ «СТРЕКОЗА» (1894 г., № 50) ПО ПОВОДУ НЕУДАЧИ ЗОЛЯ ПРИ ВЫБОРАХ ВО ФРАНЦУЗСКУЮ АКАДЕМИЮ

IV

Разнообразные по содержанию корреспонденции Э. Золя в «Вестнике Европы» могут быть подразделены на несколько групп. Первую, наиболее многочисленную группу — числом в 24 статьи — представляют критические корреспонденции. В них намечен ход развития реалистического романа во Франции и дано обоснование «натурализма». К критическим корреспонденциям примыкают две группы статей, менее многочисленных, пропагандирующие принципы натурализма в смежных областях — 6 статей театральной критики и 4 художественной. Под именем «Парижских писем» в «Вестнике Европы» было напечатано 10 новелл. Некоторые из них получили впоследствии большую популярность. Здесь был впервые опубликован под заглавием «Эпизод из нашествия 1870 г.» ставший впоследствии очень известным рассказ «Осада мельницы», вошедший в 1880 г. в состав нашумевшего сборника «Меданские вечера». Тут же были напечатаны «Наводнение» и «Праздник в Коквиле», разошедшиеся позднее во многочисленных школьных изданиях.

Особый интерес представляют напечатанные в составе «Парижских писем» 13 «социально-бытовых очерков» (терминология Э. Золя). Избирая тематическим стержнем какой-либо один жизненный момент, Э. Золя строит очерк из ряда параллельных эпизодов, повествующих о представляющих различные классовые группировки персонажах. Насыщенные общественно-актуальным материалом, политически заостренные

очерки привлекали большой интерес разночинного читателя, да и сейчас могут привлечь внимание, выдвигая вопрос об изучении Э. Золя как писателя-очеркиста.

В «Вестнике Европы» под именем «Парижских писем» Э. Золя опубликовал несколько отрывков из неизданных еще в то время романов «Западня» и «Нана». Наконец вне намеченных групп остаются 4 статьи, носящие характер хроники или публицистических характеристик.

В конце 1877 г. М. М. Стасюлевич объединил 11 корреспонденций — все критические статьи — и выпустил их отдельным изданием под названием «Парижские письма. Том I». По поводу появления этой книжки Э. Золя торжествовал, что он издан в России раньше, чем во Франции.

Обещанный второй том «Парижских писем» так и не появился, но в 1882 г. вышло повторное издание ранее вышедшей книги.

Как указывалось выше, часть статей, опубликованных в «Вестнике Европы», Э. Золя собрал впоследствии и издал в оригинале; из них составилось 3 тома критических статей и 2 книжки новелл, но ими не исчерпывается «русский фонд» произведений писателя. Неопубликованными автором остались 24 «Парижских письма»; недавнее появление в печати одного из них, рассказа «Мадам Сурди», вызвало известное движение в литературной общественности¹. Ниже приводится с указанием года и книжки журнала перечень корреспонденций в «Вестнике Европы», не собранных и не опубликованных автором в оригинале:

1. Париж в апреле. 1875, № 5.
2. Выставка картин в Париже. 1875, № 6.
3. Шарль де Ремюза. — Скачки и игра. — Торжество в память Бозальде. — Осуждение Лафонтена. — Трагический Париж, 1875, № 7.
4. Драматическая сцена в Париже. 1875, № 12.
5. Брак во Франции и его главные типы. 1876, № 1.
6. Ипполит Тэн и его новая книга о Франции. 1876, № 2.
7. Две художественные выставки в мае. 1876, № 6.
8. Начало театрального сезона в Париже. 1876, № 11.
9. Типы духовенства во Франции. 1877, № 1.
10. Школа и школьная жизнь во Франции. 1877, № 3.
11. Мои воспоминания из военных эпох. 1877, № 6.
12. Французская печать. 1877, № 8.
13. Тьер, основатель Третьей Республики. 1877, № 10.
14. Парижанин на даче и в деревне. 1877, № 11.
15. Сцены выборов во Франции. 1877, № 12.
16. Новые успехи драмы во Франции. 1876, № 1.
17. Современная французская молодежь. 1878, № 4.
18. Французская революция в книге Тэна. 1878, № 5.
19. Открытие всемирной выставки в Париже. 1878, № 6.
20. Французская школа живописи на выставке. 1878, № 7.
21. Современные женские типы во Франции. 1878, № 11.
22. Закрытие всемирной выставки в Париже. 1878, № 12.
23. Мадам Сурди. 1880, № 4.
24. Художество и администрация художеств. По поводу парижской выставки 1880 года. 1880, № 6.

Из перечисленных статей мог бы составиться объемистый, в 50 печатных листов, том «неизданного Золя». Наиболее ценную часть из этого тома представляли бы очерки. Действительно, из 13 «социально-бытовых очерков», появившихся на страницах «Вестника Европы», в собрания сочинений писателя попало только четыре. Выяснение состава русских корреспонденций Э. Золя открывает сотни затерянных страниц художественного и критического текста писателя и выдвигает необходимость изучения его творчества в новом разрезе.

М. Клеман

¹ В апреле 1929 г. в издании Fasquelle вышел томик «неизданного Золя» «Мадам Сурди», заключающий 8 новелл. Новелла, по которой озаглавлена книга, была напечатана в апрельской книге «Вестника Европы» за 1880 г.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ АНАТОЛЯ ФРАНСА

Проблема литературного наследия А. Франса по-иному ставит и вопрос о его литературном наследстве, в буквальном смысле этого слова об оставшихся после него страницах — либо совсем не обнародованных, либо не входивших прежде в собрание его сочинений. Для русского массового читателя к таким страницам присоединятся и произведения, не переведенные до сих пор на русский язык, хотя и давно опубликованные во Франции. Неизвестные страницы Франса могут пригодиться не только в плане «психологии творчества» или в качестве литературных реликвий, — они часто приобретают серьезное первостепенное значение для понимания классовой природы, классовой направленности его произведений.

Большое иллюстрированное собрание сочинений Франса, начавшее выходить в издательстве Кальманн-Леви с 1925 г. (т. е. уже после смерти писателя) и доведенное пока лишь до «Восстания Ангелов» (т. е. до 1914 г.)¹, воспроизводит в своих приложениях к отдельным томам, по рукописям или по затерянным давним номерам журналов, не мало интересных отрывков, включает в себя ряд произведений, выходявших лишь отдельными случайными книгами. К сожалению, наше советское издание Франса (недавно законченное ГИХЛ) совершенно не учло этих новых материалов.

Однако и французский читатель не может считать, что основной фонд «неизвестного Франса» стал ему известен после упомянутого посмертного издания. Рукописи Франса хранят в себе еще множество необнародованных и неиспользованных отрывков². Черновые материалы произведений Франса еще очень мало изучены. Несомненно, имеется очень много черновиков, быть может, ревностно сохраняемых любителями литературы, страстными коллекционерами или запасливыми издателями, но либо слабо изученных, либо совсем еще не ставших предметом изучения и лишь в незначительной части описанных, а иногда и совсем даже не зарегистрированных нигде в печати.

Некоторые сведения о рукописных материалах к произведениям Франса даны в отдельной брошюре, описывающей рукописи писателя, принадлежащие Национальной библиотеке в Париже (составитель брошюры — Андре Мартэн)³. Однако описание это не может быть названо ни текстологическим, ни даже текстогрфическим, а лишь текстотильским. Пиэтет, испытываемый составителем по отношению к «мэтру», направлен не столько на творческую работу Франса, на содержание его произведений, сколько на бумагу, почерк и особенно почему-то на изыщество переплета.

Если описание рукописей Франса стоит не на высоте, то еще меньше внимания уделяется литературоведческому использованию рукописных материалов. Кроме отдельных случайных замечаний, литературоведы ничего не дают по этому вопросу. Правда, в капитальной своей работе, посвященной творчеству Франса,

¹ Oeuvres complètes illustrées d'Anatole France, Paris, Calmann-Lévy éditeurs. В дальнейшем всякду «Oeuvres».

² В 1928/29 г., во время моей заграничной командировки, мне удалось ознакомиться с литературным архивом Франса по материалам рукописного отделения Национальной библиотеки и некоторых частных лиц.

³ André Martin. Belles éditions et manuscrits d'Anatole France à la Bibliothèque Nationale, Ed. Champion, 1925.

профессор Мишо¹ касается довольно часто истории создания его произведений, первоначальных замыслов, вариантов и прочего, но, во-первых, при восстановлении этой истории он совершенно не пользуется рукописями, а прибегает лишь к печатным материалам — журнальным статьям, первым изданиям и т. п., не могущим, конечно, вполне заменить материалы рукописные, во-вторых — и это главное — Мишо, в соответствии с общим заданием книги, ставит себе и здесь чисто психологическую задачу: доказать отсутствие у Анатоля Франса так называемого творческого воображения. Так что даже в тех случаях, когда выводы исследователя не вызывают возражений, они бьют мимо подлинно литературоведческой цели.

К двум основным категориям «неизвестных страниц» писателя надо присоединить для большинства советских читателей и третью — его непереуведенные произведения, множество литературно-критических и публицистических статей и все его стихотворное наследие. Избранные статьи Франса вошли в последний, недавно вышедший том гихловского издания, но сборник «Золотые поэмы» и драма в стихах «Коринфская свадьба» остались непереуведенными.

Значение «неизвестного» Франса для проблем его литературного наследия велико и разнообразно.

Прежде всего здесь имеется ряд страниц, обладающих непосредственной литературной ценностью, раскрывающих иногда даже с большею, чем в «известных» страницах, остротой социальную направленность сатиры Франса.

«Господин Бержере в Париже», заключительная часть «Современной истории», дает, как известно, переход от отдельных вопросов социальной повседневности, развиваемых в первых трех частях тетралогии, к крупнейшим проблемам политической борьбы. Само переселение старого профессора Бержере в Париж, связанное фабульно с приглашением его для чтения лекций в Сорбонне, понадобилось не столько университету, сколько главным образом Анатолю Франсу: оно дает возможность перенести социальный скепсис Бержере на более обширный и более значимый политический материал, — вместо провинциальной истории епископских выборов здесь перед нами картина муниципальных выборов в Париже, событие большой политической важности, позволяющее показать уже не отдельные бытовые эпизоды, а всю область государственной политики, позволяющее показать уже не столкновение личных интересов, не состязание отдельных маленьких групп, а борьбу политических партий. Не только борьба за влияние в муниципалитете, но наглый монархический заговор, о существовании которого хорошо осведомлена республиканская полиция, смотрящая на все это сквозь пальцы, темные агенты монархической реставрации, прикрывающиеся в условиях республиканского строя званием националистов, преступная снисходительность по отношению к ним или даже предательское покровительство со стороны самой республиканской власти — вся эта тематика основного текста дает развернутый художественный комментарий к истории умирающего капитализма. Правда, Франс — в этом сказалась его буржуазная ограниченность — не сумел противопоставить белому террору светских молодчиков ничего, кроме суммарно-человеколюбивых высказываний мирного, философически-спокойного рабочего Рупара, но один из недавно обнаруженных отрывков «Господина Бержере», не вошедших в окончательный текст, показывает, как Франс опытен в своих разоблачениях, как он, например, умеет обнаружить реакционные силы и под покровами маскарадного социализма.

В этом отрывке², под заглавием «Утешительное зрелище», запечатлен переход бывших монархистов-заговорщиков на легальное, так сказать, положение, попытка установить мирные отношения с бедняками и пролетариатом. Несколько страниц этой главы до краев насыщены едкой насмешкой Франса. Ходячие формы фарисейской благотворительности получают в беспощадных парадоксах и гротескных ситуациях Франса свою *reductio ad absurdum*. Рассуждение о том, что для богача труднее, чем для бедняка, помогать нищим, ибо у бедняка все равно не остается никаких сбережений, а бюджет богача требует строгой плановости во всех расходах;

¹ G. Michaut, Anatole France. Paris. 1922.

² См. упомянутое посмертное изд. Франса, т. XII, Bibliographie.

АНАТОЛЬ ФРАНС
С портрета Ван-Донгена (1921 г.), хранящегося в Люксембургском Музее

ссылка на утверждения экономистов о том, что роскошь — наиболее действительная форма благотворительности; проект создания фешенебельного благотворительного бара, в котором для привлечения публики за стойкой будут работать светские дамы и модные кокотки, светские дамы — по постным дням, кокотки — по скоромным, — все это у Франса только изготовка для меткого завершительного удара по лицемерию господ буржуа. Здесь характерна цинически-откровенная речь Анри Леона, недавнего заговорщика-монархиста:

«Между нами нет разногласий относительно цели. Наши мнения разделяются лишь по вопросу о способах осуществления. Вы хотите пожертвовать небольшую часть своих денег с тем, чтобы укрепить за собою остальное. Так вот что я вам скажу. Предоставьте нищим собственными силами выпутываться из положения и организуйте общества для рабочих. Внушайте народу под видом социализма мысль о благодетельности личной собственности и убеждайте страдающих в том, что страдание прекрасно.

Идите и учите. Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции, везде организованы народные университеты, в которых отвратительные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства к освобождению пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывать повсюду другие университеты, чтобы обучать народ невежеству, наставлять его в чувстве отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Примемся же за дело! Будем сеять по всему свету доброе семя. Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов».

Социальная целеустремленность художественных произведений Франса до сих пор еще изучена крайне суммарно, до сих пор еще участие этого художника в конкретной классовой борьбе эпохи умирающего капитализма не освещено с достаточной ясностью. Франс буржуазен — утверждение это не подлежит сомнению, но подлежит углубляющему и расчленяющему развитию. Франс сатирически разоблачал загнивающее капиталистическое общество — это утверждение тоже не подлежит сомнению, но тоже требует уточнений. Нельзя усматривать в социальной сатире Франса лишь самобичевание буржуазии — и только. Какую боевую задачу выполняло такое «самобичевание»? Какая группа буржуазии действовала через литературные произведения Франса, на какие классовые группы были направлены удары его сатиры?

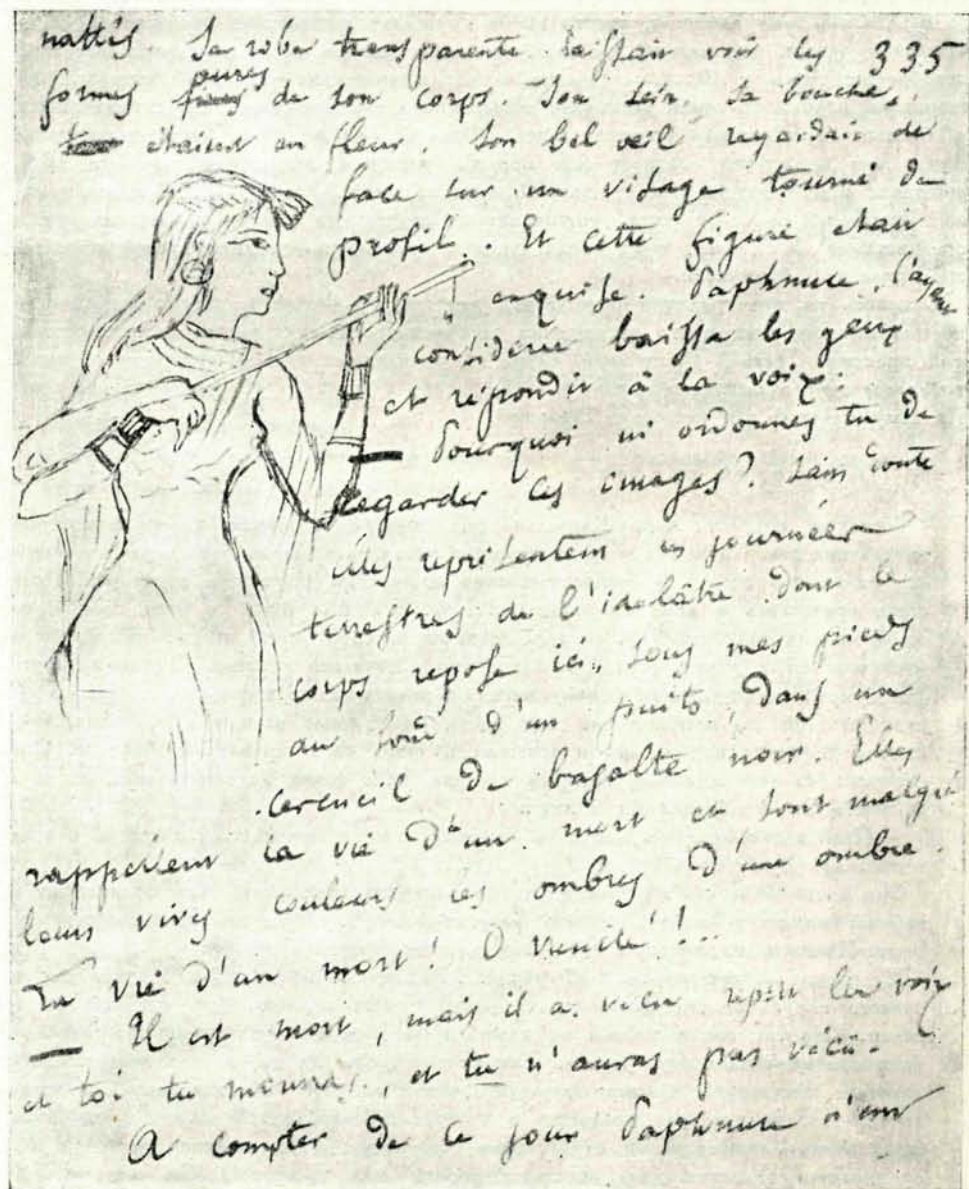
При разрешении этого вопроса может быть использован наряду с основным материалом — законченными произведениями писателя — и ряд неизвестных отрывков, некоторые недоовлащенные высказывания Франса, почему-либо не допущенные им до окончательного текста, но иногда с большей прямотой раскрывающие классовую направленность его сатиры.

В печатном тексте «Убеждений аббата Куаньяра» дается в словах аббата развернутая критика всех устоев не только существующего, но и всякого возможного человеческого общества (здесь сказалась буржуазная близорукость Франса, возводившего противоречия капитализма в вечные социальные категории), — и уже от себя, от автора, Франс замечает (эти слова тоже имеются в печатном тексте):

«С тех пор как аббат Куаньяр говорил таким образом, Прометей несколько раз свергал с престола Юпитера, и пророчества мудреца оправдались с такой буквальной точностью, что в настоящий момент даже подозревают, — настолько новый порядок похож на старый, — не осталась ли и впрямь власть за древним Юпитером? Многие даже отрицают пришествие Титана».

Здесь можно без труда констатировать общее разочарование Франса в демократической республике, слова же о сходстве нового и старого строя — прямое следствие того разгула монархической клики, которому так явно и нагло попустительствовала тогдашняя «республиканская» власть («Убеждения» вышли в 1893 г.), того выветривания республиканских устоев, которое сделало возможной грандиозную авантюру генерала Буланже.

Но подобная расшифровка еще уточняется благодаря отрывку, не перешедшему из рукописи в печатный текст: «Говорят, что Прометей 89 года,—пишет там Франс вслед за только что приведенными словами,—был не чем иным, как буржуа, приобретателем государственного имущества, крупным придильщиком, землевладельцем, хозяином рудников».

ОДНА ИЗ СТРАНИЦ РУКОПИСИ «ТАИС»

О подлинника, хранящегося в Парижской Национальной Библиотеке

Здесь уже совершенно откровенно обвинение в дискредитировании республиканских принципов бросается в лицо именно крупной буржуазии.

Нападая на Третью Республику, Франс апеллировал в своих напаках к интересам человечества, мысли и так далее, подобно тому как старая торгово-промышленная

буржуазия в своей борьбе с финансовой олигархией любила ссылаться на общереспубликанские и общедемократические интересы.

Однако рукопись книги «На белом камне» — одной из книг, где сознание гибельности капитализма дошло у Франса до высшей своей точки, — хранит в себе любопытнейшую улику по вопросу о классовом самосознании писателя. На одной из страниц участник пессимистических диалогов о противоречиях империализма носит, по первоначальному наброску, вместо имени Ланжелье, которым он обозначен в окончательном тексте, имя самого писателя, и характеристика этого персонажа внезапно приобретает здесь у Франса значение самохарактеристики: «Николь Ланжелье, из старинной парижской семьи Ланжелье печатников и гуманистов», — надо только вместо «Ланжелье» восстановить первоначальное «Франс». Так в эпоху, когда реакционная финансовая буржуазия покупает себе предков вместе с фамильными замками разорившихся аристократов, сын парижского книгоиздателя Франсуа Тибо, идеолог нового гуманизма XX столетия, устанавливает родственные связи с «печатниками и гуманистами» XVI века, ищет своих предков среди интеллигенции старой торгово-промышленной буржуазии.

Опираясь на эти традиции буржуазной демократии, Франс и дает с особой резкостью картину цинического извращения всех демократических устоев в государственной практике Третьей Республики. Одна из неизданных глав «Придорожного вяза» добавляет немало любопытных черт к сатирическим зарисовкам «Современной истории». Приложу целиком эти несколько страниц¹.

«Господин префект.

Господин префект Вормс-Клавелен был вызван в Париж новым министром внутренних дел. Он вошел в присутственные места на площади Бово через знакомую ему маленькую дверку и беспрепятственно прошел по секретным коридорам. Пристава относился к нему покровительственно. Он был груб с ними, как и со всеми своими подчиненными, но грубостью не оскорбительной, именно такой, какая появлялась бы и у них, если бы внезапно они обменялись местами. Таким образом, его манеры, не внушавшие к нему никакого уважения, не вызывали, однако, и ненависти. При его приближении эти люди, украшенные цепями и гадунами, толкали друг друга под локоть и шептали на ухо: «Вот жидовский префект». Они смотрели на него с видом, который говорил: «Он ничем не замечателен, но себе на уме!» Он же бурчал им в лицо:

— Подите доложите обо мне и не заставляйте меня покрываться плесенью в прихожих, ну!

Они провожали его из зала в зал со смутным сознанием, что вталкивают в кабинет министра что-то немного непристойное. В общем же господин префект Вормс-Клавелен не вызывал антипатии в министерских кулуарах.

Аудиенция состоялась по всей форме. Министр, Альфонс Юге, депутат самого бедного округа одного из крупных промышленных городов, был крайним радикалом. Но так как в здании на площади Бово он замещал министра-радикала, то и сам он оказался умеренным. Его прошлое, говорил он, давало прогрессивной политике достаточно прочные гарантии, чтобы он мог себе позволить, не пугая демократии, на этот раз проводить в интересах республики политику примирения, единственно действенную и единственно возможную. Ибо следует ли ради неосторожного волнения умов компрометировать дело прогресса? Он полагал, что нет. В действительности же он занят был вербовкой двадцати голосов правой, которые были ему необходимы. И социалистические газеты говорили, что он продался Орлеанскому дому.

Он беседовал с Вормс-Клавеленом с любезностью, приобретенной во время посредничества по страхованию, что было его профессией в течение десяти лет, в последние годы Империи и во время «морального» режима.

¹ См. «Oeuvres», XI, Bibliographie.

— Рад вас видеть, господин префект! Хочу, чтоб вы вернулись к себе в департамент с сознанием, что мы — люди порядка и прогресса.

Господину Вормс-Клавелену вспомнилось, что и предшествующий министр обратился к нему с точно такими же словами: «Прогресс, осуществляемый через порядок, — такова наша цель». Но у него не было иронической жилки, и он был слишком серьезен, чтобы предаваться пустой игре философических сближений.

Министр продолжал:

— Я уже видел здесь вас на этом же самом месте, господин префект!

Действительно, господин Альфонс Юге, как известно, получил портфель министерства внутренних дел в самом трудолюбивом кабинете, который было поручено образовать почтенному господину Карно во времена скандалов.

— На этом же самом месте. Я рад видеть вас снова здесь. Не будучи во всех подробностях знаком с вашей административной деятельностью, я, кажется, не ошибаюсь, полагая, что вы успешно действуете в вашем департаменте, одном из прекраснейших, смею сказать, в одном из самых процветающих во всей Франции.

Так из уст господина министра внутренних дел господин префект Вормс-Клавелен получил награду за свою глубокую мудрость. Господин Вормс-Клавелен справедливо рассматривал предыдущее министерство как преходящее и бременное. И своим минутным господам он отдавал лишь неторопливое послушание и небрежные заботы. Его методом и правилом было служить лишь с посредственным усердием правительству нынешнего дня, зная, что посредственность его службы понравится завтрашним господам.

Итак, он пожинал теперь плоды своего прекрасного псевдения. И он пожинал их без гордости. Гордостью духа он ни в какой мере не страдал.

Он скорее направил бы свое тщеславие в область роскоши и богатства. И даже в тот самый момент, когда он склонял голову, благодаря министра за расположение, он думал о том, что, отравив брюшко немного побольше, можно бы заняться финансовыми делами. Он твердо надеялся с бесценной помощью Ноэми покинуть когда-нибудь административную деятельность по департаменту, чтобы проникнуть в высшие сферы государственных финансов.

— Вы, я слышал, выразили мнение, — сказал министр, — что надо восстановить жалование бедным священнослужителям, которые были лишены его в административном порядке. Я с вами согласен. Можете передать это тем, кто ходатайствовал перед вами в этом направлении. Надо избегать мелочных ссор. Управлять можно лишь при помощи широких идей. В вашем департаменте, неправда ли, не существует клерикального вопроса? Я хочу сказать — в острой форме...

Господин префект ответил с той непосредственностью, которая придавала ему иногда вид насмешливого лукавства:

— Но, господин министр, вы знаете лучше, чем кто бы то ни было, что клерикальная проблема существует только в парламенте. У нас в провинции существует лишь проблема земледелия и проблема промышленности. Подведомственное мне население занимается немного земледелием, производит кой-какие товары, а затем отправляется на боковую, делая детей в ограниченном количестве. О, мой департамент не кишит народонаселением!

И господин префект откинулся на спинку кресла. Мешки под глазами спускались у него до середины щек, нос свисал до самого рта, губа — до подбородка, подбородок — до галстука цвета бычьей крови. Воротник его черного сюртука был усеян перхотью. Он скрестил ноги, обтянутые панталонами светложелтого цвета, очень яркими, с грязными пятнами. От него воняло скверной сигарой.

Господин министр посмотрел на него и не нашел в нем ничего особенного.

— Земледельческий вопрос, — сказал он, — и вопрос промышленный главенствуют над всеми остальными — это мое убеждение. Но нас интересует также и вопрос финансовый. Как относятся налогоплательщики вашего департамента к проекту налоговой реформы, внесенному в палату?

— Но, боже мой, господин министр, вы хорошо знаете характер налогоплательщиков! Как только им покажешь, что собираешься вытащить у них из кармана деньги, они кричат, как хорьки. Кричат — и платят.

Министр улыбнулся.

— Наша страна, — сказал он, — поистине восхитительна. По эластичности своих финансовых ресурсов Франция — первая нация в мире. Надо говорить это громко, потому что это правда.

— Ах, господин министр, когда это не будет больше правдой, придется говорить это еще громче!

И двое государственных людей посмотрели друг на друга с чувством, что лучше им перейти на другие темы.

— Я с удовлетворением убеждаюсь, господин префект, что в вашем департаменте господствует хорошее настроение. Выборы по городу и по кантону дали превосходные результаты.

Господин префект отвесил поклон.

— Действительно, господин министр, нам удалось восторжествовать над затруднениями, причиненными республике этой ужасной кампанией по диффамации, — а в моем департаменте кампания эта проводилась с чрезвычайной злобой и вероломством.

Господин префект намекал на скандалы, разразившиеся у него в департаменте и серьезно ударившие по одному сенатору, двум депутатам, двум государственным инженерам и двум финансистам, — эти последние скрылись, инженеры были подвергнуты тюремному заключению, а члены парламента были под угрозой суда.

Господин министр опустил ресницы с видом мужественной стыдливости. Господин префект продолжал свою апологию. Он добился удачных муниципальных выборов, он надеялся добиться удачных выборов в сенат. Он был опытен в административных делах. Он пользовался доверием республиканской партии. Его любило правительство, ценили монархисты и группа единства, боялись социалисты. Для укрепления деятельности и личного престижа ему недоставало только ордена Почетного легиона. Если бы господин министр, по случаю Национального праздника...

— Я возьму это на заметку, — сказал министр. — Я не могу дать вам обещания, не могу обнадежить вас. Нас забрасывают громадным количеством прошений. Вы передали свое? Да? Прекрасно. Я сделаю все, что будет возможно.

Он поднялся.

— Это только ради престижа, — сказал господин Вормс-Клавелен откланиваясь.

И, направляясь вразвалку к дверям, он показал министру свой курчавый затылок, с ушами в виде ручек от кофейника. Тогда министр подумал:

— Это умный чиновник. Но его портит что-то такое... что-то неуловимое.

Так Франс на нескольких страницах вводит читателя в ежедневную жизнь министерства не через торжественное парадное крыльцо, а через боковую дверь, по извилистым коридорам — вслед за услужливым префектом, верным приказчиком министра, умеющим добиться и желательных для министерства выборов, и орденской ленты себе в петлицу, чиновником-евреем, к тому же еще ставленником антиклерикальных групп, умеющим во время оказать маленькую поддержку католической церкви и тем самым заставить «демократов»-антисемитов почти примириться с его еврейским происхождением, почти, — но ведь префект свободен от ложной гордости, он знает, что и сам он нужен министерству и, главное, министерство нужно ему. Так парадный кабинет министра раскрывается перед читателем в образе министерской кухни.

Писатель, полный глубокого разочарования, не ограничивается одной только критикой современности, одним только сатирическим откликом на «текущие дела» Третьей Республики, — перед ним неотступно, в период написания «Современной истории» и «На белом камне», стоит вопрос о судьбе и природе капиталистического строя вообще. Новая попытка монархического переворота, организованная Дерулемом

с привлечением очередного генерала — на этот раз Роже, — мобилизация всех реакционных сил, бывшая ответом на избрание президента Лубэ и проводимую им политику «спасения» буржуазной республики, наконец, сама деятельность министерства Вальдека-Руссо, столь решительная в подавлении рабочих стачек и столь мягкая в отношении к монархистам-заговорщикам, — все это не могло не привлечь внимания сатирика Третьей Республики к самым основам капиталистического строя, к самым корням капитализма, начинающим подгнивать и расшатываться. Между прочим американский милитаризм уже в начале 90-х годов встает перед Франсом, как грозная проблема, притом проблема мирового значения.

В рукописи романа «На белом камне» есть отрывок, выпущенный Франсом из окончательного текста. Это слова одного из собеседников, Марто, о судьбе цивилизованного человечества. Сама тематика отрывка показывает, с какой резкостью ощущался Франсом американский вопрос в связи с судьбою буржуазной цивилизации вообще¹:

«Господин Рузвельт, конечно, прекрасен, — сказал Жан Марто, — когда он восклицает: Мы — римляне! Но ему не зажечь во второй раз над миром войну за мировое владычество, которая некогда столкнула ветеранов Антония с легионерами Октавия, галеры Клеопатры — с лигурнами Агриппы... Нет! Пускай Америка, пылая желанием разрабатывать огромные естественные богатства, распространяет свое экономическое и торговое могущество на океанические земли, на южную Африку и, быть может, на западную Индию, — европейский мир не будет этим поколеблен; пускай даже народы, говорящие на английском языке, 120 миллионов граждан, эксплуатирующих 350 миллионов азиатов и африканцев, образуют обширную трудовую и торговую федерацию, охватывающую треть человечества, — мировой мир не будет этим поколеблен. Этой огромной федерации будут гармонично противопоставлены другие огромные федерации, и союзы эти, обеспечивая обращение продуктов производства и легкость обмена, установят мирную солидарность народов».

Нельзя, как делают это все почти исследователи Франса, безапелляционно принимать за непосредственное самовысказывание писателя высказывания его героев, — даже при «автобиографичности» многих персонажей Франса. Надежды на «гармоничное противопоставление» и «мирную солидарность» народов окрыляют лишь одного из участников диалога, но не самого Франса, да и в окончательном тексте вместо оптимистического прогноза Марто стоят мрачные предсказания Жана Буайи:

«Подобно феодальному строю, капиталистический строй есть строй военный. Открылась эра великих войн за промышленное первенство. При современном режиме национального производства назначение тарифов, установление таможен, открытие и закрытие рынков будет зависеть от пушки. Нет другого регулятора торговли и промышленности. Уничтожение — вот роковой результат экономических условий, в которых находится сейчас цивилизованный мир»².

АНАТОЛЬ ФРАНС В ПЕТЕРБУРГЕ В 1913 Г.
Снимок сделан в Эрмитаже у бюста Вольтера
работы Гудона

¹ Привожу отрывок по рукописи Национальной библиотеки, стр. 69.

² «Oeuvres», v. XIII, p. 504.

Сам Франс всей своей книгой «На белом камне» пытается найти выход из катастрофических противоречий капитализма в новых, коллективистических началах будущего общества — и в своей растерянности перед империализмом пытается опереться на социализм. Исследователи Франса совершенно основательно утверждают, что «социализм» автора «На белом камне» прикрывает все тот же буржуазный франсовский скептицизм. Впечатление от всей книги подтверждается и свидетельством рукописи. Главная скептическая оговорка, которую делает автор «На белом камне», — в том, что социальным сдвигам противопоставляется вечная, неизменная биологическая природа человека. В рукописном тексте оговорка эта приобретает особо подчеркнутый характер, и вся социалистическая утопия заканчивается словами старого археолога Джакомо Бони: «В общем, человечество мало меняется. То, что будет, — есть то же, что было»¹. В окончательном тексте после этих слов следуют еще разговоры друзей, но эта первоначальная заключительная фраза наглядно формулирует итог писателя в его размышлениях об историческом процессе. К формуле «Так было — так есть», составляющей основной пафос всех исторических реконструкций Франса, книга «На белом камне» прибавляет формулу: «Так было — так будет». «Неизвестный» Франс только подтверждает в этом отношении «известного». Однако ни совершенно отрицать социалистические устремление Франса, как это пытается сделать Мишо², ни ограничиться установлением их противоречивости, как это делает М. Гаффио³, будет неправильным. Правда, Франс смотрел на коллективистическое будущее с недоверием и, быть может, даже с отчужденностью, он не представлял себе в полной мере всех обновляющих, творческих возможностей социализма, он, оставаясь на своих буржуазных позициях, подменил подлинный, революционный социализм реформизмом, — но уже самый факт обращения к идее социализма характерен для всего его творческого пути.

Еще в «Современной истории» Франс противопоставляет социальной повседневности тогдашней Франции лишь мечту о далеком социалистическом будущем. Художник буржуазной демократии приемлет там идею социализма в ее мелкобуржуазной редакции.

В «Современной истории» Франс при критике буржуазного строя, при разоблачении Третьей Республики аргументирует интересами всего человечества, ссылаясь на мечту философов, которая движет миром. Новелла о Кренкебиля дает материал для классовой расшифровки этих «общечеловеческих» идеалов Франса. Писатель здесь уже не только нападает на общественную практику своей современности во имя общих принципов справедливости, не только противопоставляет бездушному аппарату республиканской власти благородного и благожелательного к людям врача Давида Маттье, человеколюбивого интеллигента, вступившегося за Кренкебиля. — Франс пытается здесь говорить в защиту бедняка, солидаризуется в лице Кренкебиля с миром нищеты и бесправия. Художник среднебуржуазной интеллигенции протягивает здесь, таким образом, руку сочувствия деклассирующемуся мелкому буржуа.

Симпатии к деклассированным элементам еще отчетливее выражены в драматической переделке «Кренкебиля», написанной Франсом еще в 1903 г., но включенной в собрание его сочинений лишь после его смерти. Эта драматическая переделка помогает с большей наглядностью и убедительностью разобраться в классовой направленности первоначального рассказа.

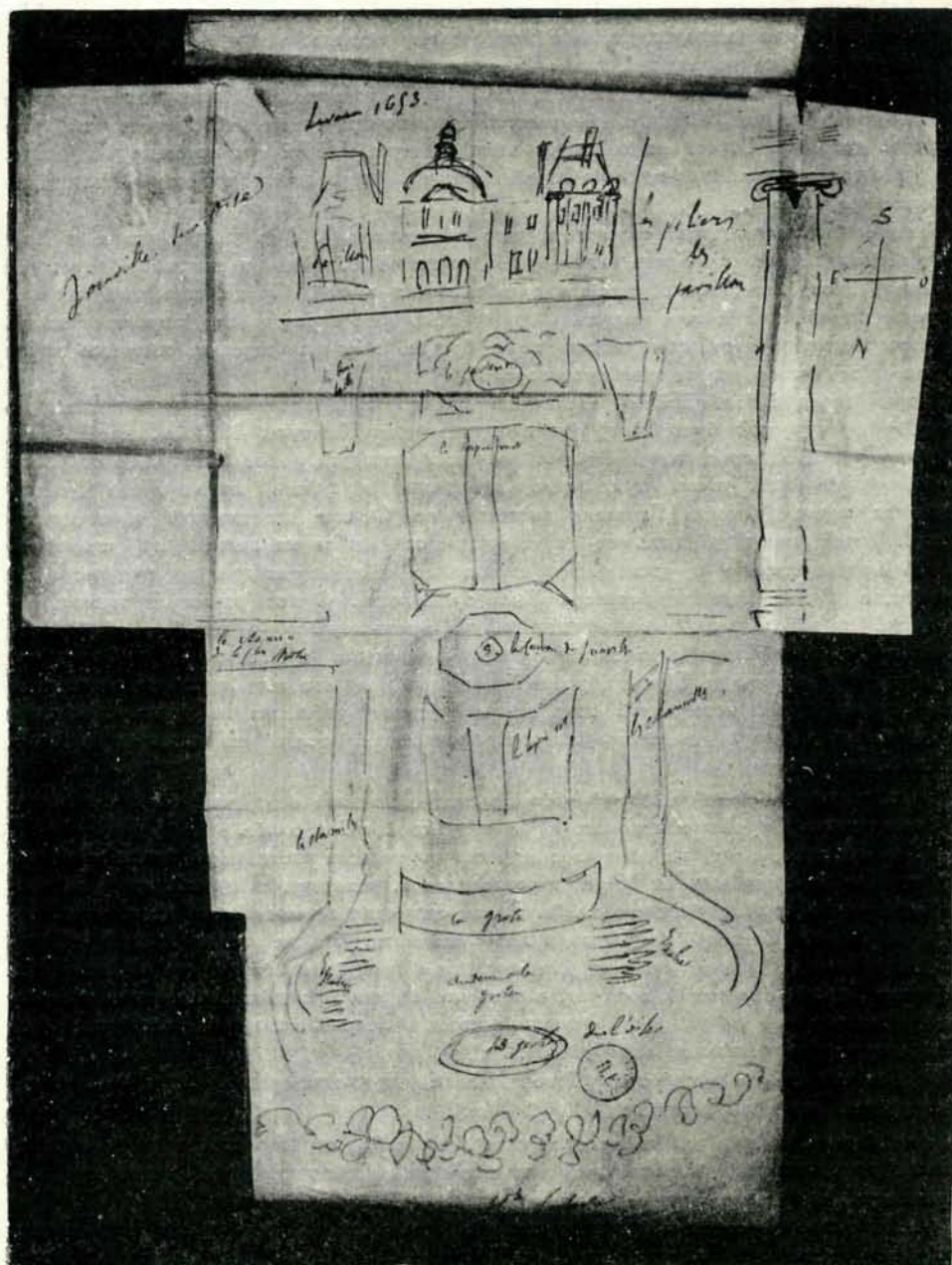
Как известно, рассказ заканчивается сценой, подчеркивающей парадоксальность республиканского административно-судебного аппарата: Кренкебиля, посаженный в тюрьму по ложному обвинению в оскорблении полицейского и после этого совершенно вышибленный из жизни, лишенный крова и хлеба, начинает мечтать хотя бы о тюремном крове и о тюремном хлебе; как попадают в тюрьму — он уже знает по собственному опыту, и вот на этот раз он уже действительно оскорбляет полицейского, но судебно-административный аппарат, к его изумлению, действует капризно, и преступнику так и не удается добиться желанного наказания.

¹ Рукопись Национальной библиотеки, стр. 98.

² См. упомянутую его работу.

³ Maurice Gaffiot, *Les théories sociales d'Anatole France*, Alger, 1923.

«Если хватать всякого прощальгу, который говорит, чего не полагается, то и работы не оберешься... Да и к чему бы это послужило? — трезво поясняет оскорбленный полицейский.

НАБРОСОК АНАТОЛИЯ ФРАНСА: УСАДЬБА, В КОТОРОЙ ЖИВЕТ ГЕРОИННЯ
«КРАСНОЙ ЛИЛИИ»

С подлинника, хранящегося в Парижской Национальной Библиотеке

Констатируя еще один из многочисленных парадоксов социальной действительности, Франс этим и заканчивает своего «Кренкебиля» в его новеллистической редакции.

В драматической переделке писатель не бросает своего героя в нерешительном удивлении, но пытается найти для него какой-то выход. В тот момент, когда старик уже собирается топить, для него звучит поддержкой и надеждой дружеский голос беспризорного, по прозвищу Мышь:

«Мышь. Идите со мною. У меня есть хлеб, колбаса и бутылка вина. Мы поужинаем, как миллионеры, и я вам сделаю постель, как у меня, из мешков и стружек, а там посмотрим, утром будет виднее. Идите же, папаша!

Кренкебиль. Ты еще молод, ты еще не испортился.. Люди злы — ты еще не похож на них. Паренек, ты можешь рассказывать, что в свои годы ты уже спас человека. О, это не такая уж важная штука! Нечем тут особенно гордиться, от этого не сдвинется луна со своего пути и не приукрасится Республика. Но ты спас человека»¹.

Так один обездоленный спасает другого обездоленного. Мы видим, что и в драматической переделке «Кренкебия», уже вплотную подойдя к жизненной практике Третьей Республики, воплощенной в судьбе живых людей, Франс, нашедший столько отрезвляющей иронии для расценки буржуазных филантропов, сам пытается искать отпора жестоким парадоксам жизни не в борьбе, а в филантропии, пытается найти мирное, не боевое разрешение противоречий.

Страх перед революцией, определявший политическую идеологию и политическую борьбу французской буржуазной демократии после Коммуны 1871 г., продиктовал Франсу трагические страницы его романа «Боги жаждут», ибо, конечно, этот роман не революционный, каким нередко его называют в нашей критике, ибо революционная непримиримость Гамелена вызывает во Франсе непонимание и отчужденность. Такой вывод убедительно подтверждается одним из неизданных набросков, лишь предварительно и чрезвычайно схематично намечающих фигуру будущего Гамелена в образе художника-гравера Жозефа Клемана. Франс развивает эпизод, вошедший с небольшими изменениями и в окончательную редакцию, — изображает долгое стояние в очереди за хлебом, беседу художника с Бротто (в наброске тот еще носит имя Никола Бургад), добрый поступок молодого революционера, отдающего свою долю хлеба истощенной женщине с трудным ребенком на руках. Но конец этой главы по первоначальному наброску раскрывает тенденцию эпизода в более обнаженном виде:

«Вернувшись домой, Жозеф Клеман застал свою мать сидящую у окна за починкою чулок. Он весело положил ей в руку свой кусок хлеба.

— Простите меня, милая мама: я устал от долгого стоянья на ногах, меня за толкали, я измучился от жары, проголодался и, возвращаясь домой, кусок за куском, я съел половину нашего хлеба. Здесь едва-едва остается ваша доля, мама.

И Жозеф Клеман, поцеловав в лоб свою мать, сел за стол и написал на имя общественного обвинителя при революционном трибунале письмо, где обвинял Никола Бургад, бывшего дворянина, в том, что он вел противоправительственные разговоры в толпе на улице Иерусалима, перед булочной, называя республиканскую юстицию «национальной мясорубкой».

Вот что сделала в этот день Жозеф Клеман, художник-гравер. Этот человек не понятен. Все люди непонятны»².

Так Франс в одном из своих набросков буквально расписывается в своем непонимании революции, в неразрешимости для него противоречия между добротой сердца и революционной непримиримой волей.

Увести внимание от острой и напряженной борьбы классов в Третьей Республике к «общечеловеческим» и «вечным» проблемам, пролить на эту борьбу примирительный слей общих рассуждений, подменить революционный протест против империализма философским недовольством — такова основная тенденция всего творчества Франса, перекрывающая разоблачительные задачи его произведений. Мастерски осуществляемый Франсом жанр философского романа находит свое объяснение в этой тенденции.

¹ «Oeuvres», v. XIV, p. 304.

² «Oeuvres», v. XX, Bibliographie.

Некоторые рукописи Франса дают для понимания философского бесфабульного жанра, к которому тяготеет писатель, материал исключительной наглядности. Так, рукопись «Красной линии» показывает, какой перепланировке подвергался типично-франсовский разговорный материал романа в процессе создания книги. Рассуждения об итальянских художниках, принадлежащие в рукописи Дешартру, распределены в печатном тексте уже между несколькими лицами, и Дешартр оказывается значительно разгруженным. Например, из уст Дешартра переходит в уста профессора Арриги рассказ о Перуджино, при этом безо всяких изменений, при помощи лишь небольшой связующей фразы.

Другая серия мыслей, связанная с темой Наполеона, претерпела аналогичную судьбу: в рукописи она принадлежит Дешартру, в печатном тексте ее высказывает,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ РУБИЛЛИ К «ЗАПИСКАМ ВОЛОНТЕРА»

Из собрания сочинений Анатоля Франса, выпущенного издательством Кальманн-Левы

опять-таки безо всяких изменений, писатель Поль Ванс, уступивший, в свою очередь, замечание о маске Наполеона третьему персонажу — Даниэлю Саломону.

Подобные же перемещения разговорного материала находим мы и в других романах: в книге «На белом камне» слова Галлиона механически, почти без изменений, передаются его брату Меле; рассуждения о практицизме римлян в религии заимствованы Жаном Буайи, даже не упоминаемым в рукописи, у Ланжелье, который их произносит в рукописном тексте. Аналогичные факты дает и «Таис».

Думается, подобное перераспределение материала, почти механическое, может быть использовано не только с точки зрения «психологии творчества» или «творческой истории». Перенесение упомянутых отрывков от одного лица к другому дает наглядное доказательство для вывода, на который нередко подталкивает и окончательный текст: рассуждения, размышления, разговоры вступают в композиционную игру не только через соответствующее лицо, составляя часть его характеристики, но и непосредственно, имеют совершенно самостоятельное значение в тематике писателя. Слабость фабулы таким образом — не художественная слабость Франса, как согласно утверждают все критики, но органическая особенность его классового стиля, избранного им жанра философского романа.

Так неизвестные страницы Франса не раз и не два подталкивают нас к пересмотру всего творчества писателя, ибо и сам «известный» Франс в такой ли уж мере известен?

Валентина Дыникова

ПУШКИН

Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в шести томах выходит в ГИХЛ под общей редакцией Д. Бедного, А. Луначарского, В. Соловьева и старых, недавно умерших пушкинovedов П. Сакулина и П. Щеголева. Издание это целиком покрыто подпиской и в розничную продажу не поступает. Оно содержит текст всех произведений писателя, в том числе и не окончательно обработанных и сохранившихся в черновиках. В этом смысле издание это является первым полным собранием сочинений Пушкина, выпускаемым по доступной для широких масс цене (10 р. за 6 томов в коленкоровых переплетах). Три тома этого издания уже вышли, четвертый печатается. Первый и второй томы под редакцией М. Цявловского содержат стихотворения, третий — под редакцией С. Бондали, Б. Томашевского и П. Щеголева — повести и драмы, четвертый — «Евгения Онегина», повести, прозаические отрывки и «Путешествия в Арзрум» и пятый том — критику, историю, отрывки из писем, заметки и автобиографию. Этим, пятым, томом завершится собрание сочинений самого Пушкина. В шестом томе будет дан обширный комментарий в форме энциклопедии пушкинского творчества; он явится как бы «путеводителем по Пушкину» с разъяснениями общего характера, социальной природы творчества поэта и т. д.

Издание это — не академическое. Большое, академическое, двенадцатитомное издание полного собрания сочинений Пушкина стоит на ближайшей очереди, в зависимости от условий бумажного рынка. В это издание войдут рукописные варианты к беловым текстам, пушкинские записи народных песен, собранные поэтом документы истории Пугачевского бунта и история пушкинских текстов.

ТОЛСТОЙ

Совершенно исключительное место занимает в продукции ГИХЛ юбилейное издание (1828—1928) полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Издание это рассчитано на 90 с лишним томов. Осуществляется оно на основании постановления СНК СССР от 24 июня 1925 г. под наблюдением Государственной редакционной комиссии в составе В. Д. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского и М. Н. Покровского под общей редакцией В. Г. Черткова, возглавляющего многочисленный редакторский комитет. Помимо об-

щезвестного текста произведений Толстого в издание входит богатый, впервые публикуемый материал, содержащий в себе отдельные произведения, наброски, отрывки, а также варианты и откинутые автором сданы к уже изданным произведениям. Издание впервые дает полный критически-выверенный текст всех писаний Толстого, начиная с юношеских его произведений и кончая философскими статьями и дневниковыми записями последних лет его жизни. Произведения как художественные, так и теоретические займут 45 томов; дневники и записные книжки Толстого 1847—1910 гг. составят 13 томов; переписка его, включающая до 7 тыс. писем к разным лицам по самым разнообразным вопросам, — 30 томов. Указатели произведений, адресатов писем, собственных имен и хронологическая канва биографии Толстого составят три последних тома. Собрание по своим размерам будет не только единственным у нас, но и среди подобного рода изданий в других странах займет одно из первых мест. До сих пор вышло в свет 7 томов, а именно: т. I — «Детство», т. II — «Отрочество» и «Юность», т. V — произведения 1857—1860 гг. («Три смерти», «Альберт», «Семейное счастье» и др.), т. VI — «Казачи», тт. IX и X первые два тома «Войны и Мира» и т. XIII — «На каждый день», ч. 1-я.

В текущем году выйдут дальнейшие 6 томов; т. III — произведения 1852—1856 гг. («Набег», «Рубка леса», «Записки маркера», «Метель» и др.), т. IV — «Севастопольские рассказы», «Утро помещика» и др., т. VII — «Поликушка», «Тихон и Маланья» и ранние драматические произведения, том XI и XII — «Война и Мир» (вторая половина романа) и один из томов писем.

ДОБРОЛЮБОВ

В 1936 г. исполняется 100 лет со дня рождения Н. А. Добролюбова. ГИХЛ отмечает эту юбилейную дату изданием полного собрания сочинений великого критика-демократа и революционера. Издание рассчитано на 10 томов по 30 листов в каждом; 250 листов отводится под текст Добролюбова, остальные 50 — на автобиографию, статьи, комментарии, указатели, варианты и т. п. В собрание войдет ряд забытых и совсем неопубликованных статей, рассказов, стихотворений и заметок Добролюбова, извлеченных из различных журналов и архивов. Сопровождающие тексты статьи и комментарии выяснят философские, социально-политические, лите-

ратурно-критические, эстетические и методологические взгляды критика, раскроют литературно-критическую практику Добролюбова и его отношение к отдельным писателям, например Пушкину, Тургеневу, Сологубу и ряду др. Специальные статьи будут посвящены Добролюбову как поэту, сатирику и педагогу. Издание будет богато иллюстрировано.

Работа рассчитана так, чтобы собрание полностью вышло к столетию со дня рождения критика. В настоящее время закончен сверкой и подготовлен к печати текст четырех томов. В ближайшее время будут закончены статьи и комментарии для первых двух томов. Издание выходит под редакцией П. И. Лебедева-Полянского.

БАКУНИН

Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев приступило к изданию полного собрания сочинений и писем М. А. Бакунина под редакцией Ю. М. Стеклова. Издание рассчитано на 12 томов, ориентировочно по 25 печ. листов каждый. Это будет самое полное из всех изданных до сих пор собраний Бакунина. Сюда войдет: 1) все, что было напечатано из сочинений и писем М. А. Бакунина на русском и иностранном языках в России и за границей отдельными изданиями, в журналах, газетах, книгах и т. п.; 2) все, что удалось извлечь из трехтомной литографированной биографии Бакунина, составленной известным немецким бакуниноведом Максом Неттлау; 3) все, что пока удалось извлечь из европейских архивов различным исследователям и что было ими опубликовано; 4) все, что удалось найти в русских архивах: Октябрьской революции, Премучинском, Ленинградском историко-революционном, Историческом музее, Ленинской библиотеке, Ленинградской Публичной Библиотеке, в 6. Пушкинском доме, Институте Маркса—Энгельса—Ленина, а также у некоторых частных лиц. Издание будет богато иллюстрировано портретами Бакунина и его сподвижников, снимками с автографов различных документов и пр. Правда, это еще не будет исчерпывающее полным собранием произведений Бакунина. Нескольким писем и отдельным произведениям Бакунина пропали повидимому безвозвратно. Часть их еще не приведена в известность, находясь в руках отдельных лиц. Так например много ценных документов находится в распоряжении Макса Неттлау, до сих пор еще им не опубликованных и совершенно не использованных.

В настоящее время Ю. М. Стекловым сданы в производство три первых тома. Содержание их: том первый — догегелевский период 1828—1837 гг. (отрывок «Истории моей жизни» и 195 писем, здесь же предисловие Ю. М. Стеклова), том второй — период 1837—1840 гг. (содержит 179 документов, в числе которых 2 статьи о философии, а остальное — письма); том третий —

период 1840—1879 гг. (содержит 120 документов, среди которых брошюра «Русские дела», «Шаризм и германская революция» и «Письма»).

В Государственном издательстве выходит второй том (725 стр.) трехтомного издания В. П. Полонским «Материалы для биографии М. А. Бакунина»¹. Том набран, сверстан, прокорректирован и ждет только бумаги, чтобы быть отпечатанным. В него включены материалы, документы, извлеченные В. П. Полонским из государственных архивов Праги, Дрездена и Вены. Материалы и документы этого тома в первую очередь дают представление о деятельности Бакунина во время Дрезденского восстания (обширные показания М. Бакунина и др. участников восстания, различные документы, второе воззвание Бакунина к славянам, переписка с разными лицами, обширная «политическая исповедь», как назвал Бакунин свое второе «защитительное» письмо адвокату и мотивы приговора. Далее идут документы, относящиеся ко времени заключения Бакунина в крепостях Кенигштейн и Ольмюц, письма к Бакунину его адвоката, переписка Бакунина с Матильдой и Адольфом Райхель, документы о преследовании Бакунина в Австрии.

К этим бумагам, извлеченным из иностранных архивов, присоединены материалы, извлеченные из ряда русских архивов — 6. III Отделения и министерства иностранных дел, касающиеся сибирской жизни Бакунина и его участия в польском восстании 1863 г. Среди последних имеются письма Бакунина и статьи его о России, напечатанные в Швеции, памфлет, составленный на Бакунина агентами III Отделения, но никогда не увидевший света, и дипломатическая переписка, касающаяся пребывания в Швеции, и некоторые другие документы.

В качестве приложения в этот же том включены прошения М. В. Буташевича-Петрашевского из Сибири. Мотивом для включения в книгу послужила необходимость реабилитировать память М. В. Буташевича-Петрашевского от легенды, пущенной в оборот Бакуниным и подхваченной некоторыми исследователями. Как известно, Бакунин написал, будто столы III Отделения ломают от доносов Петрашевского, которые он слал по начальству. Публикация подлинных «доносов» Петрашевского, какие имел в виду Бакунин, извлеченных из архива Восточной Сибири, кладет конец этой легенде.

¹ Первый том вышел из печати в 1923 г. (ГИЗ, М., 488 стр.), третий том — в 1928 г. (ГИЗ, М., 602 стр.) В первый том вошли материалы, извлеченные составителем из русских архивов бывшего III Отделения и морского министерства. Третий том, посвященный деятельности Бакунина в Интернационале, содержит главным образом материалы и переписку, опубликованные в европейской печати и впервые переведенные на русский язык, в том числе письма Ф. Энгельса к Куно и больше, наиболее существенные извлечения из работ Маркса и Энгельса против Бакунина.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Готовится к выпуску однотомник «Шестидесятники» со вступительной статьей Максима Горького. В сборнике будут представлены писатели-разночинцы 60-х годов, сыгравшие в истории русской литературы крупную роль, но оказавшиеся позднее «забытыми» и почти совершенно неизвестными массовому читателю наших дней. В это издание войдут избранные произведения Н. Успенского, В. Слепцова, Н. Помяловского, А. Левитова, М. Воронова, Ф. Решетникова, П. Якушкина и Н. Петрова. Текст каждого автора, входящего в состав однотомника, сопровождается кратким биографическим очерком и историко-литературным комментарием.

ЧЕХОВ

Полное собрание сочинений А. П. Чехова вряд ли будет закончено в этом году. Из 12 томов вышло 9. Издание это является повторением собрания сочинений Чехова, приложенных в 1929 г. к «Огоньку», только три последних, пока не вышедших, тома—«Остров Сахалин», «Из Сибири», фельетоны, записные книжки, дневники и неизданные произведения значительно дополнены. Кроме того ГИХЛ предполагает выпустить дополнительный 13-й том, содержащий избранную переписку Чехова. На очереди стоит вопрос об издании полного собрания писем в нескольких томах.

ГОРЬКИЙ

В связи с огромным спросом на произведения Максима Горького и предстоящим в 1932 г. (сентябрь—октябрь) 40-летием его литературной деятельности ГИХЛ определил план издания сочинений Горького и литературу о нем (на 1932 г.) в количестве 20 млн. листов-оттисков. Этот листаж позволит закончить к юбилейным дням выходящее ныне вторым изданием собрание сочинений, третий том «Клима Самгина» и обеспечит выпуск отдельных произведений Горького и литературы о нем.

БАЛЬЗАК

Предпринято собрание сочинений Оноре де Бальзака под редакцией А. В. Луначарского и Е. Ф. Корша. Собрание, включающее помимо главных произведений также и избранные письма Бальзака, рассчитано на 16 томов. Все произведения даются в новых переводах (М. А. Петровского, К. Г. Локса, С. В. Шервинского,

В. Н. Владимирова и др.) Каждый том помимо вводной статьи будет сопровождаться комментариями, где будут даны отзывы критики, высказывания самого Бальзака и реальные примечания. Из отдельных историко-литературных статей отметим: «Бальзак и мировая литература»—А. В. Луначарского, «Биография Бальзака»—И. М. Нусинова. «Поэтика Бальзака»—К. Г. Локса, «Бальзак и политика его времени»—В. П. Волгина и др. Издание богато иллюстрируется портретами, автографами, карикатурами на него различных художников и другими материалами.

В настоящее время закончена редакционная работа над томами: первым («Гобсек» и мелкие новеллы), седьмым («Величие и падение Цезаря Биротто»), восьмым («Блеск и ничтожество куртизанок»), тринадцатым («Темное дело») и пятнадцатым («Поиски абсолюта»).

ФЛОБЕР

Приступлено к изданию собрания сочинений Густава Флобера в 10 томах под редакцией А. В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольца. Произведения Флобера даются здесь в новых переводах. Тексты помимо обширных историко-литературных и реальных комментариев сопровождаются большим количеством статей исследовательского характера («Творческая теория и стиль Флобера как единство»—М. Д. Эйхенгольца, статья Ю. И. Данилина о корреспондентах Флобера: Ле Пуатвене, Буйле, дю-Кане, Луизе Колле и др.). Впервые в русском переводе появятся письма Флобера, которые составят VII и VIII томы собрания («Избранная переписка»). В настоящее время закончена редакционная работа над первым томом, куда входит «Госпожа Бовари» (в переводе А. И. Ромма), и сдан в производство т. VII, содержащий письма Флобера 1831—1853 гг.

ГЮГО

Ведется работа над изданием десяти томного собрания сочинений Виктора Гюго. Общий объем издания рассчитан на 300—350 листов. В него войдут: важнейшие романы и театральные пьесы, публицистические и критические произведения, в том числе и непереводившийся на русский язык трактат о Шекспире, лучшие путевые очерки и избранные стихотворения в новых переводах. Издание выходит под общей редакцией А. В. Луначарского и А. К. Виноградова при участии Б. В. Гимельфарба, Ю. И. Данилина, К. Г. Локса, Л. С. Некора и И. М. Нусинова.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О БАЛЬЗАКЕ (неизданная переписка Энгельса с Маргарэт Гаркнес). Предисловие Института Маркса—Энгельса—Ленина; послесловие Ф. Шиллера «Маркс и Энгельс о Бальзаке и реализме в литературе»	1
ЗАБЫТАЯ СТАТЬЯ ПОЛЯ ЛАФАРГА О РОМАНЕ ЗОЛЯ «ДЕНЬГИ» Предисловие В. Гоффеншефера «Поль Лафарг о реализме и натурализме»	15
НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ» Предисловие Л. Каменева «Маркс о Флеровском»; комментарии Л. Добровольского	55
«РАБОЧИЙ» — РОСТОВСКИЙ ЖУРНАЛ 1883 г. Предисловие В. Невского «По дороге к марксизму»; послесловие С. Валька «Журнал ростовских рабочих».	75
ЛЕОНИД АНДРЕЕВ О «ЛИТЕРАТУРНОМ РАСПАДЕ» Предисловие А. Луначарского «Борьба с мародерами»; примечания С. Макашина.	101
ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ МАЯКОВСКОГО 1913—1915 гг. (I. Театр, кинематограф, футуризм. II. Уничтожение кинематографом «театра», как признак возрождения театрального искусства. III. Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству. Что несет нам завтрашний день? IV. Живопись сегодняшнего дня. V. Два Чехова. VI. Теперь к Америкам! VII. И нам мяса! VIII. Не бабочки, а Александр Македонский. IX. Как бы Москве не остаться без художников. X. Поэзовечер Игоря Северянина. XI. Бегом через вернисажи. XII. О разных Маяковских) Предисловие Е. Усиевич «Путь Маяковского»; комментарии В. Тренина и Н. Харджиева	117
«РУССКАЯ ВОЛЯ», БАНКИ И БУРЖУАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА Публикация Ю. Оксмана	165

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА ГЕГЕЛЯ (к столетию со дня смерти философа)

Обзор С. Лившица 186

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Обзор М. Эйхенгольца 209

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ В РОССИИ

Обзор М. Клемана 235

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ АНАТОЛЯ ФРАНСА

Обзор Валентины Дынник 249

ХРОНИКА 262

В НОМЕРЕ 82 ИЛЛЮСТРАЦИИ

КНИГА ОТПЕЧАТАНА ПОД ОБЩИМ НАБЛЮДЕНИЕМ

Заведующего технической частью

И. В. ГОРЮНОВА

Заведующего производством

К. Д. РУМЯНЦЕВА

Заведующего наборным отделением

А. Е. ФИЛИНОВА

и его помощников

В. А. ВОЛОДИНА и В. Д. ГЕРАСИМОВА

Заведующего печатным отделением

Н. Г. ЗУЕВА

и его помощников

И. С. ГРАЧКОВА и М. Ф. МУХАНОВА

печатных мастеров

И. В. АНИКЕЕВА, А. С. АРТАМОНОВА и В. С. ЗАВРАЖНОГО

Заведующего брошировочным отделением

И. Г. БУЛАТОВА

и его помощников

Е. Я. АЛЕКСЕЕВОЙ и С. И. ШМЕЛЕВА

Заведующего отделением технического контроля

П. Я. СИБИРЯКОВА